

Иванов Владимир Александрович
доктор исторических наук,
профессор кафедры
Отечественной истории
Башкирского государственного
педагогического университета
им.М.Акмудлы

Гарустович Геннадий
Николаевич
кандидат исторических
наук, старший научный
сотрудник отдела археологии
Института истории, языка
и литературы Уфимского
научного центра РАН

Пилипчук Ярослав Валентинович
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Отдела
Евразийской степи Института
Востоковедения им.А.Е.Крымского
НАН Украины

Средневековые кочевники на границе Европы и Азии

Уфа 2014

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАШКИРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.М.АКМУЛЛЫ» (ФГБОУ ВПО «БГПУ им.М.Акмуллы»)

В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович, Я.В.Пилипчук

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Уфа 2014

УДК 903.5 (57)

ББК 63.444 (2)

И20

Печатается по решению функционально-научного совета Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы

Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.

Средневековые кочевники на границе Европы и Азии [текст]:
коллект. монография / В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович, Я.В.Пилипчук. Уфа:
Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.

В монографии на основании комплексного анализа археологических и письменных источников рассматривается этнокультурная и этнополитическая история кочевников эпохи средневековья – огузов, печенегов, кыпчаков/половцев – в течение X – XIV вв. последовательно заселявших степи Заволжья и Южного Приуралья. Книга предназначена для историков, археологов, студентов исторических факультетов вузов России и зарубежья.

**Под общей редакцией доктора исторических наук, проф.
В.А.Иванова**

ISBN 978-5-87978-891-4

©Издательство БГПУ, 2014

© Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (В.А.Иванов).....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОЙ СТЕПИ: ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА (В.А.Иванов).....	8
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ, ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ И ЗАВОЛЖЬЕ (Г.Н.Гарустович).....	24
ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРОПЕЙСКО-АЗИАТСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ КАК ЭТНОМАРКИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК И СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (В.А.Иванов).....	118
ГЛАВА 4. КОЧЕВНИКИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Г.Н.Гарустович, В.А.Иванов).....	171
ГЛАВА 5. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ В IX – XIV вв. (Я.В.Пилипчук).....	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	284
ЛИТЕРАТУРА	291
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	334
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	336
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	374

*Светлой памяти учителя
Светланы Александровны Плетневой,
коллег Андрея Геннадьевича Атавина
и Виталия Александровича Демкина,
друга Владимира Петровича Костюкова –
замечательных ученых, внесших неоценимый
вклад в изучение археологии и истории
средневековых кочевников, посвящают авторы
эту книгу*

Введение

Области Урало-Поволжья занимают особое место на карте нашей Родины, объективно являясь промежуточной территорией, своеобразным связующим звеном, восточных и западных регионов огромной страны. В этническом плане данный регион также выделяется многообразием проживающих здесь народов, относящихся к самым разным языковым группам – тюркской, финно-угорской, славянской. Всю южную периферию большой Волго-Уральской области занимают степи и полупустыни, составляющие часть Великого пояса степей Евразии, и издревле ставшие местом формирования и расселения многочисленных народов, использовавших подвижные формы скотоводства, первоначально, индоиранских, а позднее – тюркоязычных и монголоязычных.

В эпоху средневековья через эти земли на запад двигались многочисленные кочевые племена, оставляя на пути своего пребывания следы в виде многочисленных курганов. Ландшафтно-экологическая специфика региона позволила специалистам сформулировать термин «урало-каспийский коридор», подчеркивающий меридиональные пределы и

промежуточность рассматриваемых нами территорий. Однако нам известно, что лишь часть номадов в своем стремлении на запад, в благодатные степи Северного Причерноморья, быстро миновала данные области. Многие этнические группы задерживались здесь на несколько столетий. Был в истории период, когда земли Заволжья считались центром великой средневековой империи, называемой русскими книжниками «Золотой Ордой». В те годы здесь вершилась история народов всей Восточной Европы, и решались судьбы соседних государств.

За прошедшие столетия исчезли грозные племена печенегов, огузов, кыпчаков, канули в лету Хазарский каганат и Улус Джучи, но следы их в мировой истории остались, также как сохранились в степи древности этих народов. Целью нашей работы является рассмотрение того вклада, какой сумели внести в этногенез и культурогенез современных народов региона эти, некогда сильные этнические образования.

За последние 50 лет в нашей стране значительно возрос интерес к проблемам номадизма, увеличилось внимание специалистов к вопросам изучения истории средневековых кочевников. За эти прошедшие десятилетия происходило совершенствование организационных структур региональной исторической науки, расширялись объемы археологических исследований. Как следствие этого, в наши дни многократно возрос объем источниковой базы по археологическим памятникам средневековых кочевников.

Объектом нашего исследования являются 787 погребальных комплексов, которые относятся к трем хронологическим группам кочевников средневековья. К первому периоду: IX – первой половине XI вв., относятся памятники огузо-печенежского времени. Во второй период включены захоронения второй половины XI – начала XIII вв., считающиеся древностями кыпчаков домонгольского периода. И третий период – начала XIII – середины XIV вв. – составляют языческие древности золотоордынской эпохи. Памятники второй половины XIV – начала XV вв., то есть

заключительного этапа существования Золотой Орды, которые характеризуются наличием элементов, продиктованных законами шариата (т.е. мусульманские погребения), мы не рассматриваем из-за их малой информативности в контексте сформулированной нами темы.

Территориальные рамки привлекаемого нами материала включают степи Заволжья (Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей); южные пределы Самарской, Челябинской областей, а также Республики Башкортостан; Оренбуржье и западные области Казахстана (Актюбинская, Западноказахстанская). В виде сравнительного материала и в качестве аналогий мы привлекаем комплексы сопредельных территорий степей Евразии (от Дуная и до Алтая).

Появление в нашем регионе многочисленных научных центров и поступательное развитие вузовской науки способствовали выходу серии печатных изданий и подготовке диссертационных исследований по избранной нами теме. Однако в статьях, большей частью, материалы лишь вводятся в научный оборот и в них решаются частные вопросы истории номадизма (этнические проблемы, хронология, военное дело и т.д.). Кроме того, опубликованные работы ограничены территориальным аспектом. За последние десятилетия нашли практическое решение проблемы хронологии и периодизации кочевнических древностей. Уже не вызывают споров многие другие вопросы истории скотоводов степного региона. Пожалуй, лишь по реалиям этнической истории древних и современных народов региона продолжают возникать активные дискуссии. Видимо, настало время взглянуть на проблему шире, с максимально большим охватом комплекса материалов и с использованием всей источниковой базы региона.

С нашей точки зрения, решение таких масштабных проблем возможно исключительно на основе использования методов математической статистики, информативность которых много лет не вызывает сомнений в российской науке и которые уже давно не являются новыми. Наши научные

обобщения археологических комплексов Урало-Поволжья следует рассматривать как продолжение работ таких российских ученых, как Г.А.Федоров-Давыдов и С.А.Плетнева. В настоящее время мы имеем реальную возможность сравнивать наши комплексы с хорошо известными источниками из Южной России и степной части Украины.

Авторы выражают искреннюю признательность друзьям и коллегам-археологам за возможность использовать отдельные неопубликованные материалы.

Глава 1. Историческая ретроспекция Урало-Поволжской степи: ландшафтно-климатическая и этнокультурная динамика

Традиционно, Урало-Поволжский регион – это пограничная с Азией часть Восточной Европы, расположенная между 48° и 60° северной широты и 48° и 60° восточной долготы. По современному ландшафтному районированию Урало-Поволжский регион располагается в пяти ландшафтных зонах:

- подзоне южнотаежных темнохвойных лесов;
- подзоне широколиственно-темнохвойных лесов Русской равнины;
- широколиственных лесов Русской равнины (в этих же подзонах находятся территории Среднего и Нижнего Прикамья);
- подзоне лесостепи Русской равнины (волго-икско-демское междуречье);
- подзоне северных степей Русской равнины (Атлас СССР, 1962. С.88-89) (рис.1).

Южное Зауралье – юго-восток современного Башкортостана и Челябинская область – зона лесостепи и степи. Климат – резко выраженный континентальный с широким колебанием его параметров с запада на восток – от переувлажненности до засушливости (Историко-культурный..., 2007. С.18, 28-29).

Почвенная карта региона (как известно, почвы формируются не одну сотню лет: скорость формирования чернозема в условиях Среднего Поволжья – 0,8-0,9 см в столетие (Дергачев, Васильева, 2003. С.316) указывает, что это ландшафтное районирование существовало задолго до наших дней (Атлас СССР, 1962. С.84-85). Что же касается современного ландшафта, в том его виде, в каком он наблюдается сейчас, то карты

позапрошлого века свидетельствуют о том, что это – результат действия антропогенного фактора в последние 250-300 лет (Кузеев, 1968).

Так как объектом нашего исследования являются памятники средневековых кочевников региона, локализующиеся в пределах Урало-Поволжской степи, считаем необходимым коротко осветить климатологическую и ландшафтную историю этой зоны в ретроспективном плане, опираясь при этом на современные физикогеографические характеристики, данные специалистами, собственные наблюдения, накопленные за период с 1980 – 1991 гг. (время работы археологических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР под руководством В.А.Иванова, Г.Н.Гарустовича и В.А.Кригера) и результаты исследований современных специалистов-почвоведов.

Северная граница зоны Урало-Волжских степей, по данным на середину 1950-х годов, проходит по правобережью р.Уй в Челябинской области, междуречью Урала и Сакмары в их верховьях (включая крайний юго-восток современного Башкортостана), верховьям Демы и Ика и южному плечу Самарской Луки (рис.1).

Ниже мы приводим физикогеографическое и климатологическое описание рассматриваемого региона в его современном состоянии. Правда, читателя не должно удивлять, что это "современное состояние" мы приводим на основании литературы 1950-х годов. Делается это не случайно. Исследования, на которые мы будем ссылаться ниже, относятся к временам, когда Урало-Поволжская степь ещё не являлась «покоренной целиной» и значительно по своему ландшафтному облику и природному состоянию отличалась от той степи, которую мы увидели 30 лет спустя. И, конечно же, количество визуально фиксируемых курганов средневековых кочевников в той степи заметно отличалось от того, что застали мы. Другой вопрос, что целенаправленного поиска этих памятников в те времена не проводилось.

Если входить в регион с востока (что и делали средневековые кочевники), то первыми на пути оказываются *южные степные районы современной Челябинской области (пятая ботанико-географическая зона по номенклатуре А.Г.Сыроева)*. Это – характерные ковыльно-разнотравные черноземные степи с преобладанием ковыльной, типчаковой и полынной флоры. Древесной растительности здесь крайне мало, главным образом, по понижениям и долинам рек. Речная сеть развита слабо, а существующая при незначительном относительном уклоне имеет мало воды. В связи с недостаточностью питания верховья рек часто пересыхают (Сыроев, 1959. С.178-180).

Зона отличается достаточно теплым и умеренно-засушливым климатом. Господствующей воздушной массой здесь является воздух, который формируется над пространствами Центральной Азии и содержит мало влаги: зимой он очень холодный, летом теплый. Летом сюда поступает из Средней Азии и Казахстана континентальный тропический воздух, характеризующийся высокими температурами, низкой относительной влажностью, большим дефицитом влаги. С притоком этого воздуха устанавливается жаркая, сухая погода, в отдельные годы бывают засухи и суховеи.

Максимум осадков приходится на теплый сезон, в течение которого выпадает 70-75% годовой суммы. Продолжительность периода активной вегетации – более 135 дней (с 5-11 мая по 14-18 сентября). Сумма осадков за год составляет в среднем 330-404 мм. Устойчивый снежный покров незначительной мощности (18-22 см) в предгорной степной части области устанавливается в середине ноября и сохраняется 140-150 дней. Равнинная часть степной зоны отличается более теплым и засушливым климатом. Период активной вегетации составляет около 140 дней (с 5-7 мая по 18-20 сентября). За вегетационный период выпадает 160-210 мм осадков. В степях Зауралья существует прямая зависимость между количеством выпадающих

осадков и продуктивностью травостоя. Наибольшая продуктивность степной растительности отмечается в середине июня с последующим понижением до конца августа. На август приходится период летнего полупокоя степи, при котором травостой почти полностью выгорает. На равнинной части зима малоснежная и морозная. Продолжительность зимы около 140 дней. Высота снежного покрова обычно около 20-30 см (в понижениях рельефа до 40 см), а среднее количество осадков 125 мм (Степи Челябинской области...) (рис.2).

Пятая ботанико-географическая зона юга Челябинской области плавно перетекает в зону *Зауральской степной провинции* (по номенклатуре Ф.Н.Милькова), занимающей восток Оренбургской области, или Урало-Тобольский водораздел. Выдвинутые на восток и закрытые от прямого влияния атлантических циклонов горами Южного Урала, степи восточного Оренбуржья характеризуются сухим и континентальным климатом. Зима здесь продолжительная и холодная, снежный покров маломощный. Лето жаркое с продолжительными и знойными суховеями. Подавляющая часть территории провинции относится к степной ландшафтной зоне, лесов здесь практически нет. Флора представлена разнотравно-типчako-ковыльными и типчako-ковыльными растениями. Здесь много солонцеватых почв, солонцов и солончаков (Мильков, 1951. С.49-57).

В зимнее время вся Оренбургская область, так же, как и юг Челябинской, находится под влиянием области высокого давления, формирующейся вследствие сильного охлаждения материка над территорией Монголии и Сибири. С территории Монголии область высокого давления в виде полосы, направленной на запад, простирается через территорию Казахстана до юга Русской равнины и далее. Летние антициклоны, господствующие над оренбургскими степями, имеют западное происхождение и приносят со стороны Средиземного моря тропический воздух, а вместе с ним приходит тепло, но мало влаги. С западными и юго-западными теплыми потоками летом успешно соперничают горячие и сухие

ветра из Казахстана и Средней Азии, приносящие в Оренбуржье настоящее дыхание пустынного климата. Отсутствие высоких горных хребтов, которые могли бы служить препятствием, делает возможным значительные вторжения на территорию Оренбуржья как очень холодных масс воздуха с севера, так и сухих и жарких воздушных потоков с юга. Поэтому количество осадков в теплое время года здесь не превышает 200 мм. Так что характерной чертой климата этой зоны является его засушливость. Низкая обеспеченность оренбургских степей влагой часто приводит к засухе. В течение XX столетия в северо-западных районах области сильные и средние засухи наблюдались один раз в 3-4 года, а в южных районах один раз в два-три года ¹.

Начальный период вегетации степных растений – с 10 по 27 апреля. За это время освобождаются ото льда водоемы, оттаивает и просыхает почва на полях, зацветают ранцветущие растения. Основной этап весенней вегетации – от появления листвы на березе (27 апреля) до цветения черемухи и вишни (11-15 мая). В степи в это время быстро идут в рост злаки: мартуки и мятлики. Завершающий этап весенней вегетации отмечается разгаром цветения, интенсивным ростом деревьев, кустарников, трав, полным развертыванием листвы, окончанием весенних миграций птиц. Степь постепенно покрывается седыми волосами ковылей. Набирает цвет степное разнотравье.

К началу июля ковыль полностью отцветает, степь начинает выгорать, на ее фоне выделяются цветущие головки чертополоха, синие шары мордовника, темно-коричневые цветы нонеи. В августе степь полностью желтеет, лишь редкие растения продолжают вегетацию. Такой облик она сохраняет до середины сентября (Чибилев, 1995). Последний факт, применительно к районам Башкирского Зауралья, восточным и центральным районам Оренбургской области, Общему Сырту и степям Западного

¹ Сведения, подтвержденные беседами с руководителями Беляевского райкома КПСС и Беляевского райисполкома во время экспедиции 1985 года.

Казахстана авторы этих строк наблюдали на протяжении всех десяти лет их полевых изысканий в перечисленных районах (рис.3).

Восточная излучина р.Урал в районе г.Орска отделяет Зауральскую степную провинцию от *Предгорной лесостепной и степной*. Это территория в центральной части современной Оренбургской области, где русло Урала как бы рассекает Южноуральский горный хребет и продолжающие его низкие горы Мугоджары. Сильно расчлененный предгорный рельеф, возвышающийся над уровнем моря на 300 метров и более. Это сказывается на характере климата данной провинции: на возвышенных сыртах летние температуры воздуха понижены, продолжительность снежного покрова увеличивается. Почвы и растительность крайне разнообразны. Предгорная березово-дубовая лесостепь с тучными и оподзоленными черноземами и темно-серыми лесными почвами на юге провинции граничит с типчаково-ковыльной степью на малогумусных (южных) черноземах. Вследствие сильной расчлененности рельефа широко представлены щебенчатые степные участки с растительностью, характерной для каменистой степи.

Особое место в Предгорной лесостепной и степной провинции занимает *Саринский Сакмаро-Губерлинский водораздельный район*. Это возвышенная (350-500 м) гладкая степная равнина на правом берегу р.Урал между городами Орск и Медногорск. В северной ее части – лесостепь, на юге и юго-востоке – разнотравно-типчаково-ковыльная степь (сейчас, правда, полностью распаханная). Значительная абсолютная высота вызывает здесь понижение летних температур воздуха и способствует повышенному выпадению осадков. Средняя температура воздуха в июле не выше 20. Осадков за теплый период выпадает до 250 мм и более. Зима холодная, но с достаточно мощным (до 40 см) снежным покровом (Мильков, 1951. С.47 и сл.). Гидросистему здесь образуют реки Урал, Сакмара и Сухая Губерля с узкими и залесенными поймами, являющиеся естественными границами данного района.

По левобережью р.Урал в южной части Предгорной лесостепной и степной провинции начинается волнисто-увалистая равнина с абсолютными отметками до 400 м и выше, простирающаяся на юг и юго-запад вдоль западных склонов Мугоджар до верховьев р.Эмба более чем на 350 км. Климат здесь типично степной, континентальный. В среднем за период с апреля по сентябрь – около 10 дней с суховеями. Вода в степных реках – Бурлы, Урта-Буртя, Киялы-Буртя, Темир – солоноватая. Многие из них к середине лета пересыхают. Растительность типчако-ковыльная на малогумусных (южных) черноземах (Мильков, 1951. С.46).

Западнее, в междуречье Урала и Илека, рельеф местности начинает понижаться, переходя в пределах Оренбургской области в *Предуральскую степную сыртовую провинцию* (по Ф.Н.Милькову) с абсолютной высотой не более 200 м, а в пойме р.Урал – и ниже 100 м. Режим атмосферных осадков в провинции во многом определяется Общим Сыртом, который препятствует ее увлажнению западными потоками воздуха. Поэтому атмосферных осадков здесь выпадает мало – не более 300 мм в год. Лето жаркое, зима холодная. Зимой часто случаются бураны, летом суховеи. Средняя повторяемость суховеев за период с апреля по сентябрь более 10 дней. В почвенном покрове провинции преобладают малогумусные (южные) черноземы, на правобережье р.Илек переходящие в темнокаштановые почвы. Довольно часто встречаются здесь солонцы, а по долинам рек (в частности – Илека) – солончаки (рис.4).

Господствующим растительным ландшафтом провинции являются типчаково-ковыльные степи. Лесов, кроме пойменных по долине Урала и нижнему течению рек Сакмары и Илека, нет.

Южнее Илека Предуральская степная провинция плавно перетекает в *степи Западного Казахстана*, заканчивающиеся Прикаспийской низменностью. В физико-географическом отношении Западный Казахстан находится на стыке Европы и Азии и является их связующим звеном. Такое

расположение, между сравнительно влажными восточно-европейскими степями и знойными пустынями Средней Азии, обусловило резкую континентальность и чрезмерную засушливость климата, преобладание на большей части обширной территории пустынь и полупустынь.

Осадков здесь выпадает крайне мало. Только северные части Актыбинской и Уральской областей получают около 300 мм осадков в год. На остальной территории района количество их не превышает 200 мм. Меньше всего осадков в низовьях Урала, Эмбы (150-175 мм) и на Устюрте (75-100 мм). К тому же в течение двух наиболее жарких летних месяцев (июль-август) здесь выпадает лишь около 25 мм осадков, тогда как на севере района это количество увеличивается вдвое. Летом преобладает ясная, сухая погода. Общее число дней с осадками по месяцам колеблется от 3 до 8-10. В целом же осадков летом выпадает очень мало, и они носят ливневый характер. Часто дуют суховеи, иногда в течение одного месяца бывает 25 дней с суховеями.

Зима длится с конца октября до середины марта. Только на севере – в районе Уральска и Актыбинска – снежный покров достигает 30 см толщины, на остальной территории он не превышает 15-20 см и сохраняется 4-4,5 месяца. Однако метели и сильные ветры сдувают снег в низины, оголяя равнины. А это приводит к глубокому промерзанию почвы. Зимой часты оттепели, которые с наступлением морозов приводят к гололедице. Вегетационный период длится 180-270 дней. Флора отличается пестротой растительного покрова. Каждая часть территории – приморская, дельты рек, степная зоны и зона песков – характеризуются своими растительными сообществами. В придельтовых участках преобладает луговой тип, а в центральной части – пустынный.

Речная сеть Западного Казахстана развита слабо. Хотя на территории региона насчитывается 85 тыс. рек, но крупных среди них не наберется и двух десятков. Это – Урал с притоками Орь, Илек, Шынгырлау, Барбастау,

Солянка и Шаган. Менее значительны – Эмба, Сагыз, Ойыл (Уил), Иргиз, Большой и Малый Узени (Узени), Шыжа Первая, Шыжа Вторая и Дюра. Большинство рек Западного Казахстана имеют сезонный характер и текут только во время весеннего половодья. За это время они сбрасывают от 80% до 90% своего годового стока и летом превращаются в цепь бессточных плесов (Природа Западного Казахстана...). Последнее авторы этих строк наблюдали на реках Эмба, Уил, Сагыз во время полевых экспедиционных работ 1985 – 1986 гг.

В географическом и климатическом отношении степи Западного Казахстана образуют единое целое с орографической и геоморфологической областью Сыртового Заволжья и примыкающей к ней с юга плоской морской равниной Прикаспийской низменности. Рельеф Сыртового Заволжья определяют речные долины, между которыми располагаются широкие водоразделы – увалы или сырты с пологими и округлыми склонами (рис.6). Наиболее крупными реками Заволжья являются впадающие в Волгу Большой Иргиз с притоками Камеликом и Сестрами, Малый Иргиз и Еруслан с Торгуном, а также реки Большой и Малый Узени, уходящие в Западный Казахстан. Характерной особенностью этих и других более мелких рек является то, что питание их происходит главным образом за счет атмосферных, а не грунтовых вод. Весной, когда выпадают дожди и тает снег, они имеют высокий паводок и образуют сплошной поток, а летом в большей части своего течения пересыхают и разбиваются на отдельные водоемы (Нижнее Поволжье..., 1948. С.32).

Прикаспийская низменность – это покатая к югу плоская равнина с абсолютной высотой 50 м на севере и 27 м на юге. Расположена в зоне полупустыни с минимальным количеством дождей. Прикаспийская низменность почти лишена рек и представляет собой плоскую, как стол, равнину, с глинистой почвой, покрытую сильно разреженной пустынно-

степной солончаково-полынной растительностью (Нижнее Поволжье..., 1948. С.35) (рис.5).

Климат Нижнего Поволжья выраженный континентальный. Для него характерно знойное сухое лето с преобладанием ясной погоды и частыми засухами и холодной малоснежной зимой, погода которой определяется азиатско-сибирским антициклоном, проходящим и над Южным Приуральем и Западным Казахстаном. Толщина снежного покрова в Нижнем Поволжье невелика – 100-150 мм. Снег ложится в третью декаду ноября и лежит 120-140 дней. В связи с частыми оттепелями снежный покров, особенно в южной части Нижнего Поволжья и в дельте Волги неустойчив. За три зимних месяца – декабрь-февраль – фиксируются до пятнадцати дней с оттепелями, начисто сгоняющими снег. На территории Прикаспийской низменности нередки гололедицы, являвшиеся бедствием для скота.

Весна в Нижнем Поволжье начинается рано (уже в конце февраля в южных районах бывают дни с плюсовой температурой воздуха) и протекает быстро. Осадков в весенние месяцы выпадает мало и питание растительности идет за счет зимних запасов влаги в почве. Благодаря этому травянистая растительность нижеволжских степей развивается быстро и уже в начале лета начинает сохнуть.

Лето жаркое с устойчивой сухой, солнечной погодой. Количество осадков в летние месяцы неравномерно – от 170 мм на севере региона до 50 - 60 мм на юге. Для лета характерны большая сухость воздуха и почвы. Зимний запас влаги в почве быстро испаряется и почва во второй половине лета полностью иссушается. Вследствие большой сухости воздуха с открытой поверхности водоемов испаряется значительное количество влаги, чем и объясняется летнее обмеление и пересыхание рек и озер (Там же. С.48-51).

Засушливый климат является главной причиной обезлесения нижеволжских степей и преобладания в них травянистой растительности.

Господствующей растительностью степей Сыртового Заволжья является разнотравно-типчаково-ковыльная. По логовам и лощинам нередко встречаются заросли кустарников (шиповник и жимолость) и древесная растительность из дуба, клена татарского, береста и яблони. В полупустынях Прикаспийской низменности большое распространение имеют полукустарнички: полыни, ромашник, прутняк, камфоросма, кокпек. Весьма характерны для полупустыни эфемеры и эфемероиды-однолетники. Эти растения развиваются из семян очень быстро и при первых же теплых днях цветут, плодоносят и в мае уже заканчивают свое кратковременное, эфемерное существование. Это – рогоплодник, бурачки, крупки, из злаков однолетние костры, мортуки и др. (Там же. С.76 и сл.).

Древесная растительность в степной зоне Нижнего Поволжья имеет ничтожное распространение. Главным образом, это речные поймы, где растут дуб, вяз, тополь, осокорь и многочисленные виды ив. Встречаются также осина, ольха, берёза, ильм, клён татарский, крушина, жимолость, боярышник, терн, яблоня, груша, черёмуха, шиповник, смородина, ежевика, барбарис. Наиболее распространенный тип пойменных заливных лугов – злаково-крупноразнотравные. Они отличаются большой производительностью (до 70 ц сена с га), но низкой кормовой ценностью. В Волго-Ахтубинской пойме и Дельте Волги значительное распространение имеют луга, заросшие качественным в плане питательной ценности, но низким травостоем, состоящим из пырея, крестовника, лапчатки, подорожника, осота полевого и др. Они обладают высокой питательной ценностью, но не пригодны для сенокосения (Там же. С.92 и сл.).

Таким образом, если обозреть Урало-Поволжские степи со «спутниковой орбиты», то картина получается в общем-то однообразная. Это огромная равнина площадью 750500 км², понижающаяся с востока на запад с перепадом абсолютных высот от 400 м в восточной части до 50 м в юго-западной (Прикаспийская низменность). С мягким холмистым рельефом,

пересеченным балками и руслами степных рек. С выраженным континентальным климатом, засушливая и маловодная. Растительность разнотравно-типчачково-ковыльная; кустарниковая и древесная растительность встречается, главным образом, в поймах крупных рек – Урала и Волги. Там же находятся заливные разнотравные пойменные луга. Значительную часть территории занимают солонцы и солончаки.

В свое время Ф.Н.Мильков, характеризуя природу Чкаловской (Оренбургской) области, выделил несколько особенностей, отличающих оренбургские степи от других степных ландшафтов бывшего СССР. С известной долей допущения их можно распространить и на другие степные районы Урало-Поволжья. Во-первых, это более холодный и континентальный, по сравнению с Украиной и югом Русской равнины, климат, приближающий приуральские степи к суровым степям азиатской части Великого пояса степей Евразии.

Во-вторых, смешанный – западноевропейский, сибирский и отчасти среднеазиатский – характер растительности.

В-третьих, более богатые гумусом степные черноземы, гумусированные на 10-15% (Мильков, 1951. С.22 и сл.).

Наблюдаемая в настоящее время природно-климатическая ситуация в степях Урало-Поволжья позволяет выдвинуть «нулевую гипотезу» о наличии каких-то особенностей в расселении и освоении средневековыми кочевниками этих территорий. Но для того, чтобы проверить ее, необходимо обратиться к результатам палеоландшафтных и палеоклиматических исследований последних лет. И хотя они отрывочны и разрозненны в пространстве, тем не менее, определенные выводы они позволяют сделать.

Археологические памятники, с которых получены результаты палинологических и почвоведческих исследований, известны на территории Южного Зауралья (заповедник «Аркаим»), Оренбургской области (Каргалинский рудник, Покровские, Мустаевские курганы), Самарской Луки,

Мордовии (Лядинский могильник X – XII вв.), в Нижнем Поволжье (курганские могильники Ольховка, Гусевка, Племяхоз, Недоступов, Петрунинский, Костарево, Авиловский, Абганеровский, Аксай, Маляевка, Колобовка и др.). То есть, они, как сеть, хотя и редкой, покрывают всю интересующую нас территорию (рис.7).

Общий вывод специалистов – резких ландшафтных (и, надо полагать – климатических) изменений в регионе в течение последних 2,5-2 тысячелетий не происходило (Батанина, 2004. С.155; Мартинес-Наваретте, Висент-Гарсия, Лопес-Гарсия и др., 2005. С.91; Тезикова, 1975; Хохлова, 1996. С.66; Хохлова, Хохлов, 2005. С.58; Воронина, 2007. Приложение 2; Демкин, Демкина, Борисов и др., 2004; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010). Следовательно, та ландшафтная ситуация, которую мы наблюдаем сейчас и которая зафиксирована на имеющихся географических картах, без учета антропогенного воздействия последних двух столетий, имела место и в интересующий нас период, то есть, в I – первой половине II тыс. н.э.

Так, по результатам анализа почв с памятников хазарского периода Волго-Донского междуречья В.А.Демкиным и его коллегами сделан вывод о том, что в VIII – IX вв. рассматриваемая территория характеризовалась засушливым климатом, близким к современному (Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010. С.57). Однако для периода развитого средневековья (XI – XIV вв.) почвоведы отмечают смену засушливых условий почвообразования более гумидными. По их данным, в это время наблюдалось увлажнение климата, произошли заметные эволюционные преобразования почв, весьма существенно улучшилось их качество, возросло естественное плодородие. Среднегодовая норма атмосферных осадков была на 70–100 мм выше современной, увлажненные степи начинают наступать на юг, на полупустыни, которые превращаются в сухие степи. Наступает период «средневекового климатического оптимума», пик которого приходится на XIII век, и который уже в конце XIV века сменяется периодом очередной

аридизации климата, длящимся и по сей день (Якимов, 2004; Демкин, Дергачева, Борисов и др., 1998. С.148-157; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010. С.83).

Судя по таблице, опубликованной В.А. и Т.С. Демкиными, процесс этот шел по ослабевающей с запада на восток. В период с X в. наиболее продолжительные климатические изменения наблюдались в степном Приазовье и полупустынях Волго-Донского междуречья, Северного Прикаспия и Южного Приаралья, превратившихся в это время в сухие степи. На долготе Южного Урала и Приаралья процесс увлажнения степей ослабевает и далее на восток, в Зауралье и Северном Казахстане не фиксируется (Демкин, Демкина, электронный ресурс) (рис.8). Все это дает основание предполагать, что в данном случае имело место действие атлантических циклонов, которые, дойдя до Нижнего Поволжья, разбивались о гряду Ергеней, в ослабленном виде достигали долготы Урал-Арал, после чего затухали окончательно. Характерно, что для лесной полосы Евразии в это же время фиксируется режим пониженного увлажнения.

Следует отметить, что географическая статистика погребений средневековых кочевников (X – XIV вв.) в степях Урало-Поволжья хорошо укладывается в рамки предлагаемой палеоклиматической реконструкции.

В настоящее время в степях Заволжья и Южного Приуралья нами учтено 787 погребений рассматриваемого периода, хронологически распределяющихся следующим образом: 18,3% – погребения огузо-печенежского времени (X – первая половина XI вв.); 5,4% – погребения кыпчако-половецкого времени (XI – начало XIII вв.); 76,3% – погребения золотоордынского времени (XIII – XIV вв.).

Географически они распределяются так: памятники огузо-печенежского времени – в зоне Предуральской сыртовой степи и полынно-ковыльно-типчаковой степи Нижнего Поволжья. То есть, практически в одних и тех же

ландшафтно-климатических условиях (рис.9). Если применить пусть и очень простой и формальный, но и достаточно показательный метод исчисления плотности распространения погребений огузо-печенежского времени в степях Урало-Поволжья, то он составляет 1:4548 км².

Немногочисленные памятники кыпчакско-половецкого периода обнаружены в той же ландшафтной зоне, что и огузо-печенежские. Хотя несколько из них выявлены и в зоне Прикаспийских полупустынь (следствие начавшегося увлажнения степи?) (рис.10). Плотность их распространения в регионе 1:18304 км².

Совсем иную картину наблюдаем мы, обращаясь к памятникам золотоордынского времени (пик степного увлажнения). Во-первых, значительная часть из них, имеющая свою морфологическую специфику, о которой будет сказано ниже, локализуется на территории Зауральской степной и Предгорной степной провинций. Во-вторых, не менее значительная их часть выявлена в пределах полупустынь (тогда – сухих степей) Прикаспийской низменности. В-третьих, значительно большее, чем в предыдущие хронологические периоды, количество памятников выявлено на водоразделах и террасах малых степных рек, имеющих, надо полагать, в то время летний сток (рис.11). Плотность их распространения в регионе 1:1300 км².

При всей условности подобных расчетов, их результаты в известной степени (нам кажется, что в довольно большой степени) отражают реальную этнодемографическую ситуацию в Урало-Поволжских степях в эпоху средневековья.

Прямая связь динамики заселения кочевниками степей Урало-Поволжья в период X – XIV вв. с динамикой климатических изменений в регионе косвенно подтверждается географией распространения в Приуралье памятников «постпетрогоромского» и «чияликского» типов, этнически связываемых с носителями угорского этноса (Гарустович, Иванов, 1992;

Иванов, 2002. С.204-209). Ареал распространения этих памятников очень четко вписывается в пограничную зону между приуральской лесостепью и широколиственными лесами, включая территорию Волжской Булгарии домонгольского периода (рис.12).

По мнению исследователей, массовое проникновение и расселение носителей керамики постпетрогромско-чияликского типа на территорию Волжской Булгарии происходит в XII – XIII вв. (Казаков, 1992. С.247; Кокорина, 2002. С.88-90) – период пика гумидизации степей Южного Приуралья и, соответственно, пика аридизации лесов Северной Евразии (рис.8). Если учесть, что исходной территорией «постпетрогромско-чияликских» племен являлось лесное Прикамье и Предуралье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С.151), то их переселение в более южные районы логично вписывается в схему гумидизации степи и аридизации лесных пространств Европы в это время. В этих условиях лесостепная зона представляла собой наиболее оптимальный для лесных племен район обитания. И не случайно именно в это время наблюдается наивысший расцвет экономики и культуры Волжской Булгарии – государства полиэтничного, с многоукладным типом хозяйства.

Итак, поскольку динамичное развитие природно-климатической ситуации в степях Урало-Поволжья в исторический период едва ли может быть подвергнуто сомнению, дальнейшее рассмотрение этнокультурных процессов у кочевников региона и построение этноисторических реконструкций без учета этого обстоятельства с методико-методологической точки зрения едва ли имеет смысл.

Глава 2. История выявления и изучения памятников средневековых кочевников в Урало-Поволжском регионе

Период ознакомления с памятниками древности принято относить к донаучному или народному уровню раскопок. Он мало что оставил для науки, если, конечно, не считать массу разрушенных и разграбленных курганов. Как неоднократно подчеркивалось в исторической литературе, раскопки или осквернение могил "почиталось за крайнее беззаконие" и не было в традициях башкир и казахов (Кастанье, 1910. С.82), поскольку запрещались шариатом и нормами обычного права коренных народов региона. Кроме того, многочисленные глобальные этнические подвижки в постзолотоордынский период, во времена существования Улуса мангытов (Султанов, 1982), в процессе нашествия калмыков и т.д., не могли не нанести ущерба народной памяти о принадлежности и времени сооружения древностей уральских и западноказахстанских степей. Отсутствие знаний заменялось достаточно аморфными поздними легендами, курганы просто относились ко времени монгольского нашествия, или калмыцкой экспансии XVII – XVIII вв.

А курганов в восточноевропейской степи было огромное множество, вдоль берегов рек и озер, на водоразделах и вершинах невысоких холмов. В XIX веке Р.Г.Игнатъев писал: "количество их не поддается исчислению". Они были насыпаны в течение нескольких тысячелетий разными народами и имели самые различные размеры и формы.

Ситуация начала резко меняться в XVIII веке с образованием Оренбургской губернии. На Урале, Илеке, Ори, стали строиться крепости, города, возникать казачьи станицы и поселки переселенцев из центральной России. А на территории расселения уральских казаков – еще раньше. Казаки и русские крестьяне не испытывали ни страха, ни благоговения перед курганными захоронениями. Но зато они обладали значительным

любопытством и страстью к легкой наживе. Начался процесс разграбления курганов, и по мере увеличения числа переселенцев процесс этот нарастал. В конце XVIII – XIX вв. в него включились даже представители коренного населения (Кастанье, 1910. С.66; См. также: ТОУАК. Вып.14. С.196). Помимо грабительских раскопок, памятники в массовом количестве уничтожались при распашке земель и строительстве. Страницы описаний Оренбургской губернии пестрят сообщениями о выборке камня из насыпей курганов для фундаментов домов. На строительные нужды разбирали не только курганы и кирпичные мазары, но даже мусульманские мавзолеи (Рычков, 1949. С.154, 167-168; ТОУАК. Вып.14. С.198, 165; и др.). Во многих станицах фундаменты и печи в домах были сделаны из древнего кирпича квадратной формы. Не стоит особо говорить о том, что раскопки проводились варварскими методами.

В XIX – XX вв. возникали даже своеобразные промыслы по поставке курганного камня на строительство насыпей железных дорог (Кастанье, 1910. С.66; ТОУАК. Вып.23. С.76) и древесного угля из сарматских курганов для самоваров обывателей (ТОУАК. Вып.6. С.198; Вып.14. С.164-165; Вып.29. С.73; и др.), не говоря уже о прозаическом поиске кладов. Работали целыми артелями. В дореволюционный период подобную деятельность крестьян и казаков некому было остановить. Не было законов об охране памятников, а краеведам–любителям не хватало сил для этой работы. Представители так называемого "образованного общества" не составляли исключения. Помещики и чиновники сами копали курганы и часто побуждали к этому своих крестьян.

Уже во второй половине XVIII века казаки достаточно подробно описывали, какие вещи попадаются в курганах и на какой глубине, чем курганы отличаются друг от друга (см.: Паллас, 1773. С.334-335). Археологи давно заметили, что меньше всего разграблению подверглись маленькие средневековые курганы, поскольку они содержали в основном

безинвентарные мусульманские захоронения или вещи, не представляющие ценности для грабителей. Зато весьма сложно сейчас найти не ограбленный большой сарматский курган. Раскопщики знали, что именно в них можно встретить золото.

Сказанное не нужно понимать буквально. Мы лишь выявляем общую линию развития закономерности. Но, как известно, из любого правила имеются исключения. Вовсе не все переселенцы считали работы бугровщиков достойным делом, да и сами бугровщики занимались больше созидательным трудом, нежели "тревожили тени предков". Достаточно широкое распространение в народе получили различные суеверия, грозящие карами осквернителям могил. Например, в Челябинской области в разных местах записаны предания о "чудской царице Анне", которая являлась во сне раскопщикам и их близким и под страхом порчи или смерти требовала прекращения грабежей курганов (АИИМК, 1864. №21). Подобные страхи, в определенной степени, служили препятствием для доморощенных "любителей древностей".

Вообще-то, раскопки курганов очень старый промысел. И в погребениях, и на поселенческих памятниках эпохи средневековья археологи находят вещи более ранних эпох. Значит и в древности подобные грабежи происходили. Достаточно сказать, что знаменитые сарматские "царские" курганы у с. Филипповка (Оренбургской области) первоначально подвергались ограблению совсем немногим позже их возведения. В этой связи, как тут не вспомнить слова Абу-Рейхана ал-Бируни (XI в.): "В стране тюрок имеются люди, которые разыскивают в земле тюрок древние могилы и раскапывают их, но не находят в них ничего, кроме того, что остается неиспорченным землей – золота, серебра и других металлов" (Ал-Бируни, 1964. С.213). Видимо, приходится признать, что раскопки местного населения из любопытства (к сожалению для археологов) были одним из методов познания окружающего мира, способ адаптации к окружающей

среде, земли, ставшей для них новой родиной. Тюркские народы называли курганы "оба", а казаки - "марами".

Русские крестьяне и казаки, большей частью, считали, что здесь ранее жили "чудаки" или народ "чудь". Особенно это характерно для Зауральских районов (Игнатъев, 1903. С.96, и др.). Взгляды историков тогдашнего времени недалеко ушли от этих наивных представлений. Например, И.Жуковский отмечает: "Историки Карпеин и Асцелин, путешествовавшие по Волге и Уралу, повествуют, что древнейшие обитатели Оренбургской губернии были козары или болгары, угры или венгры и различные народы славянского поколения" (Жуковский, 1832. С.1). Если эпизодическое присутствие в регионе хазар можно допустить (чему являются подтверждением археологические материалы, пусть и не многочисленные), то расселение здесь в древности славян выглядит совсем уж надуманно. Это, конечно, в том случае, если авторы, вслед за М.В.Ломоносовым, не относили скифов и сармат к славянским племенам. Другое дело – болгары. В Поволжье они были, потомки их и сейчас там живут под названием казанских татар. Но селились ли они в Оренбургской губернии? Ответить на этот вопрос сложно, поскольку никаких данных нет. А вот в чем сомневаться не приходится, так это в том, что в регионе в эпоху средневековья жили угорские племена, но селились они в лесостепной зоне, а не в степи.

Народные представления о памятниках древности могут отличаться не только образностью, но и определенной (часто упрощенной) конкретностью. Пожалуй, всем археологам в ходе экспедиций приходилось слышать о том, что в марах похоронены воины или клады "Пугача" (Е.И.Пугачева) или "Стеньки" (С.Т.Разина). О легендах и суевериях (например, об огнях на курганах) можно подробнее ознакомиться в работах И.С.Шукшинцева и Р.Г.Игнатъева (Шукшинцев, 1900-б. С.128-138). Можно отметить, что отдельные курганы на вершинах гор краеведы дореволюционного времени

считали караульными вышками башкир или древних народов, ожидавших нападений из глубин степи.

Курганы (особенно крупные) были хорошо заметны в степи и часто служили ориентирами, а также использовались как межевые знаки территорий. Кроме того, казахи и башкиры наделяли древние курганы сакральными функциями. Они пристраивали к ним кладбища и даже совершали здесь впускные захоронения своих сородичей (Кастанье, 1910. С.158, 62). Похороны родственников в насыпях легендарных курганов считалось делом престижным. Очень часто древний курган становился объектом религиозного поклонения ("аулия", то есть "святое место") (СТ, 1980. С.174; БПЛ, 1985. С.18, 20, 22). Тем самым древние памятники становились частью практической деятельности людей, необходимым и важным элементом жизненной среды.

Что касается вещей, обнаруживаемых при раскопках, пахоте, строительстве, то они, в основной своей массе, пропадали для науки бесследно: уничтожались, терялись, продавались, переплавлялись. Коллекционирование – явление для нашего региона позднее (конец XIX в.), музеи начинают возникать также в это время. Муллы и ахуны заставляли мусульман перезахоранивать случайно найденные вещи и кости из древних погребений на современных кладбищах или в укромных местах (АКБ, 1976. С.154, №1333).

Археология – наука о древностях, раньше всего зародилась в Западной Европе, еще в XVI – XVII веках. Поэтому не случайно, что на высокую культурно-историческую значимость произведений искусства и вещей из драгоценных металлов, добываемых в курганах, разграбляемых в Сибири и на Урале, обратили внимание иностранцы, находящиеся на русской службе или проезжавшие через территорию России. Уже в XVII веке, сразу же после вхождения зауральских регионов в состав государства, здесь расцвел массовый промысел "бугрования", т.е. разграбления могил древних народов,

с целью поиска вещей из благородных металлов. Произведения искусства и быта первобытных племен большей частью продавались как лом и переплавлялись. Еще в 1670 г. царю Алексею Михайловичу сообщалось в донесении: "В Тобольском уезде около р. Исети и во окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду" (ИАК, 1865. Т.V. С.38). Позднее, в 1699 г. составлен документ, в котором говорится о том, что "в Сибири в Тобольском уезде, по Исете и около Исецкого острогу раскапывают русские люди татарские тризны и находят всякое серебро и золото в сосудах и слитками..." (Спицын, 1906-а. С.234).

В начале XVIII века голландец Дорт писал о том, что "он мог изучить на большом протяжении дикую страну башкирских татар, а также случайно нашел древние могилы и в них разного рода драгоценности, как, например, золотые части конской сбруи и т.п." (Толстой, Кондаков, 1889. Вып.II. С.35).

Сотрудник нидерландского посольства Н.К.Витсен побывал в Москве в 1664 - 1665 годах, и после этого он долгие годы готовил материалы для своей книги «Северная и Восточная Татария», а также собирал коллекции древних сибирских раритетов, выкопанных бугровщиками. Сибирский воевода Ф.А.Головин собрал значительную для своего времени коллекцию археологических ценностей из курганов Сибири и Урала. В 1698 году он подарил Витсену серебряный сосуд из своей коллекции. Витсен упоминает и другие подарки и подношения ему предметов старины (Станюкович, 1953. С.11). Труд Н.К.Витсена, трижды изданный в Голландии (1692, 1705, 1785 гг.) и его драгоценное собрание, привлекли внимание западноевропейских, а затем и российских ученых (Завитухина, 1999. С.102). Петр I хорошо знал самого голландца и видел его «сибирскую» коллекцию. Возможно, это подтолкнуло российского императора к желанию иметь собственное собрание, особенно после создания в 1714 году Кунсткамеры. По распоряжению генерал-губернатора Сибири князя М.Гагарина, в 1712 году

шадринский воевода отправил "во владения Далматовского Успенского монастыря, как знатоков отставного драгуна Михаила Слободчикова да крестьянина Макара Лобова со товарищи для прииску при вспоможении бобылей монастырских, золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой" (Толстой, Кондаков, 1889. С.36). В 1716 и 1717 годах Петру Великому были высланы золотые вещи князем Гагариным, которому было велено и впредь "...приискывать старых вещей, которые сыскивают в земле древних поклаж" (Разгон, 1963. С.192). Еще раньше, в 1715 году Акинфий Демидов преподнес Екатерине I "богатые золотые могильные сибирские вещи" (Спицын, 1916. С.236). В этой коллекции только золотых археологических предметов было 250 экземпляров. В 1726 г. императрица передала все демидовское подношение в Кунсткамеру (Станюкович, 1953. С.12). Из подарков Демидова, Гагарина, Черкасского составила знаменитая Сибирская золотая коллекция Петра Великого, хранящаяся ныне в Особой кладовой Государственного Эрмитажа (Курочкин, 1995. С.10; См. также: Руденко, 1962). Самые крупные поступления в этой коллекции приходятся на период с 70-х годов XVII в. и до первой трети XVIII в. (о чем писал еще А.А.Спицын). В результате было разрушено огромное число курганов в Сибири, на Урале и в Казахстане (Курочкин, 1995. С.9-11).

В 1718 и 1721 годах Петр I издает специальные указы о собирании древностей для Кунсткамеры, а позднее он повелел: "гробокопателей, что сыскивали золотые стремяна и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут" (Там же. С.11). Но этот грозный запрет не исполнялся, поскольку царские воеводы и богатые купцы получали огромные прибыли, скупая у крестьян и посадских людей курганное золото за бесценок. Да и следить за исполнением указа, в удаленных, пограничных и мало населенных местностях Урала и Сибири было некому. И мы сейчас можем восхищаться

произведениями древних мастеров лишь на примере минимума вещей, дошедших до наших дней.

Начиная с 1718 г., издается серия правительственных распоряжений о передаче за вознаграждение случайных археологических находок властям. Указ, адресованный губернаторам и комендантам, повелевал: "Также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое, ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таже бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи" (ПСЗ, Т.5. №3159).

В 1721 г. в новом указе Петр предписывал собирать в Сибири "курьезные вещи" и присылать их в Берг и Мануфактур – коллегия (ПСЗ, Т.6. №3738). В 1730 г. издаются постановления о собирании древних монет (Разгон, 1963. С.192). Все коллекции, поступающие Санкт-Петербург, передавались на хранение в Кунсткамеру – первый русский государственный музей, ставший после 1724 года (т.е. со времени основания Академии наук) культурным, учебным и научным центром академического подчинения (об этом см.: Станюкович, 1953. Глава I - III). В Кунсткамеру периодически поступали древние вещи с территории нашего региона, в том числе: "древности, которые найдены у Каспийского моря в развалинах языческих капищ и молелен в 1716 и 1718 гг.", "собрание древних российских и татарских монет, числом более тысячи", и т.д. (Разгон, 1963. С.194-196). Постепенно работа по выявлению археологических раритетов в Российском государстве перерастала в осознанное собирание предметов наследия древних народов, а затем привела к зарождению научного подхода к памятникам минувших веков, когда они уже начинают рассматриваться как источники в исторических исследованиях. Показательным примером может служить руководство «Для генеральной истории и описания Российского государства», где в качестве источников написания истории страны упоминались надписи на камнях, монетах, гробницах, а также "ветхости или

старые вещи" (200-летие кабинета..., 1911. С.165-167). Специалисты высоко оценивают значение петровских преобразований и нововведений для развития науки в России, и для археологии – в частности (Формозов, 1994. С.220).

Кроме того, правительство Российской империи придавало большое значение хозяйственному освоению малонаселенного, но изобилующего природными богатствами Уральского края. Это и стало причиной посылки на восточную периферию государства образованных людей – талантливых ученых и умелых организаторов. Как и большинство крупнейших свершений XVIII века в России, эти события непосредственно связаны с деятельностью Петра I и Екатерины II. В январе 1720 г. Петр I назначил одного из своих сподвижников – В.Н.Татищева горным начальником уральских и сибирских заводов.

Василий Никитич Татищев (1686–1750) был, в первую очередь, администратор; во вторую очередь, он собиратель материалов для полной истории России и историограф. Далее, его практические интересы связаны с геологией, географией, и лишь в последнюю очередь он обращается к памятникам истории Волго-Уральского региона, им собрана информация о древних сооружениях степных районов, но для него это было попутным занятием. Но вот в чем заключается парадокс – он успел проявить себя во многих областях знаний. Специалисты считают его энциклопедистом, родоначальником многих современных научных дисциплин в Российском государстве (Юхт, 1976. С.128). Многие современные отрасли научных знаний (этнография, археология, история) в начале XVIII века еще не выделились из "землеописания", поэтому углубленно занимаясь географией, Татищев сумел внести свой посильный вклад в дело развития многих современных гуманитарных наук (Степанов, 1951. С.149-165; Гурвич, 1956. С.153-164) – археологии, этнографии, этнологии и т.д.

Считается, что самая ранняя работа В.Н.Татищева на археологическую тему была написана им в 1725 году в Швеции (примечание на работу И.Гибнера, под названием «Могильное золото») (Астраханский, 1983. С.253-256) и посвящена находкам из погребений сибирского региона. Василий Никитич писал: "В могилах находили немало сабель, ножей и сбруи, потому что они хоронили покойников с их лошадьми", помимо этого в "языческих" курганах встречается "различная посуда и нательные и одежные украшения", "идолы и золото", "в бедных могилах находят серебро, латунь и медь" (Там же). "Исключительно точные, детальные методические указания Татищева по вопросу о раскопках позволяют предполагать, что Татищев сам нередко руководил раскопками" (Гурвич, 1956. С.156-157). В этой связи показателен ответ В.Н.Татищева на письмо советника канцелярии Академии наук И.Д.Шумахера от 20 июня 1747 г. До этого Шумахер в письме от 9 февраля 1747 г. просил дать сведения о Золотой Орде и о вещах, встречающихся в сибирских могилах. Татищев ответил: "Сии гробы не инаго, как могулского или мунгалского и отродия их калмыцкого потом имянуемаго ныне калмыцкого народа.

Вещи, сколько я имел дивных, ныне ничего при себе не имею, а в Москве что есть, того сыскать между другими вещми никто не знает, токмо на память вам опишу: 1) найдено было яблоко, в диаметре около двух дуймов аглинских, около онаго напаяны часто конусы золотые так, как одна восьмая дуйма, кверху остры, длиною поменше дуйма, и все подобно как бы представляло солнце; у онаго была тонкая проволока золотая в четверо, знатно вплетена была в косу мертвому, - сие яблоко поднес я Бирону, бывшему герцогу Курлянскому. 2) Слоны серебряные два, на которых теремки, знатно, в них люди были из гниусчей материи, - оные отдал я княжне Черкасской, ныне графиня Шереметева, и можете отыскать. Сверх сего несколько было разных птиц, зверей, лампад золотых, и медных, из которых одна жаровня куриозная с трубками, чаю, в Москве и ежели свободу

получу, тогда, отыскав, Академии прислать не оставлю" (Андреев, 1951. С.258-259, 300).

Из письма становится ясно не только то, что Татищев имел определенное представление о древних захоронениях, но и о том, что стало с коллекцией раритетов, вывезенных им с Урала. Исторические интересы Татищева, в основном, связаны с его многолетней работой над «Историей Российской», но он понимал значение изучения других территорий Российской империи. Воспринимая географию как землеописание и обладая редким практическим умом, Татищев включал в написанные им "уставы", "инструкции" и "наказы" пункты о "подземностях" и вопросы по истории и этнографии (Иофа, 1949. С.64-65).

После своего возвращения на Урал, в 1734 г. он составил специальную анкету из 92 вопросов, предназначенную для геодезистов, и долгие годы безрезультатно выпрашивал у Сената и Академии наук содействия его опросу. Результаты этого инициативного анкетирования были незначительные, из-за отсутствия знающих людей и нежелания местных и центральных властей, со всей серьезностью отнестись к данному начинанию (Гурвич, 1956. С.155). В 1737 году В.Н.Татищев подготовил «Предложение о сочинении истории и географии Российской» (198 вопросов). Эту работу можно считать одной из первых в России анкет, где сформулирована инструкция о сборе сведений и коллекций археологических объектов. В.Н.Татищев указывал, что для подготовки "истории" необходимо описать не только развалины древних городов и строений, но важно также знать: "Не находится ль где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями или какими-либо начертаниями, которое, елико возможно, живописцу надлежит назнаменовать и, описав его меру и цвет, при том же сообщить.

В некоторых местах в древних могилах находятся старинные вещи дивные и ко изъяснению истории весьма полезные и паче такие, на которых

какое-либо начертание или подпись различными фигурами изображенное, оное из медных, железных, каменных или глиняных вещах; ежели сыщется, надлежит прилежно хранить, понеже и за глиняное заплатится не меньше, как за серебро.

Особливо находятся горшки и кувшины в гробах, на которых надписи есть, да, когда их откопав, скоро вынять, то он истрескается или развалится, того ради оные, откопав, надобно не скоро вынимать, проветреть на том месте, а потом вынять, поставить, чтоб от солнца высох, и тако может далее везти и вручить воеводе, а воеводы чтоб благоволили оные, чрез живописца или другого искусного на бумагу срисовав, Академии сообщить, по котором достойное награждение обретшему и живописцу Академия пришлет без умедления.

Золотые же, серебряные и медные вещи, яко идола, звери и протчие вещи, если токмо фигуры своей не повреждены, хотя и надписи не имеют, надлежит по тягости металла покупать и, деньги безобидно платя, присылать во Академию; если же и на золоте явится подпись или работа хорошая, то и сверх достоинства золота или серебра безобидно от Академии и поверенных от оной заплачено будет; и о том таким гробоискателям надлежит объявить, чтоб знали и неведением таких вещей не портили или за страх, что у них даром отымут, не таили. И господам воеводам и протчим управителям в том для пользы отечества поступать со всякою прилежностію и хранением, чтоб такие сокровища таить никто не опасался" (Татищев, 1950. С.87-88). Думается, что особо комментировать инструкцию В.Н.Татищева незачем. Достаточно только напомнить, что текст был написан в первой половине XVIII века.

В.Н.Татищев внес свой вклад в развитие музейного дела в России. Он передал в Кунсткамеру часть своих обширных коллекций (Станюкович, 1953. С.67), а после пожара 1747 г. в музее, уничтожившего библиотеку и значительную часть коллекций, Татищев предложил передать Академии

свою оренбургскую библиотеку и найденные "подземности" (Там же. С.122). До сих пор архивные материалы В.Н.Татищева еще плохо изучены. Значительная часть личного архива сгорела в дер. Грибанове после его смерти. Многие из "курьезных вещей", присланных им с Урала и из Сибири, вошли в фонд петровской Кунсткамеры – первого в России музея, но большая их часть погибла при пожаре 1747 г. (Архипова, Ястребов, 1982. С.81). Мы также знаем о его интересе к местам расположения «чудских рудных копий» и о том, что Татищев собирал древние вещи из курганов (Гурвич, 1956. С.153).

Он был одним из первых, говоря словами С.М.Соловьева: "Он начал дело, как следовало начать". Передовые взгляды Татищева о важности изучения отечественных древностей и разработка им методики археологических исследований позволяют считать его одним из "зачинателей русской археологической науки" (Гурвич, 1956. С.164). Анкеты В.Н.Татищева были разосланы в разные регионы России. Ответы на опросные листы не опубликованы и хранятся в знаменитых портфелях Г.-Ф.Миллера.

По инициативе Петра I, в XVIII веке в Российской империи приступают к работе научные экспедиции, призванные изучать огромные территории государства. Это были комплексные экспедиции, исследовавшие природные ресурсы, а также историю, этнографию и языки народов Сибири и Урала. Опубликованные результаты работы научных отрядов являются важнейшими источниками, которыми ученые пользуются до сих пор.

Сотрудник Великой северной экспедиции 1733–1743 годов, будущий академик, Герард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705-1783), был фактическим руководителем особого сухопутного отряда, изучавшего производительные силы Сибири и Дальнего Востока. Перед выездом в Сибирь им была составлена инструкция из 11 пунктов «О истории народов», но в ходе полевых исследований автор убедился в ее недостаточной полноте.

В итоге, Г.-Ф.Миллер подготовил в Сибири обширную программу, которая "должна была по мысли ее составителя, явиться общим пособием и руководством при полевой географической, исторической, археологической и этнографической работе... Программа эта была составлена Миллером в 1740 г. и предназначалась для И.Э.Фишера, который в этом году был командирован Академией наук в Сибирь" (Косвен, 1961. С.180). Эта детальная программа была написана на немецком языке, включала 1287 статей, но нас, в первую очередь, интересует §5 «Об описании древностей», состоящий из 100 статей. В русском переводе §5 был опубликован В.В.Радловым в 1894 г. (Радлов, 1894. С.106-124). Цель исследования, по мнению Миллера, "заключается в том, чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его, чего и можно смело ожидать от различных древностей" (Там же. С.107, пункт 1). Автор программы призывал обращать внимание на древние городища ("укрепления с валами") (п. 6 и др.), развалины строений (п. 8), каменные бабы (п. 13 и др.), земляные и каменные курганы (п. 30). Миллер подчеркивал, что в «киргизских» могилах вещи не встречаются. Мы добавляем от себя: из-за того, что это мусульманские захоронения.

Особое внимание обращает на себя требование полного описания захоронений – положение костяков, ориентировка головы, наличие в могиле шкуры или остова лошади, местоположения погребального инвентаря (оружие, керамика, украшения, стремяна, удила и т.д.) (Там же. С.53-85). Миллер требовал, чтобы со всех древностей снимались рисунки (Там же. С.114), а наиболее интересные вещи приобретались для Кунсткамеры (Там же).

Весьма показательны рассуждения Г.-Ф.Миллера о раскопках: "Чтобы иметь возможность точно судить о содержимом могил, лучше всего, конечно, самому велеть разрыть много могил (здесь и далее выделено мной - *Авт.*), в разных местностях, особенно там, где есть надежда найти, кроме костей, еще

другие зарытыя в землю редкости"... "Если со временем южные части Сибири, выше р.Тобола и на западной стороне Иртыша, где большая часть могил еще не разрыта, удалось бы оградить от всех опасностей и неприятельских вторжений киргиз-кайсаков, то еще можно будет надеюсь, открыть многое, что послужит в пользу нашего намерения. Весьма желательно однако же при этом тщательный надзор, чтобы снова не погибло неоценимое сокровище столь многих замечательных исторических памятников" (Там же. С.111 и 109-110).

Известно, что Г.-Ф.Миллер имел копию анкеты В.Н.Татищева, но его программа вполне самостоятельная и, пожалуй, более подробная разработка. Поэтому нет никаких оснований подозревать Г.-Ф.Миллера в каких-либо заимствованиях (см.: Андреев, 1936. С.6). Двух выдающихся основоположников русской исторической науки между собой связывало полное уважение друг к другу. Достаточно привести слова самого Г.-Ф.Миллера: "Разве мне было поправлять сочинение столь великаго человека, как был господин Татищев? ...Столь я не дерзновенен" (Цит. из работы: Каменский, 1987. С.156). Не случайно, именно Миллер хлопотал перед Академией наук о приобретении архива и библиотеки В.Н.Татищева, а в последствии он содействовал изданию работ В.Н.Татищева и покупал его рукописи (Алпатов, 1985. С.26). К сожалению, случилось так, что "анкета Татищева уже в свое время получила довольно широкое распространение, сыграла большую научно-организационную роль и пр. Между тем, анкета Миллера почти не получила распространения и почти никакой роли в свое время не сыграла" (Косвен, 1961. С.183).

Вклад Г.-Ф.Миллера в дело развития археологической науки в России не ограничивается лишь разработкой анкет. Его перу принадлежит первая в нашей истории статья, в которой подводятся итоги изучения курганов в степной полосе. В 1764 г. им была опубликована работа под названием «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных» (Миллер, 1764.

С.483-515). Статья издана на немецком языке, а перевод ее был включен в работу академика В.В.Радлова в виде приложения (Радлов, 1894. С.120-124).

Г.-Ф.Миллер сообщает о своих неоднократных раскопках в Сибири: "Ибо сам я то изведаль в близости Усткаменогорской крепости разрывая многие такие могилы, чтоб усмотреть внутреннее их состояние и положение костей, а другие между Ямышевскою и Семипалатною крепостями разрыты были некоторыми из нашей свиты... На берегу реки Шилки, при деревне Городище называемой, много древних курганов вместе, по чему я вознамерился на возвратном пути, получив свободное к тому время, разрыть некоторые из оных" (Приложение к кн.: Радлов, 1894. С.123). Он отмечает огромные масштабы разграбления курганов бугровщиками: "Еще многих людей застал я в Сибири, кормившихся прежде такую работаю... Все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты" (Там же). Исследователь полагал, что богатые курганы оставлены кочевниками, главным образом, монголо-татарами и уйгурами: "Сказывают, лучшие вещи, что до работы касается, найдены в могилах около реки Волги... Имя, Золотая Орда... не на ином чем, как на богатстве оных татар, основано было" (Там же). Герард-Фридрих выделяет различные виды насыпей (каменные, земляные), отмечает вариации в обрядах погребений, различия в положении костяков, наличие или отсутствие конских скелетов, присутствие жертвенных вещей, различия в богатстве заупокойного инвентаря и т.д.

Данную статью можно считать первой обобщающей работой по археологии в Российской истории. Неслучайно специалисты высоко оценивают значение ее в деле развития научных представлений (Каменский, 1989. С.145) о памятниках археологии степной полосы Евразии. "Г.-Ф.Миллера еще долго будут добрым словом вспоминать многие поколения историков" (Там же. С.158).

Освоение мало известного региона приводило к выявлению здесь не только природных богатств, но и памятников истории. Накопление знаний о

них, и коллекционирование вещей из древних курганов, в свою очередь, стимулировали познавательный интерес. Собираение редкостей в XVIII веке было модным занятием. В Оренбургской линии какие-то коллекции древних вещей собирали в 1734 – 1737 гг. И.К.Кирилов и И.Г.Гейцельман. Исторические описания они отправляли академику Г.-Ф.Миллеру.

Иван Кириллович Кирилов (1695–1737), присланный в наш регион и возглавлявший Оренбургскую экспедицию, помимо многопрофильной административной деятельности, занимался научным изучением края. Сам он был известным картографом и географом, но, кроме этого, приглашал для работы в экспедиции специалистов других профилей науки. В качестве бухгалтера, а затем и личного секретаря, Кирилова сопровождал будущий выдающийся историк и географ П.И.Рычков (Новлянская, 1962. С.29). На должность историографа экспедиции был приглашен ботаник Иоганн Готфрид Гейцельман – бывший генерал-штаб-секретарь генерал-фельдмаршала Миниха. Основные профессии исследователей не освобождали их от обязанностей выполнения самых различных поручений начальника экспедиции. Так, И.Г.Гейцельман попутно занимался минералогией и сбором сведений по истории края (Архипова, Ястребов, 1982. С.85).

И.К.Кирилов и его сотрудники придавали большое значение сбору сведений об остатках древней культуры на территории Башкирии и Казахстана (Добромыслов, 1900. Т.2. С.51-54; Гольденберг, и др. 1971. С.150), но, к сожалению, основная масса этих материалов до сих пор не введена в научный оборот, опубликована лишь малая их часть. В 1735 г. И.К.Кирилов докладывал в своем рапорте о том, что на месте "Оренбурха" (ныне – г.Орск) "жилья и кочевья никакого не было. Одно найдено старинное ногайское, или прежде их бывших катаяцев жилище земляного городка валик в том месте, где первая крепость сделана, и знатно бывало строение каменное, ибо кирпичи и образцы целинные, также ломанная стеклянная и

глиненная посуда является, и около во многих местах того же ногайского народу и их идолораторские могилы и осыпи есть" (Цит. из работы: Ищериков, Археологические памятники..., С.114). Под "идолораторскими" могилами имелись в виду курганы, на которых возвышались каменные изваяния. За время существования г. Орска от этих памятников не осталось и следов. Нам известно лишь одна дореволюционная находка каменной бабы из Орского уезда, опубликованная И.А.Кастанье в 1910 году.

Выше мы уже упоминали Г.В. де Геннина, сменившего в 1723 г. В.Н.Татищева на посту начальника горных заводов. Георг Вильгельм де Геннин (1676–1750) в 1734 г. завершил объемную работу «Описание Уральских и Сибирских заводов», в отдельных разделах которой встречаются упоминания и описания древностей края. Этот труд в полном объеме издан лишь в 1937 г. (Геннин, 1937), но в нем, по какой-то причине, не были приложены иллюстрации находок из курганов. Эти рисунки включены в книгу А.А.Формозова (1986. С.24-25) и другие издания. Книга де Геннина представляет собой фолиант в 450 листов (613 страниц текста), а также включает 134 таблицы иллюстраций форматом 52x41 см, нарисованные тушью и раскрашенные акварелью с применением золотой и серебряной краски.

Описывая Каменский завод на притоке р.Исети, де Геннин замечает: "При тех же есть бугры чюцкие, в которых кладены мертвые тела, называемого чюцкого народа" (Геннин, 1937. С.480). Значительно чаще он обращает внимание на древние рудники: "В 1702 году по Полевой речке на Гумешках, вверх Чюсовой реки, в старых чютских копищах найдена медная руда". "От Уктуса в 43 верстах, по другую сторону Чюсовой реки в 11 верстах имеютца старые медных руд копи или шурфы" (Там же. С.507-508). Геннин обращает внимание, не только на древние рудники и плавильни (Там же. С.601-603, 624-625), он упоминает также древние строения и курганы в Сибири. "...В тамошних же местах находятца много бугров, в которые

погребены мертвые тела, оные обкладывают камнем и сверх камня осыпают землю, которые и донныне находятца, и как найдены бывают, то русские и другие люди для положенных в тех буграх пожитков роскопывают, ибо те люди, кои во оные бугры клались, такое обыкновение имели, что они золото и серебро и медь, которое они на шее и на руках в платках и в серьгах носили, также лошадей с убором, какое они по обыкновению своему имели, и всю свою одежду и прочее, с чем они служили, все с собою покладывали.

И которые отсюда в полудневную сторону далее жили, те были богатые и клались з золотыми, а кои поближе сюда, те с плохими серебряными и с медными вещами, каковых уже довольно есть из могил их вынято и продаютца. А каковые я, генерал-лейтенант, оные вещи видал, объявляю абрис при том же в могиле на ... странице, в которой могиле лежало мертвое тело на золотой выбитой тонкой доске, а поверху ево платья наложено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстою против бумаги, всего золота с пуд. И оную могилу и до сего называют пудовик. И хотя при оных степях, где помянутые мертвые кладутца, для зделания над ними бугров каменья около того места, где мертвой положитца, и не случитца, однакож признаваетца, что которые были побогате, те из других мест верст по сту и далее каменья привозили и мертвых окладывали, и на тот камень сыпали землю в подобие так, как осыпаютца угольные кучи.

На те мертвые тела знатно кладено было одеяние камчатное многими слоями, которое еще и донныне признать можно, токмо уже все изотлело. Протчей же конской железный убор не вовсе еще изоржавел. И некоторые промышленники, выняв ис тех бугров, яко стремена и кольца, ныне у себя к конскому убору бес переделки употребляют. А как оной народ в тех местах жил и куда они девались, о том в Сибири окуратного известия получить не мог, и ежели об оных разсудить, что бывали тут жилища контайшины, то по состоянию нынешнего контайшина обыкновения и похорон мертвых весьма разность находятца" (Там же. С.626-628).

Судя по рисункам археологических древностей, внимание де Геннина, в основном, привлекали произведения искусства и изделия из благородных металлов (Формозов, 1986. С.24-25). Среди изображенных вещей есть предметы раннего железного века, раннего и позднего средневековья. Большинство зарисованных предметов явно происходят из курганов разграбленных бугровщиками в Сибири.

По мере освоения Оренбургских степей, поиск курганных кладов начался и здесь. В этой связи можно вспомнить о деятельности англичанина Джона Кэстля (Касселя). В 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции И.К.Кирилов пригласил Дж.Кэстля на работу в качестве живописца. Джон Кэстль был человеком наблюдательным и любопытным. Он расспрашивал казахов и башкир о древних памятниках степной полосы Южного Урала. В 1736 г. возвращаясь из ставки хана Малой Орды, английский живописец "в районе рек Каргалы и Илека видел много могил "язычников", одну из которых он раскопал. В кургане найдены кости человека и лошади. На шее у человека обнаружена печать из "белого индийского агата", на которой вырезаны пеликан и два птенца. Вблизи г.Сакмарска Кэстль снова видел много могильных "монгольских" памятников. У могил стояли камни в виде пирамид, а внутри их были погребены в полном убранстве люди и скелеты лошадей" (Матвиевский, 1958. С.144).

Как видим, Джона Кэстля с полным основанием можно считать одним из первых авторов раскопок в нашем регионе, он оставил нам их краткое описание и рисунки. Английский "художник" передал их начальнику Оренбургской экспедиции И.К.Кирилову, а дневник в 1741 г. обработал для печати. Текст написан на немецком языке и издан в 1784 году в г.Риге (Materialen..., 1784). В 1737 году Дж.Кэстль добился увольнения из состава Оренбургской комиссии и на Урал больше не возвращался.

Подводя итоги "археологической" деятельности первой половины XVIII века следует заметить, что впервые интерес к древностям Волго-Уральского

региона стали проявлять приезжие на Урал администраторы и инженеры. Они коротко описывали археологические объекты и собирали ценные вещи из курганов. Естественно, никаких обоснованных этнических и хронологических определений они не давали, для этого не хватало знаний. Археологическая наука в России лишь зарождалась, ни о каких целенаправленных исследованиях не могло быть и речи. В нашем регионе своих специалистов не было, да и вообще грамотных людей было немного. Курганные материалы практически все утеряны, описания (весьма не квалифицированные) сохранились в малом числе или до сих пор не выявлены в архивах. Вершиной научного творчества приезжих специалистов первой половины XVIII века в области древней истории можно уверенно считать труды Петра Ивановича Рычкова (1712–1777).

В 1762 г. вышел в свет главный труд Рычкова «Топография Оренбургской губернии», и с этого момента Петр Иванович заслуженно считается ведущим знатоком и авторитетом в деле изучения природы и истории края. Не случайно И.И.Лепехин и П.-С.Паллас начинали свои "ученые путешествия" в Оренбуржье с посещения П.И.Рычкова в селе Спасском осенью 1768 года.

П.И.Рычков в «Топографии Оренбургской» сообщает, что на р.Исети "...на разных местах видны старинные чудские насыпные могилы, а знатнейшие из них три: две от Шадринска в 8 или в 10 верстах (8,6-10,7 км) на север на степи позади бору, а третья против Шадринска, от города в 3 только верстах (3,2 км) за рекой Исетью, и она за наибольшую почитается, но какие тут люди погребены, того никто не знает... В северную же сторону от этого острога (городище на р.Юрюме, в 7 верстах (7,5 км) к западу от Исетска) находятся многие курганы, или насыпные бугры, которые у тамошних обывателей за кладбище старинных сибирских жителей почитаются; но какие народы тут жительствовавали, того из нынешних обывателей никто достоверно показать не может..." (Рычков, 1949. С.175,

172). Следует отметить, что все вышесказанное относится к зауральским районам – лесостепи Курганской области. На территории степного Оренбуржья П.И.Рычков кратко описывает лишь кирпичные мавзолеи и мазары, курганы упоминает очень редко (Там же. С.167-168).

Рычков при описании территории Казахстана сообщает: "Оттуда (т.е. от реки Ати-Уил и урочища Мавлюм-Берды – *Авт.*) с день езды по речке Сагызу видны многие же старинные строения, также в урочище, именуемом Бакчи, от реки Сагыза дня с два, от Бакчи вверх до вершин речки Зины, которая выпала из устья реки Мугалджара, и на этом устье (где и лес есть) старинных городков, рытых каналов и рвов, также и насыпных бугров весьма много, из которых де бугров часто вырывают людские кости отменной величины, также золото, серебро и разные орудия" (Там же. С.124). Из сообщения П.И.Рычкова становится абсолютно ясно, что уже в XVIII веке разграбление древних курганов происходило не только в Оренбуржье, но и в глубинах казахских степей.

Как уже отмечалось, «Топография Оренбургской губернии» издана в 1762 году, но материалы собирались, естественно, ранее. На страницах этой работы имеются сведения о разрушении монументальных памятников древности и раскопках могильников. Описывая золотоордынский г.Сарайчик, П.И.Рычков отмечает: "Там еще поныне в земле находят многие палатки: видно, что бывали они кладбища знатных людей, ибо во многих находят гробы и кости. Сказывают, что на строение Гурьева городка кирпича много взято из этих развалин. Да и ныне яицкие казаки, около того места на форпостах находящиеся, на дело печей и на другие потребности кирпич из тех палаток выбирают" (Там же. С.79).

Труды П.И.Рычкова явились основой, отправной точкой процесса зарождения краеведческой науки в нашем регионе. Если В.Н.Татищева по праву считают "основоположником русской исторической науки" в масштабах России (Алпатов, 1976. С.368), то П.И.Рычков стоял у истоков

региональной науки истории и естествознания. Уже современники отмечали достоверность и практическую пользу работ Рычкова: "...во всем сочинении виден беспристрастный человек, усердный желатель, раскрытия истины и споспешествователь общественному благу" (Пекарский, 1867. С.69). Человек великого разума, первый историк Башкирии и азиатских степей, обладал огромным трудолюбием и целеустремленностью (Сидоров, 1997. С.22). Академик Г.-Ф.Миллер не случайно заметил: "Полное описание России возможно будет только тогда, когда во всякой губернии найдется человек, прилежанием и искусством подобный Рычкову" (Цит. из: Ефремов, 1995. С.26).

Мы высоко оцениваем тот вклад, который авторы начала – середины XVIII столетия внесли в дело развития российской науки, в том числе и археологии. Работы В.Н.Татищева, Г.-Ф.Миллера и, особенно, П.И.Рычкова активно использовались во второй половине XVIII в. участниками академических экспедиций. Эти труды во многом подготовили успех и высокую научную значимость экспедиций Академии наук. Достаточно сказать, что сами маршруты "академических посылок" П.-С.Паллас разработал во время личной встречи с П.И.Рычковым и при его участии. До сих пор исследователи нашего региона обращаются за информацией к работам авторов начала XVIII в., и эти данные не утратили своего научного значения.

Мы считаем возможным выделить донаучный (народный) уровень раскопок памятников археологии в первый этап развития региональной науки. Конечно, мы реально осознаем, что в рассматриваемую эпоху археология была тесно связана с географией и, в основном, использовала те же описательные методы (по А.А.Формозову – "регистрационный подход к следам былых веков"). "Регистрация остатков старины в связи с географическим изучением России дала хорошие плоды. Записи XVIII столетия не раз служили источником для археологической карты"

(Формозов, 1986. С.21). В то же время не стоит переоценивать научную значимость археологических штудий чиновников, администраторов, а затем и «академиков». Период настоящих методических раскопок памятников древности наступил много позже.

Период второй половины XVIII в. явился важной вехой в истории российской археологии. А.А.Формозов отмечал, что в это время "кладоискательские раскопки постепенно сменяются исследовательскими" (1986. С.26). Эти изменения были подготовлены в ходе экспедиций Г.-Ф.Миллера, И.Г.Гмелина, Д.Г.Мессершмидта, Ф.Страленберга в Сибири и базировались на методиках раскопок и анкетах, составленных с использованием "сибирского" опыта. Академические экспедиции были задуманы Петром I, и эта работа активно продолжалась в годы правления Екатерины II. Специалисты подчеркивают, что "возникновение научной археологии – это одна из сторон гораздо более широкого явления рождения великой русской культуры нового времени. Судьбы их в дальнейшем неразделимы" (Формозов, 1986. С.21). Итоги академических экспедиций рассматриваются как проявление научного подхода к памятникам древности. Следует отметить, что в екатерининскую эпоху Южный Урал и Западный Казахстан становятся объектом самостоятельных целенаправленных исследований академических экспедиций. Можно добавить, что в отличие от первой половины XVIII в., экспедиции екатерининских времен возглавлялись не чиновниками, и не только европейскими специалистами, но и русскими учеными. "Наши ученые овладели всеми методами исследования археологических памятников, применявшимися в ту эпоху. Сочинения Лепехина, Рычкова, Зуева ни в чем не уступают трудам Гмелина и Георги". Однако, участие зарубежных специалистов "...немало способствовали превращению археологии в науку" (Там же. С.23).

Всего в нашем регионе работало три "Оренбургских" отряда, возглавляемые академиком П.-С.Палласом, докторами И.И.Лепехиным и

И.П.Фальком (Сидоров, 1997). Сами экспедиции формировались по распоряжению императрицы Екатерины II, и в их состав приглашались ученые из-за рубежа (П.-С.Паллас, И.П.Фальк, И.Г.Георги) или прошедшие обучение за границей (И.И.Лепехин). При подготовке "ученых посылок" для ее сотрудников были подготовлены особые "Инструкции" Академии наук. Проект инструкций для Оренбургских отрядов готовил П.-С.Паллас, на которого было возложено общее руководство экспедиции в Оренбургский край и Сибирь. В этих инструкциях участникам путешествий предписывалось: "Примечать встречающиеся древности, осматривать развалины и остатки древних мест... При том испытатели природы должны возможное прилагать старание для распространения их наук... Дабы все достопамятные вещи, которые будут иметь случай видеть..., выкапываемые из земли вещи, кои достойны примечания ... и другие достопамятности, или древности, кои способно сюда отправить не можно обстоятельно были описаны, а живописцам, находящимся при них, приказать снять с оных нужные рисунки" (Фрадкин, 1950. С.46-47).

Сотрудники экспедиций по мере сил и возможностей следовали этим инструкциям. Довольно много упоминаний о курганах степной полосы Волго-Уральского региона можно обнаружить в трудах Петра-Симона Палласа (1741–1811). Вся эта информация содержится на страницах капитального труда П.-С.Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Паллас, 1773. Ч.1; и др.), который первоначально издан в 1771 году на немецком языке, а затем был переведен на русский (Сидоров, 1997. С.96-153).

Проезжая по степным территориям западной части современной Оренбургской области, П.-С.Паллас вслед за упоминанием Полтавского редута и Новосергиевки (по всей видимости, это Новосергиевский район – *Авт.*), описывая здешние курганы, отмечает: "... если на верху оных разрыть на один фут глубиною, то покажутся уголья сожженного хвороста, и служит

доказательством тому, что было там приношение жертвы. В самом низу могильного холма лежат человеческие кости в продолговатой могиле, обитой досками и хворостом, которых части и ныне еще видны. В сих могилах находят только железные вещи, копейцы от стрел, клещи, огнива и прочее, но не во всех находят конские головы" (Паллас, 1773. С.334-335).

Не меньшую известность имеют труды других сотрудников "Оренбургской посылки". Иоанн Петр Фальк (1725–1774) вел дневник путешествия, подготовленный впоследствии для печати академиком Иоганном Готлибом Георги (Фальк, Т.6. 1824; Т.7. 1825). На страницах дневника встречаются упоминания о курганах Оренбуржья, но без развернутых описаний. Подробнее рассмотрены курганы вблизи волжских берегов. Так, на правом берегу "при Медведице, Илавле в их верхних речках видимо весьма много курганов прежних жителей, кои здесь называют Чиканами (т.е. Шиханами – *Авт.*). Колонисты раскапывали некоторые цельные курганы, вышиною в 2 или 3 сажани (4,3 или 6,4 м) и нашли в одном, в глубине 1 сажени (2,1 м), обыкновенный гроб с костями. Усопший головой лежал на восток. Из одежды покойного остался на груди один лоскут, который от прикосновения разлетелся. На сем лоскуте лежал окруженный медными шишками зеленый страз (поддельный из стекла драгоценный камень). В гробу найден был истлевший кожаный кошелек с двумя мелкими татарскими серебряными монетами, рыболовный крючок, деревянная ложка и остатки от туфель, шитых весьма чисто.

В другом, при Илавле, найден был лошадиный скелет, а под ним – гроб с человеческими костями, большой металлический кружок с фигурами (зеркало – *Авт.*) и несколько татарских серебряных монет.

В третьем кургане лежал скелет человеческий без гроба, по магометанскому обряду, на боку, у ног были остатки седла, подле сего скелета лежала заржавелая сабля и лук с 5 или 6 стрелами и более ничего" (Фальк, Ч.І. 1824. С.118-119). И.П.Фальк сделал описание трех захоронений

золотоордынского периода. Информация получена им от местных жителей – немецких колонистов. Но и сам академик Фальк раскапывал курган у Береговой станицы (между Доном и Медведицей), около 5 саженей вышины (10,7 м) "и нашел в нем только глиняный горшок с полуистлевшими человеческими костями" (Там же. С.47).

При описании Оренбуржья и казахстанских степей И.П.Фальк кратко упоминает курганы и говорит об их разрушении: "При речке Кара Булаке в Чилиакене в Малой Орде находятся большие курганы" (Фальк, Ч.П. 1825. С.57-58). "Страна около Оренбурга имеет еще некоторые остатки прежних ее жителей. В степи, близ города, на Российской стороне находится изрытый курган, называемый Бухарский мар. Мар значит у башкирцев большая могила в которой находят серебряную посуду, а мазан значит малая бедная могила" (Фальк, Ч.1. 1824. С.245-246).

Из этих кратких сообщений исследователя становится ясно, что его внимание привлекали лишь крупные, высокие курганы. Местные жители в XVIII веке активно грабили могильные памятники. Информаторы И.П.Фалька знали о том, что ценные вещи можно отыскать лишь в курганах большой высоты, это были, в первую очередь, насыпи, оставленные сарматами. Маленькие курганы, или «мазаны», как их назвал Фальк, не сулили бугровщикам большой добычи. Действительно, в мазарах люди захоронены без инвентаря, поскольку это были могилы мусульман.

Схожую информацию сообщает в своем дневнике подлекарь Христофор Барданес, который участвовал в работах экспедиционного отряда И.П.Фалька в качестве чучельника и врача. В 1771 году Барданес вместе с военным отрядом проследовал в казахстанские степи из г.Троицка. Он писал: "Мы прибыли к Улукактатиркулу, ...при озере лежит высокий разрытый курган, который киргизцы называют Мактан Мазарт, то есть Исполинский холм" (Фальк, 1825. Ч.П. С.6). Текст дневника Х.Барданеса был включен в виде составной части в работу И.П.Фалька «Записки путешествия...» (Там же).

Как видим, во второй половине XVIII века грабили курганы не только в Оренбуржье, но и в глубинах казахстанских степей.

Значительно больше описаний курганов можно обнаружить в трудах академика Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802), к примеру, на страницах его главной монографии: «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году» (Лепехин, 1771. Ч.1). Важно отметить, что И.И.Лепехин не только описывал виденные им курганы и не ограничивался расспросами людей, искавших в курганах золото, он сам проводил раскопки. Примечательны слова Лепехина о его обследовании территории Поволжья в 1769 г. При описании реки Иловли, вблизи с.Грязнухи, он пишет: "Проезжаемая нами степь до помянутого села вся изпещрена была низкими буграми, которые от окольных жителей курганами называются. Некоторые из них походили на укрепленное место и обведены неглубоким рвом; другие простую наметанную представляли кучу; а иные во всем сурочьей норе были подобны. Самые большие бугры по большей части были разрыты, и мы в них ничего кроме человеческих костей, обыскать не могли. Кости сии явно гласят, что курганы покрывали тела древних сих стран обитателей; да может быть не простолюдинов: ибо для простолюдинцев такую взвороченную громаду, к чему немало требуется людей, кажется делом не возможным. Сверх сего, попадающиеся в курганах золотые и серебряные деньги, богатая воинская зброя, литые из металлов разных видов кумиры доказывают знатность сих покойников. Я рассказываю людские речи: ибо мне самому в них, кроме костей, как выше сказано, ничего найти не случилось... Прошлого года в Каменске, где поселены на Илавле иностранцы, разрыт курган, как сказывают довольно наградил трудящихся. В нижней колонии поселяна такой же обыскали клад. В курганах все клады еще до нас вышарены..." (Лепехин, 1795. Ч.1. С.392-393).

Основную часть курганов, в которых находили железное оружие и предметы конского снаряжения, И.И.Лепехин приписывал татарам (т.е. населению Золотой Орды): "Из гражданской истории известно, что древняя татара имели обычай отменных своих людей предавать земле со всем тем прибором, который в жизни их был главным упражнением" (Там же. С.425). С этой мыслью трудно не согласиться.

Подводя итоги исследований XVIII в. в Волго-Уральском регионе, следует отметить, что характерными чертами двух периодов необходимо считать: во-первых, то, что участники хозяйственного освоения края и сотрудники академических экспедиций не были нашими земляками. Это были специалисты, посланные правительством Российской империи и Академией наук для реорганизации и научного изучения восточных провинций государства. Правда, П.И.Рычков большую часть жизни провел на Южном Урале и похоронен здесь же. Но он также выходец из центральных губерний и приехал сюда в составе Оренбургской экспедиции. Традиции первых исследователей не были подхвачены местными специалистами, таковых просто не было. Таким образом, первый и второй этапы полностью связан с именами русских – В.Н.Татищева, П.И.Рычкова, И.И.Лепехина, немца – П.-С.Палласа, англичанина – Дж.Кэстля, шведа – И.П.Фалька и других приезжих специалистов. В качестве второй характерной черты можно выделить то, что все названные исследователи курганы копали лишь изредка, от случая к случаю (Дж.Кэстль и др.). Они лишь описывали их и, если упоминали результаты раскопок, то, в основном, со слов местных жителей. Или, как называл их П.-С.Паллас – "упражняющихся в разрывании могил казаков".

В настоящее время специалисты воздают должное работам авторов XVIII в., отмечая их огромный вклад в дело зарождения региональной исторической науки (Обыденнов, 1994. С.9-28). Вклад этот можно считать сугубо позитивным. Недостатки работ, вытекающие из особенностей

"ученых путешествий", никоим образом нельзя ставить в упрек самим ученым, поскольку не были разработаны методы археологических исследований, да и самой науки еще не существовало. Это были люди своего времени, люди незаурядные.

Несмотря на эпизодический характер работ чиновников и сотрудников экспедиций, исторические данные, полученные ими, трудно переоценить. Достаточно сказать, что большая часть памятников, описанных авторами XVIII в., до наших дней не сохранилась. Многие были сделаны впервые: 1) наличие древностей в регионе стало научным фактом; 2) документально отмечено многообразие видов памятников региона (курганы, мавзолеи, мазары, городища и т.д.); 3) неоднократно подчеркнута активное разрушение древних объектов местными жителями; 4) сообщалось, что многие памятники сопровождаются легендами и преданиями; 5) впервые конкретная историческая научная информация по нашему региону была оперативно опубликована как на русском, так и на немецком языках; 6) впервые были составлены и частично опубликованы рисунки и чертежи археологических объектов (например, чертежи городищ в лесостепном Приуралье Н.П.Рычкова (1770) или мавзолеев – у П.-С.Палласа (1786. Табл.VIII); 7) с XVIII в. берет начало традиция топографических обмеров памятников (в качестве примера можно привести план мавзолея Абат-Байтак в Актюбинской области, вычерченный в 1750 г. инженером-поручиком А.И.Ригельманом и опубликованный В.В.Вельяминовым-Зерновым (1853. Т.1). "Ни одно предприятие не принесло столь много славы Академии и столь много пользы Отечеству, как путешествия академиков по России" (ПСУП, 1818-1825. Т.1. С.XII). Академические экспедиции, задуманные как временное явление, завершились в екатерининские годы и в последствии не возобновлялись (во всяком случае, в нашем регионе). По мере завершения ученых путешествий, фактически, завершился второй этап изучения края.

Хронологические рамки второго этапа укладываются в промежуток между 60-ми годами XVIII и 60-ми годами XIX века. Начиная с конца XVIII в. и до 60-х годов XIX в. наступает период застоя в деле изучения памятников древности Южно-Уральского региона. По нашему мнению, этот период можно включить в состав второго этапа истории изучения археологии в крае, или же выделить в особый этап. Так или иначе, первая половина XIX столетия характеризуется практически полным отсутствием научного (или хотя бы наукообразного) изучения древностей, а также тем, что в это время продолжается активное разрушение всех видов памятников археологии. Можно, конечно, назвать несколько работ, опубликованных в эти годы, в которых упомянуты древние объекты. Подобные описания содержатся в трудах А.И.Левшина, В.В.Григорьева, Л.Мейера и других. Но все они затрагивают лишь территории казахстанских степей, и, к тому же, в них обращено внимание исключительно на остатки памятников монументальной архитектуры (мавзолеи, мазары и проч.). Авторы были в наших краях проездом, и описания их, по своей полноте и систематике, сильно уступают трудам академических путешественников XVIII века. Названные лица не были учеными. И этим все сказано, древности для них – экзотика, не более. Эпоха энциклопедистов закончилась!

Любознательные люди и в те времена, конечно же, обращали внимание на массу курганов в окрестностях поселений, где они жили. Древности притягивали интересующихся людей. В 1830 г. на имя генерал-губернатора Оренбургской губернии поступило прошение «от одного коллежского советника» с ходатайством о разрешении ему производить раскопки "для отыскания редкостей". Это прошение в октябре 1830 г. было удовлетворено (Столпянский, 1909).

Небольшую информацию о древностях Оренбургской губернии можно почерпнуть в работах А.К.Кочуева, публиковавшего свои статьи на страницах «Временника Императорского общества истории и древностей

Российских», издававшегося в Москве (Кочуев, 1849. Кн.3. С.9-10; Он же. 1853. Кн.16. С.28-37).

Информация о древностях зауральских степей содержится также в книге Б.Залеского, изданной в Париже (Zaleski, 1865). Автор провел в степи 9 лет и упоминает значительное число могил Казахстана.

В это время археология еще до конца не воспринималась как историческая дисциплина, и описания древних памятников часто включались в разделы работ по землеописанию. А.А.Формозов специально проработал издание, выходившее в России с 1829 до 1861 г., под названием «Журнал Министерства внутренних дел», в который включались статистические данные, в том числе и о памятниках археологии. В 1826 г. Николай I повелел МВД собрать сведения о древних зданиях и развалинах. В 1834 г. при МВД был создан особый Статистический отдел, а с 1858 г. стали действовать губернские статистические комитеты. Сотрудники этих учреждений посылали в МВД сведения о древностях российских регионов (Формозов, 1995-в. С.28-29). В перечне статей на археологическую тему упомянуты заметки о развалинах золотоордынских городов и руинах архитектурных памятников (Там же. С.31-35) и курганов в Саратовской, Самарской, Пермской, Астраханской и других губерний. В последующие годы эта информация активно использовалась краеведами, изучавшими историю региона. Данные о памятниках Уфимской и Оренбургской губерний, поступившие в Уфимский статистический комитет, были систематизированы, дополнены и, частично, проанализированы Р.Г.Игнатьевым в 60-80-е годы XIX в.

Пробуждение общественного сознания связано с процессом реформирования России, начало которому было положено крестьянской реформой 1861 года. С этого времени в стране постепенно наметился культурный и экономический подъем. Именно на этом фоне происходило

зарождение и становление краеведческих обществ в губернских центрах Российской империи.

Начало третьего этапа истории развития региональной археологии приходится на период начала 60-х годов XIX в. и связано с именем одного из самых известных уральских краеведов – Руфа Гавриловича Игнатьева (1818–1886). Родоначальником регионального краеведения мы считаем П.И.Рычкова, но именно Р.Г.Игнатьев стал краеведом в истинном понимании этого слова. Если П.И.Рычков впервые описывал древние памятники, то Р.Г.Игнатьев не ограничился простыми описаниями, он сам проводил раскопки и даже задумал составить археологическую карту Южного Урала.

В апреле 1863 г. в адрес Оренбургского статистического комитета, который размещался в это время в г.Уфе, поступил циркуляр МВД, предписывающий статистическим комитетам принять участие в сборе сведений об отечественных древностях, и обязывающий содействовать Императорской археологической комиссии. Оренбургский губернский статистический комитет обратился с этим предложением к Р.Г.Игнатьеву, проживавшему в то время в Верхнеуральском уезде. В начале июля того же года Игнатьев дал свое согласие заняться сбором информации исторического и археологического содержания в пределах Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии (ныне – территория Челябинской области). К непосредственной реализации этой идеи он приступил в августе 1863 г., в процессе служебных поездок в Зауральских районах. Зимой 1863 г. им был подготовлен отчет о собранной информации для Археологической комиссии и Статистического комитета, а также заметка для «Оренбургских губернских ведомостей». Полевые работы были продолжены в марте 1864 г. Игнатьев обратился за содействием в полицейские уездные управления для получения распоряжений о собирании необходимых ему сведений на местах. Разведки он проводил со всей доступной ему тщательностью – пешком, на пролетке, верхом, стараясь

охватить максимально большее количество населенных пунктов и территорий. Он "обращал полное внимание на наружное устройство курганов, точное обозначение местности, расстояния от жилых мест, дорог, лесов, озер, рек, ручьев, расстояние между собою, тщательно собирал предания" (Архив ИИМК РАН, ф.1 – 1864 г. Отчет I. С.15). Р.Г.Игнатьев обращал внимание на визуальные и типологические различия памятников, разделяя их: на курганы земляные и каменные, кольцевые оградки, руины древних зданий, валы, городища, «каменные идолы», ямные рудные копи, и т.д. Он описывал современное ему состояние древних объектов, их сохранность, приводил примеры и даты разрушений или ограблений. Игнатьев подчеркивал негативное отношение местных жителей к раскопкам, и в тоже время говорил о систематическом разрушении памятников, особенно "обывателями горных заводов" (Архив ИИМК РАН, ф.1 – 1864, №21. Отчет II. С.13). В 1864 г. Р.Г.Игнатьев осуществил свои первые раскопки на Урале, у с.Таловского. Работы были безуспешными, поскольку "курганы и валы" возле этого села оказались остатками солдатского укрепленного лагеря.

По окончании "полевого сезона" Игнатьев готовит отчет для Археологической комиссии, в котором обобщает итоги своих разведок, а также информацию, присланную на его запросы через полицейские управления. По сообщению С.Ю.Зуева, в архиве Института истории материальной культуры РАН (СПб.) хранятся три отчета Р.Г.Игнатьева и обширная переписка с сотрудниками Археологической комиссии. Всего за период 1863 – 1964 годов он описал 40 курганов и курганных групп, 1 древний вал, 28 ямных копей и непосредственно приступил к составлению археологической карты восточных уездов Оренбургской губернии. Общее число зафиксированных им памятников археологии составило 861 курган, 7 городищ, мавзолеей и 28 древних копей на современных территориях Башкортостана, Челябинской и Курганской областей. Часть из них

неизвестны современным специалистам. Он старался не только описывать памятники древности, но и по возможности вычерчивать планы (схемы) археологических памятников. Например, он зафиксировал интересный объект из четырех валов и восьми курганов в Карагай-Кипчакской волости, в 5 верстах от дер.Биляловой, у горы Ирендык, в урочище Кыпчак (ныне – Республика Башкортостан). Валы насыпаны из земли и камня полуквадратом с двумя выходами, высотой 1, 1,5 и 1,75 аршина. Насыпи курганов из земли и камня имели высоту 2, 2,25, 1,25 саж., окружность 20-36 саженей.

Он писал: "Я буду слишком счастлив, если нынешние мои работы послужат лишь указанием для будущих деятелей, что начатое мною дело будет завершено несравненно лучше и поведет к важным научным открытиям" (Там же, ф.1 – 1864. Отчет 1. С.19-21). Итогом работ Игнатьева в Зауралье стал свод памятников данных территорий, подготовленный им в 1864-65 годах: "Описание этих уездов у меня готовы. Недостаёт только планов и рисунков, изготовление которых зависит теперь уже от разрешения нового Оренбургского губернатора" (Там же, ф.1 - 1864, №21). Но такая возможность ему предоставлена не была. Р.Г.Игнатьев после раздела Оренбургской губернии и выделения Уфимской был отозван в г.Уфу и все его последующие работы связаны с Приуральем.

Многолетние работы в архивах Уфы, Оренбурга, Уральска, Троицка, Златоуста позволили собрать огромные фактологические материалы по истории и археологии региона (Рахимкулов, 1982. С.196-197). Особенно Р.Г.Игнатьев выделял архив Тургайского областного правления в Оренбурге, поскольку пожар 1759 г. в Уфе уничтожил множество дел Уфимского губернского правления и Гражданской палаты (Филоненко, 1912. С.165). Важно отметить, что Р.Г.Игнатьев был одним из первых исследователей, обратившим внимание на такой содержательный источник XVIII – XIX веков, каким являются «Экономические примечания к генеральному межеванию». В этих "Примечаниях ...имеются сведения о древних курганах,

о развалинах, пещерах..." (Хисамитдинова, 1994. С.19). Хотя, конечно, это информация скорее источниковедческого плана, нежели историографического.

В декабре 1889 г., во время пребывания в Оренбурге известного путешественника Н.М.Пржевальского, генерал-губернатор Н.А.Кржижановский в Городской Думе обратился к слушателям с речью о настоятельной необходимости подробного и всестороннего описания Оренбургского края. Занятия по истории, археологии и этнографии степного региона, на основе многочисленных рекомендаций, были возложены на специально для этого приглашенного члена многих ученых обществ – Р.Г.Игнатьева. Он активно взялся за работу, но после упразднения должности генерал-губернатора и увольнения Кржижановского, эта идея не была реализована, тем более что вскоре Р.Г.Игнатьев умер.

Руф Гаврилович стал первым исследователем, осознавшим необходимость целенаправленного изучения памятников археологии, причем не только ярких монументальных объектов – мавзолеев, пещер, городищ, но и курганов. Не случайно современные исследователи называют Р.Г.Игнатьева "замечательным краеведом, ...первым историком и археологом Оренбургского края" (Рахимкулов, 1982. С.194).

Р.Г.Игнатьев несколько лет занимал должность смотрителя музея в г.Уфе, вплоть до своего отъезда из Уфимской губернии. Руф Гаврилович был членом Московского археологического общества, основанного в 1864 г., и публиковал свои статьи по археологии на страницах ее серийного издания – «Древности» (Игнатьев, 1870-б. С.46-47; Он же. 1870-а. С.54-56). Р.Г.Игнатьев и Ф.Д.Нефедов одновременно были привлечены к сотрудничеству в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Р.Г.Игнатьев получил приглашение участвовать в работе Антропологической выставки 1879 г. в

Москве^{*}, а еще ранее, в 1869 г. он подготовил доклад для I Археологического съезда в г.Москве. Сразу же отметим, что сам Р.Г.Игнатъев на съезде не смог присутствовать, но его доклад был зачитан, а текст опубликован на страницах Трудов I АС (1871. Т.1. С.153-158). Обращает на себя внимание уровень подачи материалов в докладе Игнатъева. Таких программных и в чем-то итоговых обобщений на I Археологическом съезде прозвучало не так уж и много. Основная масса работ посвящена каким-то определенным видам памятников с довольно ограниченных территорий. Р.Г.Игнатъев пишет: "Древности Уфимской губернии, доселе забвенныя, приведены мною в известность, и описание их и археологическая карта губернии уже составляются мною, а по Оренбургской губернии археологически описаны только три уезда – Троицкий, Челябинский, Верхне-Уральский и часть Орскаго" (1871. С.153). Игнатъев называет чудь древнейшими обитателями уральского края, он считает, что это название происходит от слова "чужой, неизвестный, давно исчезнувший народ" (Там же. С.155). Кроме того, он особо подчеркивает, что башкиры не называют курганы и городища чудскими, а связывают их с ногайцами или Золотой Ордой (Там же). Кратко упомянув виды археологических объектов в регионе – городища, курганы, мавзолеи, валы, он поднимает вопрос о необходимости разработки инструкций для описаний древностей: "необходимо, по моему мнению, пересмотреть и дополнить «Записку для обозрения русских древностей» и составить новое руководство, обнародуя его с той же целью приглашения любителей-специалистов содействовать с пользою археологам и Археологическим обществам" (Там же. С.158). Одним из главных итогов работы, по мнению Р.Г.Игнатъева, должно было стать составление

^{*} среди фотографий участников Антропологической выставки есть фото Р.Г.Игнатъева (ИОЛЕАЭ, Т.35. Ч.1. 1880. Вып.2. С.222).

археологической карты региона. И сам он работал над реализацией этой идеи практически всю оставшуюся жизнь.

Однако, когда Р.Г.Игнатъев обратился в Археологическую комиссию (СПб.) с предложением своей помощи в подобной работе, он получил отказ в достаточно грубой форме. Обращаем внимание на тот факт, что в случае реализации предложения Р.Г.Игнатъева о содействии ему в деле составления археологической карты Южного Урала, она стала бы первой региональной археологической картой в истории России. То, что этот проект был вполне по силам Игнатъеву, говорят его наработки, материалы к археологической карте, которые и были опубликованы в Известиях археологической комиссии в 1903 году.

Обзорные статьи Игнатъева о памятниках Южно-Уральского региона были высоко оценены специалистами. Не случайно после смерти Р.Г.Игнатъева расширенный вариант обзора древностей региона был издан на страницах Известий археологической комиссии в 1903 году (Игнатъев, 1903. С.96-122) в Санкт-Петербурге. Его статьи и, особенно, его материалы к археологической карте сами стали источником ценной информации о памятниках древности, большая часть из которых не сохранилась до наших дней – многие курганы распаханы или разрушены при строительстве.

В сводке курганов Южного Урала он упоминает отдельные насыпи и целые курганные группы (34 и более насыпей), сообщает особенности (земляные, каменные, поросли кустами, распахиваются и т.д.), а иногда указывает их размеры. Например: "На степной стороне хребта Ярендик по восточному склону этого хребта (Тамьяно-Тангауровской волости – *Авт.*) три группы курганов; 2) в 10 верстах от первой группы – 10 курганов, по восточной стороне берега озера Атаула; 3) в 3 верстах, на южном берегу озера Айры, в 100 саженьях от берега – 3 кургана. Насыпи земляные с щебнем и кустами" (Игнатъев, 1903. С.104). У авторов XIX в. редко где мы можем обнаружить подобные подробности. А для нашего региона описания

Р.Г.Игнатьева даже сравнить не с чем.

Столичные ученые, представители молодой развивающейся науки – археологии, реально понимали, что какие-либо обобщения о российских древностях невозможны без привлечения материалов огромного Уральского региона. Тем более, что эти области объективно являются связующим звеном западных и восточных территорий Российской империи. Представители зарождающегося регионального краеведения раскопали очень немного курганов. Ситуация начала резко меняться в 80-е годы XIX века, и эти события связаны с приездом на Южный Урал специалистов столичных центров России. В 1884 году в Оренбуржье, на р. Урал раскопки проводит Филипп Диомидович Нефедов (1838–1902), совместно с самарским фотографом К.А.Фишером.

В это время сотрудники ОЛЕАЭ активно готовились к проведению в Москве в 1879 г. большой антропологической выставки. Подготовительный комитет возглавлял А.П.Богданов – один из родоначальников антропологии в России, выдающийся организатор науки. На антропологической выставке готовился к показу доисторический отдел, где должны были быть выставлены археологические находки. По этой причине для исследований планировались курганы и грунтовые могильники древних племен, главным образом на юге и востоке России.

Ф.Д.Нефедов копал мусульманские захоронения касимовских татар (Нефедов, 1878. С.56-61), а позднее выехал на Южный Урал. Полевые исследования Ф.Д.Нефедова и К.А.Фишера 1884 года в Оренбуржье (могильник "Пчельник") проводились на средства ОЛЕАЭ, а находки позднее переданы в ГИМ (Нефедов, 1886). На протяжении десяти лет он проводил раскопки в степной и лесостепной зоне Предуралья, где были исследованы курганы, заброшенные кладбища и городища (Нефедов, 1899). 19 октября 1888 г. Ф.Д.Нефедов зачитал свой доклад о раскопках в Оренбургской губернии на публичном заседании в Оренбургском губернском

статистическом комитете (ТОУАК. Вып.34. С.8). В 1887 году Ф.Д.Нефедова избирают членом-корреспондентом, а в 1894 г. – действительным членом Московского археологического общества. Материалы раскопок Нефедова до сих пор полностью не изучены. Не найдены его чертежи и планы курганов и погребений. Коллекции находок хранятся в Санкт-Петербурге (Эрмитаж), Москве (ГИМ), Уфе (Национальный музей РБ).

Ф.Д.Нефедов провел в 80-е годы XIX века широкомасштабные раскопки в Приуралье. Эти стационарные работы явились не только самыми массовыми исследованиями курганов в XIX в., но и за всю историю региональной археологии! По нашим подсчетам, за три года работ (1884, 1887, 1888 гг.) он вскрыл 116 курганов эпохи средневековья (IX – XV века) в 14 могильниках (в 17 группах курганов). Мы рассматриваем только средневековые памятники, но он исследовал также курганы эпохи бронзы и раннего железного века. Например, в 1884 году Ф.Д.Нефедов вместе с К.А.Фишером насчитали 60 курганов в могильнике Пчельник, из которых они раскопали 32. Девятнадцать курганов датируются эпохой средневековья, 7 – не были докопаны (м.б. жертвенники?) и еще 6 – возведены в эпоху бронзы или являются памятниками раннего железного века. Самым плодотворным оказался 1887 год, когда были исследованы 72 средневековых кургана в десяти могильниках (в 11 курганных группах).

I. 1884 г. - могильник Пчельник, всего 60 курганов, раскопано 32 насыпи, из них 19 средневековых (7 жертвенников). Всего вскрыто в 1884 г. – 26 (19+7) курганов.

II. 1887 г.: 1) могильник Пчельник, всего 60 курганов, раскопано 7 средневековых насыпей; 2) Мертвые Соли, всего 25 курганов, раскопано 10 курганов (все 10 – эпохи средневековья); 3) Мертвецовский, Группа I, свыше 200 курганов, раскопано 3 кургана; Группа II, раскопано 7 насыпей; 4) Тимашев Колок, всего 8 курганов. Группа I, раскопано 3 насыпи; Группа II, раскопано 5 насыпей; 5) Лиман, раскопано 6 насыпей; 6) одиночный курган

Ханская могила, раскопан – 1; 7) Сорочинский, всего 4 кургана, раскопана 1 насыпь; 8) Новосергиевский, всего 12 курганов, раскопана 1 насыпь; 9) Алебастровы горы, всего 150 курганов, раскопано 20 средневековых курганов. Всего раскопано в 1887 г. – 72 кургана.

III. 1888 г.: 10) Павловская станица, раскопано 7 курганов; 11) Казенная мельница, всего 12 курганов, раскопано 8 насыпей; 12) Илецкая защита, раскопано 3 кургана; 13) Аул №1, автор говорит что курганов было много, Группа I, раскопано 3 насыпи; Группа II, раскопана 1 насыпь; 14) Аул №4, всего 20 курганов, раскопано 3 насыпи. Всего раскопано в 1888 г. – 25 курганов.

Итого за три года раскопок: 1884 г.: могильников – 1; погребений – 19+7 жертвенников; 1887 г.: могильников – 10; из них: групп – 12; погребений – 72; 1888 г.: могильников – 5; из них: групп – 6; погребений – 25.

Всего: могильников - 14*; из них групп – 17; погребений – 123.

Большая часть раскопанных курганов содержала основные захоронения (105 погр.), и еще 7 насыпей мы условно относим к разряду ЖПК (Пчельник). В трех случаях (Ханская могила, Сорочинский и Новосергиевский) мы предполагаем, что могилы были впускными (у них слишком высокие насыпи для средневековых курганов, и, видимо, Ф.Д.Нефедов расчистив впускные захоронения, глубже не копал).

Ф.Д.Нефедов выбирал для раскопок курганы с небольшими насыпями, поэтому больше всего было исследовано средневековых кочевнических захоронений. Раскопкам подвергались земляные и каменные насыпи. В средневековых курганах встречались как безинвентарные мусульманские захоронения, так и погребения с вещами: а) IX – XI вв. (огузы и печенеги) – 9; б) XI – начало XIII вв. (кыпчаки домонгольского периода) – 0; в) XIII –

*Следует учитывать, что в 1884 и 1887 гг. раскопки велись на одном могильнике – Пчельник, поэтому он считался за одну единицу.

середина XIV вв. (золотоордынский языческий период кыпчаков) – 45; г) вторая половина XIV – XV века (золотоордынский мусульманский период кыпчаков) – 53; жертвенники – 7; средневековые неопределимые захоронения – 1.

Из отчетов Ф.Д.Нефедова становится ясно, как много было курганов в Оренбуржье и Западном Казахстане во второй половине XIX века. В могильнике Пчельник он упоминает 60 насыпей, на «Курганном поле» у пос. Мертвецовский фиксировалось свыше 200, а на Алебастровых горах – 150 курганов (Нефедов, 1899-а). В его работах можно встретить такие формулировки – "масса курганов" (Аул №1 Каратугайской волости), и, вообще, "ими за незначительными перерывами усыпана вся степь" (Нефедов, 1899-а. С.3, 8). Больше всего курганов Нефедов раскопал на территории запада и юга Оренбургской области, несколько меньше – на севере современной Актюбинской области Казахстана. Судя по описаниям, он старался разнообразить выбор мест раскопок – объекты стационарных работ располагались на вершинах гор и сыртов, у их подножия, вдоль рек, в открытой степи, в поймах. Нефедов явно желал получить как можно больше информации о курганах степи и народах ее населявших. И все же, Ф.Д.Нефедов проявил себя как целеустремленный и неутомимый полевик, а не как научный интерпретатор археологических источников. В этом объективно проявился уровень развития региональной археологии. Региональная археология только лишь входила в фазу выявления и накопления археологических знаний. Собирая и записывая фольклорные источники, исследователь опирался на них при интерпретации своей базы археологических источников. Ф.Д.Нефедов считал древних обитателей лесостепной зоны уграми (чудаки, югора). Он писал: "В Приуральском крае до сих пор живут предания, что в старину по обоим сторонам Урала обитала чужь" (Там же. С.47). Курганы степной полосы, в которых попадались

костяки без вещей Филипп Диомидович называл ногайскими или киргизскими (Там же. С.11, 29).

В период подготовки к Антропологической выставке 1879 г., Нефедов на средства ОЛЕАЭ при Московском университете, совершил несколько поездок в Южноуральский регион, с целью ознакомления с местными памятниками археологии. Объективно оценивая ситуацию второй половины XIX века в деле изучения памятников археологии на Урале, он пишет: "В Самарской губернии археологические исследования совсем не проводились. Все, что нам известно, добыто путем расхищения кладоискателями курганов, рабочими при постройке железной дороги и т.д. ...О Тургайской области (вместе с Уральской) нам положительно ничего не было известно до самого 1884 года"* (Там же. С.2-3). В своей первой статье, посвященной памятникам археологии Южного Урала, он описывает находки древних погребений в пещерах Оренбургской области (эта информация была сообщена Нефедову Р.Г.Игнатьевым),

В методическом плане, работы Ф.Д.Нефедова оставляют желать лучшего, хотя они находились на том уровне, какой был принят у специалистов того времени. Он копал курганы колодцами, иногда не завершал свои раскопки. При этом можно привести пример того, как исследователь через годы возвращался и заканчивал раскопки кургана, начатые ранее. В 1884 г. Нефедов вместе с К.А.Фишером приступил к вскрытию крупной насыпи могильника Тамар-Уткуль (Соль-Илецкий р-н Оренбургской обл.), но они "за неимением целесообразных инструментов, не доведены раскопкою до конца". В 1887 г. Ф.Д.Нефедов все-таки закончил вскрытие насыпи кургана, под которой выявлены сарматские захоронения с вещами (в том числе, и золотыми) (Нефедов, 1899-а. С.6).

* под 1884 г. Нефедов подразумевает свои раскопки (совместно с К.А.Фишером) на р.Илек.

Материалы, полученные Ф.Д.Нефедовым, привлекли внимание столичных специалистов. Материалы его раскопок и сборов составили значительную по объему коллекцию уральских древностей, для музеев Москвы (ГИМ) и Санкт-Петербурга (Эрмитаж). Результаты многолетних исследований Нефедова не утратили своей научной значимости до сих пор, и ни одна современная обобщающая работа по археологии Южного Урала не обходится без упоминания его полевых исследований.

Начало третьего этапа истории изучения древностей Южного Урала непосредственно связано с работой Р.Г.Игнатьева, а затем и Ф.Д.Нефедова – самых известных и активных краеведов-любителей XIX в. в нашем регионе. Но выявлением и изучением памятников археологии эпохи средневековья за период с начала 60-х годов XIX в. и до 1917 г. занимались не только они. Развитие археологического краеведения в это время приобретает тенденцию поступательного процесса. Не случайно третий период мы называем краеведческим (любительским). За эти годы в регионе происходит становление археологии как особой науки в форме археологического краеведения. Основная часть интересующих нас статей, заметок и монографий, опубликованных в конце XIX – начале XX в., подготовлена авторами, постоянно проживающими в Волго-Уральском крае (Р.Г.Игнатьев, А.В.Попов, А.Л.Аниховский, И.А.Кастанье, и др.). Приезжие исследователи в это время также вносили свой вклад в дело развития региональной археологической науки (Ф.Д.Нефедов, Э.Ю.Петри и др.).

Активное и достаточно быстрое становление краеведческих обществ в Уфе, Екатеринбурге, Оренбурге и других городах региона показало наличие мощных интеллектуальных, организаторских, просветительских сил в российском обществе. Кроме того, нашлись свои меценаты и спонсоры. В это время возникают не только коллективы энтузиастов – подвижников краеведения, но и, благодаря их усилиям, складываются фонды музейных собраний в Уфе, Оренбурге и других городах. Собираение личных коллекций

антиквариатов и раритетов различных видов становится делом обычным. Обладателями крупных частных коллекций были краеведы-любители А.И.Добромыслов, И.А.Кастанье (АКК, 1960. С.11). Впоследствии многие из этих частных собраний попадали в музейные фонды, пополнив собой музейные коллекции.

Государственная поддержка с начала XX в. становилась все более ощутимой и значимой. Но этот процесс был искусственно прерван в 1917 г. За период Октябрьского переворота и Гражданской войны вся довольно стройная система дореволюционного краеведения рухнула в одночасье, и уже никогда не возрождалась в тех формах, в которых она существовала до революции. Естественно, если оценивать события и работы XVIII – XIX веков с точки зрения уровня развития современной археологической науки, можно обнаружить массу недостатков. Раскопки были эпизодическими и малочисленными, а археологические культуры на территории России специалисты вообще только начали выделять. Не с чем было сравнивать полученные материалы раскопок. "Каждое поколение археологов видело в памятниках древности то, что подсказывала ему эпоха" (Формозов, 1975. С.11). Справедливо ли критиковать труды наших предшественников, которые "уже не удовлетворяют нас с методической стороны" (Формозов, 1975. С.6), особенно если это касается краеведов с периферии?

Наши оценки краеведческого этапа в истории региональной археологической науки основываются на сравнении его с более ранним периодом (XVIII – начало XIX вв.), а не с современностью. И здесь мы видим значительное число новаций, практически по всем структурным составляющим нашей науки. На протяжении третьего этапа исследователи-энтузиасты успели сделать очень много в плане фиксации курганов, стационарного выявления археологических материалов, его музеефикации, и даже в деле охраны памятников. Конечно, не нужно забывать о том, что краеведение Волго-Уральского региона было лишь частью зарождающейся

общероссийской науки. Все достоинства и недостатки этого движения в нашей стране были свойственны для регионального уровня. Причем, недостатки здесь проявлялись явственнее.

Во второй половине XIX в. на раскопки в южные районы современного Башкортостана выехал Н.Л.Малиев. Полевые исследования он проводил в 1876 г. в Белебеевском уезде Гайна-Емановской волости, близ дер.Ильчигулово (ныне – Миякинский район РБ). Заброшенное кладбище, известное в народе как ногайское, расположено на правом берегу р.Демы, в 1,5 верст (1,6 км) вниз по течению реки от деревни, на вершине сыртообразного плато, в степи. "Большинство могил сравнялись с уровнем окружающей почвы, поросли травой, трудно различимы. Только некоторые могильные насыпи возвышались над окружающим на пол аршина (0,35 м) или несколько более и были обложены кругом камнями... Более высокие могильные курганы, принадлежавшие, как можно думать, судя по раскопкам, именитым людям, имели в длину 7 арш. (5 м), в ширину 5-5,5 арш. (3,55-3,9 м). При разрытии кости человека и другие вещи находимы были на глубине 2-3 арш. (1,4-2,1 м) и, обыкновенно, не прямо на дне могилы, а для отыскания их нужно было углубляться несколько в сторону... Покойников клали в боковые ниши... Кроме костей человека лежавших, обыкновенно, с вытянутыми вдоль тела руками, таким образом, что голова обращена была к востоку, а ноги к западу, в некоторых могилах найдены были и кости лошади (голенные и плюсневые), а также и некоторые другие предметы. В одной могиле, с более высокой могильной насыпью, нашлись рядом с костями человека остатки седла, железные удила, железное стремя. В другой – остатки полусгнившей дубовой доски... Никаких других следов гробов не найдено. Кроме остатков седла и лошади, в некоторых могилах найдено также несколько металлических медных вещей, принадлежавших к костюму: медные пуговицы – застежки к бешмету; и другие украшения костюма самой незатейливой формы; медная с каменной привеской серьга и т.п. ...Главное

приобретение мое заключалось в 5 черепах – 3 мужских и 2 женских; двух женских тазах и одной отдельной нижней челюсти... Длина бедренных костей в измеренных мною случаях равнялась 40-43,5 см" (Малиев, 1876. С.10-11). Малиев сообщает о том, что местные башкиры помешали дальнейшим раскопкам. Он упоминает также об исследованиях еще одного «ногайского» заброшенного кладбища в Белебеевском уезде, у дер.Туатей, но не приводит никакой информации об итогах своих полевых работ. Судя по краткому описанию Н.Л.Малиева, он вскрыл несколько мусульманских подбойных захоронений, а также погребения периода Золотой Орды. Об этом свидетельствуют находки серьги в виде знака вопроса, седла, стремян, удила и т.д.

В конце 80-х годов XIX в., в связи с подготовкой к VIII Археологическому съезду в Москве (1890 г.), в степях Казахстана раскопки проводились сразу в нескольких местах. В 1888 году в Уральской области (территория Букеевской орды), работала экспедиция под руководством А.Н.Харузина (1864–1933). Всего были вскрыты 22 насыпи, из которых двадцать одна датируются эпохой средневековья. Чаще всего встречались безинвентарные мусульманские захоронения (14 погр.). В шести курганах расчищены захоронения XIII – XIV вв., и еще в одном выявлены остатки мазара золотоордынского периода (Харузин, 1890. С.4-7).

В 1889 году в Кустанайском районе Кустанайской области П.С.Назаров в могильнике Кок-Ийюк расчистил пять мусульманских захоронений (Назаров, 1894. С.185-190). В том же, Кустанайском уезде Тургайской области, Эдуард Юльевич Петри (1854–1899) – профессор Петербургского университета, исследовал жертвенник эпохи средневековья в могильнике Биш-оба. Погребение не найдено, но обнаружены два каменных изваяния (ОАК–1889 г., 1889. С.55-58).

Из трех названных исследователей, лишь П.С.Назарова можно считать местным жителем. Двое других приехали из центра Российской империи для

проведения археологических исследований в нашем регионе.

Поездки А.Н.Харузина в Западный Казахстан в 1887 – 1888 гг. были организованы Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. По итогам этих работ он опубликовал несколько монографий («Степные очерки», 1888; «Киргизы Букеевской орды», 1889) и статей (Харузин, 1895) в «Этнографическом обозрении». Не меньшую известность автору принесло издание книги «Курганы Букеевской орды» (М., 1890).

В 1877 г. в связи с работой IV Археологического съезда в г.Казани обзорный доклад о древностях Самарской губернии подготовил управляющий государственным имуществом из города Самары Петр Владимирович Алабин (1824–1896). Он собирал и систематизировал информацию о случайных находках, любительских и грабительских раскопках на губернской территории, в том числе о курганах, каменных бабах, заброшенных кладбищах, грунтовых могильниках (Алабин, 1884. Разд.IV. С.1-7). Подобные обзорные сводки создавались и раньше (П.И.Рычков, Р.Г.Игнатъев), но с зарождением регионального краеведческого движения их становится все больше и информация, содержащаяся в них – все более полной. Имя Алабина имеет большую известность в связи с созданием им в Самаре публичного музея, который сейчас носит его имя. Однако он посвятил памятникам истории и археологии края несколько статей. Например, по его сообщению, в Николаевском полицейском Управлении несколько лет хранились вещи, выкопанные и переданные каким-то крестьянином: сильно проржавевший котел из листового железа, со следами отломанной ручки; железная кольчуга из мелких сплетенных колец, в виде рубахи до колен, с разрезами у шеи и на подоле (сзади и спереди, для удобства при сидении на лошади), с короткими рукавами, низким воротником; три железных спекшихся наконечников стрел или дротиков, а также серебряная золотоордынская монета (Алабин, 1895. С.11). Судя по

всему, мы имеем дело с находками из курганного воинского погребения золотоордынского времени.

Сообщения об интересных археологических находках изредка попадали на страницы местных и центральных изданий. Так, в 1894 г. в «Историческом вестнике» была помещена небольшая заметка, написанная П.Л.Юдиным (1894. С.166-172). Здесь упомянут уникальный памятник древности – Бугульминская пещера, и коротко описаны очень интересные находки, сделанные внутри нее. Пещера находится в 40 верстах (42,7 км) от г.Бугульмы, близ р.Сок (ныне – Бугульминский р-н Республики Татарстан), а в ней обнаружены кости людей и животных, деревянные колеса арбы, серебряное кольцо с бирюзовой вставкой, железные сабли и наконечники копий, топор, слиток серебра (10 золотников веса). Вещи, по всей видимости, относятся к эпохе средневековья, во всяком случае, перстень датируется XIV в. К сожалению, многие подобные сообщения мало известны специалистам*.

Историки и историографы по-разному оценивают уровень развития науки в период второй половины и конца XIX в. Если говорить объективно, следует признать, что для многих направлений исторической науки это был период взлета. В первую очередь, это касается археологии (Васюткин, 1975. С.156). Развитие краеведения в стране стало массовым явлением, и в начале XX в. многие работы энтузиастов-любителей получили заслуженное признание даже у специалистов элитарной Археологической комиссии Санкт-Петербурга.

Огромную работу по сбору и систематизации сведений поступающих в адрес Императорской археологической комиссии, начиная с 1892 г., проделал ее действительный член статский советник А.А.Спицын. Он фиксировал сведения о случайных находках и раскопках на территории европейских губерний Российской империи, частично публиковал эти сводки (Спицын,

* во всяком случае, Бугульминская пещера не упомянута в Археологической карте Татарстана.

1896-а; 1896-б). В архиве А.А.Спицына хранятся сведения о древностях Самарской (№183), Уфимской (№199), Саратовской (№184), Оренбургской (№173) губерний, Уральской области (№198) и т.д. (Бич, 1948. С.30-35).

Значение краеведческих исследований подтверждается хотя бы тем, что ни одна научная работа, изданная в наши дни, не обходится без упоминания археологов-любителей, таких как Р.Г.Игнатъев, Ф.Д.Нефедов или И.А.Кастанье. Работы их не утратили своего значения до сих пор и сами являются полноценным историческим источником.

Рассматривая итоги раскопок на территории Волго-Уральского региона в дореволюционный период, необходимо упомянуть эпизодические и узколокальные работы (не очень крупные, но известные тем, что материалы их поступили в музейные собрания региона). Еще в 1876 г., при строительстве железной дороги, рабочими был потревожен и разграблен грунтовый могильник эпохи средневековья на р.Большой Кинель, у с.Студенцы (Самарская обл.). Несколько погребений некрополя были доисследованы инженером Н.И. де-Рошфором (ЗРАО, 1896. Т.VIII. Вып.1-2. С.168-169), а вещи переданы П.В.Алабину для Самарского музея. Алабин упоминает этот могильник в нескольких своих работах (1884. С.3-4; СГВ, №74. 1886). В Самарском областном историко-краеведческом музее до сих пор хранятся находки с р.Большой Кинель – зеркало, стремя и т.д. (Васильева, 1979. С.236. Рис.17, 10-11).

Как уже отмечалось, к концу XIX в. в России явно наметился «всплеск» интереса к региональной истории. Местная старина все больше привлекает внимание образованных слоев общества. Любознательные и пытливые люди в губернских городах обращаются к изучению массовых источников на своих территориях, в первую очередь – археологических. На этом фоне в 80-90-х годах XIX в. в стране происходит создание целой сети научных учреждений, сыгравших значительную роль в деле становления и развития провинциальной науки. В Уральском регионе наибольшую известность

получила деятельность Уральского общества любителей естествознания (г.Екатеринбург) и Оренбургская ученая архивная комиссия. В этих организациях работали многие любители археологии, внесшие свой посильный вклад в развитие регионального краеведения.

Оренбургская ученая архивная комиссия была открыта в 1887 г., она стала восьмой в России и первой на Урале (Пирогова, 1988. С.71). Это краеведческое общество в Оренбурге благополучно просуществовало 30 лет, с 1887 и до 1918 года, и это при том, что "комиссии совершенно не были обеспечены материально, как в смысле бюджета, так и в смысле помещений и работников" (Там же. С.378). Ситуация сложилась так, что историческое краеведение (в особенности – археология) превратилось в главное направление работы сотрудников Комиссии, архивоведческие проблемы занимали подчиненное положение и мало привлекали внимание любителей местной истории.

Социальный состав Оренбургской УАК был достаточно пестрым, помимо предполагаемых при создании комиссий "образованных помещиков и чиновников" к краеведческой работе приобщались представители интеллигенции, учителя, врачи, инженеры, топографы, а также священники, купцы, казачьи офицеры, лица национальной (тюркской) интеллигенции. Причем, демократические тенденции в ОУАК явно преобладали. Например, А.В.Попов – многие годы возглавлявший работу Комиссии, был врачом; Д.Н.Соколов – земским начальником 11 участка; И.С.Шукшинцев и И.А.Кастанье преподавали в мужской гимназии; А.Л.Аниховский – работал топографом; А.П.Гра – преподавал в Неплюевском кадетском корпусе, а Н.П.Лысов имел звание хорунжего Оренбургского казачьего войска. Этот список можно многократно продолжить, но мы лишь еще раз подчеркиваем факт того, что сотрудники ОУАК были любителями и занимались историей Оренбургского края в свободное от основной работы время. Несмотря на это, а также учитывая отсутствие у большинства членов Комиссии специального

образования, работы отдельных краеведов носили для своего времени вполне научный характер и отвечали требованиям тогдашних научно-исследовательских организаций. Публикации материалов их раскопок не утратили своего значения до сих пор, кроме того, важно помнить о том, что яркие и интересные экспонаты большинства современных музеев обнаружены и приобретены дореволюционными собирателями фактического материала, авторами самых ранних обзорных описаний памятников. Да, конечно, они лишь приблизились к научному осмыслению археологических материалов, так и не переступив черту разграничивающую любительское краеведение и профессиональную археологическую науку. Но это не их вина. Они лишь начинали и, чаще всего, на пустом месте. Помимо всего прочего, не нужно забывать о том, что не только местные любители-краеведы, но и основная часть тогдашних известных российских археологов занимались чисто вещеведческой работой. Время крупных исторических обобщений еще не пришло.

Кстати, не надо думать, что археологи-любители не понимали значения аналитического изучения археологических источников. Вот что писал А.В. Попов в 1908 году: "Определить эпоху и народность археологических находок есть самое главное и самое трудное в археологии. Здесь приходится идти ощупью и чаще всего путем аналогий" (ТОУАК. Вып.23. С.64). В начале века источниковая база региональной археологической науки лишь только начинала формироваться. О большинстве археологических культур ничего не было известно, поэтому любые культурно-хронологические оценки неизбежно приводили к ошибкам.

Уже после официального открытия Оренбургской ученой архивной комиссии в 1889 г. было заявлено желание иметь свой музей (Там же. С.49), а 5 сентября того же года на одном из заседаний Н.Г.Иванов зачитал записку о расширении действий Комиссии, где "указывалось на необходимость приступить при первой возможности к раскопкам в Оренбургской губернии

курганов и тем предохранить от самовольного расхищения кладоискателями памятников отечественной старины". При этом предлагалось завершить составление археологической карты, начатой покойным Р.Г.Игнатьевым, а также принять в действительные члены Комиссии Ф.Д.Нефедова (Там же. С.51). В постановлении ОУАК было сказано, что "в виду отсутствия в среде ее членов специалистов по части археологических изысканий пригласить кого-либо из археологов-специалистов для указания членам Комиссии способов раскопки курганов и производства на первое время раскопок под его руководством". Ф.Д.Нефедов был избран в состав членов Комиссии. Кроме того, было отмечено, что археологическая карта, составленная Р.Г.Игнатьевым, хранится в Оренбургском отделе ИРГО, по этой причине сотрудники ОУАК обратились в ООИРГО с просьбой снять копию этого труда известного уральского краеведа (Там же. С.52). Основные задачи, стоящие перед зарождающимся историческим обществом, его сотрудники сформулировали таким образом: "...на первом месте, после научной разработки архивов, в ряду задач Комиссии, стоит охранение памятников старины от истребления их временем, людьми и стихиями" (Там же. С.65).

Подобные формулировки задач очень знаменательны, даже если учесть факт того, что Комиссия фактически не работала около шести лет. Лишь в марте 1896 г., после новых выборов, началось возрождение комиссии. В том году, "заведующим домом Комиссии" был избран А.В.Попов (ТОУАК. Вып.30. С.83). После покупки в 1897 г. здания для архива, работа еще более активизировалась и проводилась под председательством начальника штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майора П.П.Бирк. Уже в мае 1897 г. было объявлено об открытии музея, а летом были предприняты первые попытки проведения полевых археологических исследований, в том числе – раскопок. Главным объектом стационарных работ оренбургских краеведов стал курганный могильник на Бердинской горе близ города. При раскопках

под руководством А.В.Попова в кургане №2 было вскрыто впускное мусульманское захоронение эпохи позднего средневековья.

Таким образом, было положено начало исследованиям памятников археологии организованным сотрудниками ОУАК. Краеведы, интересующиеся археологией, использовали все доступные им способы получения информации о древностях региона. Ситуация сложилась таким образом, что именно любители археологии многие годы были самыми активными членами исторического общества, кроме того, А.В.Попов, И.С.Шукшинцев, А.Л.Аниховский, И.А.Кастанье, Д.Н.Соколов, А.П.Гра и другие поочередно занимали руководящие должности в Комиссии, тем самым направляя ее работы в русло археологического краеведения. Несмотря на все объективные и субъективные трудности, исследования Оренбургской ученой архивной комиссии с каждым годом набирали обороты. Процесс возрождения работы комиссии в 1895 г. способствовал притоку новых сил, именно они вынесли основную тяжесть работы последующих десятилетий. Так, в 1895 г. в ряды действительных членов были приняты А.В.Попов и И.С.Шукшинцев. Быть действительным членом Комиссии считалось делом престижным не только для русскоязычных жителей края, но и для национальной интеллигенции, и представителей деловых кругов: в 1902 г. членом комиссии становится С.-М.Ш.Рамеев, в 1906 г. – Р.А.Фахретдинов (в это время он работал в редакции газеты «Вақыт»), а муфтий - хаджа Мухамедьяр Мухаммед-Шариф Султанов вошел в состав Комиссии еще в 1899 г. (ТОУАК. Вып.6. С.191; Вып.19. С.14).

Александр Владимирович Попов (1867–1918) стал действительным членом в 1895 г., а уже в 1899 г. сменил в должности казначея ОУАК И.С.Шукшинцева (ТОУАК. Вып.6. С.190). Через год врач А.В.Попов был назначен товарищем председателя (заместителем) Комиссии. Эту должность он занимал до начала 1903 г., когда был избран председателем Комиссии

(ТОУАК. Вып.9. С.188; Вып.14. С.3, 130). С этого времени (1903 г.) Попов возглавляет работу комиссии вплоть до своей кончины в 1918 году.

Выпускник Казанского университета, уже в конце XIX в. заинтересовался археологическими работами. Раскопки курганов на Бердинской горе, начатые Поповым и его коллегами в 1897 г., продолжались в первые годы XX столетия. В результате исследован крупный курган "Шихан" и еще около 20 других насыпей. Несколько раз Попов и другие члены Комиссии посещали гору "Маяк", также расположенную вблизи г.Оренбурга (ТОУАК. Вып.29. С.59). В 1904 г. А.В.Попов предложил составить брошюру «Спутник археолога» как своеобразную программу по сбору археологических находок и пособие по методике раскопок. Многолетний, бессменный председатель Комиссии уделял много времени популяризации исторических знаний, например, он готовил рефераты по книгам известных российских ученых. В 1906 г. им был прочитан реферат монографии Н.И.Березина «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (ТОУАК. Вып.19. С.85-101). В качестве несомненной заслуги Попова, как председателя ОУАК, следует назвать его разработки предложений об охране памятников древности (1905 г.), которые являют собой "народное духовное богатство".

Неподдельный интерес к памятникам археологии, проявляемый А.В.Поповым, нашел поддержку и понимание у других сотрудников ОУАК. Так, одним из самых активных членов общества был титулярный советник Иван Степанович Шукшинцев, действительный член с 1895 года. Преподаватель мужской гимназии, он практически не проводил самостоятельных раскопок, но, тем не менее, внес большой вклад в дело развития археологического краеведения, он был историком-новатором. В 1902 году им был подготовлен «Краткий отчет деятельности Ф.Д.Нефедова в Оренбургском крае» (ТОУАК. Вып.14. С.118-119).

Еще в начале 1899 г. Шукшинцев внес предложение о рассылке анкет с целью сбора сведений о курганах, для составления археологической карты Оренбургской губернии. В течение того же года он подготовил и разослал эту анкету по районам Оренбургской губернии в адрес чиновников, священнослужителей, учителей. По мере поступления ответов на эту анкету, им были систематизированы полученные данные, и, по возможности, снабжены комментариями. Всего было получено 57 ответов с информацией о 459 курганах, 63 из которых были разграблены местными жителями. В итоге, И.С.Шукшинцев уже в 1900 году подготовил две большие статьи «Сведения о курганах Оренбургской губернии» и «Предания о курганах Оренбургской губернии» (ТОУАК. Вып.6. С.75-127, 128-138, 149, 174-175, и др.). Члены – сотрудники ОУАК постановили: "О всех случаях разрытия курганов доводить до сведения оренбургского губернатора". К 1903 г. Иван Степанович завершил картографирование сведений о курганах и дал согласие на подготовку (совместно с И.В.Аничковым) программы для сбора сведений о памятниках в казахских степях (ТОУАК. Вып.14. С.132, 158-159). Помимо прочего, Шукшинцев составил обращение к священникам, учителям, земским начальникам об осмотре берегов рек, озер и лугов на предмет находок старины и отправки их в музей Комиссии (ТОУАК. Вып.9. С.186-187).

Как уже говорили выше, археологи-любители Оренбурга с самого начала своей работы придавали важное значение составлению археологических карт Оренбуржья и Казахстана. В 1889 г. среди основных задач Комиссии была заявлена необходимость "докончить составление Археологической карты, начатой покойным Р.Г. Игнатьевым" (ТОУАК. Вып.30. Протокол 5 заседания. С.51-52). В 1904 г. председатель ОУАК А.В.Попов предложил приступить к составлению археологической карты Тургайской области. Члены Комиссии поддержали идею и постановили выделить для этой работы деньги (50 рублей), а также обратились с просьбой

о содействии к А.Л.Аниховскому (ТОУАК. Вып.16. Протокол №2. С.4). В 1908 г. карта курганов Кустанайского уезда была закончена (Гра, 1914. С.223). Еще раньше, в 1903 г. правитель дел Комиссии А.Л.Аниховский представил свой вариант археологической карты Оренбургской области (ТОУАК. Вып.4. Протокол №4. С.132).

Помимо анкетирования, сотрудники ОУАК использовали множество других способов получения информации о курганах. Например, периодически запрашивались справки о памятниках древности у работников изыскательских партий, работающих в степи. В 1906 г. было заслушано сообщение топографов Тургайской партии (Н.А.Агафонова, А.Г.Пославского, А.Н.Реезе и других) о земляных и каменных курганах на Илеке, Бердянке и других реках (ТОУАК. Вып.19. С.52-53). Собиралась и анализировалась информация, напечатанная в периодической прессе («Оренбургская газета», «Оренбургский Листок», «Тургайская газета», и т.д.) (Там же. С.56). Председатель Комиссии А.В.Попов постоянно готовил сводки о памятниках древности из писем в ОУАК, газетных статей, устных сообщений посетителей музея, и периодически докладывал эту информацию на заседаниях Комиссии.

Вопросы этнической принадлежности постоянно привлекали внимание сотрудников Комиссии. В мае 1904 г. А.В.Попов прочитал доклад «Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской области», в котором он утверждал, что "со II в. р.х. в наших степях мы видим царство гуннов", которых в VII в. сменили (и ассимилировали) уйгуры. "К этой старой смеси всевозможных номадов затем прибавились печенеги, тюрки, половцы. Тогда же, вероятно, в Южном Урале осели тюрки-башкиры... Из всего разнообразия этих племен и их остатков к IX в. по р.х. стали усиливаться и выделяться некоторые тюркские племена, получившая впоследствии название киргиз-казаков или кайсаков" (ТОУАК. Вып.16. Протокол №8. С.17-18). Попов считал, что в начале XVIII в. башкир к северу, за р.Урал,

оттеснили казахи. "Степные памятники древности – это преимущественно курганы и разного рода могилы, содержимое коих, по-видимому, можно отнести к чуду, скифам, сарматам, и кочевникам-тюркам эпохи переселения народов" (Там же. С.20). И.А.Кастанье считал, что курганы "киргизской" степи частью насыпаны "чудью" или же монголами (Кастанье, 1905-а. С.178).

1902 г. стал знаменательным в деле развития археологического краеведения в Оренбурге, поскольку в состав действительных членов были избраны А.Л.Аниховский и И.А.Кастанье.

Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939) родился в г.Горки Могилевской губернии в 1899 г., в 23-летнем возрасте, был зачислен топографом Тургайской переселенческой партии и приехал на работу в наш регион. Став действительным членом Комиссии, уже в том же году запросил Открытый лист и приступил к доисследованию кургана, раскапываемого жителями пос.Красногорского. Активный сбор информации о памятниках археологии и самостоятельные раскопки позволили Аниховскому подготовить две довольно крупные статьи по археологии – «Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области» и «Раскопка древних курганов-могильников в Тургайской области Актюбинском уезде» (ТОУАК. Вып.14. С.52-65, 66-79).

В последующие годы А.Л.Аниховский много времени уделял сбору сведений о древних памятниках на территориях современных областей – Актюбинской и Кустанайской (Казахстан). Но уже в 1908 г. Аниховский был переведен на службу в Саратовский, а через год – в Ярославский Крестьянский банк. В 1912 году А.Л.Аниховский уже жил в Ярославле, оставаясь членом ОУАК (ТОУАК. Вып.19. С.3).

Иосиф Антонович (Жозеф) Кастанье (1876–1958), выпускник Тулузского лицея во Франции, став действительным членом ОУАК в 1902 г., уже на следующий год приступил к составлению систематического каталога музея Комиссии. Помимо занятий археологией, Кастанье собирал

разнообразную этнографическую информацию (погребальные обряды калмыков-ламаистов, пережитки языческих верований казахов и т.д.). Иосиф Антонович много ездил по территории Оренбургской губернии, Казахстану и Средней Азии. Раскопки он проводил практически ежегодно, начиная с 1904 г., но для нашей темы наибольший интерес представляют его исследования 1904, 1906 и 1909 годов вблизи г.Актюбинска, где было вскрыто несколько курганов эпохи средневековья (Жаксы-Каргала и др.).

Итоги своих археологических работ Иосиф Антонович регулярно обобщает и докладывает о них на заседаниях Комиссии, а впоследствии печатает статьи-отчеты на страницах Трудов ОУАК. В 1906 г. И.А.Кастанье пожертвовал музею Комиссии часть своей коллекции и еще значительная ее составляющая была у него приобретена в 1916 г. (ТОУАК. Вып.19. С.11; Вып.35. С.236). В 1912 г. И.А.Кастанье уволился с работы "за переходом на службу в Туркестанский край" (ВОУО, 1912. Вып.6. С.457).

Приступив к самостоятельным раскопкам, И.А.Кастанье выработал свою методику полевых работ и описания курганов. Например, в отчете об исследованиях кургана Ашу-Сай в Актюбинской области Казахстана, который был раскопан в 1904 г., после описания внешних признаков насыпи он дает такую информацию о кургане и методике раскопок: "Размеры кургана следующие: окружность 48 м, диаметр 19 м, высота 1 м, глубина до костяка 1,5 м от горизонта. Раскопки велись следующим образом: камни, покрывавшие скаты кургана, сначала были сняты, затем сверху начались работы. Слой за слоем был снят, так что поверхность, занимаемая курганом, была всегда ровна; за 10-15 см до уровня земли встречалась круглая стена, сделанная из камней" (далее идет описание стены и могилы – *Авт.*) (Кастанье, 1905. С.196-197). Для своего времени, когда курганы копали траншеями или колодцами, эта методика послойных раскопок была вполне приемлемой даже с современной точки зрения. Конечно, сказанное не нужно понимать совсем однозначно. Сам И.А.Кастанье далеко не всегда копал

насыпи курганов на снос. Он также, как и другие археологи-любители нашего региона (А.Л.Аниховский, А.В.Попов), копал колодцами большие курганы (ТОУАК. Вып.24. С.73). Довольно часто в его отчетах можно встретить сообщение о том, что курган не был докопан (из-за нехватки времени, плохой погоды, отсутствия рабочих, противодействия местных жителей и т.д.). И все же факт появления таких методик в самом начале XX века показателен сам по себе.

И.А.Кастанье и другие сотрудники ОУАК постоянно отмечают уважительное отношение тюркоязычных народов региона к курганам и древним кладбищам: "...такие места [у казахов] святы и только в них хоронят они своих покойников; везде, где находится татарская могила (т.е. золотоордынская – *Авт.*), видны кругом и киркизския" (Кастанье, 1910. С.58). "Киргизцы почитают за крайнее беззаконие искать сокровище в прахе умерших людей" (Там же. С.82) И в то же время И.А.Кастанье часто сообщает о грабительских раскопках казахов: "В 15 верстах (16 км) от г.Актюбинска к Оренбургу, около караванной дороги разрывается ныне древний курган. Он весь сложен из камня... Курган разрывает киргиз Куктлей и доставляет камень на линию железной дороги для моста" (Там же. С.66). Еще ранее, в начале XIX века, Э.А.Эверсман (1820 г.) писал о том, что казахи из любопытства ("похоронены – ли там магометане или неверные") решили раскопать несколько могил (Там же. С.59). Подобных сообщений очень много можно обнаружить в протоколах ОУАК. Видимо, здесь можно говорить о справедливости слов о том, что из любого правила всегда есть исключения.

В 1906 г. на страницах Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии была опубликована статья «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в киргизской степи» (ТОУАК. Вып.16. С.206-224), подготовленную археологами-любителями А.В.Поповым и И.А.Кастанье, и

ее можно считать первой специальной источниковедческо-историографической работой по археологии нашего региона.

Главные научные труды И.А.Кастанье – две объемные книги о древностях степей Оренбуржья и Казахстана – изданы Оренбургской ученой архивной комиссией в 1910 и 1911 годах (ТОУАК. Вып.22. 1910; Вып.26. 1911). Наибольшую известность имеет монография «Древности киргизской степи и Оренбургского края», которая по своей сути является археологической картой памятников степной полосы. Она состоит из двух больших разделов, в которых памятники сгруппированы по географическому принципу – территории Оренбуржья и Казахстана. Внутри каждого раздела градация археологических объектов построена по административному принципу (Оренбургский, Орский, Верхнеуральский и другие уезды), но еще и по типу памятников – «Курганы и городища...», «Каменные бабы», «Развалины, киргизские святыни, могилы...», «Доисторические рудники и случайные археологические находки». Помимо этого, И.А.Кастанье включил в свою работу известные ему предания и легенды об учтенных им памятниках (Кастанье, 1910). Интересным, как нам представляется, выглядит раздел «Общий обзор раскопок» (Там же. С.27-35), это историографический и источниковедческий очерк полевых работ в Оренбуржье и Западном Казахстане. Завершает работу авторское приложение – «Историко-сравнительный этюд о каменных бабах», в котором рассмотрены вопросы назначения, хронологии изваяний, а также этнической принадлежности их создателей. Сразу же отметим, что взгляды И.А.Кастанье по данной проблеме нельзя считать самостоятельными, они полностью соответствуют представлениям этого времени (изображения убитых врагов, балбалы и т.д.). Однако автор попытался продемонстрировать многогранность своей научной эрудиции и с этой целью привлек заведомо немыслимые аналогии с территории Западной Европы и даже Южной Америки. Попытка задействовать совершенно разные по хронологии, культурной

принадлежности и произвольно подобранные материалы, была откровенно неудачной. И.А.Кастанье явно не хватало систематических знаний и никакими выдумками, предположениями, допущениями этот пробел восполнить невозможно.

Сказанное нами относится исключительно к «Этюду...», в целом же мы очень высоко оцениваем основную часть работы И.А.Кастанье. За несколько лет он сумел собрать и систематизировать огромный объем фактического материала. По сути дела, Кастанье создал одну из первых археологических карт в российской истории. Эта работа не потеряла своего научного значения до сих пор, и сама уже является полноценным источником. Работа снабжена большим числом рисунков памятников древности. Многие из них можно считать уникальными, поскольку сами памятники не сохранились до наших дней. И.А.Кастанье приводит свои рисунки курганов, мавзолеев и мазаров, каменных изваяний, но следует учитывать один печальный нюанс – Иосиф Антонович рисовал не очень умело. Введение к работе включает краткий исторический очерк, в котором упомянуты реальные и легендарные народы: чужь, аргипеи, печенеги, половцы, татары, джунгары и др. Уже в советское время Б.Н.Граков назвал эту работу Кастанье "трудом почтенным и, в меру возможности, полным" (Граков, 1930. С.62).

Если работа 1910 г. – это свод и карта памятников, то в монографии, вышедшей из печати в 1911 г., и названной «Надгробные сооружения киргизских степей», И.А.Кастанье попытался систематизировать и классифицировать древние памятники, описанные в книге, изданной в 1910 г. (Кастанье, 1911). Работа предваряется терминологическим анализом, рассмотрены термины "уба", "мар", "курган", "оба", "обо" и т.д. (Там же. С.5-25). Далее, Кастанье делит курганы по визуальным признакам насыпей – в виде кибитки, куполообразный, с панцирем из камней, в виде кучи камней, конусовидный, в виде оградки и т.п. Курганы с каменными изваяниями также разделены: с каменными бабами на вершине, с каменной бабой у подножия

ограды, курган со стелой и т.д. На сегодняшний день, подобное деление по формальным признакам выглядит архаичным и не используется в археологической науке. Куда более продуктивным представляется градации курганов – земляные или каменные. Кастанье обращает внимание на эти различия, но не придает им особого значения. Все погребальные объекты автор распределил на две большие группы – доисламские и мусульманские могилы. В первую группу отнесены, в основном, курганы, а во вторую – мазары и мавзолеи. Доля истины в этом есть, но сейчас не принято классифицировать насыпи по визуальным признакам, поскольку в один тип могут попасть курганы эпохи энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Каменные оградки алакульской или федоровской культуры эпохи бронзы включаются в один тип с казахскими мазарами. Таким образом, вся классификация И.А.Кастанье основана на формальных различиях насыпей над захоронениями различных эпох. Эти построения на сегодняшний день устарели, хотя в начале XX в. они использовались тогдашними исследователями. Это объясняется тем, что явно не хватало раскопанных материалов. Источниковая база археологии была небольшой и очень фрагментарной.

И.А.Кастанье рассматривал также такую категорию памятников, как земляные и каменные насыпи без погребений. По традиции он называет их сторожевыми курганами, памятниками общественно значимым событиям или сопоставляет с монгольскими обо. Сейчас специалисты называют эти памятники жертвенно-поминальными комплексами. Далее, автор книги рассматривает обряды погребений древних народов региона, а завершает работу раздел «Похоронные обряды киргиз» (Там же. С.25-32, 69-97).

Несмотря на то, что вся аналитическая часть монографии И.А.Кастанье сейчас представляет интерес разве что для историографов, но фактологические разделы (особенно о мавзолеях и мазарах) не утратили своего источниковедческого значения. В целом, можно полностью

согласиться со словами Э.Р.Хасанова о том, что Кастанье "немало содействовал прославлению Архивной комиссии как региональной школы археологии" (Хасанов, 1998. С.29).

"Археологические изыскания Комиссии не могли производиться в широких размерах по недостатку средств, но и то, что сделано было в этом отношении... еще раз доказывает громадные богатства Оренбургского края по археологии; вследствие этого заботы об охранении всех памятников старины, разбросанных в крае, составляли важную часть в деятельности Комиссии..." (ТОУАК. Вып.14. С.119). Итоги работы нескольких десятилетий существования Оренбургской ученой архивной Комиссии сложно выразить в нескольких словах. Это общественно-историческое общество, несмотря на небольшие финансовые государственные дотации последних лет своего существования, работало как историческое общество на общественных началах, сообразно местным условиям и региональным научно-познавательным потребностям. "На местном материале решался широкий спектр проблем, и велась многогранная деятельность, «специализация» же определялась не отдельными проблемами, а особенностями истории самого региона, в которой действовали Комиссии" (Макарихин, 1991. С.17). Б.Н.Граков выделял работу ОУАК на фоне других историко-краеведческих обществ и отмечал, что она состояла "в неутомимом и планомерном собирании сведений и посещении, описании, собирании памятников и т.д. ...Можно сказать, что Оренбургская комиссия подняла громадную работу" (Граков, 1930. С.63).

Плодотворная деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии достойно представляет третий этап истории развития региональной археологии. Краеведческий этап начался с активной работы энтузиастов-одиночек, таких как Р.Г.Игнатьев, и завершился коллективной исследовательской работой целого исторического общества. К сожалению, эта деятельность была искусственно прервана в годы гражданской войны и,

тем не менее, можно определенно утверждать, что уровень работы ОУАК вполне сопоставим с деятельностью наиболее известных исторических обществ Волго-Уральского региона, таких как Уральское общество любителей естествознания, Саратовская ученая архивная комиссия и т.д. В начале XX в. на территории Оренбуржья археологические исследования проводились практически только членами ОУАК.

Для работы в ОУАК и музее привлекались профессиональные археологи, например, В.Я.Толмачев. Сами сотрудники ОУАК, по мере возможности, также старались получить археологическое образование (А.Л.Аниховский). В.Я.Толмачев проводил разведки и раскопки на Южном Урале в 1910 г. Основные полевые работы проходили в Бугурусланском уезде Самарской губернии (Толмачев, 1914. С.111-116). В ходе разведочных работ Владимир Яковлевич обнаружил несколько новых памятников археологии, в том числе селища эпохи средневековья. К подготовленной им публикации материалов стационарных исследований был приложен перечень древних объектов Оренбургского уезда, сообщенный ему сотрудниками ОУАК (Там же. С.117-121). В статье, опубликованной на страницах Известий ИАК в 1914 г., включены также дополнения к своду памятников Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии (Там же. С.121-122).

Накопление сведений о памятниках региона в начале второго десятилетия XX века резко замедляется из-за трудностей и трагических коллизий I Мировой и Гражданской войн. В лучшем случае, эта информация оседала в архивах (она до сих пор еще очень мало известна и ждет своих исследователей). Тем не менее, работы краеведов-любителей дореволюционного времени не пропали даром. Уже в первые годы Советской власти, новые люди, пришедшие на смену энтузиастов древностей царской России, продолжили деятельность своих предшественников, опираясь на их наработки. Например, открытие в г.Самаре гуманитарного отделения

университета способствовало переезду на Волгу многих начинающих специалистов из центра России. Они авансом получили профессорские звания и приступили к преподаванию и краеведческой работе. Местный учитель П.А.Преображенский (1858–1942) уже в 1919 г. выпустил в Самаре популярную брошюру «Очерк истории Самарского края», к которой была приложена программа «Изучение местной истории и быта населения», II раздел этой работы посвящен памятникам истории и археологии (Преображенский, 1919. С.91-93).

Профессор Преображенский в разделе о древней истории не приводит каких-либо новых данных, вся информация о памятниках археологии Самарского края взята им из работ дореволюционного периода. Он дает суммарное описание курганов, которые большей частью имели небольшие размеры: аршин 1,5-2 (1,1-1,4 м) в высоту и сажень 5 (10,6 м) в окружности. "Курганы нередко делались добычею хищников-искателей кладов, многие курганы без толку изрыты и должны считаться погибшими для науки" (Там же. С.2-3). В сообщениях об этнической принадлежности памятников профессор также не оригинален, и в этом вопросе он полностью доверяет своим предшественникам: "Несомненно, что самарские курганы различного происхождения. Есть сведения, что в Бузулукском уезде встречаются курганы древней, полусказочной чуди, знаменитой своими медными рудниками. Обычные курганы, вероятно, принадлежат племенам финским и тюркским (в частности – татарам). Курганы крупных размеров могли быть насыпаны более древними обитателями края.

Кое-где (главным образом – на юге губернии) на курганах попадались грубо выбитые из дикого камня статуи, так называемые «каменные бабы». Одна из таких «баб» имеется в городском музее" (Там же. С.3).

Выше мы уже говорили о "чудских" древностях Волго-Уральского региона, поэтому отметим лишь, что подобные представления и этнические оценки в большом количестве содержатся в работах дореволюционных

авторов начала XX в. Приведем для примера взгляды А.Кривошекова, из его статьи «Исторические судьбы Оренбургского края» (хотя количество подобных примеров весьма многочисленно). "В очень древние времена в северо-восточной части этого края жили народы финского племени под общим названием "чудь", иные ученые называют их уграми и юграми... Памятниками пребывания в крае чуди остались многочисленные высокие курганы конической формы, разбросанные в пределах Оренбургской и Уфимской губерний" (Кривошеков, 1912. С.95).

В январе 1919 г. был подписан декрет Совета Народных Комиссаров о преобразовании бывшего пединститута в Самаре в государственный университет. Датой открытия университета постановлено считать 7 ноября 1918 г. (Годы и события..., Т.1. 2000. С.224, 230). Для работы в университете были приглашены многие специалисты, в том числе, археолог В.В.Гольмстен. Многие из них сразу же получили профессорские звания. Историко-краеведческая и археологическая работа в Самаре резко активизировалась. Члены Самарского археологического общества, Самарской ученой архивной комиссии и преподаватели Самарского государственного университета: академик В.Н.Перетц, профессора А.В.Багрий, А.С.Башкиров, В.В.Гольмстен и другие вошли в Комитет по заведованию Самарским городским музеем, который открылся после реорганизации в мае 1919 года. В том же 1919 г. САО вошло как составная часть во вновь созданное Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания (СОАИЭ) при Самарском университете (1919 – 1929)*. Краеведческая организация нового поколения ставила своей целью "исследование, изучение, собирание и охранение памятников древности, старины и искусства края с точки зрения археологии, истории, этнографии..." (Крайнова, 1995. С.137). Председателем Археологической

* деятельность САО и музея была фактически запрещена из-за попыток его членов спасти Полицейский архив (Чернова, 1996. С.73).

комиссии в составе СОАИЭ стал профессор П.А.Преображенский, археологическим музеем и библиотекой заведовала В.В.Гольмстен (1880 – 1942). В марте 1920 г. при СОАИА были созданы Высшие Этнолого-археологические курсы. Со временем планировалось превращение курсов в Самарский археологический институт для подготовки местных кадров археологов и расширения краеведческой работы. Особой активностью на археологическом поприще отличалась деятельность В.В.Гольмстен. Она исполняла обязанности секретаря на курсах, а председателем их (с 1923 г.) являлся П.А.Преображенский (Там же. С.139-141). Слушатели трехгодичных курсов принимали посильное участие в экспедиционных работах В.В.Гольмстен. Вера Владимировна свои выезды в «поле» планировала таким образом, чтобы территория Самарской области подверглась систематическому обследованию. В результате ее подвижнической деятельности была составлена "карта Заволжья и Самарской Луки с нанесенными памятниками, дневники всех экспедиций и чертежи, собрано большое количество вещественного материала" (Там же. С.142). Но еще более важно то, что в рамках Этнолого-археологических курсов профессиональную подготовку прошли многие известные археологи. Ее учениками были К.В.Сальников, А.И.Тереножкин, М.М.Кобылина, В.П.Мизинова-Шихобалова, А.А.Марущенко (Там же). Активно пополнялись фонды областного музея, издавались «Бюллетени» (№1-4 за 1925 и №1-4 за 1926 гг.) и краеведческие сборники («Краеведение», 1924). В 1923 г. университет осуществил первый выпуск специалистов, но в 1927 г. он был закрыт "из-за недостатка средств" (Годы и события..., Т.2. 2000. С.14-15, 25). Начался отток специалистов из Самары. В 1929 году СОАИЭ было реформировано в Самарское окружное краеведческое общество, которое возглавлялось Областным бюро краеведения (в него входили П.А.Преображенский, К.И.Каргер и др.), но кризис в работе краеведческих объединений г.Самары уже невозможно было не заметить. В 1929 году в

Ленинград для работы в ГАИМК уехала В.В.Гольмстен (Крайнова, 1995. С.142-157), работа в музее практически прекратилась (Лазарева, 1996. С.11-12), некоторые краеведы (М.Г.Маткин и др.) были репрессированы (Кузнецова, 1995. С.168-171). Так бесславно завершилось весьма важное и нужное начинание в г.Самаре. О подготовке местных кадров, специалистов в области истории, археологии и этнографии, можно было забыть на многие десятилетия. Для нашей темы значение имеют брошюры П.А.Преображенского (Ведерникова, 1996. С.70) и, особенно, статьи В.В.Гольмстен, посвященные археологическим памятникам. "Благодаря самоотверженному труду археологов, на территории Самарской губернии, бывшей на археологической карте белым пятном, было открыто свыше 1200 археологических памятников различных эпох – от палеолита до средневековья" (Богородцев, 1998. С.12).

К началу 20-х годов XX в. краеведение в Оренбурге не просто переживает кризис, работа фактически заглохла. Новым властям достались обширные коллекции музея ОУАК, горы архивных документов, пополнившиеся архивами расформированных губернских учреждений. И это все: при отсутствии здания музея; с неразобранными архивами; нереализованными планами создания в Оренбурге высшего учебного заведения (политехникума); при жесточайшем экономическом кризисе и повсеместной разрухе; а самое главное – при отсутствии специалистов (хотя бы и энтузиастов – любителей).

Но уже в 1919 г. начинается постепенная реорганизация работы краеведческого общества. В этот год на базе коллекций музея ОУАК создается Казакский краевой музей (КУС, 1927. С.70), которому передавалось здание бывшего офицерского собрания. В 1920 году было объявлено о создании Общества изучения Казакстана (ОИК), а уже с 1921 года в Оренбурге начинают выходить «Труды Общества изучения Киргизского края» (ТОИК). В составе этой общественной организации

объединились как бывшие сотрудники ОУАК (например, И.А.Зарецкий, действительный член ОУАК с 1915 г.), так и много новых людей, интересующихся историей.

Инициаторами создания Общества выступили историки А.П.Чулошников, А.М.Мелков, этнограф А.А.Диваев, почетный член ОУАК А.П.Гра, и другие (Ахметова, 1980. С.46). В Оренбурге ОИК работало в 1920 - 1925 гг., в Кзыл-Орде в 1925 – 1929 годах, а впоследствии было переведено в Алма-Ату (1929 – 1932 гг.). Все эти перемещения имели причиной частые изменения административно-территориальной принадлежности Оренбургского края. В 1920 г. была образована Киргизская (Казахская) автономная республика. Оренбургская губерния (в значительной своей части) вошла в ее состав. Оренбург превращается в столичный центр, но через пять лет город переходит в состав РСФСР. Столицей Казахстана становится Кзыл-Орда, а позднее – Алма-Ата. В 1928 г. Оренбуржье (в виде округа) включается во вновь образованный Средне-Волжский край, и лишь в 1934 г. создается отдельная Оренбургская область.

В печати в это время изредка появлялись заметки, посвященные памятникам археологии, но они по своему уровню и информативности значительно уступали статьям сотрудников ОУАК. В 1922 году была опубликована статья А.Л.Мелкова (ученого-секретаря ОИК) «Заметки о курганах», в которой автор только констатирует наличие курганов и перечисляет их (Мелков, 1922. С.64-65). Но даже таких статей было очень мало. Краеведческое движение советского времени в степном регионе только зарождалось, но и в нем людей, интересующихся археологией, практически не было.

В этой ситуации попытку возобновить полевые исследования в Казахстане предприняли ученые столичных центров. Не случайно, что Уральское отделение Общества изучения Казахстана обратилось к профессору П.С.Рыкову, директору Саратовского музея краеведения, с

просьбой о проведении разведок и раскопок на территории Западного Казахстана (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.43, 135-137). В ходе экспедиции в пределах современной Западно-Казахстанской (Уральской) области было исследовано несколько позднекочевнических погребений (Шипово, Зеленый, Чеган). Естественно, что у саратовских археологов имелись свои обширные планы на будущее, связанные с обследованием территории Нижневолжского края. Поэтому стационарные и разведочные работы в Уральской области стали лишь эпизодом.

К середине 20-х годов территория Западного Казахстана была очень плохо изучена, в том числе и в археологическом отношении. В начале 1926 г. СНК Казахской АССР обратился в Особый комитет по изучению союзных и автономных республик и областей (ОКИСАР) Академии наук СССР с просьбой о проведении на ее территории комплексных экспедиционных исследований. Эта экспедиция работала, главным образом, по инициативе Наркомзема республики (Ферсман, 1929. С.13, 29 и др.). В 1926 г. Казахстанская Академия наук сформировала Антропологический отряд для работы в западных районах республики. Имея своей главной задачей антропологические исследования в Актюбинском районе, отряд все же вел небольшие археологические исследования. Отряд возглавлял С.И.Руденко, а в его составе работал М.П.Грязнов, имеющий задачи "выяснения культурного прошлого Казахстана". Грязнов провел разведку к западу от г.Орска в пределах Актюбинской области (к югу от русла р.Урал, в ходе которой в нескольких пунктах проводились рекогносцировочные раскопки (Киргильда и др.), в том числе исследован жертвенно-поминальный комплекс эпохи средневековья (Кучукбай) (Грязнов, 1927. С.218).

В 1927 г. под г.Оренбургом (пос.Нежинский) начались стационарные работы экспедиции ГАИМК под руководством Б.Н.Гракова, в ходе которых было исследовано несколько захоронений IX – XI и XIII – XIV вв.

(Кривцова-Гракова, 1928). Раскопки к югу от Оренбурга (пос.Нежинский) Б.Н.Граков продолжил в 1928 г.

По иному поступили сотрудники ОИК в Актюбинской области и Оренбуржье. В 1927 г. был заключен договор И.А.Зарецкого с Обществом о проведении раскопок курганов, материалы раскопок должны были быть переданы в фонды Оренбургского музея. Бывший сотрудник ОУАК – Иван Антонович Зарецкий (1857–1936) – на десятилетие "возглавил" всю археологическую работу в Оренбурге. Уральский краевед, который родился в Украине, но значительная часть жизни которого была связана с Оренбургом, тесно сотрудничал с Б.Н.Граковым и активно помогал работе экспедиции ГАИМК. В 1929 г. он доисследовал погребения XIII – XIV вв. могильника Белошапочный в Халиловском районе. В последующие годы он осуществил раскопки в Губерлинских горах, Акбулакском, Саракташском, Оренбургском и других районах. В результате, краевед И.А.Зарецкий раскопал в долине р.Илек (т.е. в южных районах Оренбургской области) двадцать курганов, относящихся большей частью к периоду поздних кочевников (Зобов, 1993. С.23). Описания этих курганов пока еще не выявлены, инвентарь погребений, по всей видимости, при разделе Оренбургского музея большей частью были отправлены в г.Алма-Ату (Казахстан). В личном фонде К.В.Сальникова в архиве Уфимского научного центра РАН (г.Уфа) хранятся рисунки вещей XIII – XIV вв. из раскопок оренбургского краеведа. Данные железные вещи хранятся в Оренбургском краеведческом музее (ОРОМ – 2087; ЧКМ – 2086-4).

В 1935 г. И.А.Зарецкий раскапывает курганы в Оренбургском (Благословенка) и Акбулакском (Акбулак) районах Оренбургской области. Здесь были расчищены погребения эпохи средневековья. Его исследования постепенно привлекают внимание специалистов-археологов. Не случайно итоги полевых работ Зарецкого 1935 г., описанные им в небольшой статье, были опубликованы в Москве, в академическом издании «Археологические

исследования РСФСР в 1934-1936 гг.» (Зарецкий, 1941). К сожалению, этот полевой сезон был последним для 74-летнего человека, в августе 1936 г. И.А.Зарецкий умер во время очередной экспедиции.

Ю.С.Зобов совершенно справедливо отмечал: "Археологические работы Зарецкого хотя и не носили широкого и планомерного характера и имели целью, прежде всего, сбор материала, а не его теоретическое осмысление, но, несомненно, способствовали стиранию "белых пятен" в изучении древнейшей истории края" (Зобов, 1993. С.23). Реальные культурно-хронологические оценки памятников археологии в степном регионе были по силам лишь специалистам, и эта работа была еще далека от своего завершения. Конечно же, краеведы пытались по своему оценить материалы раскопанных захоронений, но их взгляды довольно часто были ошибочными или мало аргументированными. Так, И.А.Зарецкий считал, что он раскопал под г.Оренбургом (Благословенка) памятник скифо-сарматской эпохи, а на самом деле, это было типичное золотоордынское захоронение XIII – XIV веков: с парчой, саблей, стременами и деревянным гребнем (см.: «Оренбургская Коммуна». 11 августа 1935 г.). То же самое можно сказать о погребении близ Акбулака. Здесь был выявлен комплекс IX – XI вв., и он вовсе не относился "к началу железного века" (см.: «Оренбургская Коммуна». 4 октября 1935 г.).

Тем не менее, сообщения о раскопках в широкой прессе сыграли свою положительную роль в деле пропаганды исторических знаний. Проведение широкомасштабных археологических исследований академической экспедиции объективно способствовало росту интереса к памятникам археологии на местах. Помимо И.А.Зарецкого, раскопки в Оренбуржье проводил Д.И.Захаров (в 1925 – 1927 гг. – директор Оренбургского музея), в 1928 году им был исследован курган савроматского времени у с.Сара. В 1930 г. краеведческий музей открывается в г.Бугуруслане, а в 1939 г. – в г.Орске.

Общество изучения Казахстана просуществовало до 1932 г. и было

расформировано, как и все краеведческие организации СССР. Но работы экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) в конце 20-30-х годов в Оренбуржье и Западном Казахстане продолжались.

В 1925 г. в Поволжье и Предуралье начинает свои полевые работы Борис Николаевич Граков (1899–1970). В этот год он проводит совместные раскопки с сотрудниками экспедиции Саратовского университета, возглавляемых профессором П.С.Рыковым, на территории Республики немцев Поволжья (ныне – Саратовская обл.), у сел Блюменфельд (Цветочное), Кано, Харьковка. Полевые работы 1925 – 1926 гг. в Поволжье финансировались Государственным историческим музеем (Москва). Основной целью исследований считался поиск захоронений сарматского времени, но кроме погребений РЖВ Б.Н.Граков и П.С.Рыков вскрыли несколько позднекочевнических могил (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.137-141). Сарматские комплексы не были опубликованы в свое время и введены в научный оборот лишь в конце 90-х годов XX века (Гущина, Мошкова, 1999. С.42-59).

Погребения поздних кочевников, выявленные в ходе полевых работ Б.Н.Гракова, первое время, публикует его супруга – О.А.Кривцова-Гракова* (1928. С.228-299). Статья О.А.Кривцовой-Граковой стала первой печатной работой, в которой публиковались и анализировались материалы тюркоязычных кочевников эпохи средневековья нашего региона в советское время. Б.Н.Граков был одним из плеяды известных ученых (М.И.Ростовцев, П.С.Рыков, П.Д.Рау), заложивших основы изучения истории и культуры сарматских племен (см.: СА, 1971. №2. С.309).

В начале 1929 г. Б.Н.Граков подготовил статью, в которой подвел итоги археологических исследований на территории Западного Казахстана и

* о ней см.: Формозов, 1970. С.322-323.

Оренбуржья. Он подчеркивал: "Никакое разрешение общих археологических проблем невозможно без подробного изучения археологии отдельных местностей. Становится совершенно очевидной необходимость планомерного и многолетнего исследования любой территории, будь то Казахстан или другая из мало изученных" (Граков, 1930. С.60). Он назвал период XVIII – первой половины XIX вв. эпохой собирания и регистрации случайных сведений о памятниках региона. Следующий этап (80-е годы XIX в. – 1917 г.) в развитии местной науки о древностях характеризуется началом археологического исследования края специалистами столичных научных центров и, главным образом, местными краеведами. Б.Н.Граков отмечает недостатки этого этапа – случайный характер исследований, отдаленность края от научных центров империи; передоверение права ведения раскопок случайным лицам и мало подготовленным местным работникам; произвольный выбор мест раскопок и т.д. В то же время, он подчеркивал: "немногие предпринятые Археологической комиссией исследования принесли пользу, открыв интересные памятники" (Там же. С.61), а также то, что "...Оренбургская комиссия подняла громадную работу". "Третий этап археологического исследования начался лишь с окончанием лет гражданской войны. Пока что это только робкие шаги, но они уже показывают правильную линию, взятую с самого начала" (Там же. С.63).

Далее Б.Н.Граков изложил свои представления о культурно-хронологической ситуации на территории Казахстана на протяжении нескольких тысячелетий, начиная от эпохи неолита и до позднего средневековья. Автор совершенно справедливо относит захоронения VII – XII вв. к периоду господства в крае тюркских кочевников. Впервые в истории региональной археологической науки он выделяет курганы IX – XI вв., подчеркивает их близость древностям Дона и Днепра, и соотносит захоронения с конским чучелом с "половцами либо тюрками" (торками – *Авт.*). Он считает, что погребения с "китайскими" зеркалами и вещами XIII -

XIV вв. также принадлежали тюркам и татарам. Сейчас в справедливости подобных оценок уже никто не сомневается.

Одними из необходимых условий будущей работы Граков считал составление археологической карты, сбор библиографического материала, анкетирование. Охрана памятников археологии должна стать обязательной для местных музеев.

Таким образом, эту небольшую по объему статью следует считать не только итоговой работой, обобщающей имеющиеся археологические источники, но и программой работ на перспективу.

Полевые исследования в регионе в начале 30-х годов продолжались во все увеличивающихся масштабах. Очень многое здесь было сделано впервые: первые сплошные маршруты по рекам, с подробной фиксацией всех встречающихся памятников; массовые раскопки погребальных памятников различных видов (земляных и каменных курганов, выкладок, площадок, колец и т.д.); многолетние стационарные раскопки поселенческих памятников. В начале 30-х годов, также впервые в истории, проводятся широкомасштабные обследования памятников в обширной зоне строительства гидротехнических сооружений на р.Урал, в пределах Оренбургской и Челябинской областей.

Необходимость сплошного археологического обследования территории СССР неизбежно требовала усиления плановости полевых работ. В мае 1931 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР проводит специальную сессию по планированию археолого-раскопочных работ. Ставилась задача увязки полевых исследований с соответствующими научно-хозяйственными планами, прежде всего с пятилетними планами экономического и социального развития страны (Пряхин, 1986. С.150). В качестве приоритетных были выделены охранные новостроечные работы. Крупные комплексные новостроечные экспедиции АН СССР и ГАИМК начинают свою работу с конца 20-х годов (Днепрогэсовская, Волго-Донская, позже –

Камская и т.д.). В 1932 г. при ГАИМК был образован комитет по работам Академии на новостройках. Во главе комитета стал директор ГАИМК академик Н.Я.Марр, а его членами были Б.Н.Граков, В.В.Гольмстен и др. А.Д.Пряхин подчеркивал что "это было первой в мировой практике попыткой реализации планирования и централизации новостроечных археологических исследований" (Пряхин, 1986. С.174-180).

Перед сотрудниками Южноуральской археологической экспедиции, возглавляемой Б.Н.Граковым, были поставлены грандиозные задачи учета "всех видов памятников древности в районах проектируемых Гипроводом выше Оренбурга плотин Губерлинской, Орской, Ирыклинской (Ириклинской) и Магнитогорской" (Граков, 1935. С.91). Государственная Академия истории материальной культуры им. Н.Я.Марра в 1932 году формирует экспедицию, в состав участников которой входили, помимо Б.Н.Гракова, Павел Алексеевич Дмитриев (1902–1943) и Алексей Иванович Тереножкин (1907–1981). Всего было обследовано и учтено 838 погребальных сооружений в 168 курганных группах и могильниках, а также пять стоянок и две пещеры. Разведочные маршруты проложены по предполагаемым зонам затоплений и подтоплений на четырех участках: 1) районе водохранилища на р.Орь (в 21 могильнике – 204 объекта); 2) в окрестностях г.Орска (12 могильников – 41 памятник); 3) в зоне Ириклинского водохранилища, по р.Урал и ее притокам (Ирикле, Аще-Бутаку, Верхней и Нижней Орловке, Суундуку, Таналыку, Сухой Тышле и т.д.) (92 могильника – 311 погребальных сооружения, три стоянки и два пещерных святилища).

Таким образом, в результате полевых исследований Южноуральской экспедиции были основательно обследованы участки в верхнем течении р.Урал и низовья ее притоков, в восточной части Оренбургской и запада Челябинской областей. Автор отчета не только подробно указывал в тексте точную географическую локализацию памятников, но и отмечал степень

сохранности объектов, причины их разрушений. Судя по его описаниям, основной ущерб памятникам наносили грабительские раскопки местных жителей и извлечение камня на строительные нужды. Б.Н.Граков разделил все погребальные памятники на три вида, основанные на визуальных различиях: а) каменные кольца; б) земляные низкие курганы, диаметром 10-30 м; в) небольшие насыпи из камня, иногда образующие выкладки (Там же. С.96). Первый вид надмогильников был оставлен племенами эпохи бронзы, второй датируется скифо-сарматским временем, а третий – оставлен кочевниками-тюрками эпохи средневековья (Там же).

Как отмечал автор отчета, "раскопки вообще должны были играть в работе этого года подсобную роль и служить лишь для уяснения характера памятников и намечения объектов будущих исследований" (Там же. С.95). Тем не менее, рекогносцировочные раскопки проводились, и среди исследованных объектов было выявлено 13 захоронений эпохи средневековья, входивших в три различные группы (Худай-Берген, Швартау), расположенные на территории нынешней Оренбургской области и Казахстана. Б.Н.Граков отмечает, что средневековые могильники – "каменные площадки" иногда образуют огромные скопления – свыше 100 насыпей, хотя на вершинах гор обнаруживаются одиночные каменные курганы. Судя по описаниям в перечне памятников, большое число "каменных площадок" ныне затоплено.

В своем «Отчете» Б.Н.Граков характеризует исследованные памятники в культурно-хронологическом порядке: стоянки эпохи неолита (это "первые неолитические памятники в крае"), поселения андроновской культуры, погребения скифо-сарматской стадии в земляных курганах ("изученные лучше всего"), каменные площадки эпохи средневековья (XIII – XIV вв. и мусульманские захоронения). Очень важно подчеркнуть отношение Б.Н.Гракова к выбору объектов для раскопок. Он отказался от исследования земляных курганов скифо-сарматского периода (хотя именно они

интересовали его в научном плане), сделав упор на малоизученные памятники – стоянки эпохи неолита, пещеры и каменные площадки средневековых кочевников (Там же. С.95-96).

Продолжение строительных работ повлекло за собой организацию новых экспедиционных исследований в зоне затопления водохранилищ. В 1936 году Б.Н.Гракова вновь командируют на Южный Урал. Была организована Орская археологическая экспедиция ГАИМК, в полевых исследованиях которой принимал участие К.В.Сальников как представитель Оренбургского краеведческого музея. Экспедицию возглавлял Г.В.Подгаецкий, и в ней работали С.С.Черников, М.З.Рабинович и другие (Подгаецкий, 1940. С.69). Экспедиция состояла из двух отрядов: на р.Урал близ пос.Ново-Александровка и у аула Джанатан.

Ситуация с изучением памятников древностей в Южно-Уральском регионе к этому времени обстояла так, что сотрудники Орской АЭ могли посвятить все свое время раскопкам, причем выбирая объекты для них согласно личным научным пристрастиям. По этой причине были исследованы погребения эпохи бронзы и железа, но не вскрывались курганы средневековой поры (они просто никого не интересовали). Константин Владимирович Сальников (1900–1966) в 1936 году возглавлял отряд, работавший у аула Джанатан, и раскапывал курганы у с.Федоровка недалеко от Челябинска (по контракту с Челябинским музеем) (Сальников, 1940).

Раскопки на территории Оренбургской и Челябинской областей продолжались и в последующие годы (К.В.Сальников), но средневековых захоронений в эти годы выявлено не было. Отметим лишь, что материалы раскопок второй половины 30-х годов XX века легли в основу обобщающих работ по эпохе бронзы, подготовленных Г.В.Подгаецким, а позднее – К.В.Сальниковым.

Завершая наш обзор археологических исследований довоенного времени, необходимо сказать, что отдельные авторы считают возможным

говорить о том, что: "В 20-30-х годах археологические исследования велись в весьма ограниченном масштабе и выполнялись в основном археологами Москвы, Ленинграда" (Генинг, 1982. С.45). Мы же называем их масштабными в сравнении с объемом раскопок предыдущих лет. Значение этих работ для развития региональной археологии трудно переоценить, "сплошное обследование отдельных районов и массовое выявление памятников было совершено новой в археологической практике республики задачей и сыграло несомненно, положительную роль в развитии советской археологии" (Там же. С.84). С этим трудно не согласиться.

В 1938 г. аспирантом Института истории материальной культуры АН СССР (Москва) А.И.Тереножкиным* была подготовлена статья «К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии» (Тереножкин, 1938), посвященная рассмотрению культурно-хронологической периодизации древней истории Казахстана. Структура этой работы напоминает статью Б.Н.Гракова, но в ней больше места уделяется восточным районам Казахской республики, а памятники первой половины I тысячелетия до н.э. соотносятся не со скифами, а с восточными номадами – сакскими племенами. Значительное место уделяется городским центрам юга Казахстана и Киргизии, но очень мало говорится о памятниках средневековых тюркоязычных кочевников. Автор отмечает: "Исследование развалин городов, селений, кладбищ, курганных могильников и мавзолеев монгольской эпохи только еще начинается..." (Там же. С.214).

Подводя итоги развития археологии в степной полосе Волго-Уральского региона в довоенный период, отметим особенности присущие региональной науке. Несомненно сходство в тенденциях развития дореволюционного и довоенного времени. Прежде всего, познавательная традиция тех лет имела ярко выраженную краеведческую окраску, со всеми достоинствами и

* о нем: Библиографический очерк..., 1977. С.161-163; и др.

недостатками этого движения. Задачи исторических обществ объективно сводились к четырем важным проблемам: 1) накопление и обработка информации о памятниках древности и случайных находках; 2) формирование и пополнение музейных фондов и других коллекций раритетов; 3) усиленная популяризация исторических знаний и охрана памятников; 4) публикация археологических материалов и содействие работе экспедиций центральных научных учреждений. Во второй половине XIX – первой половине XX вв. делаются первые попытки культурно-хронологических и этнических обобщений археологического материала. Создаются варианты древней истории края разной степени полноты (Оконникова, 1999. С.13). И все же региональная археологическая наука отставала в своем развитии от центральной. Одной из главных черт, характеризующих развитие науки в 20-30-е годы XX в. следует считать искусственное затормаживание (практически, попытка полного уничтожения) краеведческих движениями, разрушение экспозиций краеведческих музеев ("за отсутствием необходимости"). Данная политика санкционировалась центральными властями Советского Союза и проводилась по всей стране.

События Великой Отечественной войны затормозили поступательный процесс развития археологической науки на Южном Урале. Некоторые археологи (Г.В.Подгаецкий) погибли на фронте. Крупнобюджетные проекты были приостановлены.

В послевоенный период, с 1948 г. возобновились раскопки на территории Кустанайской области экспедицией ГИМ под руководством О.А.Кривцовой-Граковой, а на западе Казахстана начались систематические обследования курганов экспедицией Саратовского государственного университета и Саратовского областного музея (И.В.Синицын). На протяжении 1948 – 1953 гг. И.В.Синицыным было вскрыто свыше 10 погребений средневековых кочевников, датируемых IX – XIV вв. (Сенигова,

1956). В последующие годы в работе этой экспедиции принимали участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) АН Казахской ССР (Т.Н.Сенигова).

В 1948 – 1953 гг. в ходе археологического обследования территории Челябинской и Курганской областей К.В.Сальников вскрыл 14 средневековых погребений – близ Магнитогорска, а также в Агаповском и Буринском районах. В 1955 г. в пределах Кустанайской области Казахстана работала Кустанайская археологическая экспедиция ИИАЭ АН КазССР под руководством Г.И.Пацевич. Было вскрыто несколько раннемусульманских захоронений в каменных курганах и выкладках (см.: АКК, 1960. С.29-33). В 1955 г. в районы освоения целинных земель в Актюбинской области выезжает Западно-Казахстанский отряд, организованный ИИМК АН СССР по согласованию с Академией наук Казахской ССР. Экспедицию возглавлял В.С.Сорокин, исследованы погребения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья (8 захоронений, могильники Акжар и Бугет I) (Сорокин, 1958. С.85).

Инициатива по возобновлению археологического изучения территории Оренбургской области, по словам К.Ф.Смирнова, исходила от областного краеведческого музея (Смирнов, 1961. С.4) и была поддержана К.В.Сальниковым. В 1953 году разведочный маршрут сотрудницы нижнетагильского музея Н.П.Кипарисовой (1900–1952)* и оренбургского краеведа С.А.Попова пролегал по р.Бузулук. Нина Павловна Кипарисова более известна своими работами на Среднем Урале и в Семиречье и является признанным специалистом по периоду энеолита Зауралья. В Оренбуржье она была направлена К.В.Сальниковым, где в ходе разведок ей удалось открыть целую серию новых памятников археологии.

* о ней см.: СА, 1958. №4. С.309.

С первой половины 50-х гг. начинается целый период в истории археологической работы Оренбургского музея, связанный с именем Сергея Александровича Попова (1905–1986), проводившего самостоятельные раскопки, и активного участника академических экспедиций, возглавляемых К.Ф.Смирновым. Краевед, сосланный в Оренбург из Коми республики, становится сотрудником областного музея и активно включается в дело разведочного обследования территории области. Новые памятники археологии, открытые С.А.Поповым, все более привлекают внимание специалистов. Идея пешеходного обследования берегов основных рек Оренбуржья, предложенная С.А.Поповым, была поддержана К.В.Сальниковым. В 1953 г. в помощь оренбургскому подвижнику археологии была направлена Н.П.Кипарисова – научный сотрудник нижнетагильского музея. Попов, по мере возможности, привлекал в свои поездки любителей археологии из районных центров Оренбуржья (например – В.Асновиченко), но обследовать всю обширную территорию области им все же было не по силам. Кроме того, разведки давали ограниченный материал для пополнения фондов музея, а это являлось важнейшей задачей для сотрудника областного музея. Постепенно С.А.Попов подошел к осознанию необходимости проведения самостоятельных раскопок. В 1955 г. состоялась первая самостоятельная экспедиция под руководством С.А.Попова, организованная Оренбургским музеем. Начиная с 1956 г., Попов работает в составе экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР (позднее - Института археологии АН СССР, ИА РАН) под руководством К.Ф.Смирнова, проводя, в том числе, самостоятельные раскопки в составе экспедиции (мавзолей и курганы у свх. им.Свердлова и т.д.). С.А.Попов объехал территории практически всех районов Оренбургской области, но его планам по составлению археологической карты не суждено было сбыться. Для этой огромной по объему работы необходимо было привлечение целого коллектива специалистов. Помимо

серии статей, заметок и тезисов на археологическую тематику, написанных в соавторстве с К.Ф.Смирновым, С.А.Попов подготовил популярные краеведческие очерки под названием «Тайны Пятимаров». Книга была издана в 1971 г. и переиздана в 1982 году.

Как уже говорилось выше, с 1956 г. начала свою деятельность постоянная Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР, Оренбургского музея краеведения и Государственного исторического музея. Общее руководство экспедицией возлагалось на К.Ф.Смирнова (1917–1980)** , а раскопки отдельных памятников и целые отряды по мере необходимости возглавляли Э.А.Федорова-Давыдова, М.Г.Мошкова и С.А.Попов. Погребения эпохи средневековья не вызывали особого интереса исследователей, хотя они постоянно попадались в ходе раскопок. На протяжении 1956 – 1962 гг. было выявлено свыше 15 позднекочевнических захоронений в могильниках Увак, Близнецы, Новый Кумак. Здесь встречались как впускные захоронения (в курганах эпохи бронзы и РЖВ), так и основные погребения. Особенно массовый материал эпохи средневековья был получен в ходе раскопок огромного Ново-Кумакского курганного могильника под г.Орском (раскопки М.Г.Мошковой)* (Кригер, 1983. С.171 и др.). Отдельные комплексы тюркоязычных кочевников были опубликованы авторами раскопок (Федорова-Давыдова, 1969. С.262-266; Мошкова, 1962. С.204-216). К.Ф.Смирнов отмечает: "Экспедиция лишь попутно исследовала погребальные памятники тюркского населения Южного Приуралья, связанного с крупным огузо-печенежским племенным союзом (IX – XI вв.). Для него характерны погребения воинов с чучелами или шкурой коня (Увакский могильник, большой могильник в урочище Черный Яр... на Илеке)" (Смирнов, 1961. С.8). В 1971 – 1973 гг. К.Ф.Смирнов продолжил

** О нем см.: Суюншалиев, 2002. С.6-7.

* О ней см.: Историко-археологические исследования..., С.14-16.

раскопки Ново-Кумакского могильника, в результате чего было обнаружено еще семь средневековых захоронений.

Таким образом, можно сказать, что археологические исследования охватывают значительную часть территории Оренбургской области, и они становятся подлинно массовыми и плановыми. Но такая ситуация не могла долго продолжаться, поскольку названные специалисты не были жителями нашего региона и копали с целью сбора научных материалов для своих работ. Один С.А.Попов не мог восполнить своими работами отсутствие местной научной школы. После отъезда из Оренбурга и смерти С.А.Попова археологическая работа в музее вновь затухает. Оренбургская экспедиция АН СССР также прекращает свою работу. Количество погребений средневековых кочевников, выявленных на территории Оренбургской области, к 70-м годам XX века было уже значительным. Но они еще не стали предметом анализа тюркологов-кочевниковедов. С.А.Попов имел полное основание писать: "Археологические памятники того периода на территории области почти не изучены" (ООКМ, 1972. С.45).

Позднее раскопки памятников тюркоязыческих кочевников эпизодически проводились заезжими специалистами из г.Уральска (В.А.Кригер) и Уфы (А.Х.Пшеничнюк), но это были разовые мероприятия. В 1974 – 1975 гг. на территории Октябрьского (Имангулово, Октябрьский, Колычевский), Беляевского (Карагач, Жанаталап, Алабайтал), Оренбургского (Каменноозерный) и Илекского (Россыпинский) районов Оренбургской области целенаправленный поиск и раскопки курганов эпохи средневековья предпринял Нияз Абдулхакович Мажитов (г.Уфа). Получен интересный материал IX – XI и XIII – XIV вв., который до сих пор не опубликован.

В 1979 г. В.А.Кригер и С.Н.Заседателева продолжили раскопки курганов Ново-Кумакского могильника близ г.Орска. По итогам этих работ В.А.Кригер подготовил статью, в которой обобщил материалы своих раскопок и средневековые комплексы, выявленные К.Ф.Смирновым и

М.Г.Мошковой на этом могильнике (Кригер, 1983). В научный оборот были введены материалы одного из крупнейших курганных могильников тюркоязычных кочевников эпохи средневековья в Восточной Европе.

Значительным событием в деле выявления и изучения памятников позднесредневековых кочевников явились работы экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – ИИЯЛ Уфимского научного центра Российской АН) под руководством В.А.Иванова (г.Уфа), на территории Оренбургской, Самарской областей РСФСР и Актыобинской области (совместно с С.Ю.Гуцаловым и В.А.Кригером) Казахстана. На протяжении с 1980 по 1990 гг. происходил целенаправленный поиск и раскопки курганов IX – XIV вв. Маршруты разведок пролегли по рекам Таналык, Урал, Илек, Урта-Буртя (Оренбуржье), Орь, Эмба, Уил (Актыобинская обл.), Большой Иргиз, Большая Глушица, Чапаевка, Волга (Самарская обл.) и в других местах. Было обнаружено большое число новых памятников, в том числе крупные средневековые могильники (Линевский, Родники, Покровский и т.д.). Всего за эти годы было вскрыто 123 погребения поздних кочевников, и источниковая база средневековой археологии значительно пополнилась. Особенно плодотворным оказался 1985 г., когда на территории Оренбуржья и Казахстана было расчищено 42 захоронения XIII – XIV (начала XV) вв.

Но не только полевые работы определили основное содержание исследований В.А.Иванова, параллельно с ними шел активный процесс осмысления выявленных комплексов. Часть материалов была введена в научный оборот (Новочеркасский, Тлявгуловсий, Уральский) (Иванов, 1984. С.84-93), определены хронологические рамки изучаемых комплексов, также высказано мнение автора по вопросу этнокультурной принадлежности населения степной полосы Южного Урала в XIII – XIV вв. Вообще следует сказать, что в статье В.А.Иванова в сборнике «Памятники кочевников Южного Урала», как и в статье В.А.Кригера, уделяется много внимания

анализу этнической истории степного населения в начале-середине II тысячелетия н.э. Южноуральского региона. На основе привлечения широких аналогий, глубокой проработки погребальных и вещевых комплексов оба автора доказывают принадлежность курганов XIII – XIV вв. кыпчакскому населению золотоордынского периода. Они выделяют характерные признаки погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря, которые присущи именно кыпчакским племенам.

Вообще-то проблема этнической атрибутики памятников IX – XIV вв. Южного Урала рассматривалась еще Г.А.Федоровым-Давыдовым в его знаменитой монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», но Герман Александрович использовал не весь объем существующих археологических материалов (Федоров-Давыдов, 1966. С.251), к тому же он посчитал возможным включить в свой перечень комплексы лесостепной зоны Приуралья (Шах-Тау, г.Уфа, Старое Мусино), не имеющие отношения к степным племенам. Федоров-Давыдов обосновывает принадлежность древностей X – XI вв. огузам и печенегам (Там же. С.134-135), что подтверждалось сообщениями нарративных источников (Константин Багрянородный, Ибн Фадлан, Мас'уди и т.д.). Памятники II - IV периодов (XII - XIV вв.) соотнесены с древностями половцев домонгольского времени (II – III периоды) и кыпчаков золотоордынской эпохи (IV период). Автор, среди кыпчакских комплексов с западной ориентировкой выделяет в Улусе Джучи погребения с северными ориентировками. По его мнению: "с приходом монголов (в IV период) увеличилось количество погребений с северной ориентировкой, без коня" (Там же. С.159 и сл.).

Иную точку зрения высказал Н.А.Мажитов (Мажитов, 1977. Табл.«3»). Объединив в единый массив все доступные ему и совершенно разнотипные средневековые захоронения степной и лесостепной зоны Южного Урала, он тем не менее был вынужден признать своеобразие степных памятников XIII

– XIV вв. По этой причине им выделен особый "башкир-беркутовский тип" памятников, который должен был прикрыть собой явные этнокультурные различия комплексов степи и лесостепи. По логике автора, этнические различия объяснялись лишь хронологической этапностью единого – древнебашкирского населения. Именно против этих представлений высказывались В.А.Кригер и В.А.Иванов, доказывая кыпчакскую принадлежность памятников степной зоны.

Данные представления впоследствии получили дальнейшую разработку и научное обоснование в совместной монографии В.А.Иванова и В.А.Кригера и в их диссертациях, защищенных в Институте археологии АН СССР (г.Москва). Показательно само название их совместной книги «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.)» (1988). В этой работе были вновь рассмотрены вопросы хронологии, этнической атрибутики и погребальная обрядность кыпчаков. Впервые были выделены морфологические и хронологические признаки кыпчаков домонгольского периода, и рассмотрены причины немногочисленности данного населения.

После выхода монографии и серии статей В.А.Иванова и В.А.Кригера в региональной археологии утвердилось точка зрения о кыпчакской принадлежности курганов XII – XIV вв. в степной полосе. С конца 60-х годов плановые, систематические археологические исследования развернулись на территории Уральской области Казахстана (ныне - Западно-Казахстанская обл.). Эти работы осуществлялись в рамках экспедиции Уральского пединститута, которая работала в 1968 – 1992 гг. под руководством Гаяза Абдулвалиевича Кушаева (1925–1992), уроженца Западного Казахстана, участника Великой Отечественной войны, кандидата исторических наук (1954), профессора*.

* о нем см.: Суюншалиев, 2002. С.6-7.

Выпускник исторического факультета Казанского государственного университета (1953), автор монографии «Древняя история саков и усуней реки Или» (1963, в соавторстве с К.А.Акишевым), участник подготовки «Археологической карты Казахстана» (1960), доцент кафедры Истории СССР УГПИ Г.А.Кушаев основной своей задачей считал создание археологической карты Уральской области, и рекогносцировочные раскопки курганов, имевшие целью выявление и накопление разновременных источников для написания древней истории Западного Казахстана. Параллельно велись работы по пополнению фондов краеведческого музея. Широкомасштабные полевые исследования Г.А.Кушаева и сотрудников археологической лаборатории УГПИ – Бориса Федоровича Железчикова (1946–2000) и Владимира Адамовича Кригера позволили обнаружить и, частично, раскопать значительное число курганных могильников в разных частях Уральской области. Памятники средневековых тюркоязычных кочевников, которые регулярно попадались в ходе стационарных исследований, становятся предметом научного анализа В.А.Кригера. И, тем не менее, Уральск так и не стал археологическим центром Волго-Уральского региона. Тому имелось несколько причин, главная из которых заключалась в том, что никакие организаторские способности и большое желание Г.А.Кушаева не смогли перекрыть его слабой археологической подготовки. Отсюда – отсутствие каких-либо аналитических работ, низкий уровень информативности полевых отчетов^{*}, плохая документированность предметов музейных коллекций. В результате материалы многолетних разведочных и стационарных исследований экспедиции Уральского пединститута, нашедшие отражение в книге Г.А.Кушаева «Этюды древней истории Приуралья» (1993), не смогли восполнить ее невысокий краеведческий уровень. По иному сложилась судьба кандидатов исторических наук

^{*} Непрезентабельное качество чертежей и описаний в отчетах очень сильно затрудняют их использование, фактически обесценивая результаты раскопок.

Б.Ф.Железчикова** и В.А.Кригера. Оба они стали признанными специалистами в своих областях археологической науки – сарматологии (РЖВ) и периода поздних кочевников, но их главные научные работы были подготовлены уже после отъезда из г.Уральска в Волгоград.

Становление профессиональной археологии на Южном Урале невозможно представить без рассмотрения огромного вклада в этот процесс доктора исторических наук К.В.Сальникова. Естественно, он, в первую очередь, специалист по эпохе бронзы, создатель первой научной периодизации археологических культур бронзовой эпохи на Южном Урале. Но он также является исследователем многих интересных памятников периода средневековья, и, самое главное, его можно смело считать одним из крупнейших организаторов региональной археологической науки.

Константин Владимирович Сальников (1900–1966), уроженец г.Самары и выпускник Высших Этнолого-археологических курсов при Самарском университете. В 1936 г. он участвует в работе археологической экспедиции в районе г.Орска Оренбургской области и начинает тесное сотрудничество с Челябинским областным краеведческим музеем (работа по договору) (Юзеева, 1999. С.14). Стационарные исследования К.В.Сальникова (в составе экспедиции ГАИМК под руководством Б.Н.Гракова) в окрестностях аула Джанатан под г.Орском позволили выявить серию погребений кочевников раннего железного века (Зобов, Моргунова, 1999. С.13). Начало 1937 г. не изменило положения – оренбургский архивист Сальников летние месяцы проводит в археологической экспедиции (раскопки курганов у с.Погромное в Тоцком районе Оренбургской области, по заданию Чкаловского (Оренбургского) краеведческого музея) и работы по договору с Челябинским музеем. В последующие годы Сальников работал в г.Челябинске и Свердловске, вновь в г.Чкалове (Оренбург). В 1960 г.

** О нем см.: Джубанов, 2002. С.8-11.

Сальников переехал в г.Уфу, где занял должность заведующего сектором археологии в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – ИИЯЛ УНЦ РАН). Ежегодные раскопки 1936 – 1964 гг. позволили собрать обширные материалы по памятникам степной и лесостепной полосы Южного Урала. Он проводил работы по составлению археологической карты Оренбуржья, заполняя карточки по памятникам древности из опубликованных источников и научной литературы, с привлечением информации о случайных археологических находках в степном регионе, однако эта работа осталась незавершенной. В архиве Уфимского научного центра РАН в личном фонде К.В.Сальникова хранятся описания множества малоизвестных памятников раннего железного века и средневековья, рисунки и фотографии неопубликованных вещевых комплексов этого времени с территории Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.

В 1952 г. в г.Свердловске была издана книга К.В.Сальникова «Древнейшие памятники истории Урала» (1952), в которой в популярной форме был дан обзор археологических исследований и открытий на Южном Урале, по обе стороны Уральского хребта. В этой работе автор излагает свой взгляд на историю первобытной эпохи и раннего средневековья. Он сопоставляет курганы поздних кочевников Оренбуржья с половцами и другими тюркоязычными народами степной полосы Восточной Европы, говорит о каменных бабах, памятниках Золотой Орды и мусульманских мавзолеях (Варнинский и др.). Книга стала образцом для написанных в будущем многих брошюр в популярном стиле и не утратила своего познавательного значения до сих пор.

В целом, археологическая наука в регионе развивалась поступательно и очень активно. Пятидесятые - шестидесятые годы XX в. стали для Южного Урала периодом постепенного становления академической (в филиалах АН СССР) и вузовской (в университетах и пединститутах) профессиональной

археологической науки. Эта наука на первых порах активно опиралась и в полной мере использовала возможности краеведческого движения. Краеведение как способ познания на протяжении 50-60-х годов XX века все более отходит на второй план, исчерпав свои возможности. Переходный период от краеведения к академической науке (50-60-е годы XX в.) подвел черту под возможностями любительского познания.

К середине 80-х годов XX века ситуация в Урало-Поволжье начала претерпевать кардинальные изменения. Открытие в регионе целой сети новых вузов гуманитарного направления, появление археологических групп в региональных музеях – все это способствовало расширению археологических исследований в степной полосе Восточной Европы и в Западном Казахстане. На базе пединститута в Уральске крупные раскопочные работы продолжает проводить Г.А.Кушаев. В Оренбургском пединституте ежегодные экспедиции возглавляет Н.Л.Моргунова (Габелко). В Челябинске к делу изучения древней и средневековой истории, помимо сотрудников университета, подключаются также ученые пединститута (руководитель – Н.В.Виноградов). В г.Актюбинске к регулярным стационарным исследованиям приступают сотрудники местного пединститута, возглавляемые С.Ю.Гуцаловым. В г.Орске охранные археологические работы осуществляются С.Н.Заседателевой. В каждом из названных центров создаются отряды из местных студентов и школьников, которые проводят по несколько полевых сезонов в экспедициях и целенаправленно поступают на исторические факультеты вузов, решив связать свой жизненный путь с археологией. К середине 90-х гг. XX столетия молодые археологи успешно защищают кандидатские диссертации, а с руководством полевыми отрядами больших археологических экспедиций уже успешно справляются их ученики – С.Г.Боталов, В.П.Костюков, И.Э.Любчанский (все – Челябинск), А.И.Богачев (Самара), А.А.Бисембаев (Актюбинск) и другие, для которых изучение кочевнических древностей

эпохи средневековья становится жизненной профессией. Общий рост объемов полевых археологических исследований объективно способствует накоплению источниковой базы по теме средневекового номадизма.

Конечно, крах Советского государства значительно помешал поступательному развитию региональной археологической науки, замедлил его темпы, но не остановил полностью. Сокращение плановых тематических раскопок археологи региона компенсировали за счет охранных спасательных работ на разрушающихся памятниках. Качество методик раскопочных работ с каждым годом совершенствуется. Специалисты стали оперативнее публиковать материалы и издавать больше обобщающих монографий. В региональных центрах растет число специалистов по остеологии, антропологии и другим естественно-научным направлениям в истории. В регионе многие годы работают почвоведы, изучаются вопросы палеоклиматологии степного региона в древности и средневековье.

В последнее десятилетие XX столетия в степном Оренбуржье работали не только местные специалисты, но и столичные ученые. В 1992 г. начались широкомасштабные стационарные исследования крупных курганных могильников на юге Оренбуржья. Предистория данных работ уходит в 1990 – 1991 гг., когда в пределах Соль-Илецкого и Акбулакского районов были проведены разведочные работы экспедицией Оренбургского пединститута (начальник отряда – к.и.н. Н.Л.Моргунова) и отрядом Института археологии РАН (начальник отряда – к.и.н. Т.Н.Трунаева). Помимо выявления новых памятников археологии в этот год были проведены реногносцировочные раскопки в пределах Соль-Илецкого района. Погребений эпохи средневековья в первый год раскопок не выявлено.

В 1992 г. совместная российско-американская экспедиция получила название "Илекской", в ее составе работали обряды Института археологии РАН (г.Москва) Оренбургского пединститута и других организаций (Яблонский, 1993. С.4–6).

Несколько лет экспедиция работала вблизи с.Покровка, в ходе ее уже на протяжении 1992 – 1995 гг. было вскрыто свыше 250 погребений, основная масса которых датируется ранним железным веком. Материалы раскопок оперативно публикуются на страницах серийного издания, получившего название «Курганы левобережного Илека». К середине 1996 г. в Москве было издано четыре выпуска, содержащих описания раскопок и разведок 1990 – 1995 гг. (Курганы левобережного Илека. Вып.1. 1993; Вып.2. 1994; Вып.3. 1995; Вып.4. 1996).

В ходе археологических исследований курганов эпохи бронзы и железа было выявлено несколько захоронений эпохи средневековья, оставленные огузами и печенегами (Покровка I, к.17/2; Покровка II, к.1; Покровка VIII, к.4) в золотоордынский языческий период (Покровка I, к.1/1, к.2/8, к.3/4) и в золотоордынский мусульманский периоды (Покровка VIII, к.1/7). Все эти средневековые захоронения были выпускными.

В Западном Казахстане экспедиции последних лет формировались АН Казахстана (например, Волго-Уральская АЭ, работала в 80-е годы XX в.), но организуются также экспедиции Уральского и Актюбинского пединституты (экспедиции Г.А.Кушаева, С.Ю.Гуцалова и других) (Загородний, 1986. С.105-111). Стационарные исследования данных экспедиций практически ежегодно выявляют новые погребения тюркоязычных кочевников, пополняя тем самым источниковую базу эпохи средневековья.

Глава 3. Погребальный обряд средневековых кочевников европейско-азиатского пограничья как этномаркирующий признак и связующее звено в культурогенезе средневековых кочевников Восточной Европы

Прежде чем приступить к изложению результатов анализа данных по погребальному обряду средневековых кочевников Урало-Поволжья, рассмотрим их с точки зрения информационного потенциала погребального обряда, как этномаркирующего признака.

В этом плане не нужно стараться сказать что-то новое, поскольку что бы ни было сказано – это будет "изобретение велосипеда", ибо в отечественной археологии давно и прочно утвердилась оценка погребального обряда, как одного "из наиболее информативных источников при **воссоздании этнической истории населения прошлых эпох** (выделено нами – *Авт.*), его социальной структуры, идеологических представлений" (Гуляев, 2010. С.3). По мнению большинства современных исследователей, "погребальные памятники содержат огромную и разностороннюю информацию по духовной и материальной культуре архаичных обществ, включая такие сложные аспекты, как экономика, социальное устройство, **этнокультурная принадлежность** (выделено нами – *Авт.*), мировоззрение" (Семенова, 2006).

В целом же создается впечатление, что в восприятии исследователей этноопределяющая составляющая языческого погребального обряда является аксиомой, поэтому предметом анализа погребального обряда и интерпретации его результатов в работах современных зарубежных и отечественных археологов выступают, главным образом, его социальное или мировоззренческое содержание (Гуляев, 2010-а. С.5-19; Косарев, 2010. С.33-51).

Вслед за отечественными исследователями мы рассматриваем погребальный обряд как "жестко детерминированную систему, имеющую

крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов, так что **вне культурно-исторического (археологического) контекста морфология отдельного погребения (особенно если оно безынвентарно) не может быть использована в качестве культуроразличительного признака** (выделено нами – *Авт.*) – одни и те же формы погребений встречаются в разные исторические периоды или в пределах одной эпохи, но у разноэтничного и/или разнокультурного населения; сходные формы общественных отношений порождают различные формы погребений, и наоборот, за одними и теми же формами погребений скрываются различные формы общественных отношений" (Смирнов, 1997. С.13). Полностью принимая данное определение, считаем нелишним отметить, что погребальный обряд является также и отражением мировоззрения той или иной группы людей, а оно у каждого свое.

В процессе совершения погребального обряда человеческие коллективы осуществляют одну из трех мировоззренческих концепций: 1 – концепцию продолжения телесного ("живой мертвец") или "духовно-телесного" существования как в потустороннем, так и в посюстороннем мире (существования в его земном, "материальном" воплощении);

2 – концепцию перехода к иным (неземным, то есть специфически потусторонним), чаще всего бестелесным формам существования;

3 – концепцию прекращения и духовного, и телесного существования умершего (последнее – с несущественной поправкой на пребывание его бренных останков в изолированном состоянии в соответствующем месте на кладбище) (Смирнов, 1997. С.36).

Далее приведем пространную цитату из Ю.А.Смирнова: "Первая концепция, как правило, вызывает действия, направленные на возможно более полное и длительное сохранение внешней целостности тела умершего, и соответственно воздействует на формы организации всех структур погребального комплекса. Вторая и третья концепции либо вызывают

безразличное отношение к долговременному сохранению целостности тела умершего, либо побуждают к акциям, направленным на возможно более полное его разрушение, что также накладывает отпечаток на морфологию погребения, причем в одних случаях (концепция "перехода") это делается в целях "освобождения" духа из темницы тела, а в других (концепция прекращения существования) – как правило, в целях минимализации всякого вида затрат на некрологические операции, по крайней мере на стадии предваряющих и завершающих циклов.

Сообразно этому наиболее сложную структурную организацию погребальный комплекс приобретает в случае воплощения идеи "продолжения (земного) существования", когда устроители погребения всеми доступными им средствами пытаются наиболее полно обеспечить умершего (естественно, в соответствии с его социально-имущественным статусом и/или его заслугами перед социумом) в его "вечной жизни", создать все условия для его "комфортного" пребывания в "загробном мире", а иногда и воспроизвести их в прижизненной форме" (Смирнов, 1997. С.36).

Применительно к исследуемому материалу, мы преимущественно имеем дело с артефактами, отражающими воплощение идеи «продолжения земного существования» (языческие погребальные комплексы) и/или концепцию перехода к внеземным (бестелесным) формам существования (погребения, определяемые как мусульманские).

Понятно, что погребения, воплощающие первую концепцию, отражают идею "продолжения земного существования" в том его виде, как это было характерно для той или иной группы населения (этноса). И с этой точки зрения они являются вполне этничными.

В то же время в зарубежной археологии бытует точка зрения, согласно которой погребальные памятники (погребальный обряд) не связаны с этничностью, и погребальный обряд подвержен изменениям в течение жизни даже одного поколения под воздействием изменений в образе жизни данной

группы населения (Balint, 2010. P.153-154). Но поскольку мы придерживаемся точки зрения, превалирующей в отечественной археологии (и не только из чувства патриотизма, но и под влиянием собственного эмпирического опыта), ниже мы рассматриваем погребальный обряд средневековых кочевников Урало-Поволжья именно в контексте его этнокультурной приоритетности.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами этнической и этнополитической истории средневековых кочевников Евразийских степей, вопрос об этнокультурной преемственности племен, последовательно сменявших друг друга в степях Восточной Европы, оставляют как бы «за скобками», ограничиваясь констатацией самого факта смены одних кочевых орд другими. Единственным, пожалуй, исключением является вышедшее относительно недавно учебное пособие С.А.Плетневой «Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья», в котором автор (хотя во многом и *a priori*) уверенно говорит "о сложении в степях с конца X в. тюркоязычной культурно-этнической общности", достигшей своего апогея ко второй половине XII в. и выражавшей собой процесс **закономерного слияния трех родственных народов – печенегов, огузов и половцев** (выделено нами – *Авт.*) (Плетнева, 2003. С.165). Мысль, безусловно, интересная, хотя на археологическом материале пока не проверенная. А возможности для этого как источниковые, так и методические существуют. Во всяком случае, на территории степей Урало-Поволжья в настоящее время (см. глава 2) выявлен корпус археологических источников, позволяющих провести сравнительно-типологический анализ погребального обряда кочевников X – XIV вв. именно с целью выяснения степени их типологической преемственности, за которой, в свою очередь, мы можем увидеть и степень этнокультурной близости населения, оставившего эти памятники.

Во «Введении» к настоящей работе было сказано, что все известные в регионе памятники средневековых кочевников, которые могут быть датированы по имеющимся материалам, четко группируются по трем хронологическим периодам: огузо-печенежский (конец IX – первая половина XI вв.); кыпчако-половецкий (XII – первая половина XIII вв.) и золотоордынский (XIII – XIV вв.). Статистика погребальных памятников по указанным хронологическим периодам выглядит следующим образом. Комплексы огузо-печенежского периода – 165; кыпчако-половецкого – 41; золотоордынского – 581.

Для суммарной характеристики погребального обряда средневековых кочевников Южного Урала (конкретно – кочевников XII – XIV вв.) В.А.Кригером и В.А.Ивановым в свое время была разработана матрица, учитывающая 211 признаков, сгруппированных по фазам, отражающим в обратном порядке последовательность совершения обряда, но соответствующая последовательности получения информации в процессе изучения (раскопок) памятника. Таких фаз было определено семь (Иванов, Кригер, 1988. С.45). Матрица оказалась достаточно гибкой и работоспособной. Впоследствии она была использована авторами этих строк при статистическом анализе погребального обряда огузов и печенегов (Гарустович, Иванов, 2001. С.68 и сл.), а также другими исследователями для решения конкретно-локальных задач (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.290 и сл.; Яворская, 1999. С.242-269; Матюшко, 2008; Атавин, 2008. С.71-73; Костюков, 2010. С.23-46).

Правда, опыт практической работы с исходным материалом показал, что ряд признаков, первоначально включенных в матрицу, оказываются не работающими. Это, прежде всего, все метрические параметры надмогильных курганных насыпей, реально фиксируемые показатели которых определяются многими факторами: природными (раздувание и размывание) и антропогенными (распашка) и размеры, и контуры могильных ям,

определяемые, фактически, самим исследователем по цвету и плотности заполнения. Поэтому мы в нашей работе сочли возможным исключить эти признаки из матричной таблицы и оставить в ней только те признаки, содержание которых объективно и не зависит от случайностей (например, внутренняя конструкция могильной ямы, положение и ориентировка костяка, состав и расположение конского захоронения и сопровождающего инвентаря и т.п.).

В результате проведенной селекции матричные поля приобрели содержание, представленное в Приложении. Используя их, мы можем дать суммарную характеристику погребального обряда средневековых кочевников Урало-Поволжья по обозначенным периодам (Приложение, табл.1).

По поводу этнокультурной принадлежности средневековых кочевников Урало-Поволжья написано достаточно много и едва ли есть смысл здесь снова доказывать, что среди них были огузы и печенеги (см.: Кригер, 1986; Гарустович, Иванов, 2000), половцы/кыпчаки (Иванов, Кригер, 1988; Иванов, 2004; Матюшко, 2008) и кочевники периода Золотой Орды (канглы?, найманы?, монголы?), чьи этнические корни следует искать на востоке Великого пояса степей (Костюков, 2006; 2010; Иванов, 2011). Поэтому ниже мы будем сравнивать имеющиеся группы памятников в соответствии с их этнокультурной принадлежностью.

Имеющиеся выборки не равнозначны по объему, поэтому мы в нашем анализе использовали значения нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки при степени вероятности 0,95. Это означает, что при сравнительно-типологической характеристике погребального обряда перечисленных кочевников учитываться будут, прежде всего, те признаки, нижнее значение частоты встречаемости которых будет соответствовать объему анализируемой группы памятников (Генинг, Бунятян и др., 1990. С.64).

Исходя из полученных показателей, погребальный обряд кочевников Урало-Поволжья X – XI вв. (огузо-печенежского периода) характеризуется следующими признаками ² (Приложение, табл.1 и 2):

- захоронения под земляными курганами (94%);
- погребения в большинстве своем впускные в более ранние насыпи (74,2%);
- как правило, в насыпи содержится по одному погребению, но достаточно часто встречаются курганы с двумя погребениями (11,9%);
- могила – простая (очевидно, таковой она была и во впускных погребениях, у которых очертания и форма могилы не прослеживается) (60,4%);
- более четверти всех могил перекрыты деревянными плахами, зафиксированными в насыпи могильной ямы (26,4%);
- остатки конских захоронений представлены черепом и костями ног (шкуры коня), расположенными слева от человека или над ним (в насыпи могилы или на деревянном перекрытии) (соответственно, 20,8% и 30,8%);
- ряд погребений содержит принадлежности конской сбруи, но без коня (6,9%);
- абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе (запад – 42,8%; северо-запад – 9,8%; юго-запад – 35,2%)
- достаточно часто встречаются захоронения в дощатых гробах или на древесной подстилке (соответственно – 10,7% и 17,0%);
- из остатков заупокойной пищи – кости овцы (17,6%).
- среди сопровождающего погребенного инвентаря преобладают принадлежности конской сбруи – стремяна и удила (соответственно – 39% и

² При критерии значимости = 0,95 нижний порог представительных признаков должен быть не менее 3%.

33,3%); предметы вооружения – железные наконечники стрел (40,9%), костяные обкладки лука (22%), сабля (11,9%);

- из украшений и убранства костюма – поясные пряжки и накладки (48,4%), серьги-подвески в основном кольцевидные (10%), птицевидные подвески и подвески-копоушки (14,4%);

- из бытовых предметов – ножи (31,4%) и железные кресала с кремнем (11,3%).

- 7,5% погребений вообще не содержат вещей. Поскольку их отнесение к кругу памятников огузо-печенежского периода не лишено определенной условности, В.П.Костюков, обратившись к материалам аналогичного Большеказакбаевского II могильника, получившего радиоуглеродную датировку в диапазоне от первой половины XI до середины XIII вв., высказал предположение о том, что безинвентарные погребения домонгольского периода могут свидетельствовать о начале проникновения ислама в кочевническую среду Урало-Поволжского региона (Костюков, 2006. С.444, и сл.).

Погребения рассматриваемого периода локализуются, как было сказано в главе I, в зоне приуральско-заволжской типачково-ковыльной степи, в X – XI вв., находящихся в начальной стадии гумидизации (рис.9).

Как уже было сказано выше, хотя принципиальных разночтений в этнической интерпретации кочевников огузо-печенежского времени не наблюдается, но, тем не менее, и до сего дня сохраняются различия в оценках роли огузов и печенегов в формировании этнической карты степей Восточной Европы в X – XI вв.

В свое время В.А.Кригером, а затем и авторами этих строк была проделана определенная источниковедческая работа на предмет обоснования этномаркирующих признаков огузов и печенегов (Кригер, 1986; Гарустович, Иванов, 2001). По результатам проведенного сравнительно-статистического анализа были составлены две типологические матрицы огузской и

печенежской археологических культур. Для **огузов** – впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждой насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто на спине, головой на запад, в сопровождении шкуры взнузданного и оседланного коня, уложенной на перекрытие над человеком, с богато украшенным конским изголовьем, прямоугольными подпружными пряжками, поясами с цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками и орнаментированными наконечниками, птицевидными подвесками, копоушками, декоративными дисками и перстнями салтовского типа.

Для **печенегов** – основные и впускные погребения, иногда по два под одной насыпью, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, встречаются дощатые гробы, шкура коня – на дне могилы слева от человека, конь взнуздан и оседлан, часто в могилах встречаются кости барана, конская сбруя состоит из удил без перегиба и стремян различных типов, украшена сбруя прорезными бубенчиками, вместе с погребенным - лук со срединными костяными накладками, пояс с треугольнорамчатой, прямоугольной или лировидной пряжкой, глиняный лепной кувшин или плоскодонный горшок (Гарустович, Иванов, 2001. С.94).

Казалось бы, выделенные признаки должны были учитываться при последующих этноисторических реконструкциях, тем более что за истекшие десять лет они не были подвергнуты сомнению в трудах исследователей. Однако изначально ситуация складывалась иная.

В 2001 г. увидели свет сразу две больших работы, посвященные огузо-печенежской тематике: указанная выше монография Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова и обширная, также имеющая монографический характер, статья Е.В.Круглова (Круглов, 2001). Поскольку авторы означенных работ заведомо не подозревали об исследованиях друг друга в области огузо-печенежской археологии, их выводы о роли и месте огузов и печенегов в этнической истории Восточноевропейских степей оказались заметно различными.

Статья Е.В.Круглова посвящена переоценке роли и места огузов и печенегов в этнической карте степей Восточной Европы во второй половине IX – первой половине XI вв. Основной вывод автора состоит в том, что "сложились условия для пересмотра известного положения С.А.Плетневой о том, что огузы сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, чем печенеги. Скорее наоборот, для огромных степей Северного Прикаспия именно огузы являлись в это время (особенно после распада Хазарского каганата) основной доминирующей и определяющей военно-политической силой, что, кстати, убедительно доказал еще С.Г.Агаджанов. Весь период со второй половины IX до середины XI в. для данного региона следует именовать Огузским" (Круглов, 2001. С.429).

Основные выводы Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова, напротив, сводятся к доказательствам существования в указанное время двух "Печенегий" – Европейской, хорошо известной по данным средневековых письменных источников и изысканиям С.А.Плетневой, Г.А.Федорова-Давыдова, А.О.Добролюбского (Добролюбский, 1986) и других исследователей, и Заволжской, свидетельства о которой также имеются у средневековых авторов – Ахмеда ибн Фадлана и Константина Багрянородного (Гарустович, Иванов, 2001. Гл.4).

Не беремся анализировать причины этого явления, но, на наш взгляд, одной из главных является опять-таки информационные лакуны, насквозь пронизывающие исследовательское поле современной российской археологии. Тому еще один яркий пример: в 2008 г. вышла статья калмыцких исследователей П.М.Кольцова и М.С.Ашкаева, посвященная кочевникам "печенежско-торчского времени" в "Северо-Западном Прикаспии" (судя по контексту статьи, это в основном территория современной Калмыкии). К сожалению, авторы оказались не знакомы ни с указанной статьей Е.В.Круглова, ни с упомянутой книгой Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова. Очевидно, поэтому они вполне детально и последовательно, привлекая

материалы "более 100 погребений печенежско-торческого времени", обосновывают в общем-то уже доказанное положение, а именно: "сравнив заволжские и приуральские погребения IX – XI вв. с погребениями Северо-Западного Прикаспия...", авторы выделяют среди них как печенежские, так и торческие (сиречь – огузские), высказав предположение о том, что "уточнение их этнической принадлежности в какой-то степени может быть сделано на основании глубин могильных ям (у торков они глубже, чем у печенегов) и наличия в них этнографических вещей торков: копоушек, птицевидных накладок, серег в виде колец" (Кольцов, Ашкаев, 2008). То есть, предполагают провести работу, уже проделанную другими исследователями, не обладая, к сожалению, информацией об уже полученных результатах. А результаты эти вполне впечатляющи и, главное, конструктивны.

Во-первых, в том же 2008 г. увидел свет сборник материалов и статей, посвященный памяти А.Г.Атавина, основную часть которого составила объемная база данных по погребальным памятникам кочевников IX – XI вв., собранная и обработанная А.Г.Атавиным. По данным названного исследователя, на территории современной Калмыкии им зафиксированы 18 печенежских погребений, что существенно отличается от "более 100 погребений" рассматриваемого периода, анализируемых П.М.Кольцовым и М.С.Ашкаевым (Атавин, 2008. С.73)³.

Во-вторых, в сборнике памяти А.Г.Атавина опубликована очередная статья Е.В.Круглова, в которой автор все-таки признает факт того, что «памятники печенегов в разных количественных пропорциях встречаются практически по всей территории степей – от Добруджи до Северного

³ Вполне допускаем, что авторы действительно располагают данными по указанному ими количеству погребений "печенежско-торческого времени", но тогда их следовало хотя бы обозначить на карте.

Приаралья, а единственным районом, в котором пребывание огузов оказалось зафиксировано скоплением большого количества однотипных захоронений является лишь Северный Прикаспий» (Круглов, 2008. С.467). Этим выводом исследователь фактически снимает необходимость дискуссии по поводу масштабов территориального распространения печенежских памятников в степях Восточной Европы и их роли в формировании этнической карты этого региона в IX – XI вв.

Однако во избежание возникновения в будущем ситуации очередного "изобретения велосипеда" или, более изящно – ситуации "культурных кругов", когда в разное время в разных местах и разными исследователями одни и те же археологические материалы (в данном случае памятники огузо-печенежского времени) интерпретируются одинаково, мы предлагаем еще раз обратиться к вопросу об этнодифференцирующих признаках погребальных памятников огузов и печенегов и их распространении в степях Восточной Европы.

Прежде всего, рассмотрим географическую составляющую «огузской проблемы». Если исходить из привычных географических реалий, то "Северный Прикаспий" – это территория собственно Прикаспийской низменности и прилегающие к ней с севера районы Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей Российской Федерации и Атырауская (Гурьевская) и частично Актыубинская области Республики Казахстан. То есть, в физгеографическом смысле это степи между Волгой (точнее, между отрогами Ергеней и Приволжской возвышенности с запада) и Мугоджарами, продолжающимися Уральский хребет в сторону Аральского моря⁴. Здесь также уместным будет обратиться к сравнительно недавнему исследованию И.В.Матюшко, которая, со ссылкой на соответствующие географические работы, территорию между Синим Сыртом на западе, верховьями Тобола на

⁴ Или того, что от него осталось сейчас.

востоке, южными отрогами Бугульминско-Белебеевской возвышенности – на севере и полупустынями Прикаспийской низменности – на юге определяет как зону степного Приуралья, административно включающую в себя Оренбургскую область (за исключением ее северо-западных районов), южные районы Челябинской области, юго-восточные степные районы современной Республики Башкортостан, а также северные районы Западно-Казахстанской и Актюбинской областей республики Казахстан (Матюшко, 2008).

То есть, ни Оренбургская, ни Самарская области (области Большого Сырта), ни, тем более, Нижнее Подонье от устья р.Медведицы до устья Дона в географическую область Северного Прикаспия никак не входят (Круглов, 2001. Рис.1)⁵.

Данная деталь весьма важна в том плане, что Е.В.Круглов в своей монографической статье 2001 г. во вводной ее части указывает, что "новые раскопки и учет памятников Волго-Донского междуречья и районов Сарпинской низменности, неиспользованных в свое время ни В.А.Кригером, ни В.А.Ивановым, позволил нам учесть известные в настоящее время уже примерно 240 комплексов и случайных находок из 232 погребений IX – XI вв. огузо-печенежского круга..." (Круглов, 2001. С.395). П.М.Кольцов и М.С.Ашкаев, как уже было сказано выше, только в "северо-западном Прикаспии" (читай – Калмыкии) выявили более 100 погребений указанного круга.

⁵ Здесь весьма кстати будет определение Прикаспия, данное в электронной энциклопедии «Википедия»: "Прикаспий – историческое название региона, прилегающего к Каспийскому морю. Впервые это название начали использовать российские географы в XVIII веке. Восточный Прикаспий (его также называют Закаспий) включает в себя Мангистаускую область Казахстана и запад Туркмении. Южный Прикаспий представлен северными регионами Ирана. Северный Прикаспий включает себя Атыраускую область Казахстана, а также два региона России – Астраханскую область и Калмыкию. Западный Прикаспий - Дагестан (Россия) и Азербайджан" (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Прикаспий>).

Сталкиваясь с подобными цифрами, "кочевниковеды-средневековщики", которых среди российских (да и не только российских) археологов не так уж и много, сразу же начинают судорожно думать о том, что же это за памятники, которых так много и о которых я ничего не знаю? На поверку выясняется, что неразбериха в географических определениях и опять те же самые информационные лакуны вносят путаницу в понимание и систематизацию имеющейся источниковой базы.

В нашей электронной картотеке на территории, обозначенной Е.В.Кругловым как "северный Прикаспий", на сегодняшний день учтено 314 погребальных комплекса огузо-печенежского времени. В базе А.Г.Атавина на этой же территории фигурируют 160 погребений. Причем, сам создатель этой базы данных пояснял, что географические рамки его исследования "были ограничены территорией Волго-Донского междуречья, поэтому по таким областям, как Астраханская, Волгоградская и Саратовская в базу оказались включены лишь погребения прибрежной (левобережной и правобережной) части Волги, что несколько искажает общую картину" (Атавин, 2008. С.73).

Во избежание дальнейшей неразберихи и географической путаницы мы предлагаем все памятники огузо-печенежского времени и типа, расположенные между Доном и Уральскими горами, разделить на 5 условных географических районов:

- *Степное Приуралье* (Оренбургская, Челябинская России, Уральская (Западноказахстанская), Актюбинская, Гурьевская (Атырауская) области Республики Казахстан) – 46 погребений;

- *Нижнее Поволжье* (Астраханская, Волгоградская, юг Саратовской области) – 107 погребений;

- *Среднее Поволжье* (Самарская, север Саратовской области) – 12 погребений;

• *Волго-Донское междуречье* (запад Астраханской, Волгоградской областей, Калмыкия, Ставропольский край) – 70 погребений;

• *Нижнее Подонье* (Ростовская область) – 79 погребений ⁶.

Подобное географическое членение оказывается максимально приближенным к географической составляющей базы А.Г.Атавина и не только дополняет ее, но и, на наш взгляд, более соответствует географическим реалиям интересующего нас периода.

И конечно же, из перечисленных регионов только Западный Казахстан и Нижнее Поволжье – 153 погребения – это действительно территория, которую можно отождествлять с Северным Прикаспием, поскольку ни Южное Приуралье и Среднее Поволжье, расположенные в пределах Большого Сырта, ни территории между Волгой и Доном, отделенные от Каспийской низменности возвышенностями Ергеней, таковыми считаться не могут.

Таким образом, опираясь на компоненты приведенных выше матриц погребального обряда огузов и печенегов, мы можем проследить географию распространения этих этнокультурных групп в пространстве Восточноевропейских степей.

Из 84 погребений с конской шкурой, помещенной в могилу над человеком, известных сейчас в степях Восточной Европы, между Уральскими горами и Днестром, 45 (или 53,6%) расположены к востоку от Волги.

Аналогичным образом в степном Заволжье и Южном Приуралье локализуются погребения, в инвентаре которых присутствуют птицевидные

⁶ Некоторые расхождения в количестве погребений по разным регионам между нашей базой данных и базой данных, созданной А.Г.Атавиным (на территории Ростовской области, например, у него учтено 103 погребения IX – XI вв., а в Волгоградской области только 37), объясняются, вероятно, тем, что мы в разных пропорциях использовали исходные данные – архивные отчеты и публикации. Но эти расхождения представляются нам вполне преодолимыми.

подвески-амулеты и копоушки (в общей сложности – 34 погребения)⁷. Исключение составляют пять погребений с копоушками – Бузовка, Гр.3/4; Морской Чулек, к.3; Саркел, к.59; Ясиноватое, к.28 и Голодаевка, к. «Г» – находящиеся к западу от Дона. Птицевидные подвески-амулеты там пока не известны.

И наконец, бляхи-решмы, являвшиеся центральным элементом украшения конского оголовья, найдены в 25 погребениях, из которых только 7 – Арпачин, к.28; Вильнянка, к.16; Ново-Каменка, к.5; Плавни, к.20; Тузла, к.1; Черноярский, к.16 и Широкое, к.6 – расположены западнее Волги. Характерная деталь: в 22 из рассматриваемых погребений были конские захоронения, из которых в 14 кости коня (череп и ноги) располагались над человеком: в засыпи могилы, на перекрытии или на ступеньке.

Таким образом, суммируя все известные сейчас погребения, в которых в том или ином виде присутствуют элементы огузской культуры (114 погребений), мы убеждаемся, что 66 из них (почти 58%) расположены в степях Урало-Поволжья. Именно там, кроме уже упомянутого кургана №8 могильника Ченин, находятся такие погребения, как Быковский I, к.4 и 16; Верхний Балыклей II, к.5; Сухая Саратовка I, к.1; Верхне-Погромное, к.3; Киляковка, к.3; Увак, Илекшар I, к.1; Алебастровая гора; Бахтияровский II, к.55 и 74; Увак, Тамар-Уткуль, к.1; Ленинск, Рахинка, Эльтон, Новоникольское, Средняя Ахтуба, Болгарка I и др., в которых в том или ином сочетании присутствуют указанные признаки, и которые также могут считаться эталонными огузскими (рис.13).

В этом отношении весьма показателен и тот факт, что, как установил А.Г.Атавин, погребений со шкурой коня, ноги которого были отчленены по бабки – признак, который исследователь связывал с огузами – в Поволжье

⁷ Среди которых в четырех погребениях – Быковский I, к.10 и 16, Заяры, к.1, Кано. Группа В, к.1 – и подвески-амулеты, и копоушки встречены вместе.

встречено в три раза больше, нежели конских захоронений с ногами, отчлененными по пясть (по А.Г.Атавину – признак печенежский) (Атавин, 2008. С.81).

Вторую группу погребений конца IX – первой половины XI вв., содержащих остатки конской шкуры, в степях Восточной Европы составляют погребения, в которых конский череп и кости ног лежат слева или справа от погребенного на одном с ним уровне. В общей сложности их нами учтено 201 погребение (169 погребений – кости коня слева, 32 – справа). Их география обратно пропорциональна географии огузских погребений: 21,4% локализируются в степях Урало-Поволжья. К западу от Волги частота встречаемости этих погребений идет по возрастающей: из оставшихся 78,6% рассматриваемых погребений 12,9% обнаружены в степях Волго-Донского междуречья, 15,4% – в Нижнем Подонье и 48,2% – на территории современной Украины до Днестра на западе.

Аналогичным образом по территории Восточноевропейских степей распределяются и погребения, в инвентаре которых присутствуют кольчатые удила без перегиба⁸. Найдены они в 55 погребениях, из которых в 39 (или 70,9%) находились в зубах конского черепа, лежащего рядом с человеческим скелетом. Взнузданная такими удилами конская шкура, помещенная над человеком, встречена только в четырех погребениях (огузских): Алебастровая гора в Южном Приуралье, Саркел, к.48 и Романовский, к.1 – на Дону, Большемихайловка II, к.2 – на р.Волчьей в Днепропетровской области Украины.

В пяти погребениях Урало-Волжских степей – Шалкар III, к.12; Карасу I, к.20; Джангала (Новая Казанка), к.1; Бахтияровка I, к.32 и Красный Яр -

⁸ Установленный еще С.А.Плетневой и Г.А.Федоровым-Давыдовым элемент печенежской культуры.

удила без перегиба находились вместе с конской шкурой, уложенной рядом с человеком.

Таким образом, в настоящее время накоплен достаточный материал для морфологической характеристики печенежской и огузской археологических культур и для выяснения степени формально-типологической (а следовательно – и этнокультурной) близости огузов и печенегов – двух народов, чьи исторические судьбы оказались тесно переплетены. Для этого вновь обратимся к результатам сравнительно-типологического анализа погребального обряда огузских и печенежских курганов (Приложение, табл.2).

По категории "надмогильное сооружение" различие между огузами и печенегами наблюдается в наличии у огузов костей животных (тризна?) в насыпи кургана и ровика у его основания ⁹. По категории "планиграфия кургана" у печенегов явно преобладают впускные погребения в более ранние курганы (64,3% против 19,8% у огузов). Причем, у огузов чаще встречаются курганы с двумя одновременными погребениями под одной насыпью (62,3% против 8,5% у печенегов). По категории "конструкция могильной ямы" у печенегов относительно чаще встречаются могилы усложненной конструкции: со ступенькой вдоль одной из длинных стенок, подбойные (соответственно, 15,0% и 10,0%), тогда как у огузов определенно доминируют могилы с деревянным перекрытием (23,7% против 9,5% у печенегов). Но особенно разительные различия между огузскими и печенежскими курганами наблюдаются по категории «характер конского захоронения». Если у огузов абсолютно преобладают погребения с остатками конской шкуры (череп и кости ног в анатомическом порядке), уложенной над человеком в насыпи могилы или на деревянном перекрытии (75,2%), то у

⁹ У печенегов эти признаки тоже фиксируются, но в показателях, непредставительных для рассматриваемой выборки (соответственно, 1,0% и 3,5%).

печенегов конская шкура лежит рядом с человеком, слева (83,9%) или справа (16,1%) от него ¹⁰ (рис.24).

Еще более показательные результаты степени сходства-различия погребального обряда огузов и печенегов Урало-Поволжья дает нам сравнение рассматриваемых групп памятников по количественным показателям альтернативных признаков (методика исчисления см.: Федоров-Давыдов, 1987. С.144-147). Г.А.Федоров-Давыдов – пионер применения методов сравнительно-статистического анализа в археологии – предупреждал, что "при сравнении объектов важно правильно определить, по каким признакам проводится сравнение и подсчет степени сходства. Например, при исследовании сходства памятников по орнаментации керамики иногда берут качественный альтернативный признак "керамики данного вида на памятнике" – присутствует или отсутствует ¹¹. Это неправильно. Следует брать количественный признак со значениями – доля керамики с данной орнаментации среди всей керамики данного памятника. Ведь значение "присутствует такой-то орнамент" на памятнике может означать и то, что вся керамика данного памятника имеет этот вид орнамента, и то, что только на единичных черепках этот вид орнамента встречается" (Федоров-Давыдов, 1987. С.145). Руководствуясь этим предупреждением, мы для выявления коэффициента степени сходства огузского и печенежского погребальных обрядов (С₃ – по Г.А.Федорову-Давыдову) оперировали только теми 69 альтернативными признаками, которые по частоте встречаемости являются представительными для

¹⁰ Остальные типологические характеристики огузского и печенежского погребального обряда см. Приложение, табл.2.

¹¹ Для читающих эти строки исследователей едва ли является секретом то обстоятельство, что при типологической характеристики той или иной группы памятников (или археологической культуры) единично зафиксированные признаки зачастую трактуются как "характерные", "широко распространенные", "часто встречающиеся" и т.п. Что, естественно, не имеет ничего общего с реальной для описываемой групп объектов морфологической ситуацией.

имеющихся выборок (Приложение, табл.2). В итоге мы видим, что коэффициент C_3 для сравниваемых групп равен 0,68 (Приложение, табл.3). То есть, сравниваемые массивы хотя и не идентичные, но типологически весьма схожи между собой. Следовательно, при желании огузские и печенежские памятники Урало-Поволжья можно рассматривать и как единый этнокультурный массив.

Однако Г.А.Федоров-Давыдов предупреждал о том, что даже представительные признаки в сравниваемых выборках могут иметь разную частоту встречаемости (например, 50% в одной и 5% в другой) и механическое их сравнение "существенно исказит действительную ситуацию" (Федоров-Давыдов, 1987. С.148). Именно такую картину мы имеем в случае сравнения огузских и печенежских погребений: курганы, содержащие более одного погребения, в огузской выборке составляют 62,3%, в печенежской – 8,5%; могилы с перекрытием, лежащим на засыпи могилы, у огузов составляют 23,7%, у печенегов – 9,5%; кости овцы в могиле у огузов встречаются в 6% погребений, у печенегов – в 14% и т.д. (Приложение, табл.2). И вот здесь наиболее конструктивным представляется обращение к признакам погребального обряда, имеющим в сравниваемых выборках **тенденцию встречаемости**, близкую к нормальной или повышенную.

Понятие это в процедуру статистического анализа археологического материала было введено В.Ф.Генингом и его соавторами, и вычисляется оно «как частное от деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения (т.е. среднеарифметическое значение). Логика здесь проста: если две или более выборки идентичны или очень сходны по какому-либо признаку, то и процентное распределение признака будет идентично или близко. В этом случае и норма распределения как средний показатель тоже будет близка конкретным показателям признака. Отклонение же величины какого-либо признака в одной из выборок будет означать отклонение от нормы распределения. Это мы и называем

тенденцией признака. Таким образом, *тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения»* (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С.85).

Значения нормы распределения и тенденции признаков погребального обряда огузов и печенегов представлены в таблице 4 (Приложение, табл.4). Вычислив коэффициент C_3 по признакам, имеющим тенденцию встречаемости, близкую к норме или повышенную (0,8 – 1,0 и более), мы получаем картину, отличающуюся от полученной в результате формального подсчета по представительным признакам, но более соответствующую реальности (Приложение, табл.5).

Таким образом, наличие этномаркирующих признаков в погребальном обряде огузов и печенегов очевидно. Поэтому все дальнейшие сентенции относительно возможности или невозможности выявления различий между огузскими и печенежскими комплексами (Боталов, 2006. С.472) практического смысла не имеют: археологические культуры огузов и печенегов **имеют свои четко выраженные морфологические признаки, позволяющие различать их между собой.**

В настоящее время в степях Заволжья и Приуралья выявлено 41 погребение¹², относящееся к XII (или, вероятнее всего, ко второй половине XI в.) – началу XIII вв. (так называемый «кыпчакский домонгольский период») (Иванов, Кригер, 1988. С.39). Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей (62,5% всех известных погребений), по рекам Волга, Еруслан и Узени (рис.10).

Морфологические признаки погребального обряда рассматриваемых курганов представлены в таблице 1 (Приложение, табл.1). Признаки эти следующие:

¹² Нижний порог представительности признаков – не менее 8%.

- абсолютное большинство погребений – 77,5% – совершены в земляных курганах, специально насыпанных над могилой (остальные впущены в насыпи более ранних курганов);

- преобладают – 47,5% – могильные ямы простой конструкции, с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем, значительное место среди рассматриваемых погребений занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок – 22,5% (могильники Белозерское, Визенмиллер, Змеиный Дол, Курпе-Бай, Каинсай, Политотдельское, Ровное, Солнце, Третий Плес). Характерно, что последние не имеют четкой локализации в регионе;

- умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) в позе вытянуто на спине, головой в западном направлении (в общей сложности 59,5%) или на восток (28,5%);

- остатки дощатого гроба или колоды найдены, соответственно, в четырех (9,7%) (Белокаменка, курган Д-48; Белозерское; Покровск (Энгельс), кург.11 и Политотдельское, кург.2) и одном (Бережновка I, кург.4) погребениях;

- из общей массы погребений домонгольского периода в Заволжье и Приуралье 55% выделяются как заведомо всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры, черепа и кости ног, уложенные слева (22,5%) или справа (12,5%) от человека, или принадлежности конской сбруи - стремяна и удила помещенные у ног человека (9,5%). Известны также три погребения, в которых шкура коня лежала у ног человека (Бахтияровка II, кург.68; Базар-Тобе I, кург.8 и Буранчи, кург.1), и одно погребение, сопровождавшееся целым остовом коня, уложенным справа от человека (Белозерское). В основном ориентировка конского захоронения соответствует ориентировке человека;

- оружие в погребениях представлено небогато: это – железные наконечники стрел (35,8%), костяные обкладки лука (13,2%) и остатки берестяного колчана (15,0%). В трех погребениях найдены сабли (Солнце; Бережновка, Южная группа,

кург.9 и Политотдельское, кург.2), в двух – железные шлемы и кольчуга (Квасниковка; Покровск (Энгельс), кург.11);

- погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря – бусы, подвески, ножницы – можно было бы интерпретировать как женские, немного (Буранчи, кург.1; Мирный (Фриденберг), кург.1; Ново-Троевка; Покровский, кург.7).

Кыпчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII – начала XIII вв. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, представительными для рассматриваемой выборки, как подбойные могилы и восточная ориентировка погребенных. С одной стороны, кажется немного, что, по-видимому, и дает основание некоторым исследователям считать, что сравнительно-типологический анализ археологических признаков огузо-печенежско-кыпчакских погребальных комплексов не имеет практического смысла и невозможен, поскольку все эти племена ведут свое начало от одного тюркского корня и в культурном плане дифференцируются только хронологически (Боталов, 2006. С.472). Но, с другой стороны, нельзя обойти вниманием и такую деталь, как географию рассматриваемых курганов на территории Урало-Поволжья. Погребения половецко-кыпчакского (домонгольского) периода локализуются в регионе в пределах приуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи, главным образом в ее северной части. Что, в общем-то, вполне логично, поскольку в это время гумидизация Урало-Поволжской степи приближается к своему пику, в отличие от степей Южного Зауралья, где половецко-кыпчакские памятники второй половины XI – первой половины XIII вв. не известны (рис.10). Именно на этой территории в предшествующее время локализовалась основная масса печенежских курганов региона, в которых преобладали впускные погребения. Для курганов XII – начала XIII вв. мы наблюдаем явное преобладание погребений, совершенных под специально

сооруженными для них насыпями. Кроме того, все 24 представительных признака погребального обряда, характеризующие рассматриваемую группу памятников, фиксируются в погребальном обряде кыпчаков/половцев/куманов степей Восточной Европы домонгольского периода ¹³ (Приложение, табл.1 и 2).

Наконец, значения коэффициентов формально-типологического сходства (C_3) погребального обряда курганов XII – XIII вв. степей Урало-Поволжья и предшествовавших им курганов огузов и печенегов, весьма не высоки (соответственно, 0,31 и 0,56) (Приложение, табл.3 и 5).

Это также дает нам основание не связывать генезис кочевников региона половецко-кыпчакского периода с племенами огузов и печенегов.

Наиболее представительной для рассматриваемого региона является выборка курганов золотоордынского времени (XIII – XIV вв.), насчитывающая 579 комплексов ¹⁴. Сейчас уже установленным и общепризнанным является тот факт, что по типу надмогильных сооружений кочевнические погребения эпохи Золотой Орды в Урало-Поволжье четко делятся на две группы – совершенные под земляными курганами (481 погребение) и совершенные под курганами, сооруженными с применением камня (97 погребений) (Прилож., табл.1). Морфологические признаки погребального обряда земляных и "каменных" курганов в их числовом выражении представлены в таблице 1 (Приложение), поэтому пересказывать их не имеет смысла. Следует только пояснить, что сумма значений признаков в категории «надмогильное сооружение» для "каменных" курганов, превышающая 100%, объясняется тем, что некоторые погребения имеют над собой комбинированные надмогильные сооружения. Например: насыпь, сооруженная из каменных обломков и каменную выкладку непосредственно над

¹³ Которых мы условно обозначили, как "классические" половцы.

¹⁴ При критерии значимости 0,95 это позволяет учитывать признаки с показателем частоты встречаемости не ниже 0,7%.

могилей (Новый Кумак, к.3); каменно-земляную насыпь и каменную выкладку над могилей (Алебастрово II, Новочеркасский VII, к.1 и 2; Тлявгуловский, к.1, 2, 4); каменно-земляную насыпь и каменное кольцо вокруг могилы (Ново-Кумакский, к.35); каменно-земляную насыпь, каменное кольцо и выкладку над могилей (Тлявгуловский, к.4, у пос.Урал, к.5); каменный "панцирь" и каменную выкладку над могилей (у пос.Большевик-II, к.2); каменную оградку прямоугольной формы вокруг могилы и каменную выкладку непосредственно над ней (Урта-Буртя, к.2) (рис.16).

В свое время В.А.Иванов и В.А.Кригер курганы XIII – XIV вв. в Южном Приуралье интерпретировали как кыпчакские. Причем, относительно погребений под земляными курганами отправным моментом здесь явилось их типологическая близость к синхронным погребениям Нижнего Поволжья – т.н. "быковской" и "царевской" групп, которые Г.А.Федоров-Давыдов определил как половецкие. Что касается погребений под "каменными" курганами, то и в этом случае авторы придерживались выводов предшественников – Г.А.Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой, – которые появление в степях Восточной Европы каменных курганов и помещение в погребения целой туши коня также связывали с кыпчаками-половцами, пришедшими сюда из степей Восточного Казахстана (Иванов, Кригер, 1988. С.66 и сл.).

В последующем, по мере накопления археологического материала, другими исследователями были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности кочевников, оставивших в регионе погребения под "каменными" курганами. Суть их сводится к тому, что среди этих племен преобладали кочевники тюрко-монгольского происхождения: канглы, найманы, уйгуры и др. (Костюков, 2006; 2010; Матюшко, 2008; Яминов, 2006).

Наиболее определенно по поводу роли и места собственно кыпчаков в этнической карте степей Южного Приуралья и Зауралья высказывался В.П.Костюков. Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, считал, что на

территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной локализации «каменных курганов») в XIII – XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, "в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью" (Костюков, 2006, С.200-235).

В том, что земляные и «каменные» курганы XIII – XIV вв. в степях Урало-Поволжья оставлены племенами, этнически не идентичными, сейчас уже сомневаться не приходится. Наглядное тому свидетельство – значение коэффициента формально-типологического сходства (C_3), высчитанное по 88 альтернативным признакам обряда (Приложение II, табл.1 и 3) и равное 0,38. Еще меньшим оно оказывается при сравнении рассматриваемых групп памятников по признакам, имеющим близкую к норме или повышенную тенденцию встречаемости – 0,27 (Приложение, табл.5).

А.Ф.Яминов, критически рассматривая типологию погребальных памятников эпохи Золотой Орды в степях Восточной Европы, разработанную в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым и использованную затем В.А.Ивановым и В.А.Кригером при характеристике погребений Урало-Поволжья, пришел к выводу о том, что данная типология, примененная к памятникам Южного Приуралья, приведет к автоматическому разрыву источников и образованию фрагментарности в морфологических характеристиках сравниваемых групп памятников. В свою очередь, сам он предлагает свою типологию погребальных комплексов региона XIII – XIV вв., в основе которой лежат "такие детали захоронения, которые почти во всех случаях фиксируются исследователями – характеристика насыпи, ступеньки, подбои, ориентировка. Отделы выделяются по конструктивным особенностям сооружения насыпи. Типы же выделяются по форме могильной ямы, ориентировке погребенного и наличию или отсутствию костей коня". В итоге автор погребения Южного Приуралья разделяет на 10 отделов и 57 типов, в количественном выражении представленные от 1 до 65 погребений (Яминов, 2006. С.440-442). Сам

исследователь считает, что "столь большой набор типов ¹⁵ связан с полиэтничностью населения региона, смешение которого и явилось причиной появления такой вариабельности захоронений. Но при этом выделяется целый ряд погребальных комплексов, образующих устойчивые (по комбинации признаков) и неоднократно встречающиеся типы погребений ¹⁶. ...Поэтому не будет некорректным предположение о том, что именно данные типы характеризуют погребальный обряд основного населения региона и в то же время служат основой для их этнической привязки и интерпретации, но в дальнейшем. **А пока мы считаем преждевременной столь жесткую этническую привязку исследованных памятников Приуралья и Зауралья** (выделено нами – *Авт.*), как это было предложено нашими коллегами ранее. Гораздо рациональнее, по нашему мнению, работать сейчас именно на уровне выявления, сбора и локализации отдельных типов погребальных памятников" (Яминов, 2006. С.442).

Если исходить из приведенных А.Ф.Яминовым количественных показателей погребений, которые он рассматривает как основу для этнической привязки и интерпретации памятников XIII – XIV вв. в Южном Приуралье и Зауралье, для земляных курганов это будут простая могильная яма и могила со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок, западная и северная ориентировка погребенных (в общей сложности 75,8% от учтенных автором 116 погребений). Смотрим, чем это отличается от суммарной характеристики погребального обряда населения, оставившего в степях Урало-Поволжья погребения под земляными курганами? Простая могильная яма – 63,8%; могила с заплечиками – 8,9%; западная ориентировка погребенного – 51,1%; северная – 4,3% ¹⁷ (Приложение, табл.1).

Для "каменных курганов" исследователь выделяет 11 типов этномаркирующих (по его мнению) погребений, от 4 до 20 комплексов в каждом. В общей сложности

¹⁵ Большинство из которых представлены единичными погребениями.

¹⁶ А.Ф.Яминов выделяет 14 таких типов, частота встречаемости которых не менее 4 погребений.

¹⁷ Это если не считать погребения, ориентированные на северо-запад, юго-запад, северо-восток, которые в совокупности дают еще 28,8%.

они составляют 61,9% всех учтенных автором погребений. Среди них абсолютно преобладают каменные выкладки (А.Ф.Яминов разделяет их на собственно выкладки и наброски) над могилой простой конструкции, в которой погребенный уложен головой на запад. Из 104 учтенных автором погребений их – 43. Затем по частоте встречаемости следуют каменно-земляные насыпи – 17 погребений – среди которых в 4-х могилах имеется ступенька вдоль длинной стенки, на которую уложен конь. Далее по нисходящей идут погребения в простой могиле с западной ориентировкой под каменными насыпями или насыпями, покрытыми каменным "панцирем" (по 11 погребений) и т.д. Все эти данные вполне совпадают с данными по суммарной характеристике погребального обряда "каменных курганов" (Приложение, табл.1). Но главный вопрос здесь – насколько выделенные А.Ф.Яминовым типы погребений устойчивы в своих морфологических признаках и, соответственно, закономерны для анализируемых выборок? Проверить это не представляет сложности, благодаря современным компьютерным технологиям. Статистическая корреляция признаков погребального обряда курганов XIII – XIV вв. степного Приуралья показывает ¹⁸, что действительно устойчивую корреляцию обнаруживают такие признаки, как каменная наброска (выкладка) и простая могильная яма (теснота статистической связи = 0,495). Остальные из выделенных А.Ф.Яминовым признаков обряда для 14-ти типов этномаркирующих, по его мнению, погребений обнаруживают или отрицательную статистическую связь (например, типы AI = -0,132 или GVI = -0,077), или положительную, но с очень малым значением (типы AIV = 0,083 или GI = 0,009) ¹⁹.

Одним словом, предлагаемая А.Ф.Яминовым типология представляет собой не более чем реминисценцию популярных во второй половине прошлого столетия корреляционных таблиц, представлявших собой сетку координат, в ячейках которой знаками «+» или «0» отмечали факт присутствия того или иного элемента

¹⁸ Статистическая функция КОРРЕЛ стандартной программы Excel.

¹⁹ То есть, те или иные признаки встречаются в одном и том же погребении, но на общем фоне их распространения в сравниваемых группах памятников настолько редко, что такая взаимовстречаемость может рассматриваться не более чем случайность.

обрядности или предмета. С точки зрения археологического источниковедения эта типология представляет определенный интерес, но с точки зрения этнокультурных интерпретаций абсолютно бесполезна.

Итак, выше мы могли убедиться в том, что по степени формально-типологического сходства погребальной обрядности кочевники, оставившие в регионе земляные и "каменные" курганы XIII – XIV вв. не могут рассматриваться в качестве единого этнокультурного массива.

Курганы золотоордынского периода (вторая половина XIII – XIV вв.) присутствуют во всех ботанико-географических зонах Урало-Поволжской степи. Специфика заключается лишь в том, что погребения под "каменными" курганами больше тяготеют к зонам разнотравно-типчаково-ковыльной зауральской степи и предгорной каменистой степи, что также можно рассматривать как еще одно проявление этнокультурной специфики этих памятников (рис.11).

Один из вопросов, постоянно привлекающих внимание исследователей, – об этнокультурной преемственности средневековых кочевников на той или иной территории. Как уже было сказано выше, среди исследователей средневековых кочевнических памятников Восточной Европы существует мнение об этнокультурном симбиозе печенегов, огузов (торков) и кыпчаков/половцев, приведшем к сложению в предмонгольское время тюркоязычной культурно-этнической общности. Для проверки данной гипотезы, равно как и гипотезы о том, что после завоевания монголами степей Восточной Европы произошла этнокультурная интеграция между монголами и кыпчаками/половцами (Нарожный, 2005. С.168-194), проведем сравнительно-статистический анализ погребального обряда печенегов, огузов, половцев/кыпчаков и кочевников, явившихся основной ударной силой монгольского нашествия. Для этого целесообразно будет провести не просто прямое сопоставление показателей частоты встречаемости того или иного признака погребального обряда в сравниваемых группах памятников, а

выяснить **тенденцию** этих **признаков**. Значения показателей тенденции признака, представленные в десятичных дробях, позволит нам выделить признаки "*всеобщие*", т.е. обнаруживающие повышенную тенденцию встречаемости во всех сравниваемых признаках (стремящуюся к 1,0 или более 1,0), "*условно-локальные*", т.е. обнаруживающие повышенную тенденцию встречаемости в одних группах памятников и пониженную в других, и "*условно-частные*", т.е. имеющие повышенную тенденцию встречаемости в одной из сравниваемых групп памятников при пониженной тенденции или полного отсутствия в остальных (Генинг, Бунятян, Рычков, Пустовалов, 1990. С.84-91).

В свое время одним из авторов этих строк была предпринята попытка сравнительно-типологического анализа погребальных памятников кочевников Заволжья и Южного Приуралья огузо-печенежского и золотоордынского периодов. Такие хронологические рамки были выбраны не субъективно и не искусственно, а исходя, прежде всего, из содержания источниковой базы по археологии средневековых кочевников Урало-Поволжского региона. Из приведенных выше данных читатель мог убедиться в том, что здесь именно курганы и курганные могильники огузов, печенегов и кочевников Золотой Орды составляют основную массу средневековых погребальных памятников, доступных сравнительно-статистическому анализу.

Результаты сравнительно-типологического анализа кочевнических памятников указанных периодов показывают, что сходство между ними хотя и прослеживается, но не настолько, чтобы говорить о какой-то этнокультурной преемственности. Признаки, по которым огузо-печенежские курганы и курганы кочевников Золотой Орды обнаруживают типологическое сходство, это – *захоронения в земляных курганах; два захоронения под одним курганом; в простой могильной яме; деревянное перекрытие лежит на засыпи могилы; преобладание западной ориентировки погребенных; наличие*

остатков гробовищ или органической подстилки и овечьих костей в могиле. Из вещей – наличие в погребении удила и стремя, железных наконечников стрел, серег в виде несомкнутого кольца, ножа и кресала. То есть, признаки, не несущие никакой этнокультурной информации (Иванов, 2006-а).

Вместе с тем, едва ли есть смысл сомневаться в том, что курганы XII – XIII вв. Степного Заволжья и Южного Приуралья представляют собой восточную периферию домонгольского Дешт-и-Кыпчака или Половецкого Поля (Иванов, 2004). Поэтому мы имеем все основания для сравнительного анализа привлечь материалы "классических" половцев, известные к западу от Волги (335 комплексов).

Из данных, приведенных в таблице 4 (Приложение), явствует, что признаков погребального обряда, которые могли бы быть отнесены к категории "*всеобщие*", для сравниваемых групп памятников **не известно ни одного**. Исключением разве что являются земляные курганные насыпи, имеющие повышенную тенденцию распространения у огузов, печенегов, половцев/кыпчаков домонгольского периода и кочевников XIII – XIV вв. в Урало-Поволжье (группа "земляных курганов").

Признаков "*условно-локальных*" для **огузов и печенегов** немного: это северо-западная и юго-западная ориентировка погребенного, наличие в составе инвентаря отдельных деталей поясного набора – пряжек и накладок (Приложение, табл.6).

"Условно-локальными" признаками для **печенегов и половцев** являются впускные погребения, конская шкура, уложенная справа от человека, наличие в составе инвентаря сабли, копья, серег-подвесок кольцевидной формы и подвесок-бубенчиков (пуговицы). А для **огузов и половцев** – ровик у основания насыпи и браслет среди сопровождающих вещей (Приложение, табл.6).

Выделяется группа признаков, являющихся "*условно-локальными*" для **огузов, печенегов и половцев**. Это – могилы не установленной

конструкции²⁰, наличие в составе инвентаря стремян, металлических уздечных накладок, костяных обкладок лука и целого поясного набора.

В свою очередь, в погребальном обряде **половцев и кочевников, оставивших земляные курганы**, фиксируются такие "условно-локальные" признаки, как могильные ямы усложненной конструкции – ступенька справа от человека, ступеньки вдоль длинных стенок, ступеньки вдоль всех стенок могилы, подбой с дном на одном уровне с дном могилы, остатки гроба (колоды).

"Условно-локальные" признаки для **половцев и кочевников, оставивших «каменные курганы»** – целый остов коня, уложенный слева от человека, помещение погребенного в дощатую раму без дна и крышки и присутствие среди вещей медного сосуда-котелка.

Для кочевников эпохи Золотой Орды Урало-Поволжья ("**земляные**" и "**каменные**" курганы) – наличие среди вещей бронзовых зеркал, серег-подвесок в виде знака вопроса, кожаной сумки и относительно часто встречающиеся безинвентарные погребения.

Выделяются признаки, являющиеся "*условно-локальными*" и для **огузов, печенегов и кочевников XIII – XIV вв. Урало-Поволжья**: основное погребение в насыпи кургана, простая могильная яма, деревянное перекрытие на засыпи могилы, западная ориентировка погребенного, нож в составе вещевого комплекса (Приложение, табл.6).

Признаки "*условно-частные*", т.е. характерные только для какой-то одной из сравниваемых групп, следующие: **огузы** – два погребения под одной курганной насыпью ²¹, помещение конской шкуры над человеком на засыпи или перекрытии, наличие в составе инвентаря уздечного украшения бляхи-решмы, подвесок-копоушек, птицевидных подвесок, перстня. Едва ли

²⁰ Следствие того, что именно в перечисленных группах памятников наиболее часто встречаются впускные погребения (Приложение, табл.2).

²¹ Они встречаются и в других из сравниваемых групп, но с большим "отставанием" от огузов.

есть смысл сомневаться в том, что все эти признаки являются дифференцирующими элементами огузской этнографической культуры.

Печенеги – конская шкура, уложенная на дно могилы слева от человека, и наличие в составе инвентаря костяных подпружных пряжек.

Половцы/кыпчаки – целый остов коня, лежащий справа от человека, восточная и юго-восточная ориентировка погребенных, относительно частая встречаемость доспехов (шлем, кольчуга) в составе инвентаря, лазуритовые подвески, гривна (чаще разогнутая), костяное навершие нагайки.

"Земляные курганы" Урало-Поволжья – сырцовые оградки вокруг могилы, кирпичные "мазары", захоронения в бескурганых могильниках, следы каких-то огненных действий (кострища, отдельные угли), керамика и остатки деревянных конструкций в насыпи, могилы со стенками, сужающимися ко дну, деревянное перекрытие, опирающееся на одну или две ступеньки, кирпичный склеп или заклад могилы, остов коня, захороненный в отдельной яме, южная ориентировка погребенного, кости КРС и лошади – заупокойная пища – в могиле, из вещей – амулет-коранница, шило, монеты.

"Каменные курганы" – собственно каменные конструкции и костяные наконечники стрел (Приложение, табл.6).

Прежде чем перейти к комментированию приведенных данных на предмет выявления данных, способствующих подтверждению "нулевой гипотезы" о сложении в степях Восточной Европы в предмонгольское время некоей "огузо-печенежско-половецкой этнокультурной общности", проведем еще один анализ – выявим значения формально-типологического сходства между огузскими, печенежскими и половецкими курганами по показателю S_3 , который учитывает степень их сходства-различия по присутствующим в данной группе признакам, используя при этом признаки погребального обряда, обнаруживающие близкую к норме или повышенную тенденцию распространения в сравниваемых группах (Приложение, табл.7 и 8).

Результаты получились следующими (Приложение, табл.9): наибольшую близость между собой ($C_3 = 0,69$) обнаруживают печенежские погребения Урало-Поволжья ("Заволжская Печенегия") и печенежские погребения, расположенные между Волгой и Днестром ("Европейская Печенегия") (Иванов, 2000. С.273-282). Это вполне реально и логично, поскольку речь идет об одном и том же народе, но разделенном территориально в силу исторических обстоятельств, о которых будет сказано ниже.

Наименьшую – заволжские и европейские печенеги и половцы ($C_3 = 0,15$ и $0,20$ соответственно), что тоже вполне логично, поскольку кыпчаки/половцы/куманы, появившиеся в степях Восточной Европы в середине XI в., для печенегов и огузов (коэффициент C_3 для огузов и половцев равен $0,18$) были народом-врагом со всеми вытекающими отсюда этнокультурными и этнополитическими последствиями.

Значения коэффициента типологического сходства между огузами, заволжскими и европейскими печенегами ($0,39$ и $0,27$ соответственно) показывают, что хотя между ними и выделяется больше общих признаков погребального обряда, но считать их одним народом нельзя.

Из приведенных данных следует вполне определенный вывод: **никакой печенежско-огузско-половецкой этнокультурной общности в степях Восточной Европы в домонгольское время не существовало.** Имели место последовательные миграции (вторжения) печенежских, огузских и кыпчако-половецких кочевых орд, каждая из которых несла с собой свой набор этнокультурных признаков (и, надо полагать, свой язык), отличающих ее от предшествующих, что и нашло свое отражение в морфологии соответствующих археологических памятников.

Можно, конечно, допустить, что какие-то группы предшествующих кочевников Восточноевропейских степей вливались в состав вновь пришедших, внося свою лепту в формирование их этнокультурного облика

на "новой родине". Хрестоматийный пример – трактовка исследователями процесса формирования Черноклобуцкого (Торческого) союза племен как симбиоза европейских печенегов и огузов, вытесненных из степи кыпчаками/половцами (Плетнева, 1973. С.20-28).

Сколько и чего в погребальном обряде Черных клобуков было огузского (торческого) и печенежского – это еще предстоит выяснить. Сама С.А.Плетнева на счет огузов (торков) относила погребения с западной ориентировкой погребенного и целым остовом коня, уложенным слева от человека на приступке (ступеньке) (погребения 5-й группы) (Плетнева, 1973. С.14, 22) ²².

На счет печенегов – погребения, преимущественно впускные, с западной ориентировкой погребенного, черепом и костями коня (шкура), лежащими рядом с человеком, наконечником копья и удилами без перегиба в составе сопровождающих вещей (погребения 2-й группы) (Плетнева, 1973. С.13, 21). Как мы могли убедиться выше, именно эти признаки, в т.ч. и наличие наконечника копья, и являются одними из характерных для печенежских захоронений.

Исходя из количества погребений данной группы в Поросье (43 комплекса), С.А.Плетнева высказала предположение о том, что печенеги могли составлять большинство в Черноклобуцком союзе, но тут же объявила его преждевременным (Плетнева, 1973. С.21). Окончательный вывод исследователя заключается в том, что этнической составляющей Черноклобуцкого союза являлись поздние печенеги ²³, огузы (торки) и половцы. И хотя обитали они на довольно компактной территории, но в

²² Не будем упрекать замечательного исследователя в том, что с этнокультурной интерпретацией указанных погребений она явно ошибалась – для огузов (торков) захоронения целых конских туш вообще не характерны. Но кто мог 40 лет тому назад из общей массы средневековых кочевнических погребений Восточной Европы вычленить "чисто" огузские?

²³ Вот только как их отличить от "ранних"?

рамках союза продолжали сохранять свою этническую специфику, проявляющуюся в соответствующих группах погребений.

В свое время Г.А.Федоров-Давыдов выдвинул концепцию этнической истории степей Восточной Европы в XIII – XIV вв. Согласно этой концепции, во-первых, «основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части оставались прежние кыпчакские (половецкие) племена... Установлено, что обряды и наборы вещей, характерные для половцев XII – начала XIII вв., существовали и в золотоордынский период», во-вторых, "Отмечено, что монгольское завоевание вызвало перераспределение кочевого населения в Дешт-и-Кыпчак. Так, например, массы Черных клобуков переселились из районов Роси на Волгу" и, в-третьих, "с пришлым с монголами из Сибири этносом можно, видимо, связывать погребения с северной ориентировкой, подбойные могилы, встречающиеся иногда в могилах вырезанные из листовой бронзы идольчики и головные уборы типа описанной Карпини шапочки-бокки" (Федоров-Давыдов, 1981. С.231).

Предложенную Г.А.Федоровым-Давыдовым концепцию этнической истории степей Восточной Европы в эпоху Золотой Орды примем за "нулевую гипотезу" и проверим ее через результаты сравнительно-статистического анализа по 95 альтернативным признакам (коэффициент C_3) (Приложение, табл.10). Результаты представлены в таблице 11 (Приложение) и они показывают, что наиболее тесную типологическую связь обнаруживают между собой курганы XIII – XIV вв. в степях Восточной Европы (к западу от Волги) и синхронные погребения под земляными курганами Урало-Поволжья ($C_3 = 0,84$). Это может означать только одно – и те, и другие оставлены кочевниками, близкородственными между собой и составлявшие единый этнокультурный массив кочевого населения Золотой Орды.

Наименьшее значение типологической близости обнаруживают погребения под "каменными" курганами с погребениями половцев/кыпчаков домонгольского периода ($C_3 = 0,57$) и погребениями Урало-Поволжья под земляными курганами ($C_3 = 0,49$). Это как раз и есть тот самый пришлый с монголами из Сибири этнос, не относящийся к половецко-кыпчакскому, этническую составляющую которого еще предстоит выяснять.

Курганы половцев/кыпчаков домонгольского периода в этой типологической схеме занимают особое место. С одной стороны, реминисценции половецко-кыпчакского погребального обряда безусловно присутствуют в погребальном обряде кочевников Золотой Орды (курганы степей Восточной Европы и земляные курганы Урало-Поволжья – соответственно, $C_3 = 0,69$ и $0,63$). То есть, участие предшествующего половецко-кыпчакского населения в формировании этнокультурного облика кочевников эпохи Золотой Орды не может отрицаться. Хотя и следует признать, что их роль в этнической истории Золотой Орды XIII – XIV вв. не была абсолютной. В этом В.П.Костюков, очевидно, был прав (Костюков, 2006. С.200-235).

Обращает на себя внимание также относительно высокое значение типологического сходства погребального обряда кочевников XIII – XIV вв. Южнорусских степей и кочевников, оставивших погребения под "каменными" курганами ($C_3 = 0,63$). Здесь, естественно, встает вопрос о том, какие факторы этногенетического или этнополитического характера могли оказать свое влияние на появление данного типа погребальных памятников к западу от степей Южного Приуралья.

Среди половецких погребений XII – начала XIII вв. Восточной Европы курганы с каменными конструкциями также представлены и довольно заметно – 9,1% от 376 учтенных нами погребений. Типология их вполне разнообразна и здесь можно выделить:

Каменные насыпи над могилой (Змеиный Дол, Каинсай – Челябинская обл.; Кара-Кият в Крыму; Новогригорьевка – Запорожская обл.; Псебайская I – Краснодарский край);

Каменно-земляные насыпи (Лебедевка VII – Уральская обл.; Буденетово II – Сев.Кавказ; Верхний Степок – Харьковская обл.; Каменка, Новогригорьевка, Пески – Днепропетровская обл.; Клунниково – Луганская обл.; Псебайская I – Краснодарский край; Усть-Белокалитвенск – Ростовская);

Каменный "панцирь" поверх земляной насыпи (Лисаковский – Актюбинская обл.; Ахметовская – Краснодарский край; Новоалександровка и Чермалык – Днепропетровская обл.; Россави – Киевская обл.; Земля М.Д.Москопуло – Херсонская обл.);

Каменная наброска над могилой (Большое Озеро – Челябинская обл.; Три Брата I – Калмыкия; Ахметовская – Краснодарский край; Бешпагир – Ставрополье; Большемихайловка I и Каменка – Днепропетровская обл.; Каменский – Донецкая обл.; Рясная Могила (Байки) – Запорожская обл.; Плавни – Одесская обл.);

Каменное кольцо вокруг могилы (Лебедевка VIII – Уральская обл.; Буденетово II – Сев.Кавказ; Хавалы IV – Ростовская обл.; Сухая Калина – Днепропетровская обл.; Никифорово – Донецкая обл.).

Подобные курганы также спорадически разбросаны по всему пространству Восточноевропейских степей, от верховьев Тобола на востоке до устья Дуная на западе (рис.14). Очевидно, следовало бы ожидать устойчивую статистическую корреляцию каменных надмогильных сооружений с такими признаками, как северная ориентировка погребенного²⁴ или наличие в могиле целого конского остова²⁵. Но таковой не наблюдается.

²⁴ Погребения с северной ориентировкой составляют 4,1% всех известных половецких захоронений.

²⁵ Составляют 10,5% от всех половецких погребений.

Появление в половецкое время захоронений под каменными конструкциями к западу от Волги может быть объяснено приходом сюда какой-то части кочевников, своим происхождением связанных с тюрко-монгольскими племенами Центральной Азии. Известно, что в до европейский период своей истории кыпчаки-половцы, как этнокультурный массив, формировались вначале под влиянием культуры западных тюрков, а затем кимаков, в составе государства которых – Кимакского каганата – они пребывали в VIII – X вв. Хорошо известно также, что характерным элементом погребальной обрядности как древнетюркских, так и кимакских племен являются каменные сооружения над могилами и захоронения вместе с человеком целой туши коня (остов в могиле) (Степи Евразии в эпоху средневековья..., 1981. С.29-45).

Ю.С.Худяков распространение в Верхнем Прииртышье – центре формирования Кимакского каганата – погребений под каменными курганами и с конем относит на счет прихода сюда тюркских племен из Семиречья и Притяньшанья. Здесь из общей массы тюрков выделяется кочевая знать, воспринявшая элементы городской культуры, которая стала называться "кимаками", в противоположность остальным кочевникам, получившим наименование "кыпчаки" ("ничтожные", "кочевники"). По мнению Ю.С.Худякова, "С образованием Кимакского каганата, объединившего в IX в. н.э. западные тюркские, пришлые телесские и монгольские кочевые племена, под угрозой военной мощи Кыргызского каганата, с появлением и развитием городов, термин "кыпчаки" в значении "дикие, никчемные кочевники" был перенесен на все кочевое население этого государства, самих тюрков и тюркизированное население лесостепной зоны Западной Сибири и степей Казахстана. Такая трактовка позволяет объяснить, куда после распада Кимакского каганата исчезли кимаки и другие племена объединения, кроме самих кыпчаков. Они приняли в качестве политонима общее название "кыпчаки". Новый военно-политический подъем кочевников, носящих

этноним "кыпчаки" естественным образом устранил уничижительный смысл этого названия, которое стало политонимом для всех племен, вошедших в состав кыпчакской конфедерации в XI – XIII вв. н.э., в том числе для тех, кто ранее именовал себя "кимаками" (Худяков, 2004).

Мы не будем сейчас рассматривать этнополитические коллизии Кимакского каганата в IX – X вв. Ясно одно – когда в начале XI века в связи с распадом Кимакского каганата начинается движение кыпчакских племен на запад, в их составе (кыпчакская конфедерация), кроме сары-кыпчаков (половцев), находились племена кунов, кай, басмылов, карлуков и др. (Кляшторный, 2002. С.328-346). Они и могли принести с собой в степи Восточной Европы характерные для центральноазиатских кочевников (тюрков и монголов) элементы погребальной обрядности: каменные курганы и конские захоронения. Но едва ли есть смысл в каждом из немногочисленных каменных курганов Восточной Европы XII – начала XIII вв. искать представителя какого-то конкретного тюрко-монгольского племени. В восприятии окружающего мира все они были кыпчаки – куманы – половцы. И опять-таки, будучи рассеянными по всему пространству Восточноевропейских степей, эти племена, судя по географии соответствующих памятников, нигде не образовывали районов компактного расселения. Так что их роль в этнической карте степей Восточной Европы домонгольского времени не была заметной. Для своих ближайших соседей – русских – все они были на одно лицо: "половцы безбожнии".

Иную картину наблюдаем мы при обращении к погребальным памятникам кочевников Восточной Европы эпохи Золотой Орды. Из 1030 кочевнических погребений XIII – XIV вв., учтенных в настоящей работе, 15,2% совершены под каменными сооружениями в виде набросок, каменно-земляных курганов, курганов с "панцирем", внутри каменных колец и прямоугольных оградок. В абсолютных цифрах это 157 погребений, что само по себе является статистической выборкой, позволяющей провести

внутригрупповой анализ с высокой степенью точности. При степени вероятности 0,95 нижний порог значимости процентных показателей не должен быть ниже 3,00%.

Начнем с географии "каменных курганов" ²⁶ эпохи Золотой Орды. В отличие от аналогичных надмогильных сооружений предшествующего времени, они обнаруживают четкую локализацию в степях Восточной Европы: почти 62% (61,8%) погребений, совершенных под каменными конструкциями, локализуются в степях Южного Приуралья и Зауралья – в верхнем и среднем течении р.Урал, в бассейне Илека, по берегам оз.Шалкар (рис.11). Остальные разбросаны на обширном пространстве Восточноевропейских степей, от Калмыкии (Три Брата I и II, Цаган-Эльсин) и Ставрополя (Колония Карраса) до Молдовы (Коржевский). Впрочем, здесь также можно выделить район наибольшей концентрации погребений под "каменными курганами": из 38,2% подобных погребений, расположенных к западу от Волги, 23,5% локализуются в междуречье Нижнего Днепра, Северского Донца и Кальмиуса, на территории современных Днепропетровской (Благодатный, Каменка, Камышеваха, Марьянское, Николаевка, Острая могила, Пески, Рясные могилы, У Разсыпного леса), Донецкой (Житенко, Макеевка, Полковое, Чугуно-Крепинка, Шахтерск) и Запорожской (Новогригорьевка, Новогригорьевка III) областей Украины.

Суммарная характеристика погребального обряда кочевников эпохи Золотой Орды, оставивших в степях Восточной Европы захоронения под "каменными курганами", представлена следующими показателями (см. Приложение, табл.12).

Как мы видим, в основном это земляные насыпи, возведенные над какими-то каменными конструкциями, смешанные каменно-земляные

²⁶ Под каменными курганами здесь имеются в виду не только в прямом смысле каменные насыпи, выкладки, кольца или оградки, но и земляные насыпи, скрывающие каменные конструкции.

насыпи, каменные "панцири", покрывающие земляную насыпь, каменные наброски-выкладки над могилой и каменное кольцо вокруг могилы. Собственно курганы, сооруженные из камня, встречаются довольно редко – 8,4% всех погребений (рис.16).

Некоторые из признаков обряда, в том числе и из числа непредставительных для анализируемой выборки, обнаруживают устойчивую статистическую корреляцию между собой: *земляные насыпи и каменное кольцо вокруг могилы* (Урал, к.5; Лебедевка VI, к.10; Лебедевка VIII, к.6; Пчельник, к.6; Каратугайская волость, к.4; Новый Кумак, к.8; Жаман-Каргала I, к.30; Рясные могилы, к.8, 10, 14, 16, 17; Новогригорьевка III, к.1-5; Мысхако, Марьянское, к.4; Высокая гора, к.2), *каменное кольцо вокруг могилы с подбоем, вход в который перекрыт деревом* (Лебедевка VIII, к.6; Новогригорьевка III, к.1-5), *каменная ограда вокруг могилы с уступами-заплечиками вдоль длинных стенок* (Ишкуловский II; Урта-Буртя, к.4; Новая База II, к.2; Полковое, к.3) (рис.17).

Сейчас едва ли стоит подвергать сомнению то обстоятельство, что появление в степях Восточной Европы в XIII – XIV вв. погребений, совершенных под каменными конструкциями, есть результат прихода сюда кочевников центральноазиатского происхождения. На материале аналогичных и синхронных курганов Северного Кавказа это вполне убедительно доказано Е.И.Нарожным (Нарожный, 2005. С.162-173).

По данным Ю.С.Худякова, в монгольское время в степях северного, восточного и центрального Казахстана – основная территория Кок-Орды, восточного крыла Улуса Джучи – распространяются погребения, совершенные по обряду одиночной ингумации в прямоугольных могильных ямах, перекрытых округлыми пологими каменно-земляными насыпями или овальными выкладками. Погребенных помещали в грунтовых ямах, в деревянных гробовищах, скрепленных железными скобами, перекрывали досками или берестой. Тела умерших сородичей укладывали в могилу на

спину в вытянутом положении, головой на север или северо-запад, очень редко на восток. Мужчин хоронили с оружием, воинским и конским облачением, женщин – с украшениями, предметами туалета и конской сбруи. Исследователь считает, что оставлены эти погребения кыпчаками, но уже находившимися под заметным монгольским этнокультурным воздействием (Худяков, 2004).

В.П.Костюков, опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной локализации "каменных курганов") в XIII – XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, "в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью" (Костюков, 2006. С.200-235). Поскольку пока мы не имеем в достаточном количестве археологического материала, позволяющего выделить памятники перечисленных племен на востоке Великого пояса Евразийских степей, в качестве рабочей гипотезы остановимся на предположении о том, что известные сейчас в степях Восточной Европы погребения эпохи Золотой Орды, совершенные под каменными конструкциями, оставлены этими тюрко-монгольскими племенами ²⁷. Первое их появление к западу от Волги, вероятнее всего, было связано с кыпчакско-половецкой экспансией первой половины XI века. Но это были, по-видимому, разрозненные и немногочисленные группы кочевников, не оказавшие, как уже было сказано выше, заметного влияния на кыпчакско-половецкую (сары-кыпчакскую) составляющую этнической карты степей Восточной Европы в домонгольский период.

²⁷ Кто были по своей этнической принадлежности найманы, карлуки, кушчи, буйраки – тюрки или монголы – это еще предстоит установить.

Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что кыпчакско-половецкая экспансия в Восточную Европу – это было стихийное движение кочевников (хотя и вызванное конкретными этнополитическими коллизиями в Кимакском каганате) в поисках "места под солнцем". Осуществлялось оно в условиях завершающейся стадии аридизации Евразийских степей, когда климат и природные условия степей Восточной Европы, хотя и приближались к современным, но были еще более засушливыми, т.е. более экстремальными для кочевников (Демкин, Демкина, Борисов и др., 2004; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010). Поэтому представляется отнюдь не случайным тот факт, что в степях Заволжья и Южного Приуралья в настоящее время выявлено только 41 погребение кыпчаков-половцев XI – XII вв. Это – 9,8% от известных в степях Восточной Европы кыпчакско-половецких погребений домонгольского периода (рис.10). То есть, сарыкыпчаки/половцы и примкнувшие к ним группы тюрко-монгольских кочевников степи Урало-Поволжья, прошли, практически не останавливаясь (по С.А.Плетневой – первая стадия кочевания) (Плетнева, 1982).

Монгольское нашествие на Восточную Европу осуществлялось с сугубо завоевательной целью. Захваченные монголами степные территории не просто эксплуатировались, но и заселялись подвластными им кочевыми племенами. Среди последних, вне всякого сомнения, находились племена, сохранявшие погребальную обрядность, генетически восходящую к тюркам Центральной Азии и кимакам. Именно они составили этническое ядро Улуса Шибана (благо в эпоху Золотой Орды степи Урало-Поволжья вступают в стадию гумидизации), а часть из них могла обретаться в Днепро-Донецком междуречье, рельеф которого, кстати, вполне напоминает рельеф Южноприуральских степей (ср. Донецкую и Приазовскую возвышенности и Тургайское плато).

Если исходить из вывода Ю.С.Худякова о том, что у кочевников, входивших в состав кыпчакского объединения и обитавших в степях

северного и центрального Казахстана, уже в начале II тыс. н.э. исчезает обряд погребения с конем и распространяется обряд одиночной ингумации под округлыми земляными насыпями, в грунтовых ямах или подбоях, в дощатых гробовищах без дна (рамах) или долбленных колодах, перекрытых плахами, с отдельными костями коня в могилах (Худяков, 2004), то рассматриваемые группы курганов эпохи Золотой Орды в Урало-Поволжье в принципе соответствуют этому положению и, следовательно, оставившее их население может трактоваться, как составлявшие это объединение племена, пришедшие в регион в составе монгольского нашествия. В известной степени, подобное заключение идет вразрез со ставшей уже традиционной концепцией о насильственно-административном переселении торчешко-черноклобуцких и половецко-кыпчакских племен с запада на восток в XIII – начале XIV вв., положившем начало процессу кыпчакизации тюркского населения Урало-Поволжья (Федоров-Давыдов, 1973. С.39; Кузеев, 1974. С.455-457; Антонов, 2006. С.46). На это прежде всего указывает слабое распространение в погребальном обряде кочевников Урало-Поволжья XIII – XIV вв. таких характерных для половцев признаков погребального обряда, как восточная ориентировка погребенного и захоронение вместе с ним коня (Приложение, табл.7, 8, 10).

Хотя именно последний признак – т.н. "всаднические" погребения – традиционно рассматривается как один из наиболее выразительных этнокультурных маркёров средневековых кочевников евразийских степей. Применительно к XII – XIV вв. – как этнокультурный признак сары-кыпчаков (Худяков, 2006. С.482-491; Иванов, 2006. С.496-503).

Из рассматриваемых погребений региона 39,5% – могут быть интерпретированы как всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног (10,1%), конский скелет целиком (8%) или принадлежности конской сбруи, но без коня (21,4%). Среди первых преобладают 5,3% погребения, в которых целый остов коня лежал слева от

человека: Тлявгуловский, к.1; у пос.Урал, к.5 и 9; Хабарный I, к.4; у пос.Большевик II, к.1; у пос.Большевик III, к.1; Белый Ключ, к.5; Новый Кумак, к.9, 28 и 35; у Обелиска Славы (г.Орск). Причем, больше половины из них – 2,9% – содержат конский остов, лежащий на ступеньке: у пос.Большевик II и III; Новый Кумак, к.9 и 35; Белый Ключ; у Обелиска Славы. В остальных конский скелет лежит рядом с человеком на дне могилы. В почти половине рассматриваемых погребений – 2,4% – кони были взнузданы и оседланы (в зубах конского черепа – удила, среди костей скелета – стремяна). Ориентировка коня соответствует ориентировке человека, так что, если бы коня и всадника поставить на ноги, то они оказались бы в положении всадника, изготовившегося к посадке в седло (рис.18, 1,2,4).

На втором месте по частоте встречаемости среди погребений с конскими захоронениями стоят погребения, содержащие шкуру коня (череп и кости ног), также помещенную слева от человека – 2,9%: Ивановский IV, к.1; Озеро Раим, к.4 и 24; Новоорский I, к.2; Лебедевка VI, к.10; Башкирское стойло, к.4. Во всех случаях конская шкура лежала рядом с человеком на дне могилы. Ориентировка коня также соответствует ориентировке человека. В половине случаев конь был взнуздан и оседлан (рис.18, 3).

Остальные случаи конских захоронений вместе с человеком единичны и для рассматриваемой выборки золотоордынских погребений Южного Приуралья существенного значения не имеют. Тем не менее, их тоже стоит привести для полноты картины. Целый остов коня, уложенный справа от человека на ступеньке – Новый Кумак, к.14; остов коня, погребенный в отдельной яме – Мечей-Киров, к.4; Пчельник, к.8; шкура коня справа от человека – Лебедевка VIII, к.6; Кара-Оба, к.6; шкура коня в засыпи могильной ямы – Мокринский I, к.13 и 14; шкура коня на деревянном перекрытии могилы, над человеком – Жарсуат I, к.1.

Однако чаще всего «всаднические захоронения» в рассматриваемой группе золотоордынских погребений представлены погребениями, не

содержащими останков коня, но содержащими принадлежности конской сбруи – удила и стремяна (21,4%). Из них полный комплект сбруи (условно) – стремяна и удила – встречаются довольно редко: 17,1% от 35 погребений с принадлежностями конской сбруи или 2,9% от общего числа рассматриваемых золотоордынских погребений Южного Приуралья: Пчельник, к.21; Андреевский, к.1; Жаксы-Каргала, к.4; Новочеркасский VII, к.1; Джангала (Новая Казанка), к.3; 2-я верста от Илецкой защиты, к.21.

В половине рассматриваемых погребений принадлежности конской сбруи располагались у ног человека (8,7%) (рис.19). В остальных случаях удила и стремяна были уложены в изголовье могилы (Алабайтал, к.1; Пчельник, к.22; Худай-Берген III, к.12; Комсомольский VI, к.3) или их местонахождение не было определено.

Могильники золотоордынского времени Южного Приуралья по количеству составляющих их погребений невелики, например: самый крупный могильник Пчельник – 18 погребений; Мокринский – 11 погребений; Озеро Раим – 10; Новый Кумак и Ишкулово II – по 9; 2-я верста от Илецкой защиты – 8; Хабарный I – 7; Линевский – 6; Лебедевка VIII – 5; Алебастрово II, Буранчи I, Джангала (Кара-Оба), Джангала (Новая Казанка) – по 4 погребения. Большинство могильников содержат от 1 до 3 погребений золотоордынского времени.

"Всаднические погребения" обнаружены в 41 из могильников рассматриваемого периода и распределяются они в них следующим образом (Приложение, табл.13): шесть могильников – Белый Ключ, Большевик III, Мечей-Киров, у Обелиска Славы и Хабарный I – содержат только захоронения с конской тушей; восемь могильников – Башкирское стойло, Жарсуат I, Ивановский IV, Кара-Оба, Лебедевка VI и VIII, Мокринский I, Новоорский I – только погребения с остатками конской шкуры и 22 могильника – только погребения с принадлежностями конской сбруи.

Могильников, содержащих различные типы "всаднических погребений", известно пять. Из них четыре – Большевик II, Новый Кумак, Пчельник и Тлявгуловский – содержат погребения с целой тушей коня или только с принадлежностями конской сбруи, в одном могильнике – Озеро Раим – встречены погребения с остатками конской шкуры или принадлежностями конской сбруи.

Распространение "всаднических погребений" показывает, что они не имеют какой-то выраженной локализации и разбросаны по всему пространству приуральских степей (рис.20). Это обстоятельство несколько снижает значение данных погребений, как этномаркирующих признаков для памятников XIII – XIV вв. рассматриваемой территории. Настоящий вывод подкрепляется анализом других признаков погребального обряда. Во-первых, конструкция надмогильного сооружения: из 11-ти погребений, содержащих целый остов коня, пять совершены под простыми земляными курганами (у пос.Урал, Новый Кумак, к.28, Белый Ключ и у Обелиска Славы), три – под смешанными каменно-земляными насыпями (Тлявгуловский, к.1, Большевик II и Новый Кумак, к.35), два – под каменными вымостками (Хабарный I, к.4, Большевик III) и один – под земляным курганом, перекрытым каменным "панцирем" (Новый Кумак, к.9).

Аналогичным образом погребения, содержащие шкуру коня, все совершены под земляными курганами, но из них в одном случае земляной курган был перекрыт каменным «панцирем» (Новоорский I, к.2), в двух погребения были окружены каменным кольцом (Лебедевка VI, к.10; Лебедевка VIII, к.6) и в двух случаях погребения находились внутри оградок из сырцового кирпича, перекрытых земляными насыпями (Мокринский I, к.13 и 14).

То же самое наблюдается и с погребениями, содержащими только принадлежности конской сбруи, из которых 23 (65,7%) совершены под простыми земляными курганами. Среди остальных два погребения

совершены под каменными насыпями (Жаксы-Каргала, к.4, Лебедевка IV), четыре – под каменно-земляными насыпями (Тлявгуловский, к.1, Пчельник, к.20, Новочеркасск VII, к.1, Большевик II, к.3).

То же самое можно сказать и об ориентировке погребенных "всадников", которая также может рассматриваться, как один из этнокультурных признаков. Абсолютное большинство из них традиционно для средневековых кочевников евразийских степей, ориентированы в западных (в общей сложности 61,5% погребений) или северном (28,8%) секторах. Причем, это касается всех трех групп "всаднических погребений".

Ассортимент вещей, найденных во "всаднических погребениях" Южного Приуралья и Поволжья, не меняет обозначенной выше картины. Абсолютное большинство "всаднических погребений" являются захоронениями мужчин-воинов, сопровождающий инвентарь которых состоит из железных наконечников стрел, помещенных в берестяной колчан, ножа, огнива, очень редко – сабли (Ивановские IV, к.1, Лебедевка VIII, к.6) или сабли и шлема (Лебедевка II).

Вместе с тем, практически половина погребений с целым остовом коня могут быть трактованы, как женские, поскольку их вещевой инвентарь представлен ожерельями из стеклянных бус, бронзовыми зеркалами (Урал, к.5, Хабарный I, к.4, Большевик II, к.1, Новый Кумак, к.28, Белый Ключ, у Обедиска Славы). Два таких же погребения известны и среди захоронений с конской шкурой (Башкирское стойло, к.4, Озеро Раим, к.4). В погребениях, содержащих только сбрую коня, в женских погребениях, кроме бус и зеркал, встречаются детали берестяного головного убора-"бокка" (Пчельник, к.5 и 22, 2-я верста от Илецкой защиты, к.5, Алебастрово II, к.5 и 11, Россыпинские, к.2).

Предметы конской сбруи – удила и стремяна – обнаруженные в золотоордынских кочевнических погребениях Южного Приуралья, достаточно однотипны и не очень выразительны. Удила – двусоставные

кольчатые, различающиеся между собой только по диаметру трензельных колец. Именно по этому признаку они и соответствуют типологии, разработанной в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым и частично дополненной В.А.Кригером и автором этих строк (Федоров-Давыдов, 1966. С.93-95; Иванов, Кригер, 1988. С.10). Наиболее часто в рассматриваемых погребениях встречаются удила типа ГII (по Г.А.Федорову-Давыдову), т.е. – с трензельными кольцами диаметром не менее 5 см (рис.21, 1,2,5). Иногда на трензельные кольца нанизаны кольца меньшего диаметра для дополнительного скользящего повода, позволяющего удерживать голову лошади на определенном уровне ²⁸.

Стремена, по номенклатуре Г.А.Федорова-Давыдова, представлены следующими типами: VI – арочной формы с длинным плоским выступом прямоугольной формы в верхней части дужки и широкой подножкой (рис.21, 6,7,10,11); ДIII – арочной формы с расплющенной и слегка приостренной дужкой и широкой плоской подножкой (рис.21, 9,12,13) и ДIV – с высокой дужкой треугольной формы и широкой плоской подножкой. То есть, это стремяна так называемых монгольских типов, предназначенные для упора ногой, обутой в сапог с толстой, но мягкой подошвой, типа монгольских войлочных сапог-гутулов.

Остатки седел в виде их деталей и украшений обнаружены в девяти погребениях: Тлявгуловский, к.1; Большевик II, к.1; Лебедевка II; Лебедевка VIII, к.6; Пчельник, к.20; Новый Кумак, к.11; Линеvский одиночный, Каменно-Озерный; 2-я верста от Илецкой защиты; Башкир-Беркутово. Из материалов Ново-Кумакского и Башкир-Беркутовского могильников известно, что это были седла монгольского типа – с высокими деревянными луками и деревянными же полками, обтянутые кожей (рис.21, 8).

²⁸ Консультация спортсмена-конника И.М.Цекертовой.

Из других принадлежностей сбруи известны подпружные пряжки полуовальной формы (рис.21, 4), медная ворворка для закрепления волосяного султана, прикрепленная к железной основе (у пос.Урал, к.9) (рис.21, 14) и костяная петля для пут (у пос.Урал, к.5) (рис.21, 3).

Приведенные выше данные дают нам основание считать, что "всаднические погребения" у кочевников эпохи Золотой Орды Южного Приуралья, вероятнее всего, играют роль **не этнического, а социального репера** и указывают на имущественное положение погребенного или погребенной. Из всего массива погребений XIII – XIV веков они выделяются только тем, что содержат остатки конской туши (скелет), конской шкуры (череп и кости ног) или принадлежности конской сбруи. Если учесть, что в кочевом обществе именно конь являлся показателем богатства и места индивида в социальной иерархии, то забить коня и зарыть его в землю вместе с умершим хозяином могла себе позволить семья с одним уровнем материального достатка и соответствующим местом в социальной иерархии. Захоронить шкуру коня, использовав его мясо для проведения поминальной тризны – это уже другой уровень и достатка, и общественной значимости, а поместить в могилу только конскую узду – третий уровень.

Здесь еще нужно учитывать и то, что среди погребений XIII – XIV вв. Южного Приуралья выделяется группа (20,5%) погребений, не имеющих ни одного признака "всадничества", но содержащих предметы вооружения – железные наконечники стрел, колчаны, костяные накладки лука – то есть, воинские. И за ними мы вправе видеть еще один, может быть, самый низший уровень материального достатка и социальной значимости.

Таким образом, "всаднические погребения" Приуральского региона эпохи Золотой Орды позволяют нам обозначить несколько уровней в имущественной и социальной иерархии кочевого золотоордынского общества, отраженных в археологическом материале. Установление

социальной номенклатуры и содержания этих уровней требует привлечения других материалов, но сам факт их наличия едва ли может быть оспорен.

Итак, как бы мы ни относились к самой идее трактовки языческого погребального обряда как одного из основных этнодиагностирующих признаков археологической культуры факт остается фактом – сравнительно-статистический анализ комплекса (!) морфологических признаков погребального обряда средневековых кочевников Урало-Поволжья показывает, что он не был статичным и менялся. В первую очередь изменения касались тех признаков обряда, которые Ю.А.Смирнов относит к *категории переменных* – погребальный инвентарь и дополнительная структура (Смирнов, 1997. С.12 и сл.). Последнюю исследователь определяет как "любой искусственно созданный объект, находящийся в пределах погребального комплекса, но не несущий функций погребального сооружения или же находящийся за его пределами, но имеющий непосредственное отношение к посмертному обращению" (Смирнов, 1997. С.77). Применительно к рассматриваемому материалу, это все признаки, которые мы относим к категории IV "Характер конского захоронения" и категории V "Ориентировка погребенного и детали ритуала" (Приложение, табл.1).

Что касается *двух постоянных* (по определению Ю.А.Смирнова) составляющих погребального обряда – погребальные сооружения и останки погребенного, – то в регионе Урало-Поволжья в течение рассматриваемого периода они оставались неизменными: подкурганые захоронения и ингумация. Хотя и здесь мы имеем исключение в виде захоронений под "каменными" курганами, отличающимися от половецко-кыпчакских погребений домонгольского периода и от погребений периода Золотой Орды, совершенных под земляными курганами, самой конструкцией погребальных сооружений и такими "переменными" признаками, как явное преобладание ориентировки в северном секторе азимута и помещение целой туши коня

(остов) на ступеньке вдоль одной из длинных стенок могилы. Рассмотренные в комплексе эти признаки вполне очевидно указывают на этнокультурную самобытность кочевников, оставивших данную группу погребальных памятников. Истоки этой самобытности, конечно же, следует искать не в регионе Урало-Поволжья и не в степях Восточной Европы.

Глава 4. Кочевники Урало-Поволжья на этнокультурной карте степной Евразии эпохи средневековья

На фоне многочисленных публикаций по археологии и истории средневековых кочевников Восточной Европы, увидевших свет в последние 15-20 лет, едва ли есть смысл заново доказывать их этническую принадлежность и реконструировать их этногенетическую историю. Из современных исследователей сейчас практически никто не возражает против присутствия в этнической карте степей Урало-Поволжья X – XIV вв. таких племен, как огузы, печенеги, сары-кыпчаки (половцы). Предпринимаются попытки обозначения канглов, киданей, уйгуров и других центральноазиатских племен, известных по письменным источникам (Яминов, 1995. С.26 и сл.; Костюков, 2006. С.446; 2010. С.119-129).

В настоящей работе мы не ставим целью проверять (и уж тем более – опровергать) высказанные точки зрения. Опыт практической работы с имеющимся массивом археологических данных показывает, что при желании в любом отдельно взятом погребальном комплексе можно найти признаки, относящие его к той или иной из названных этнических групп. Однако мы пока не располагаем статистическими данными по погребальному обряду средневековых кочевников Центральной Азии²⁹ и, соответственно, не имеем возможности проводить сравнительно-типологический анализ урало-поволжских памятников с центральноазиатскими на предмет их генетической преемственности. А для выявления более тонких этнокультурных срезов имеющегося в нашем регионе материала также пока недостаточно. Поэтому на данном этапе исследований мы более подробно остановимся на проблеме этнокультурной "близости, преемственности и стабильности пребывания в регионе населения", оставившего известные нам археологические памятники

²⁹ Имея в виду интересующий нас период, т.к. по древнетюркскому периоду мы такими данными располагаем.

и рассмотрим ее именно через призму археологического выражения этой проблемы.

Этнокультурный "калейдоскоп", который демонстрируют нам погребальные комплексы кочевников Восточной Европы X – XI вв., в значительной степени согласуется с данными средневековых письменных источников. В первую очередь это касается огузов и печенегов, чья "доевропейская" история известна нам исключительно в виде кратких и отрывочных изложений в сочинениях восточных авторов и текстах эпиграфических памятников.

Если исходить из известных ныне письменных источников и общепринятой среди исследователей идентификации этнонима "кангар" – "кенгерес" – "печенег", то самые ранние сведения о локализации, и отчасти образе жизни древних печенегов (или протопеченегов) принадлежат перу китайских хронистов и датируются рубежом I – II вв. до н.э. Здесь имеются в виду написанные до 99 г. до н.э. «Исторические записки» (Шы-Цзи) Сыма Цяня, в которых идет речь о кочевом владении Кангюй, расположенном к северо-западу от Давани (Фергана) и к юго-востоку от кочевого же владения Яньцай или Аланья, лежащем «при большом озере, которое не имеет высоких берегов (т.е. Северном или Каспийском море)» (Бичурин, 1950. Т.2. С.150 и сл.; 260 и сл.). Судя по предлагаемой исследователями идентификации географических ориентиров, границы «владения Кангюй» включали в себя территории бассейна Сырдарьи, от Ташкента в сторону Хорезма.

Из «Истории Северных Дворов» (сочинение Ли Янь-шеу), охватывающем период с 386 по 618 гг., мы узнаем, что какое-то время Кангюй находился в зависимости от правителей "владельческого Дома Йеда" (эфталитов), а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западнотюркского каганата (Бичурин, 1950. Т.1. С.287).

По сообщениям китайских хроник первой половины I тыс. н.э., излагающих по существу одни и те же сведения, кангюйцы – кочевники ("...следуя за скотом, перекочевывают с места на место"), придерживающиеся обычаев и образа жизни, сходных с хуннами, аланами и эфталитами.

Из китайских же хроник известно, что в середине VII в. вождь токуз-огузов эльтебер Тумиду создал свое государство в бассейне рек Тола и Орхон. Государство это успешно противостояло натиску Танской империи и пало только в начале 80-х годов под ударами Второго Восточнотюркского каганата (Кляшторный, Савинов, 2005. С.112).

Следующую группу сведений по интересующим нас народам, касающихся в основном огузов, составляют древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в. (надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука). В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа – ближайšie соседи и политические противники "голубых тюрков", с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Так, из надписи в честь Кюль-Тегина (умер в 732 г.) мы узнаем, что его отец Ильтериш-каган несколько раз ходил походами на "народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана», живший к северу от тюрков, и в итоге покорил его («В честь моего отца-кагана во главе вереницы могильных камней поставили "балбалом" Баз-кагана») (Малов, 1951. С.38). Затем сам Кюль-Тегин совершает поход на запад, за реку Йенчу (Сырдарья), где силами подвластных ему тюргешей воюет с кенгересами (печенегами). Судя по изложению дальнейших событий, поход этот для тюрков не был удачным и им пришлось отступить. Тем более, что в тылу у тюрков восстали покоренные ими ранее огузы: "Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как небо и земля пришли в смятение, он стал моим врагом". Последние годы жизни Кюль-Тегина были посвящены в общем-то безуспешным попыткам вновь подчинить себе огузов (Малов, 1951. С.42).

Более точные сведения о территории расселения огузов в VII – VIII вв. содержатся в надписях в честь Тоньюкука, хана Могиляна (умер в 735 г.), и уйгурского хана Моюн-Чура (умер в 757 г.). Первый из перечисленных правителей сражался с огузами у р.Тоглы (в современной Монголии правый приток Орхона - р.Тола) (Малов, 1951. С.66), хан Могилян, разгромив объединенное огузо-табгачское войско, преследовал отступающего противника, двигаясь вниз по р.Селенге, а хан Моюн-Чур, очевидно, властвовал над "народом девяти огузов", жившим у р.Орхон, и в 747 г. во главе их сражался против тюрков (и части отколовшихся огузов и татар) на берегах той же Селенги (Малов, 1959. С.12, 22).

Таким образом, из сведений древнетюркских письменных памятников следует, что в VII – VIII вв. огузы и печенеги (кенгересы) – два отдельных самостоятельных народа – жили на востоке Великого пояса евразийских степей, на значительном удалении друг от друга, будучи разделенными территорией Тюркских каганатов.

Однако подобная же ситуация, очевидно, была известна и арабским географам середины IX в. В частности, в «Книге картины земли», написанной арабским ученым Мухаммадом ал-Хваризми между 836 и 847 гг. на основании географических данных Птолемея, о кенгересах – печенегах речь вообще не идет, а что касается огузов, то они выступают в данном труде под собирательным именем «земля ат-тугузгуз» с координатами, значительно восточнее Хорезма, Бухары и Самарканда (Калинина, 1988. С.12, 48, 97).

Арабские авторы второй половины IX в. (Ибн-Хордадбех, аль-Йакуби) называют огузов и печенегов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кипчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения (Материалы по истории..., 1939. С.149 и сл.; Ибн-Хордадбех, 1986). Но зато два других автора: аль-Балазури (умер в 892 г.) и ат-Табари (умер в 923 г.) в своих

трудах повествуют о том, что в 820 – 821 гг. токуз-огузы совершили набег на Усрушану (район современных Ташкента, Ферганы и Самарканда), а правитель Хорасана Абдаллах ибн-Тахир, вероятно, в ответ на это в 824 г. отправил свое войско в поход на "страну Гуззия" (последнее, впрочем, не абсолютно достоверно) (Golden, 1972. P.55). Как бы то ни было, но сам факт появления огузов за 3000 км к западу от Орхона и Селенги, в верховьях Сырдарьи, свидетельствует о том, что к началу IX в. локализация этих племен на территории евразийских степей существенным образом изменилась, и с этого времени они становятся ближайшими соседями печенегов.

Соседство это, в итоге, вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли "вокруг моря Джурджан" (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения ал-Масуди (середина X в.). И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем и далее на запад. Так, Ибн Русте, писавший не позже 912 г., сообщает о "земле печенегов", расположенной в 10 днях пути от "земли хазар", между печенегами и жившими на Волге "болгарскими" эсегелями, рядом с первым из краев маджарских". То, что в данном случае речь идет уже о восточно-европейских печенегах, следует из краткого описания пути от печенегов к хазарам ("...Торного пути или больших дорог нет, впрочем, между упомянутыми землями, а пробираются из страны Печенежской до самой земли Хазарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами"), которого, как известно, к востоку от Волги мы нигде не найдем, а также из указания о южной границе "маджарского края", выходящей к Румскому (Черному) морю (Хвольсон, 1869. С.665 и сл.; 669 и сл.).

Таким образом, мы вплотную подошли к территории урало-поволжских степей, где, в отличие от названных выше более восточных территорий

накоплена определенная база археологических данных, позволяющих более конкретно проследить динамику и масштабы вторжения печенегов и огузов в степи Восточной Европы.

Ареал огузских курганов степного Заволжья и Приуралья позволяет очертить границы Огузской степи ("Дешт-и-Огуз"), во всяком случае западной ее части в X в. На западе это, конечно, Волга, являвшаяся границей между "Дешт-и-Огуз" и Хазарией, которая периодически нарушалась, но и соблюдалась достаточно жестко, поскольку на правом, хазарском берегу Волги огузских памятников рассматриваемого времени было немного.

Южная граница фактически совпадает с границами Прикаспийской низменности или Прикаспийских пустынь, которые, в силу своих природных условий, не могли быть районом концентрации кочевых племен, что мы и видим на примере огузских памятников (рис.9).

Северная граница огузских кочевий в регионе выглядит хотя и довольно "размытой", но в основных своих звеньях обозначена достаточно четко: Быковские курганы на Волге, Увак и Тамар-Уткуль – на Илеке, который также являлся одним из районов огузского кочевания (Агаджанов, 1969. С.79).

Самое сложное сейчас, это восстановить восточную границу прикаспийской части "Дешт-и-Огуз", поскольку самый восточный из известных сейчас огузских курганов (Болгарка I в верховьях Илека) расположен так, что не может связать поволжские огузские памятники со считавшимися на основании письменных источников нижнесырдарьинскими огузскими центрами. Не дает материал из Болгарки I и данных для уточнения места Мугоджар (по С.Г.Агаджанову – часть Музгарских гор у Идриси) внутри

огузской ойкумены, так как восточнее Мугоджар целенаправленные поиски и исследования археологических памятников ещё не проводились³⁰.

Таким образом, по имеющимся археологическим данным и сведениям письменных источников, западная часть Огузской Степи – сравнительно узкая полоса территории по южной периферии Волго-Уральской степи, между Южными Мугоджарами, низовьями Илека, Волгой и Прикаспийскими пустынями. Многолетние археологические поиски на территории Оренбургской области, в том числе в ее восточных районах, расположенных между северо-восточными склонами Мугоджар и отрогами Южного Урала, где, по мысли С.Г.Агаджанова, должны были находиться огузские крепости Даран-да и Дарку (Агаджанов, 1969. С.78), положительных результатов на сей счет не дали.

Локализация огузских памятников в зоне предуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи с выраженным тяготением к пойме волжского левобережья, о чем было сказано в 1 главе, вполне определенно вписывается в систему взаимодействия двух факторов: природно-климатического и этнополитического. О первом уже говорилось неоднократно – на X в. приходится пик аридизации степей Восточной Европы и Южного Зауралья, близкой к современной становится природно-климатическая ситуация в степях Заволжья и Южного Приуралья (включая и Северный Прикаспий). Поэтому Нижняя Волга с ее 15-30-километровой поймой была наиболее притягательным местом для заволжских кочевников, прежде всего во время зимовок. Поэтому отнюдь не случайно ал-Масуди и писал о том, что на зиму огузы собираются к Волге (Хазарской реке) и, перейдя ее по льду, нападают на хазар (Гаркави, 1870. С.131). Обращает на себя внимание тот факт, что из всех средневековых авторов, писавших об огузах, только ал-Масуди

³⁰ Можно указать лишь на погребение Кыз-Тепе в Узбекистане, в долине р.Кашка-Дарья, которое по погребальному обряду и набору вещей весьма близко огузским погребениям Нижнего Поволжья (Кабанов, 1963).

сообщает о нападениях последних на хазар. Ни Ибн Фадлан, ни Константин Багрянородный, ни анонимный автор «Худуд-ал-Алам», довольно подробно описавший географические границы "Дешт-и-Огуз", ничего подобного не сообщают. Более того, в письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) перечисляются многие народы, с которыми хазары контактировали в том или ином виде, кроме огузов (Петрухин, 2002. С.299-303).

Здесь, конечно, можно фантазировать о чем угодно. Но, с одной стороны, нам ничего неизвестно о каких-либо конструктивных контактах между хазарами и огузами. С другой – 150-метровые отроги Приволжской возвышенности и бесчисленные протоки волжско-ахтубинской поймы, замерзавшие время от времени, преграждали огузам свободный проход на территорию Хазарии (рис.22). Очевидно, это являлось вполне действенным фактором для того, чтобы к угрозе огузских набегов относиться достаточно индифферентно. Как следствие – отмеченное еще предшественниками очень незначительное участие огузов в формировании этнической карты степей Восточной Европы в X в. (Федоров-Давыдов, 1966. С.139), где в то время этнокультурная доминанта целиком принадлежала печенегам.

В первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского племенного союза. Особенно интересной в этом отношении представляется книга византийского императора Константина Багрянородного (умер в 959 г.) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее емкий источник по истории европейских печенегов первой половины X века. Из него, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами, с тем, чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и "турков" нападать на Византию (под "турками" в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры, в конце IX в. заселившие Паннонию в бассейне Дуная и Тисы).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях восточной Европы: от низовьев Дуная ("...печенеги близки к булгарам") и северных пределов "турков" (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно, Темеш, Бегу, Марош, Кёрёш и Тисса в восточной Венгрии), до хазарской крепости Саркела по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днепр), Врут (Прут) и Серет (Константин Багрянородный, 1934. С.18-20). Причем на этой территории печенеги жили восемью "округами", четыре из которых располагались по правобережью Днепра (Гиазихопон, Ги́ла, Харовой и Явдиертим), а остальные по левобережью (Кварципур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон).

Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов — на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад: "Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе, имея соседями Хазаров и так называемых Узов. Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Хазарами и вступив в войну с Печенегами, одержали верх, изгнали из их собственной страны, и ее заняли так называемые Узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут Турки, они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране и владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет" (Константин Багрянородный, 1934. С.15).

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима "печенег-кангар", как бы перекликающееся со сведениями восточных письменных источников: "...Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар, (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда

называвшимися Кангар войско Турков было разбито..." ("тогда" - это, по тексту Константина Багрянородного, в конце IX в.). Причем, чуть выше автор подчеркивает, что "...Печенеги именуется Кангар, но не все, а только народ трех округов: Явдииртим, Кварцицура и Хавуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание Кангар". Следует полагать, что к таким "храбрейшим и благороднейшим" племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т.е. по берегам Днепра (округ Явдииртим соседствует с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: "...Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с т.н. Узами и доселе остаются у них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников" (Константин Багрянородный, 1934. С.16).

Мысль о войнах между печенегами и огузами как о причине переселения первых к западу от Волги проводит в своем сочинении и ал-Масуди: "...Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда – они же суть три рода из Турка - есть то же, что море Нейтас (Черное)"; "...Они завоевали многочисленные из пяти "бунуд" (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Ру-мийю... В книге «Фунун ал-ма 'ариф ва маджра фи ад-духур ас-савалиф» («Сорта знания и что случилось в прошлом») мы отмечаем причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан" (Гаркави, 1870. С.427).

Сведения о двух группах печенегов ("тюркских" и "хазарских") содержатся в «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанной в 982 – 983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хурдадбега, ал-Джейхани и Ибн Хаукаля (В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский). Причем, если исходить из координат расселения печенегов, приведенных в указанном сочинении, то получается, что "хазарские печенеги" - это племена Заволжской Печенегии, а "тюркские печенеги" – описанные Константином Багрянородным печенежские племена восточноевропейских степей.

Факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых авторов X в., давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Первые российские историки (В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин), опираясь на сочинение византийского императора, вообще трактовали рассматриваемую территорию как древнюю печенежскую родину. И хотя эта идея не была поддержана последующими исследователями, опиравшимися на более широкий круг письменных источников, степи Волго-Уральского междуречья, как часть печенежской ойкумены, постоянно фигурируют в трудах современных авторов и их предшественников. Одним из первых на эту тему вполне определенно высказался турецкий историк А.Н.Курат, очертивший, на основании сведений Константина Багрянородного, Гардизи и «Худуд ал-Алам», границы печенежских кочевий в конце IX – начале X вв.: "...от города Сарай на Идиле, до реки Самары, включая среднее течение Яика и долины таких рек, как Сакмар и Илек. А в засушливые годы местами летовок становились подножия Уральских гор" (Kurat, 1937. С.36). Аналогичную карту расселения печенегов рисуют в своих трудах крупнейшие отечественные исследователи средневековых кочевнических древностей С.А.Плетнева и Г.А.Федоров-Давыдов (Плетнева, 1958. С.162; Федоров-Давыдов, 1966. С.134).

Опираясь на сведения средневековых авторов, американский историк П.Голден рисует следующую схему хода и причин миграции огузов и печенегов

с востока евразийских степей в Восточную Европу: вследствие продолжительных войн между огузами и уйгурами, имевшими место в 20-е–40-е годы IX в., огузы и их союзники карлуки были вытеснены в Семиречье, где они столкнулись с печенегами (кангарами-кенгересами) и вытеснили последних вначале в Приаралье, а затем и далее – в Заволжье и Приуралье (Golden, 1967. P.59-61). Однако едва ли низовья Сырдарьи, удаленные и отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, выглядели в глазах печенегов и огузов "землей обетованной", за которую следовало бы драться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, до поволжских границ Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и огузы.

С целью очистить заволжские степи от печенегов огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи – печенеги или огузы), поставив печенегов "между молотом и наковальней". Для последних из этой ситуации оставался единственный выход – идти далее в поисках более спокойного места. Таковыми, на наш взгляд, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки Волго-Уральской лесостепи Заволжской Печенегии, территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом. Именно здесь, т.е. у северных границ Заволжской Печенегии, в начале X в. кочевали древние башкиры (по Ибн Фадлану – на р.Кондурча) – третья группа тюркоязычных племен, зафиксированная средневековыми письменными источниками в Урало-Поволжье, которую Р.Г.Кузеев помещает в авангарде печенежской миграций в Урало-Волжские степи (Кузеев, 1992. С.59).

Итак, оттеснив (м.б. – и с помощью хазар) печенегов на северную окраину Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если

и не столь обильную экологическим потенциалом, но чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономического взаимодействия кочевого и оседлого миров. Прежде всего, из нижневолжских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии. Вероятнее всего, незначительное распространение огузских погребений к западу от Волги объясняется и тем, что оседло-земледельческая Хазария с ее неразвитой, находящейся на "эмбриональном" уровне протогородской структурой (Флёров, 2011. С.218-221) не являлась для огузов столь уж привлекательным объектом экспансии. Конечно, они совершали на нее какие-то спонтанные набеги (ал-Масуди), но, вероятно, гораздо более привлекательным для них было южное направление и торговли, и грабительских набегов («Худуд ал-Алам»: "Они представляют множество людей, живущих в палатках, и это – люди вооруженные, храбрые и решительные в сражении. **Они постоянно приходят воевать в области ислама** (выделено нами – *Авт.*). На какую бы местность они ни напали, они топчут ее и грабят, и затем быстро возвращаются назад"). Тем более, что от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного Чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которым можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и города Кят – основного центра огузо-хорезмийской торговли.

Наконец, в середине – второй половине X века недалеко от северных границ "Дешт-и-Огуз" появляется еще один крупный торгово-ремесленный центр - городище на Самарской Луке, в археологической литературе известное как "Муромский городок" – самый южный город домонгольской Волжской Булгарии.

В гораздо худшем положении оказались печенеги, прижатые к южной границе Волго-Уральской лесостепи: с севера вздымались отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности, по своим природным и климатическим условиям плохо приспособленной для кочевого скотоводства

(сильно изрезанный рельеф, отсутствие крупных водных источников, толстый, 50-60 см и долго лежащий снежный покров, частые летние засухи). Находящаяся в стадии становления Волжская Булгария со своими еще не устоявшимися границами также едва ли была в состоянии выступить в роли покровителя, как это впоследствии произошло между Киевской Русью и торкопеченегами (черными клобуками). Впрочем, не исключено, что какая-то часть печенегов могла найти прибежище в волжско-булгарских пределах, чему свидетельством, надо полагать, служит появление на поселениях южных районов Волжской Булгарии лепной плоскодонной посуды (т.н. II этнокультурная группа керамики), которая, по мнению Т.А.Хлебниковой, типологически сопоставима с посудой памятников кочевнической группы салтово-маяцкой культуры, оставленных различными племенами Хазарского каганата: болгарами, хазарами, печенегами и гузами.

Основная же масса печенегов, очевидно, на рубеже 80-х – 90-х годов IX в. уходит из Заволжья на запад. По имеющимся сейчас данным можно предположить, что произошло это незадолго до 895 г. – года нападения печенегов на древнемадьярскую территорию Леведию (Лебедию), которую большинство современных венгерских исследователей не очень определенно помещает в междуречье Дона и Северского Донца. Однако мы имеем основания полагать, что Северский Донец являлся не западной, а именно восточной границей этой легендарной области, поскольку именно в междуречье Днепра и Северского Донца расположены все, хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные погребальные памятники и отдельные находки, типологически связанные с древнемадьярскими древностями (памятники типа Субботцев – по А.В.Комару) (Комар, 2011).

Вытесненные из Леведии мадьяры перемещаются за Днепр, где и образуют еще одну этнокультурную область Этелькёз (Ателькузу), которую многие исследователи, опираясь на перечень рек, текущих в этой области, приведенный Константином Багрянородным, размещают в степях Днепро-

Днестровского междуречья, а степной угол между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем занимают печенеги.

Здесь известны многочисленные памятники, позволяющие довольно точно очертить границы Европейской Печенегии X в.: с востока это Северский Донец, по правому берегу которого, кроме поселений, тянется цепь городищ салтово-маяцкой культуры, образующих западную линию обороны Хазарского каганата (Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское). На севере – курганы по Орели и Ворскле, севернее которых, по Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси. Далее на западе выделяется группа печенежских курганов в низовьях Буга, Днестра и Когильника, рек, по верховьям которых также шла система укреплений раннего периода Киевской Руси. Затем, на востоке кочевья европейских печенегов до Волги также не доходили, поскольку в верховьях Северского Донца и Дона салтовская территория фактически смыкалась с территорией славянских племен северян и вятичей (роменская и боршевская культуры). То есть Европейская и Заволжская Печенегии на протяжении всего X в. были отделены друг от друга обширными пространствами, заселенными чуждыми и враждебными печенегам племенами.

А.Палоци-Хорват, упоминая какие-то известные ему источники, но, не называя их, очерчивает западные границы Европейской Печенегии значительно западнее низовьев Дуная и Серета, а восточные доводит до Волги. С подобной масштабностью мы не можем согласиться, поскольку она не подкреплена соответствующими археологическими данными. Во-первых, сам названный исследователь указывает, что районы концентрации печенежских поселений на территории современной Венгрии выделяются только топонимически, а потому дату их основания в настоящее время установить невозможно, поскольку самые ранние документальные свидетельства об этих поселениях относятся к XIII – XIV вв. Во-вторых, группа печенежских погребений в аббатстве Чазд на Тисе, упоминаемая авто-

ром, датируется 1067 г., то есть относится уже к следующему периоду истории печенегов. Наконец, могильники IX – X вв. по правобережью Дуная (области Фейер и Толна) – одному из центров расселения печенегов в Венгрии – еще не достаточно изучены для определения их этнокультурной принадлежности (Археология Венгрии, 1986. С.334).

Перекочевав к южным границам Киевской Руси, печенеги очень быстро становятся существенной силой восточноевропейской политики. Прежде всего, на протяжении столетия, с 920 по 1034 гг. русские летописи 13 раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевской Руси, причем только единожды (944 г.) как союзников киевского князя: "В лето 6452. Игорь совокупи воя многы: Варягы и Русь, и Поляны, и Словены, и Кривичи, и Тиверцы, и Печенегы ная, и тали в них поем, поиде на Греки в лодьях и на конех...", но и то, откуп у византийцев Игорь брал отдельно: "...и повеле Печенегом воевати Болгарьскую землю, а сам взем у Грек злато и паволокы на вся воя, възвратится вспять и приде к Киеву въ свояси" (Ипатьевская летопись).

Все остальные летописные рассказы – это, по сути, своеобразный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015, 1034 гг.), Василев и Белгород (996, 997 гг.) и свидетельства участия печенегов в междоусобицах киевских князей, ставшее наиболее активным в начале XI в. (980, 1016, 1019 гг.).

Осада печенегами Киева в 1034 г., закончившаяся их полным разгромом дружиной князя Ярослава Мудрого ("...и бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав, и побегоша Печенезе раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе топяху вы Ситолми, иней же во инех реках, и тако погибоша. А прок их погребоша и до сего дни") – это последнее зафиксированное летописью крупное столкновение Руси с печенегами.

Если политическая история европейских печенегов освещена достаточно подробно благодаря сведениям русских летописей, то история Заволжской Печенегии в этом плане абсолютно неизвестна. Это дало основание считать, что

оставшиеся в Заволжских степях печенеги "подчинились узам (огузам), вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в источниках не упоминались" (Плетнева, 1988. С.38). Однако это не совсем так, чему свидетельство – описание земли печенегов в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидского историка XI в. ал-Гардизи. И хотя сам автор жил и писал в то время, когда огузов и печенегов уже теснили пришедшие с востока кыпчаки-половцы, но его глава о печенегах ("баджинаках") была составлена на основании данных более ранних авторов - Ибн Хурдадбеха, ал-Джейхани, Ибн Русте - и потому вполне отражает ситуацию, когда Заволжская Печенегия существовала (Крачковский, 1957. С.262). "Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодцу, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока кыпчаки, с юго-запада хазары, с запада славяне... Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы" (Бартольд, 1897. С.119-120).

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что оно противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и об их зависимости от огузов (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный). И оно, это известие, перекликается с аналогичным сообщением Абу Дулафа о воинственности и независимости печенегов ("баджнаков"), в котором говорится о том, что печенеги (а, судя по приводимым координатам расселения печенегов, речь у Абу Дулафа идет именно о заволжских печенегах) – народ

воинственный и независимый ("часто ведут войны между собой и дани никому не платят"). Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази (врача при дворе сельджукских султанов) «Табайи ал-хайаван» («Природа животных»), написанной в первой четверти XII в. опять-таки на основании более ранних данных ал-Джайхани: "Печенеги народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе страна хазар, на востоке страна огузов, а на западе страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки" (Храковский, 1959. С.209).

Период с 980 по 1036 гг. – время активизации печенежских набегов в северном и восточном направлениях, причину которой С.П.Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизирующейся Руси на востоке Европы, а В.В.Каргалов – в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, не способном удовлетворить жажду печенежской знати к обогащению.

Однако более вероятной причиной изменения военно-политических интересов и устремлений печенегов могли сыграть следующие, отчасти связанные между собой обстоятельства. Во-первых, к концу X в. степи между Доном и Дунаем уже были плотно освоены печенегами, перешедшими ко второй стадии кочевания (по С.А.Плетневой), сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами. Во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после святославова погрома в 965 г., и, наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и

междоусобица 980 г. на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка.

Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов, князь Владимир Святославович спешно укрепляет южные границы государства системой валов и городков "по Десне и по Оустрьи, по Трубешеву и по Суле, и по Стугуне", под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в. славянское население с берегов Дона.

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава. Несмотря на то, что Святослав в это время продолжал наращивать военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон в захваченной во время похода 965 г. хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тмутараканскими землями) ему было явно не с руки. Поэтому появление в Саркеле огузов, выступавших, как считают современные исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе (Артамонов, 1962. С.428-431) представляется вполне логичным.

С.А.Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела – Белой Вежи, приходит к выводу о его смешанном, огузо-печенежском происхождении. С этим трудно не согласиться, поскольку все погребения с конскими захоронениями данного могильника четко распадаются на две этнокультурные группы: огузскую (захоронение коня над человеком – кург.5, 16, 45, 47, 48, 54, 56, 19/1) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека – кург.8, 21, 34, 35, 37, 53). А если учесть, что Саркельский могильник – единственное место концентрации огузских погребений X – XI вв. на Нижнем Дону, то предположение М.И.Артамонова о присутствии здесь кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным.

Массовое переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи (на основании сведений русских летописей) датируют серединой XI в. С.П.Толстов расценивал его как проявление социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в практически одновременном движении огузов-торков из волго-уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджукидов – из Приаралья, через Хорезм – в Переднюю Азию, что, по мнению исследователя, являлось целенаправленной военно-политической акцией единого союза племен. Подобная трактовка данного процесса представляется нам излишне усложненной, поскольку, во-первых, реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной и, вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах?) племен: собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях и огузо-туркмено-сельджукской (этнокультурный состав и ареал которой еще нуждаются в детальном изучении) в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов – на запад, в Хазарию, у туркменов-сельджуков – на юг, в Хорезм. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась третья геополитическая сила – вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (по С.Г.Агаджанову – куны и каи) – направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

Давление кимако-кыпчаков (сары-кыпчаков) с севера и северо-востока – вот, на наш взгляд, основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям. И начаться это давление должно было не позже середины 20-х гг. XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тысячи туркмен переплывают через Амударью и расселяются в Северном Хорасане, а следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки

появляются у границ Хорезма. Косвенным подтверждением этого обстоятельства является тот факт, что разбитые войсками газневидского султана Махмуда туркмены не вернулись назад, за Амударью, а частью уходят в Балханские горы (юго-восточный Прикаспий), частью ("две тысячи шатров") – в Азербайджан, где вступают в вассальные отношения с правителем этой области. Этот западный поход туркменов пока не имел сколь-нибудь заметных социальных или политических последствий для населения Передней Азии, поскольку туркмены сразу же занялись грабежом азербайджанских городов, за что в 1037 г. и были изгнаны из страны.

Более логичными и целенаправленными выглядят действия туркменов-сельджукидов, ушедших в Балханские горы и оставшихся на Амударье. Вначале они утверждаются в Хорезме, поддержав вспыхнувшее там в 1034 г. антигазневидское восстание, а к 1040 г., собрав в один кулак силы балханских и джейхунских племен, концентрируются в Северном Хорасане, на территориях от Дихистана до Серахса.

Об этот туркмено-сельджукский массив и разбилось войско последнего газневидского султана Масуда, чье поражение открыло сельджукам путь на запад, в сторону Византии. Победоносный этот поход, начисто перекроивший этническую карту Передней Азии, продолжался до 1071 г., когда в результате разгрома сельджуками войск византийского императора Романа Диогена под Манцикертом (Малазгирдом) вся Малая Азия оказалась в их руках. Один из эпизодов этой битвы, а именно: переход "скифского" (огузо-печенежского) отряда из византийских рядов на сторону туркменов-сельджуков возвращает нас к вопросу о миграции волго-уральских огузов-торков в Восточную Европу и о дальнейшей судьбе населения Европейской Печенегии.

Если средневековые авторы, фактически, ничего не сообщают нам об обстоятельствах вытеснения туркменов-сельджуков из Приаралья и Мавераннахра, то динамику движения огузов-торков на запад Великого

Пояса евразийских степей мы можем восстановить, опираясь на сообщения византийских и русских хронистов.

Середина 40-х годов XI в. – время нового всплеска огузо-печенежских войн, на сей раз, очевидно, спровоцированных натиском кыпчаков-половцев с востока: армянский историк Матфей Эдесский под 1050 – 1051 гг. сообщает о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым народом – хардеш», под которым С.Г.Агаджанов предполагает видеть кочевников кыпчако-половецкого союза племен. Однако к берегам Днепра огузы, как считает А.Н.Курат, подходят уже в 1048 г. Этим обстоятельством, очевидно, была обусловлена первая попытка печенегов массой вторгнуться в пределы Византии, предпринятая ими зимой 1046 – 1047 гг. Попытка эта, как известно, оказалась неудачной, и разбитые армией Исаака I Комнина печенеги уходят далее на запад, в Венгрию.

В середине XI в. западная периферия Евразийских степей представляла собой бурлящий котел, в котором полностью исчезли печенеги. В 1055 г. огузы-торки и половцы одновременно появляются у границ Киевской Руси. Но если первые какими-то своими действиями (С.А.Плетнева считает, что грабежом русских поселков) вызвали неприязнь киевского князя Всеволода, и он зимой того же года громит их и изгоняет в степь, то вторые, озабоченные пока очищением степи от печенегов и гузов, предпочитают поддерживать мир со своим северным соседом ("Того же лета приходи Блушь с половцы, и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася въ свояси").

Отброшенные от границ Киевской Руси огузы-торки усиливают свой натиск на печенегов, вынуждая их уходить за пределы восточно-европейской степи. Но поскольку путь за Дунай был чреват войной с Византией и болгарами, печенеги начинают массой переселяться в пределы Венгерского Королевства. Д.А.Расовский, реконструируя маршрут печенежской миграции в Венгрию, называет три возможных пути их переселения: через низовья

Дуная и византийскую провинцию Паристрион; через степи Нижнего Подунавья в Южные Карпаты, а также через верховья Прута и Серета – на Тису (Расовский, 1933). Ни один из этих путей археологически не документирован, а подтвержденные документами и топонимикой территории печенежского расселения на Тисе и Дунае расположены таким образом, что не дают ни малейшего намека на направления, откуда печенеги могли прийти в эти места. Правда, основная масса известных ныне могильников и погребений с конскими захоронениями, среди которых, по мнению Ч.Балинта, возможны и печенежские (погребения с набивными или разостланными шкурами), концентрируются именно в восточных, предгорных районах современной Венгрии (Балинт, 1972. С.180-181). И действительно, серию погребений, характеризующихся такими признаками, как конские кости (череп и ноги), уложенные слева от человека на дне могилы (типа Ракамаз, Кенезлё I и II, Серед II, Банов, Гадораш и др.) можно трактовать как печенежские. Таким образом, путь через Карпаты как бы и подтверждается расположением соответствующих археологических памятников. Однако не следует забывать, что при движении через верховья Серета и Прута, печенегам приходилось выходить за пределы привычной степной территории и много дней идти через занятые волынскими-бужанами предгорья Карпат, а затем – и через карпатские горные перевалы высотой до полутора тысяч метров. Еще более сложным представляется путь через Южные Карпаты и бассейн Олта и Мароша, уводящий степняков в горный массив Семиградия, где, кстати заметить, ни древневенгерских, ни печенежских памятников пока не обнаружено.

Наиболее реальным нам представляется путь по равнинам Большой и Малой Валахии, вдоль Трансильванских Альп (через низовья Дуная и провинцию Паристрион), по долине Дуная – на равнины Альфельда, где мы и находим могильники с соответствующими типами конских захоронений, в основном – в долине Тисы и Кёрёша.

Вслед за печенегами на берегах Дуная появляются огузы-торки, которые в 1064 – 1065 гг. совершают попытку прорыва в Византию и на Балканы. В отличие от планомерной и целенаправленной экспансии огузов-сельджуков, «балканский поход» огузов-торков был не более чем разбойничьим набегом с целью грабежа и, возможно, попыткой уйти из-под нажима половцев. Поэтому рассеявшиеся по Фракии и Македонии огузские отряды (возможно, погребение в Хистрии в Румынии оставлено участниками этого похода) частью погибли от внезапных холодов и болезней, частью были вырезаны извечными врагами огузов – печенегами и населением захваченных областей.

На берегах Дуная вновь восстанавливается военная и политическая гегемония печенегов, причем, настолько, что в 1086 г. они смогли начать и вести пятилетнюю войну с Византией. Для огузов же последствия «балканского похода» оказались, вероятно, катастрофическими, в первую очередь, отрицательно сказавшись на их численности. Наглядно это можно проследить из количественного соотношения печенежских и огузских памятников на Правобережной Украине.

Остатки огузско-торческих племен искали спасения от половецких сабель под державной рукой Киевского князя, с 1060 г. вынужденного отражать половецкие набеги, становящиеся регулярными. Заинтересованные в создании вдоль своих южных рубежей антиполовецкого "буфера", русские князья поселяли кочевников на почти пустующих в то время землях Днепровского правобережья. Уже в 1080 г. существовало несколько областей компактного расселения огузов-торков вдоль ближних границ Руси. Одна из таких областей находилась, по-видимому, на территории Переяславского княжества, поскольку, как сообщает летописец: "В лето 6588 заратиша Торци Переяславлестии на Русь, Всеволод же посла на ны сына своего Володимера. Володимер же побил Тороки". А в 1093 году уже существовал "Торческий град" (городище Шарки на р.Рось, в 80 км южнее Киева),

возникновение которого едва ли было бы возможно без соответствующего оформления вассальных отношений между торками и киевским князем.

С.А.Плетнева, анализируя раскопанные Н.Е.Бранденбургом в 1888 – 1893 гг. курганы черных клобуков, расположенные по р. Россаве (левый приток р.Рось), разделяет их по ориентировке человека, характеру и форме сопутствующих конских захоронений на 10 типологических групп, среди которых преобладающими (28,3% от 152 погребений) оказываются печенежские (по типологии С.А.Плетневой – погребения группы 2), тогда как удельный вес огузских (торческих) погребений (группа 3 – по С.А.Плетневой) едва дотягивает до 2%. Процент этот для имеющейся выборки черноклобуцких погребений не является представительным, а потому мы не можем даже с уверенностью сказать, отражает ли он реальное соотношение огузских и печенежских комплексов в культуре черных клобуков или это просто случайность – последний след огузской культуры перед ее окончательным забвением.

Как бы то ни было, но 15 достоверно огузских погребений, известные сейчас к западу от Дона (5,6% от всех вместе взятых погребений огузско-печенежского времени на Дону и Украине), никак не подтверждают ни идеи В.Златарского о политической гегемонии торков (огузов) в южнорусских степях в середине – конце XI в., ни, тем более, идеи об их ведущей роли в формировании этнической карты степей Восточной Европы в это время.

Скорее наоборот, именно разгромленные в Византии огузы-торки нашли свое спасение от полного уничтожения под защитой киевского князя, заселив "Торческий град" и положив начало Черноклобуцкому союзу, куда после 1091 г. вливаются массой печенеги, разгромленные византийцами у Левуниона (чем и завершилась 5-летняя печенежско-византийская война, начатая в 1086 г.). А затем наступает период, когда, очевидно, торки и печенеги психологически "притирались" друг к другу (что после многолетней вражды было просто необходимо) с тем, чтобы в 1116 г. под

предводительством молодых русских князей Ярополка и Всеволода совместно выступить против донских половцев. Поход этот, как известно, закончился разгромом печенежско-торческих сил и очередным их спасением под державной рукой Владимира Мономаха. Правда, как считала С.А.Плетнева, под властью крутого киевского князя печенеги и торки чувствовали себя неуютно, а потому в 1121 г. восстали и были изгнаны из пределов Руси. Это был последний год упоминания этих двух народов по отдельности на страницах русских летописей. Во второй половине XII в. упоминаний о печенегах у русских летописцев мы уже не находим, да и огузы-торки названы только один раз (под 1173 г.) как вспомогательная сила в походах русских князей в половецкую степь.

Эпоха, предшествующая монгольскому нашествию на Восточную Европу, с источниковедческой точки зрения для Заволжья и Южного Приуралья оказывается наименее обеспеченной как археологическими, так и письменными данными. И дело здесь заключается не только, и не столько в слабой изученности региона, во всяком случае – его степной части. В настоящее время в степях Южного Урала и Заволжья выявлены и исследованы 757 кочевнических погребений X – XIV вв., из которых к "послегузскому" или домонгольскому – кыпчакскому относятся только 5,4% погребений.

Столь же скудны и данные письменных источников, из которых по рассматриваемой теме можно назвать только два: составленную в 1154 г. карту мира ал-Идриси и письмо венгерского монаха Юлиана о его путешествии на Волгу в 1235 – 1237 гг.

Карта Идриси – это по сути первое относительно подробное географическое описание Урало-Поволжья. Исследователи называют несколько источников, откуда Идриси получал сведения о землях Поволжья и Приуралья. Прежде всего, это сообщения Ибн-Хурдадбега и ал-Джайхани о путешествии Саллама ат-Тарджумана на восток, затем – рассказы других

путешественников и, наконец, античная географическая традиция. Именно из последней (Птолемей) черпал Идриси данные о географических координатах гор Аскаска (Уральские горы), откуда, как ему представлялось, берет свое начало р.Атиль (Волга) (Коновалова, 1999. С.88; Псянчин, 2001. С.17). На карте Идриси указаны р.Атиль с тремя ее истоками, под которыми подразумеваются реки Белая, Уфа и Ай, вытекающие из гор Аскаска (Южный Урал) (Рыбаков, 1952. С.27; Коновалова, 1999. С.89 и сл.). Кроме того, Идриси обозначает два безымянных притока Атиля, вытекающих из гор Айани, расположенных к северо-востоку от гор Аскаска, причем, один из притоков имеет два истока в горах Айани. Развивая мысль Б.А.Рыбакова о том, что этот безымянный приток, вероятнее всего – Кама (Рыбаков, 1952. С.27), И.Г.Коновалова предполагает, что двойной исток этого притока - суть собственно Кама и её правый приток Вятка, тогда как "второй безымянный приток Атиля, берущий начало в восточной части горы Айани, может соответствовать реке Вишере" (Коновалова, 1999. С.91).

Ниже устья этого притока, в районе излучины Атиля указан тюркский народ булгары ("bulgar min al turk"), в районе устья, между рекой (Камой ?) и горами Аскаска - народ башкиры ("ard basgıvt min al atvak"), на левом берегу Камы - города Кастр и Мастр, южнее башкир, на левом берегу Атиля – город Каракия (Каркия). Севернее булгар и северо-западнее башкир на карте обозначены печенеги ("bakinak min al turk"), что, по мнению Б.А.Рыбакова, «как будто бы указывает на то, что все эти географические подробности должны находиться в сравнительной близости от Печенежских (Жигулевских) гор, что и есть в действительности» (Рыбаков, 1952. С.31). Сведения о поволжско-приуральских народах Идриси также заимствовал у авторов IX – X вв. Новая информация касается только городов басджиртов: "Из городов внутренних басджиртов назовем Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как туземцы убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города

стоят на реке, впадающей в Исил" (Цит. по: Коновалова, 1999. С.192). Достоверность этих сведений сомнительна, поскольку информатор Идриси сам в башкирских городах едва ли бывал и, вероятнее всего, под названием городов передал ему сведения о башкирских родо-племенных названиях - кесе и мишар (Коновалова, 1999. С.193; Псянчин, 2001. С.17).

В тексте Идриси указывает расстояния в днях пути до башкир от печенегов (баджанаков) и Булгара: "От баджанаков до внутренних бадсжиртов (*Басдсжирт ад-дахила*) десять дней, а от последних до Булгара двадцать пять дней". Последнее, кстати, очень интересным образом совпадает с указаниями башкирского исторического предания "Булгары и башкиры" о проживании башкирских племен в 15-20 днях пути от волжских булгар (Башкирское народное творчество, 1987. С.164).

Накануне монгольского нашествия на Восточную Европу народы Урало-Поволжского региона впервые начинают фигурировать на страницах сочинений европейских путешественников, которые, в отличие от своих восточных коллег, в 30-е – начале 50-х гг. XIII в. сами проезжали через степи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Обращаясь к европейским материалам, следует иметь в виду, что их авторы выполняли вполне конкретные политические миссии, направленные на выяснение военно-политической ситуации на востоке Евразийских степей, подвергшихся монгольскому нашествию. Поэтому, как и у Ибн Фадлана, выполнявшего подобную миссию, в их сочинениях отмечаются только самые общие географические координаты их маршрутов, но зато больше внимания уделено описанию народов, встреченных на пути. Так, в письме монаха Юлиана о его путешествии на восток в поисках "Старой Венгрии" (*Maior Hungaria*) в 1235 – 1237 гг. сообщается о нахождении им венгерского

(мадьярского) населения "близ большой реки Этиль" ³¹ и даются некоторые подробности их образа жизни и быта (Аннинский, 1940. С.81). В описании второго путешествия Юлиана в "Великую Венгрию" в 1237 – 1238 гг., известном нам уже в виде первоисточника, речь идет, главным образом, о монгольских завоеваниях в Восточной Европе и сообщается, в частности, что на завоевание "Великой Венгрии" монголам понадобилось 14 лет (Аннинский, 1940. С.85).

Таким образом, в описаниях средневековых авторов XII – начала XIII вв. в этнической карте Южноуральского региона и прилегающих территорий Поволжья фигурируют болгары, мадьяры, башкиры и печенеги (последние – как отголосок старых данных).

Однако если обратиться к археологическому материалу рассматриваемого периода, то по своим морфологическим характеристикам памятники степного Заволжья и Приуралья указывают на присутствие в регионе иных этнокультурных групп, идентификация которых и причины появления здесь возможны только через призму этнополитических процессов среди кочевников Великого пояса евразийских степей. Генератор этих процессов находился далеко на востоке от Волги.

Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен – *кунов (команов)* и *каи* – с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада – в степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов – ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др. – исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности:

³¹ По примечанию издателя и переводчика – С.А.Аннинского – возле р.Белой (Аннинский, 1940. С.81, примечание 1).

обитавшие в северном Китае племена *кунов* в 30-е годы XI в. подверглись нападению со стороны *киданей* и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени *каи* и, будучи вынужденными отступить дальше, обрушились на племя *шары (сары) или половцев*. Двигаясь далее на запад, группировка кун и шары вышли к землям *кыпчаков*, лежавшим на пути их миграции, и смешались с ними. Результатом этого взаимодействия явилось утверждение политического господства кыпчаков в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались куны (команы) и шары (Кляшторный, 2002. С.346). Группировка кун-шары-кыпчаков ударила по *гузам*, кочевавшим в Приаралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу (Кумеков, 1972. С.124-126; Кляшторный, Султанов, 1992. С.136-138). Так шары (сары)-кыпчаки становятся хозяевами Приуральских и Заволжских степей.

В настоящее время в Заволжье и Приуралье выявлено 40 погребений, относящихся к XII³² – началу XIII вв. (т.н. "кыпчакский домонгольский период") (Иванов, Кригер, 1988. С.39). Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей³³, по рекам Волга, Еруслан и Узеньям.

В половецко-кыпчакской этнической принадлежности кочевников, оставивших эти памятники, сомневаться едва ли приходится. Абсолютное большинство рассматриваемых погребений – 77,5% – совершены в земляных курганах, специально насыпанных над могилой³⁴.

Преобладают – 47,5% – могильные ямы простой конструкции, с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем, значительное место среди рассматриваемых погребений занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок – 22,5% (могильники Белозерское, Визенмиллер,

³² Или, вероятнее всего, ко второй половине XI века.

³³ 62,5% всех известных погребений.

³⁴ В насыпи более ранних курганов впущены только 30% рассматриваемых погребений.

Змеиный Дол, Курпе-Бай, Каинсай, Политотдельское, Ровное, Солнце, Третий Плес). Характерно, что последние не имеют четкой локализации в регионе.

Умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) в позе вытянуто на спине, головой в западном направлении (62,5%) или на восток (30%). Остатки дощатого гроба или колоды найдены, соответственно, в четырех (Белокаменка, кург.Д-48; Белозерское; Покровск (Энгельс), к.11 и Политотдельское, к.2) и одном (Бережновка I, к.4) погребениях.

Из общей массы погребений домонгольского периода в Заволжье и Приуралье 55% выделяются как заведомо всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, уложенной слева (22,5%) или справа (12,5%) от человека или принадлежности конской сбруи – стремена и удила – помещенные у ног человека. Известны также три погребения, в которых шкура коня лежала у ног человека (Бахтияровка II, к.68; Базар-Тобе I, к.8 и Буранчи, к.1), и одно погребение, сопровождавшееся целым остовом коня, уложенным справа от человека (Белозерское). Характерно, что в большинстве случаев ориентировка конского захоронения соответствует ориентировке человека. Это выглядит так, что если представить их стоящими на ногах, то конь и его хозяин окажутся в положении подготовки к верховой езде, когда всадник подходит к коню лицом к нему слева.

Большинство из рассматриваемых погребений сопровождалось оружием – железные наконечники стрел, костяные обкладки лука и берестяные колчаны – 45% погребений. В трех погребениях найдены сабли (Солнце; Бережновка. Южная группа, к.9 и Политотдельское, к.2), в двух – железные шлемы и кольчуга (Квасниковка; Покровск (Энгельс), к.11).

Погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря – бусы, зеркала, ножницы и др. – можно было бы интерпретировать как

женские, немного (Буранчи, к.1; Мирный (Фриденберг), к.1; Ново-Троевка; Покровский, к.7).

Кыпчакская этническая принадлежность памятников второй половины XI – начала XIII вв. степного Заволжья и Приуралья сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Ещё в 60-е годы прошлого столетия Г.А.Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности, Рашид ад-Дин, связывал курганы XII – XIII вв. в Нижнем Поволжье (саксин) с половцами-команами (Федоров-Давыдов, 1966. С.150). Вслед за ним Р.Г.Кузеев на основании данных исторической этнографии пишет о начале массового переселения кыпчаков на территорию современного Башкортостана в XIII веке (Кузеев, 1974. С.171 и сл., 184).

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн-ал-Асир) позволили С.М.Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения кыпчаками степей Южного Урала. В частности, автор считает, что еще в XI в. кыпчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища – джяйляу – в низовьях р.Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна (Ахинжанов, 1980. С.51).

В целом же сведения средневековых письменных источников о племенах, обитавших к востоку от Волги вообще, и о кыпчаках, в частности, настолько скудны и отрывочны, что исследователям приходилось извлекать соответствующую информацию чаще всего методом перекрестного анализа различных документов.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кыпчаки (тюрки-кипчаки) впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура как политические противники древнетюркских (тюркютских) племен, а в конце IX – X вв. арабо-персидские авторы (Ибн-Хурдадбех, «Худуд ал-Алам») перечисляют кыпчаков среди основных этнополитических образований:

кимаков, огузов и печенегов, расселявшихся в восточной части евразийских степей.

В начале XI в. кыпчаки, пережившие период ускоренного социально-политического развития, становятся соседями Хорезма (Бейхаки) и ведут с хорезмшахами успешные войны за приаральские пастбища, вынуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками (Ахинжанов, 1973. С.61). В это время кыпчакские племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественного развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари), занимавшего местность Юйли-боли, которую исследователи локализуют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала (Там же. С.61) и которая совпадает с территорией распространения курганов XII – XIII вв. Южного Приуралья.

Кроме кыпчаков, в конфедерации кочевников заметную роль играли племена *йемеков* (кимаков), обитавшие в западной части Южноуральской степи, включая и степную Башкирию (Ахинжанов, 1976. С.89). Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (М.Кашгарский) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кыпчаков и йемеков (Кумекон, 1972. С.43). Территориально кочевья йемеков также совпадают с районами распространения рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья.

После усиления кыпчаков средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: кыпчаков – на запад и северо-запад и йемеков (кимаков) – на юг и юго-запад (Там же. С.43-47).

Ряд исследователей (Б.Е.Кумекон, С.М.Ахинжанов) предполагают присутствие среди кочевников кыпчакской конфедерации монголо-язычных племен (*байандур, татар, эймюр*), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г. (Кумекон, 1972. С.47; Ахинжанов, 1976).

В XI в. перечисленные племена составляли неразрывную органичную часть кыпчакского этнополитического союза, это – процесс кыпчакизации, ставший "этнической традицией" в эпоху Золотой Орды (Кузеев, 1974. С.176).

Таким образом, по данным средневековых письменных источников, степи Южного Приуралья (в частности, Западный Казахстан) и Заволжья издавна выступают как территория сосредоточения и расселения кыпчакских племен. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства "кочевых узбеков" (Ахмедов, 1965), а позже - составной частью Среднего жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак (Муқанов, 1974. С.70-75). Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р.Сакмары в конце XIV – XV вв. селились такие роды башкирских кыпчаков, как кара-, ак-, санкем-, суун- и бушман-кыпчак (Кузеев, 1974. С.185).

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников восточной части евразийских степей со второй половины VII по XIV – XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кыпчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющиеся мелкие этнические объединения (См. табл.). Удельный вес кыпчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Доминирующая роль кыпчакских племен в степи подтверждается также присутствием кыпчакских родо-племенных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар).

**Племенной состав кочевников восточной части степей Евразии в
эпоху средневековья**

Кимакское объединение (по Б.Е.Кумекову)	Кыпчакское объединение XI – XIII вв. (по С.М.Ахинжанову)	Кочевники Золотой Орды XIII – XIV вв. (Ан-Нувайри, Ибн Халдун)	Казахи Среднего жуза (по М.С.Муканову)	Башкиры (по Р.Г.Кузееву)
1. <i>Кимаки</i> (<i>йемек, имак</i>)	1. Кыпчаки (шары, ильбари)	1. Бурлы (эльбури)	1. Аргыны	1. Юрматы
2. <i>Кыпчаки</i>	2. <i>Кай</i> (кимаки)	2. <i>Токсоба</i>	2. Найманы	2. Бурзян
3. Ими (эймюр)	3. Йемеки	3. <i>Йета</i> (сета)	3. <i>Кыпчаки</i>	3. Усерган
4. Татары	4. Югуры	4. Дурут	4. Керей	4. Тангаур
5. Байандур	5. Байауты	5. <i>Карабирикли</i> (<i>черные клубуки, кай, байанашк</i>)	5. Конраты	5. Тамьян
6. Ланиказ	6. Канглы	6. Кангуоглы	6. Уаки	6. <i>Кыпчак</i>
7. Аджлад	7. Кидани (куны)	7. Карабароглы		7. Ай
	8. Печенеги	8. Андоглы (оглы)		8. Мурзалар
	9. Огузы	9. Бурджоглы		9. Катай
	10. Башкиры	10. Джужан (джерсан)		10. Сальют
		11. Котян (кунун)		11. Мин
				12. Буляр
				13. Байляр
				14. Юрми и др.

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII – XVI вв. Для выяснения степени соответствия этих данных с данными археологического материала нам необходимо, в свою очередь, выяснить

степень типологического сходства памятников кочевников Южного Урала с синхронными памятниками соседних территорий и прежде всего с теми памятниками, кыпчакская принадлежность которых не вызывает сомнений.

Прежде всего обратимся к конструкции надмогильных сооружений рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья. Как уже указывалось выше, большинство захоронений рассматриваемого периода совершены под земляными курганами. Вместе с тем известны погребения, совершенные под каменными или каменно-земляными насыпями (Каинсай, Змеиный Дол, Лебедевка VII, Большое Озеро I). Аналогии им мы находим у кимаков, для которых характерны захоронения под каменно-земляными курганами (Степи Евразии..., 1981. С.43), а также у восточных кыпчаков, входивших в состав Кимакского каганата (Худяков, 2004).

В свое время Г.А.Федоров-Давыдов на материале, известном в 60-е годы прошлого века, отметил широкое распространение в Заволжье в золотоордынский период подбойных могил и выдвинул их в качестве одного из локальных признаков данного региона (Федоров-Давыдов, 1966. С.157, 160 и сл.). Появление этих погребений исследователь связывал с приходом сюда монголов и других восточных племен. Раскопки последующих лет выявили погребения в подбойных могилах и восточнее, в степях Южного Приуралья, причем, относящиеся по времени, предшествующему Золотой Орде: огузо-печенежскому и кыпчакскому домонгольскому. К последнему сейчас можно отнести 11 погребений в подбойных могилах (Курпе-Бай, к.5; Каинсай, к.5; Ровное, к.5; Белозерское; Солнце; Третий Плес; Змеиный Дол, к.2; Шумаевский II, к.7; Большое Озеро I, к.11; Визенмиллер I, к.4 и Политотдельское, к.20). Аналогичные погребения известны в курганах кимаков (йемеков) Верхнего Прииртышья IX – X вв. (Карашат I, II) (Арсланова, Самашев, 1985).

Там же, у кимаков, известны погребения со шкурой коня, уложенной слева от человека (Гилево V, Корболиха VII, Быстровка 1) (Могильников, 2002. С.17 и сл., 52; Адамов, 2000. С.18).

Встречаются в Заволжье и захоронения с целым остовом коня, уложенным справа от человека с противоположной ему ориентировкой (Белозерское погр. на р.Самаре), подобно тому, как это известно у кимаков (Березовый остров 1) (Адамов, 2000. С.17).

Таким образом, археологические материалы также вполне определенно подтверждают сведения средневековых письменных источников о кимако-кыпчаках как о доминирующем этнокультурном компоненте в составе кочевников степного Заволжья и Приуралья во второй половине XI – начале XIII вв.

География кимако-кыпчакских памятников в регионе неравномерна. Большинство из них (60%) обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Из них 45% находятся на берегах Волги и её правых притоков – Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территории Оренбургской (Белый Ключ, Буранчи), Уральской (Базар-Тобе I, Джангала, Курпе-Бай, Озеро Раим, Лебедевка VII) и Челябинской (Солнце, Третий Плес, Каинсай, Змеиный Дол) областей.

Практически везде интересующие нас погребения являются одиночными за исключением могильников Визенмиллер и Озеро Раим, где найдены по два кимако-кыпчакских захоронения. Если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560000 км², то получится по одному погребению на 14000 км²! О чем это говорит? Только о том, что кимако-кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны "разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко

достающиеся специалистам в полном виде" (Плетнева, 1982. С.17). Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступавших гузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить следующее обстоятельство: в составе вещевого комплекса кимако-кыпчакских погребений Заволжья и Приуралья совершенно отсутствуют образцы болгарских ремесленных (ювелирных) изделий. Более того, по ассортименту инвентаря только 17,5% рассматриваемых погребений, содержащие украшения – ожерелья из цветных бусин (Буранчи, Мирный, Ершовка, Покровский) или ожерелье и височную подвеску с напускной бусиной (Ново-Троевское) – могут трактоваться как женские.

Отсутствие болгарских изделий у кочевников Заволжья и Приуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII – начало XIII вв.) Волжская Болгария уже заявила о себе как о развитом торгово-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок ³⁵; во-вторых, став мусульманской страной, Волжская Болгария "превратилась в центр монопольной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком". Один из путей этой торговли – Булгар-Джурджания – как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Приуралья (Халиков, 1992. С.13 и сл.). В это же время, как известно, начинается массовый приток болгарских изделий в лесное Прикамье (Белавин, 2000).

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кыпчаков с болгарями может быть только одно: занятые

³⁵ Чему наглядное свидетельство – остатки ювелирных мастерских со следами серийного производства украшений в Болгаре, Биляре, Муромском городке и др. (Валеев, 1991. С.72; Полякова, 1996; Культура Биляра, 1985. С.84-103; Матвеева, Кочкина, 1998. С.33-40; Руденко, 2001. Гл.3; Беговатов, 2001. С.151-153).

войной с гузами и печенегами они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли в Восточную Европу.

Оставшиеся в Заволжье и Приуралье кимаки (йемеки), комань-сары и кыпчаки представляли собой восточную периферию "Дешт-и-Кыпчак" и, судя по имеющимся материалам, в степях Урало-Поволжья были немногочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев "Половецкого Поля". Во всяком случае, известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками "Половецкого Поля", указывает только на то, что они здесь были...

Вполне вероятно, что заволжские племена могли уже переходить и ко второй стадии кочевания, характеризующейся появлением постоянных мест для сезонных стойбищ – летовок и зимовок (Плетнева, 1982. С.36). Подобными местами могли быть районы устья Еруслана и Узеней, где, в общей сложности, сконцентрированы более 30% кочевнических погребений XII – XIII вв.

Разработанная на археологическом материале хронология кочевнических памятников Евразии не позволяет пока детально проследить последовательность и скорость кыпчакской миграции в Восточную Европу. Однако помощь в решении этого вопроса оказывают письменные источники, сведения которых дают возможность наметить некоторые этапы этого процесса.

Все исследователи, изучающие средневековые памятники кочевников Восточной Европы, традиционно вспоминают армянского историка Матфея Эдесского, который под 1050-м годом писал о противоборстве «рыжеволосого народа хардеш» (шары–сары) с племенами кунов и кай (змей) за пастбища в степях Северного Кавказа. А через пять лет русский летописец

под 1055 г. сообщает о первом, пока еще мирном, приходе *половцев*³⁶ хана Блуша к границам Киевской Руси.

Вслед за русскими этноним «половцы», применительно к новым кочевым племенам Восточноевропейских степей, стали использовать поляки и чехи ("плавцы"), немцы ("флавен"), венгры ("палоч"). Венгры, впрочем, довольно часто называли половцев кунами-куманами. С.А.Плетнева предполагает, что объясняться это может географией расселения двух близкородственных этносов – *кунов-куманов* и *шары/сары-кыпчаков (половцев)*. Первые кочевали западнее Днепра и были лучше известны византийцам, венграм и другим европейским народам, а вторые кочевали восточнее и, соответственно, лучше были известны русским именно как "половцы" (Плетнева, 1990. С.40).

Территорию кыпчакско-половецких кочевий С.А.Плетнева устанавливает по ареалу распространения каменных статуй ("половецких баб"). Среди них исследователь выделила самые ранние – стеловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (руки, женская грудь, сосуд в руках), выполненными в технике низкого рельефа – аналогичные кимако-кыпчакским изваяниям Семиречья. Подавляющее большинство³⁷ их сосредоточено в степном треугольнике, образованном правобережьем Северского Донца, низовьями Дона и Азовским морем (Плетнева, 2003. С.153), где сейчас известно 181 половецкое погребение (77,6% всех известных погребений этого типа) (рис.23). Эти данные избавляют нас от необходимости доказательства очевидного факта – степи Урало-Поволжского региона во второй половине XI – начале XIII вв. являлись весьма далекой периферией "Половецкого Поля".

Совпадение ареала погребений с восточной ориентировкой, обнаруженных на берегах Северского Донца, Дона, Самары, Орели и

³⁶ Так в тогдашнем русском языке был калькирован этноним шары-сары (жёлтый, половой).

³⁷ По данным С.А.Плетневой – около 50 статуй (Плетнева, 1974. С.63, рис.32; 70, рис.36).

Маныча, с ареалом ранних половецких изваяний совершенно определенно указывает на эту территорию, как на "район наиболее раннего заселения половцами южнорусской степи". Отсюда они начинают активно осваивать южнорусские степи. В конце XI – начале XII вв. половецкие кочевья доходят до Среднего Днепра и Предкавказья, в первой половине XII в. – до Нижнего Поднепровья и Крымских степей (Плетнева, 1985. С.253).

При определении границ "Половецкого Поля" исследователи не случайно уделяют основное внимание географии каменных изваяний, поскольку они, "являвшиеся частью святилищ в память умерших предков, естественно ставились в местах, где возникали более или менее постоянные половецкие стойбища (зимники и летники) и прокладывались по степи постоянные дороги". То есть, концентрация изваяний в данном случае указывает также и на переход половцев ко второй стадии кочевания (Плетнева, 1985. С.249, 255).

Свое господство в южнорусских степях кыпчаки-половцы утверждали довольно активно. Уже через шесть лет после хана Блуша другой половецкий хан Сокал приводит свою орду "первое на Руськую землю воевать" (Ипатьевская летопись). Начиная с этого времени и до 1235 г. (год крупного сражения между половцами и войском князя Даниила Галичского у Торческа), политическая история южнорусских степей определялась русско-половецким противостоянием. Регулярные половецкие набеги на русские "украины" чередовались с годами затишья и даже установления союзнических отношений. Последнее особенно характерно для начала периода феодальной раздробленности на Руси.

Набеги половцев на Русь, особенно участвовавшие в XII в., преследовали одну, вполне конкретную цель – установление постоянных даннических отношений (Егоров, 1994. С.192). И эти устремления базировались на вполне определенной военно-политической ситуации, которая сложилась в "Половецком Поле" в то время. К концу XI в. территория "Половецкого

Поля" была поделена между крупными половецкими ордами, каждая из которых имела своего хана. Имена половецких ханов дошли до нас благодаря сведениям русских летописцев. В среднем Поднепровье кочевали орды Приднепровских половцев ("Бурчевичей"), возглавляемых ханами Боняком и Тугорканом; их южными соседями были Лукоморские половцы хана Урусобы, занимавшие степи Нижнего Поднепровья и Крыма; восточнее, по правобережью Северского Донца, кочевала орда хана Шарукана, сына Осеня. Этот хан имел свои городки – ставки – Шарукан и Сугров – в верховьях Северского Донца, совсем рядом с границами Руси (Плетнева, 1985. С.257; 1990. С.60).

Приднепровские, Лукоморские и Донецкие половцы особенно досаждали киевским князьям, поскольку первые «оседлали» важный для Руси торговый путь "из варяг в греки", а вторые по сути отсекали от Киева Тмутараканское княжество в низовьях Кубани. Поэтому вполне естественно, что, когда Владимир Мономах, понявший суть и тактику ведения степной войны, решил нанести превентивный удар по половцам, дружины его весной 1103 г. обрушились на Приднепровских половцев и нанесли им страшное поражение. Отражая натиск русских дружин, ханы Тугоркан и Урусоба погибли. В сложившейся ситуации хан Боняк поспешил объединиться с главой донецких половцев – ханом Шаруканом для дальнейших совместных действий против Руси (Плетнева, 1985. С.259). В течение последующих семи лет обе стороны обменивались ударами, до тех пор, пока в 1111 г. по инициативе Владимира Мономаха не состоялся большой поход объединенных русских дружин вглубь степи, закончившийся разгромом половецких городков на Донце и рассеянием большинства половецких орд по степи ³⁸.

Следствием этого погрома явилось разрушение кровнородственных

³⁸ Орда хана Атрака ушла аж в Грузию, а "многие орды были полностью разгромлены, и остатки их сформировались в особые группы, названные летописцем "дикие половцы" (Плетнева, 1985. С.261).

(куренных) связей и распад половецких орд на более мелкие, уже не кровнородственные орды. Так, после похода Владимира Мономаха в степь среди донских половцев появляются орда Токсобичей и Отперлюевичей по левобережью Северского Донца, Нижнедонские – в окрестностях бывшего хазарского города Саркела - Белой Вежи, Ельтукове – в междуречье Дона, Хопра и Медведицы (Плетнева, 1990. С.63-70). Последние интересны нам тем, что, по-видимому, именно их северные границы обозначены каменными изваяниями и могильниками, известными по рекам Битюгу и Хопру (Цыбин, 1999). Территориально эти памятники смыкаются с аналогичными и синхронными памятниками, расположенными по правобережью Волги в пределах современной Саратовской области, и с памятниками на территории современной Самарской области южнее Самарской Луки (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.217-228). То есть – совсем рядом с южными границами Волжской Болгарии, половцы-"ельтуковичи" – это были ближайшие степные соседи Волжской Болгарии, отчетливо проявившие себя своими набегами на Рязанское княжество во второй половине XII в. (Цыбин, 1999)³⁹.

Вполне естественно, что, в условиях практически перманентной войны половцы не имели торговых связей с Русью. Это наглядно отражено в соответствующем археологическом материале (Плетнева, 1991. С.90). Но тот же археологический материал указывает нам и на отсутствие активного торгового обмена половцев-"ельтуковичей" и с волжскими болгарями (Иванов, 2002). Данное обстоятельство объясняется этнополитической ситуацией, имевшей место в Урало-Поволжье в XI веке. Судя по керамике т.н. XIII и XXI групп, занимающей заметное место в керамическом комплексе болгарских городов второй половины XI – XIII вв., население, генетически связанное с кочевниками гузо-печенежского круга, составляло

³⁹ Как складывались болгарско-половецкие политические отношения, мы, к сожалению, не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем из-за отсутствия соответствующих источников.

заметную диаспору внутри Волжской Болгарии (Кокорина, 2002. С.46 и сл.). Мало вероятно, чтобы эти потомки «вынужденных мигрантов» из Волго-Уральских степей были лояльно настроены к кыпчакам-половцам.

Хотя отдельные украшения, явно болгарского происхождения – серьги-подвески с напускной бусиной – единицами рассеяны по "Половецкому Полю", но едва ли они указывают на тесные торговые связи "Поля" с болгарами.

Иначе в рассматриваемое время складывались половецко-византийские отношения. На основании, хотя и отрывочных, археологических данных С.А.Плетнева заключает, что из Византии половцы получали дары или добычу прежде всего в виде дорогих тканей, остатки которых встречаются в некоторых половецких погребениях. Более того, со временем византийское влияние, вследствие постоянных контактов половцев с византийскими купцами и дипломатами в причерноморских городах, начинает сказываться и на изменениях в общественных отношениях половцев (Плетнева, 1991. С.103).

В конце XII века в Половецких степях отдельные орды, образовавшиеся после похода Владимира Мономаха, стали сливаться в более крупные объединения. Среди них наиболее крупными были Лукоморская орда хана Тоглыя, кочевавшая по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, Приднепровская орда (Бурчевичи) ханов Осолука и Изая, кочевавшая по днепровским берегам южнее р.Самары ⁴⁰ и донское объединение хана Кончака. Последнее было самым крупным в степях (Плетнева, 1990. С.146-170). Соблазнительно было бы включить в это объединение и верхнедонских половцев – Ельтукове, но, по сведениям Ипатьевской летописи, в 1187 году хан Кончак совершил набег на Киевское Поросье, тогда как другие половцы совершили удачный набег на Рязанскую

⁴⁰ Левый приток Днепра.

землю (Никоновский летописный свод) (Цыбин, 1999. С.130).

Максимальное объединение восточных половцев происходит в самом начале XIII в., когда у южных границ Руси окончательно складываются два крупных союза половецких орд – Днепровский и Донской – "два крупных государственных объединения, которые, несомненно, в будущем должны были слиться в единое государство" (Плетнева, 1982. С.60). Однако появившиеся вскоре на западе Великого пояса евразийских степей монгольские племена внесли свои жесткие коррективы в дальнейший ход половецко-кыпчакской истории.

Немногочисленные и разбросанные по степям Заволжья и Приуралья кимако-кыпчакские кочевые роды в XII – начале XIII вв. едва ли могли оказывать сколь-нибудь заметное влияние на ход этнокультурных процессов в регионе. Да, если судить по археологическому материалу с прилегающих территорий Южного Урала, и не оказывали.

Ближайшими северными соседями кимако-кыпчаков Урало-Поволжья были племена, оставившие в регионе памятники *мрясимовского типа* (по Н.А.Мажитову), датирующиеся временем с конца X по начало XIII вв. Расположены они в северных районах современного Башкортостана (Каранаевские, Бакалинский, Мрясимовские, Бурлинский курганы) и в Зауралье (курганы на оз.Смолино), то есть – в лесной зоне. Представляют собой сравнительно небольшие – 5-8 м в диаметре – земляные насыпи, содержащие от 2 до 32 погребений. Важной этнографической чертой курганов мрясимовского типа являются захоронения черепов и костей ног лошади в полах курганов. В некоторых погребениях зафиксированы остатки берестяной обертки на костях человека. Часто в могилах встречаются плечевые кости лошади, что, по мнению Г.Н.Гарустовича, является племенным признаком населения, оставившего рассматриваемые памятники (Гарустович, 1998. С.16).

Этническая принадлежность "мрясимовцев" по всем археологически фиксируемым признакам – керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом, элементы погребального обряда – определяется как угорская (Гарустович, Иванов, 1992. С.25). К концу XII века памятники мрясимовского типа в регионе исчезают вследствие взаимоассимиляции угров-мрясимовцев, родственных им племен – носителей чияликской культуры – пришедших в Приуралье с севера, из Прикамья, и пришедших сюда же древних башкир, вытесненных из Приуральских степей кимако-кыпчаками. Результатом этого процесса явилось появление в лесостепном Приуралье курганных могильников XIV в., которые по признакам обряда "ничем не выделяются из массы грунтовых раннемусульманских погребальных объектов приуральских племен" (Гарустович, 1998. С.20) и которые с наибольшей долей вероятности являются уже башкирскими.

Таким образом, монголам в ходе их завоевания Восточной Европы в степях Заволжья и Южного Приуралья завоевывать было некого. Естественно, речь идет именно о степных районах региона, куда, например, не входила большая часть современного Башкортостана, заселенная тогда башкирскими племенами и расположенная в зоне приуральской лесостепи ⁴¹. Поэтому формирование этнической карты Урало-Поволжья XIII – XIV вв. мы должны целиком отнести на счет административно-территориальной политики ханов Золотой Орды и рассматривать этот процесс в контексте этнокультурных и этнополитических коллизий этого государства.

В отечественной историографии долгое время доминировала точка зрения Г.А.Федорова-Давыдова о формировании в XIII – XIV вв. этнической карты степного Поволжья как следствие переселения сюда половецко-торческого населения из более западных областей: "Археологические

⁴¹ Завоевание монголами Башкирии – это особая тема, детально рассмотренная И.В.Антоновым и Г.Н.Гарустовичем (Антонов, 2012. С.181-204; Гарустович, 2012. С.39-46).

материалы кочевнических погребений XIII – XIV вв. позволяют проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи. Эти перемещения: увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевнического населения в низовьях Дона и т.п. – хронологически относятся к монгольскому завоеванию и естественно связывать их с этим грандиозным событием" (Федоров-Давыдов, 1966. С.133 и сл.; 1973. С.35). Эти выводы ученого, в свою очередь, породили концепцию "кыпчакского этапа" в этногенезе урало-поволжских народов, в частности – башкир: "Этническую историю башкирского народа в XIII – XIV вв. можно квалифицировать как кыпчакский этап в его этногенезе. Кыпчакская миграция в Башкирию в XIII – XIV вв., по этническому составу сама по себе чрезвычайно сложная, была наиболее мощной из всех тюркских миграций в Волго-Уральский регион. Разрушительное монгольское нашествие привело в движение массы кочевников и это движение, то затухая, то вновь активизируясь, продолжалось по крайней мере два-три столетия" (Кузеев, 1978. С.169).

Сейчас, по мере накопления и изучения археологического материала с рассматриваемой территории, ситуация не представляется столь одноплановой. На страницах современных исследований в степях Урало-Поволжья в XIII – XIV вв. все чаще фигурируют канглы, кидани, кимаки, найманы и, конечно, собственно кыпчаки (Яминов, 1995. С.26 и сл.; Костюков, 2010. С.117-129; Матюшко, 2008. С.20 и сл.). Мы полагаем, что для столь детальной этнической интерпретации имеющегося археологического материала еще не вполне достаточно ⁴². Зато вполне достаточно материала для выяснения места населения, оставившего в

⁴² Что, впрочем, не означает, что ее не стоит проводить.

регионе памятники XIII – XIV вв. в этнической карте степей Восточной Европы рассматриваемого периода.

Из письменных источников и построенных на их основе исторических исследований известно, что в Монгольской империи господствующей формой военно-административного управления была улусная система, игнорировавшая родо-племенные границы. Но поскольку мы оперируем территориальными границами Улуса Джучи в целом, есть смысл дать суммарную характеристику погребального обряда кочевников, составлявших основное население этого государства.

Для сравнительно-типологического анализа погребального обряда кочевников Золотой Орды были взяты 765 погребений XIII – XIV вв., расположенных на большей (основной) части улуса Джучи - Золотой Орды, от Уральских гор до Днестра ⁴³. Данная выборка, во-первых, случайна и отражает реальное состояние археологического изучения указанной территории интересующего нас периода, а, во-вторых, ее объем позволяет с высокой степенью вероятности (0,95) оперировать такими признаками погребального обряда, уровень представительности которых не опускается ниже 0,5%. То есть, порог значимости признака в выборке = 0,5%, а признаки с более низким показателем для нее не являются значимыми (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С.64).

Суммарная характеристика погребального обряда указанного населения выражается в следующих признаках: абсолютно преобладают (85%) захоронения под земляными курганами, содержащими, как правило, по одному погребению (90,1% всех рассматриваемых погребений – одиночные в насыпи кургана). Все другие типы надмогильных сооружений встречаются заметно реже: под каменными набросками-выкладками встречены 6,6% погребений; под каменно-земляными насыпями – 3,5% погребений; 3,1%

⁴³ Напомним, что мы в нашей работе оперируем языческими погребальными комплексами, как этнодиагностирующим показателем археологического материала.

рассматриваемых погребений были совершены внутри каменных кольцевых или прямоугольных оградок; 2,8% – под земляными насыпями, обложенными сверху камнем ("каменный панцирь"); чуть меньше – 2,08% - погребений были совершены под насыпями, представлявшими собой кучу камней над могилой; 1,95% погребений происходят из бескурганых (грунтовых) могильников; 1,8% погребений совершены внутри оградок из сырцового кирпича; 0,7% погребений – внутри каменных оградок, перекрытых земляным курганом.

Тип надмогильного сооружения не был определен (разрушен во время земляных работ, не зафиксирован) у 2,7% погребений.

Чаще всего – 10,8% погребений – в надмогильных насыпях встречаются кости животных – остатки поминальной тризны. 7,7% погребений совершены под земляными курганами, опоясанными ровиком по основанию. И примерно одинаковое количество погребений были совершены под насыпями, содержащими какие-то деревянные конструкции (2,6%), кострища (2,7%) или отдельные угли (2,4%) и фрагменты керамики (2,2%).

Как уже указывалось выше, в основном рассматриваемые погребения – одиночные, основные в исследуемом кургане. Однако достаточно часто – 12,6% встречаются погребения, "впущенные" в более ранние насыпи, и чуть реже – 9,9% – погребения парные⁴⁴.

Конструкция могильных ям рассматриваемых погребений в основном предельно простая: яма прямоугольной или овальной формы с вертикальными стенками и ровным дном – 65,6% погребений⁴⁵. Могилы усложненных конструкций встречаются реже: со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок – 6,6% погребений; со ступенькой слева от погребенного – 5,7%; подбойные со ступенькой-уступом у входа в подбой –

⁴⁴ В данном случае имеются в виду два одновременных погребения под одной насыпью.

⁴⁵ Глубина могил зависит от характера грунта, а их размеры – от параметров тела погребенного и наличия или отсутствия дополнительных конструкций.

5,2%; подбойные, но без уступа у входа в подбой – 3,2%; со ступеньками-уступами вдоль всех четырех стенок – 2,2%; со ступенькой справа от погребенного – 1,3%.

Примерно одинаковое количество захоронений были совершены в могилах трапецевидного профиля: со стенками, расширяющимися ко дну (1,4%) и стенками, суживающимися ко дну (1,2%).

Почти в каждой третьей из рассматриваемых могил – 31,1% – встречены остатки деревянных перекрытий из досок, плах или жердей. Из них в 20,4% погребений перекрытия лежали на заполнении могильной ямы⁴⁶. В 5,4% погребений перекрытия опирались на ступеньки-заплечики; в 3% погребений был перекрыт подбой, а в 2,3% перекрытие опиралось на ступеньку. Единицами встречаются могилы, стенки которых обложены камнем (1,4%), или могилы, забутованные камнем (1,1%).

Значительная часть золотоордынских кочевнических погребений – 39,5% – может быть интерпретированы как всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног (10,1%), конский скелет целиком (8%) или принадлежности конской сбруи, но без коня (21,4%). Среди первых преобладают – 5,0% – погребения, в которых кости коня располагаются слева от человеческого скелета, в 2,2% погребений кости коня находились в засыпи могилы над человеком, в 1,04% – справа от человека, в 0,8% - над человеком же, но на перекрытии. Среди вторых в 3,5% погребений конский скелет располагался слева от человека, в 2,3% – на ступеньке и в 2,3% – в отдельной яме. Следует отметить, что в тех случаях, когда ориентировка коня зафиксирована, она соответствует ориентировке человеческого костяка (12,3%). В захоронениях только со сбруей она располагалась либо в изголовье, либо в ногах погребенного.

⁴⁶ Очевидно были какие-то дополнительные упоры.

Преобладающая ориентировка погребенных – западная: 43,7% и северо-восточная – 10,9%. Затем по нисходящей следуют ориентировка на юго-запад (9,4%), северо-запад (9,2%), восток (6,6%), север (6,5%), юг (2,2%) и юго-восток (1,3%). У 9,5% погребенных ориентировка не определена.

Абсолютно преобладающая поза погребенных – вытянуто на спине (89,3%) с руками, вытянутыми вдоль тела (71,7%). Более 17% погребенных уложены в могилы с руками, согнутыми в локтях, когда кисть покоится на тазе: 6,9% – обе руки согнуты; 5,2% – правая рука согнута; 5,0% – левая рука согнута.

Каждое третье из рассматриваемых захоронений имело дополнительные внутримогильные конструкции в виде дощатого гроба (23,7%), деревянной колоды (7,9%) или рамы из досок (1,95%). 7,5% погребенных лежали на лубяной (96,1%) или травяной (1,4%) подстилке.

17,9% погребенных содержали следы заупокойной пищи в виде костей животных (среди которых – 12,5% преобладают кости овцы), уложенные у головы (8,6%) или у ног (4,0%) погребенного, или в заполнении могильной ямы (4,4%).

В единичных случаях (3,15%) встречаются погребения, содержащие глиняные сосуды, помещенные в заполнение могилы (1,7%), у ног (0,8%) или головы (0,65%) погребенного.

Приведенные данные дают общую характеристику погребального обряда кочевников Джучиева улуса (Золотой Орды), который, как уже было сказано выше, занимал огромную территорию, охватывающую всю степную часть Восточной Европы. Вместе с тем, географически (хотя и с некоторой долей условности, но максимально приближенной к административно-территориальному делению Золотой Орды, установленному исследователями (Федоров-Давыдов, 1973), рассматриваемые памятники делятся на семь локальных групп, не равнозначных по количеству выявленных и исследованных погребений.

Приуральская (152 погребения или 19,8% всех рассматриваемых погребений);

Нижневолжская (154 погребения = 20,1%);

Средневолжская (149 погребений = 19,4%);

Волго-Донское междуречье (71 погребение = 9,3%);

Донская (50 погребений = 6,5%);

Левобережная Украина (75 погребений = 9,8%);

Правобережная Украина, включая Прикарпатье (69 погребений = 9,0%).

В соответствии с количеством выявленных погребений, в каждой из выделенных локальных групп имеется свой порог значимости. Для локальных групп памятников Южного Приуралья (степные районы Челябинской, Оренбургской областей, Зауральская Башкирия, Актюбинская и Уральская области Западного Казахстана), Нижнего (Астраханская, Волгоградское Заволжье) и Среднего (Саратовская, Самарская области, Республика Татарстан) Поволжья – это 3%. Для локальной группы Волго-Донского междуречья – 5%, для Подонья – 7%, Левобережной Украины – 5% и Правобережной Украины – 6%.

Эти данные позволяют дать суммарную характеристику погребального обряда золотоордынских кочевников каждой из выделенных локальных групп. Едва ли есть смысл ее подробно комментировать, кроме, пожалуй, одного – в Южном Приуралье и на Левобережной Украине, при абсолютном преобладании захоронений под земляными курганами, присутствуют также захоронения, совершенные под курганами, насыпанными из земли вперемешку с камнем (6,5% и 8% соответственно), под каменными набросками-выкладками круглой, овальной или прямоугольной формы (24,3% и 10,6%) и погребения, окруженные каменным кольцом (12,5% и 13,3%). К западу от Волги увеличивается частота встречаемости погребений, впущенных в насыпи более ранних курганов, и погребений, ориентированных в северном секторе.

В свое время одним из авторов настоящей работы был проделан сравнительно-статистический анализ погребального обряда кочевников Золотой Орды с целью выявления степени типологического сходства памятников выделенных групп. Полученные результаты показали, что наибольшее типологическое сходство обнаруживают между собой погребальные памятники приуральских ниже- и средневожских кочевников, образующих (в графическом выражении) замкнутый граф типологического сходства (Иванов, 2007). Но в той работе приуральские памятники рассматривались как единая выборка без разделения ее на группы по характеру надмогильных сооружений, что, как было показано выше, не совсем корректно, поскольку ясно, что "каменные курганы" – это самостоятельная этнокультурная группа.

Из приведенных данных следует, что подобное разделение принципиально на результаты расчетов не влияет – наиболее тесную типологическую связь по-прежнему обнаруживают между собой погребения под земляными курганами степного Приуралья, Нижнего и Среднего Поволжья. Все остальные группы сохраняют свои позиции, а группа "каменные курганы" выглядит обособлено на фоне всех остальных групп.

Отличие заключается в том, что курганы Поволжья и Приуралья в этот раз обнаруживают "пограничновысокое" (ниже, при заданном коэффициенте значимости, связь можно уже не учитывать) сходство только с памятниками Волго-Донского междуречья⁴⁷.

Приведенные данные вполне очевидно свидетельствуют о том, что курганы Среднего и Нижнего Поволжья и земляные курганы Южного Приуралья представляют собой единый этнокультурный массив, оставленный близкородственными кочевниками, в XIII – XIV вв.,

⁴⁷ Тогда как при типологически недифференцированном отборе памятников степного Приуралья они обнаруживают пограничную связь и с памятниками Левобережной Украины (Иванов, 2007).

составлявшими улус хана Бату. К востоку от них начиналась территория улуса Шибана, маркированная «каменными курганами, этническая пестрота которого и восточные – азиатско-сибирские – корни составлявшего его населения убедительно показаны В.П.Костюковым.

Что же касается этнического состава кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) в его восточноевропейской части, то, с одной стороны, он настолько традиционен в историографии, что, в принципе, как бы подразумевает и свою решенность. И действительно, если мы обратимся к выводам исследователей, в разное время обращавшихся к вопросу о том, кто населял степи Улуса Джучи в XIII – XIV вв., то увидим, что их точки зрения существуют как бы в параллельном пространстве, не противореча друг другу, и, главное – не исключая друг друга.

Начнем с вышедшей впервые в 1884 г. книги П.В.Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История Южнорусских степей IX – XIII вв.», в которой автор совершенно определенно называет половцев безраздельными хозяевами южнорусских степей: "с удалением печенегов и торков для половцев не было более соперников. Они одни всецело являлись господами южнорусских степей и могли совершенно свободно располагать всеми своими силами на пагубу Русской земле, раздираемой усобицами" (Голубовский, 2011. С.65).

Ему вторит академик М.К.Любавский в учебнике «Историческая география России в связи с колонизацией», вышедшем в 1909 г. и построенном исключительно на сведениях средневековых письменных источников. Описывая историческую географию Восточной Европы XI – XIV вв., автор однозначно указывает на то, "что восьмидесятих годах XI столетия половцы кочевали между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем". Но уже в 1238 – 1239 гг. **сложная**⁴⁸ по своему составу монгольская орда

⁴⁸ Выделено нами – *Авт.*

заняла своими кочевьями все половецкие или кыпчакские степи, отчего и стала называться Кыпчакской Ордой (Любавский, 2000. С.41, 110, 113).

Как бы дополняя М.К.Любавского, В.В.Бартольд, также опираясь на сведения средневековых (персидских) авторов, указывал, что уже в начале 30-х гг. XI в. степи по Сырдарье и к северу от Аральского и Каспийского морей, покинутые огузами, были заняты кыпчаками. Затем кыпчаки продвинулись в южнорусские степи (вследствие чего те тоже стали называться Дешт-и-Кыпчак), а после завоевания их монголами передали это название и монгольскому государству в Восточной Европе (Бартольд, 1968. С.525, 550-551).

В начале 1950-х годов ареал расселения кыпчаков на территории современного Казахстана получил свое археологическое содержание: археолог А.Х.Маргулан выделил на территории Центрального и Восточного Казахстана несколько погребений X – XI вв., которые, со ссылкой на средневековых авторов, интерпретировал как кыпчакские (Маргулан, 1951. С.34).

"Огромные пространства так называемых "южнорусских степей" от Днепра и далеко за Волгу на Восток, начиная с XI в. и вплоть до XV в." опять-таки со ссылкой на арабские и персидские источники, "заселяли" кыпчаками-половцами Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский (Греков, Якубовский, 1950. С.18).

Хотя это уже хрестоматийно, но, дабы не нарушать целостность изложения, следует упомянуть классические работы С.А.Плетневой и Г.А.Федорова-Давыдова, наполнившие территорию Дешт-и-Кыпчак/Половецкой Степи археологическим содержанием. С.А.Плетнева, рассматривая половецкие каменные изваяния как основной аксессуар культа предков идентифицирует территорию их распространения в степях Восточной Европы с Половецкой землей, очерчивая ее восточную границу по Волге (Плетнева, 1974. С.23; 1975).

Фактически к аналогичному выводу пришел и Г.А.Федоров-Давыдов по результатам сравнительно-типологического анализа погребений XII – XIII вв. в Нижнем Поволжье и Южнорусских степях. Памятники первой из названных территорий он вполне определенно связывает с половцами-команами (Федоров-Давыдов, 1966. С.150).

О расселении кыпчаков-половцев в степях Заволжья и Южного Приуралья в домонгольский и золотоордынский периоды, опираясь на данные средневековых письменных источников и исторической этнографии, пишут Р.Г.Кузеев и С.М.Ахинжанов (Кузеев, 1974. С.171, 172, 184; Ахинжанов, 1980. С.51).

Начиная с 1980-х годов, наличие археологически фиксируемых следов пребывания кыпчаков к востоку от Волги в XIII – XIV вв. рассматривается уже как исторический факт (Кригер, 1985. С.19; Иванов, Кригер, 1988. С.66 и сл.). Хотя уже тогда типологическая неоднородность погребений XIII – XIV вв., расположенных к востоку от Волги, поставила на повестку дня вопрос и об этнокультурной неоднородности оставившего их населения (Иванов, Яминов, 1993. С.154-162).

Первым, кто предметно и детально рассмотрел погребальный обряд курганов золотоордынского времени с целью выявления этномаркирующих признаков, был В.П.Костюков, пришедший к выводу о том, что среди урало-заволжских погребений, кроме кыпчакских, присутствуют и погребения, связанные "с монгольской культурной традицией" (Костюков, 1997. С.13). Последующие поиски исследователя в этом направлении позволили ему сделать заключение о том, что кыпчаки, хотя и, безусловно, присутствовали среди кочевников Улуса Джучи, но отнюдь не как доминирующий этнос. А что касается Урало-Аральского региона и прилегающих к нему степей, то здесь, по его мнению, начиная с XIII в., доминировали племена, происхождение и история которых "в той или иной степени **были связаны с**

центральноазиатским и южносибирским регионами" (выделено нами – *Авт.*) (Костюков, 2006. С.234 и сл.; 2010. С.133).

Выводы В.П.Костюкова в известной степени перекликаются с выводами исследователя памятников средневековых кочевников Западного Казахстана А.А.Бисембаева. По результатам сравнительно-типологического анализа погребального обряда курганов XII – XIV вв. автор также пришел к выводу о присутствии в это время в Урало-Казахстанских степях двух этнокультурных групп кочевников, оставивших погребальные памятники, по чертам и облику близкие южно-сибирским и восточно-европейским (Бисембаев, 2003. С.153).

"По результатам сопоставления выделенных типологических групп погребений с археологическими, письменными и этнографическими данными" неоднородную этническую картину степей Южного Приуралья в эпоху Золотой Орды рисует И.В.Матюшко. По мнению исследовательницы, погребения с целым остовом коня и традицией использования камня в насыпи принадлежат "тюркскому племени, ранее кочевавшему в южнорусских степях". И вообще "большинство типов приуральских погребений XIII – XIV вв. свидетельствуют о преобладании в степях Приуралья тюркоязычной этнической общности в золотоордынское время. Сосуществование разных типов погребений, очевидно, объясняется смешением различных родов и племен, что было характерно для золотоордынского периода. Это подтверждается и рядом письменных источников" (Матюшко, 2008).

И, наконец, на примере погребений могильника Мокринский I в Западном Казахстане Д.В.Марыксин, присоединяясь к мнению В.П.Костюкова, выделяет погребения, оставленные буддистами – выходцами из Центральной Азии (Марыксин, 2010. С.346).

Итак, суммируя приведенные выше мнения исследователей, можно сделать следующие историографические выводы:

•против того, что в домонгольское время в Южнорусских степях доминировали, а в Урало-Поволжских присутствовали кыпчаки-половцы, не возражает никто. Скорее напротив – большинство исследователей старались или стараются это доказать;

•против того, что в XIII – XIV вв. носители кыпчакско-половецкого этноса входили в состав Улуса Джучи (Золотой Орды) тоже никто не возражает. Разногласия проявляются, главным образом, в оценке "удельного веса" кыпчакско-половецкого компонента в этнической карте этого государства;

•самой пёстрой и путаной представляется этническая карта Урало-Поволжской части Улуса Джучи (Золотой Орды), где, как по письменным, так и по археологическим источникам, можно выделить (и выделяется) целый конгломерат племен и народов самого различного происхождения и вероисповедания;

•последнее обстоятельство, видимо, настолько заморочило головы авторов 3-го тома «Истории татар с древнейших времен», что они в своих изложениях истории Золотой Орды, применительно к ее степной части, предпочли вернуться к безликому, но беспрюгрышному определению – "кочевники"⁴⁹: "Волжские и Волго-Донские степи в конце XIII – начале XIV веков занимали кочевники, которые оставили после себя подкурганые захоронения, хорошо датируемые этим временем..." (Измайлов, Зеленева, 2009. С.224).

Из сказанного следует естественный вывод о необходимости проведения сравнительно-типологического анализа погребального обряда кочевников, населявших степи Восточной Европы до монгольского завоевания – кыпчаков-половцев – с обрядом кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) с целью установления степени близости между ними. Показатели этой

⁴⁹ Хорошо, что не пресловутое "поздние кочевники".

близости позволят нам, по крайней мере, представить, насколько кыпчакско-половецкие погребальные традиции (а это – один из важнейших для этноисторических реконструкций маркёров) сохранялись в золотоордынской степи, то есть, насколько велик был вклад кыпчаков-половцев в сложение ее этнического состава.

Источником для подобного анализа являются 411 рассмотренных нами выше кыпчакско-половецких погребений, учтенных на территории от Мугоджар на востоке до устья Дуная на западе (рис.10). Напомним, что объем данной выборки позволяет нам с коэффициентом вероятности = 0,95⁵⁰ оперировать процентными показателями не ниже 1% (ниже уже могут считаться непредставительными для данной выборки).

Поскольку в данном случае мы ставим перед собой задачу выяснить степень этнокультурной преемственности кочевников домонгольского (кыпчаки/половцы) и золотоордынского периодов в степях Восточной Европы, то для сравнительно-статистического анализа мы берем **все** языческие погребальные комплексы XIII – XIV вв., известные нам на той же территории. Выборка погребений из земляных курганов составляет 725 комплексов (нижний порог значимости = 0,6%), а выборка погребений из курганов с каменными конструкциями – 187 комплексов (нижний порог значимости = 2%).

Суммарная характеристика погребального обряда кыпчаков-половцев домонгольского периода (XI – начало XIII вв.), кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды), совершавших захоронения под земляными курганами, и кочевников, совершавших захоронения под насыпями с каменными конструкциями, представлена в Приложении, таблица 10.

Вычислив по приведенным в таблице данным коэффициент формально-типологического сходства сравниваемых групп памятников по 96 альтернативным признакам погребального обряда (C₃), мы получаем, с одной

⁵⁰ В стандартной программе Excel – это уровень надежности 95,0%.

стороны, логичные, но с другой – и несколько неожиданные результаты (Приложение, табл.11). Коэффициент C_3 между кыпчакскими/половецкими курганами домонгольского периода и курганами кочевников эпохи Золотой Орды в Южнорусских степях равен 0,69. Это вполне логично и вписывается в устоявшиеся представления о том, что погребения XIII – XIV вв. в степях Восточной Европы оставлены кочевниками, генетически связанными с кыпчаками/половцами предшествующего периода. Иными словами – эти кочевники и составляли тот самый кыпчакско-половецкий этнокультурный компонент степного населения Улуса Джучи (Золотой Орды).

Также вполне логичным представляется и значение коэффициента C_3 между половецкими/кыпчакскими курганами Южнорусских степей и «земляными курганами золотоордынского периода Урало-Поволжья, равный 0,62. Этот показатель вполне вписывается в контекст высказанного в свое время мнения Г.А.Федорова-Давыдова о переселении части половецко-кыпчакского населения из Южнорусских степей на восток волею золотоордынских ханов.

В принципе, и значение коэффициента C_3 между половецкими домонгольскими курганами Южнорусских степей и "каменными" курганами Южного Приуралья, равное 0,58, не представляется неожиданным – оставившее их население находилось в едином административном и культурном пространстве Улуса Джучи (Золотой Орды), хотя явно в этническом плане было разнородным. Аналогичным образом на это же указывает и значение коэффициента C_3 между золотоордынскими курганами Южнорусских степей и "каменными курганами" Приуралья, равное 0,59.

Зато показатель C_3 между золотоордынскими курганами Южнорусских степей и земляными курганами Заволжья и Южного Приуралья, равный 0,84, наглядно указывает на этнокультурную близость (если не идентичность) оставившего их населения.

Еще более выразительную картину раскрывают значения коэффициента C_3 , подсчитанные по признакам погребального обряда сравниваемых групп памятников, имеющих тенденцию распространения, близкую к условной норме или повышенную (Приложение, табл.14 и 15). Согласно им типологическая близость погребений кочевников Золотой Орды в Южнорусских степях и синхронных им земляных курганов Урало-Поволжья в разы превышает показатели близости остальных сравниваемых групп: половцев/кыпчаков домонгольского периода и «каменных курганов» (Приложение, табл.15).

Результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда средневековых кочевников степей Урало-Поволжья и Восточной Европы вполне определенно указывают на то, что в эпоху Золотой Орды эта территория (от Мугодзар на востоке до Карпатских предгорий на западе) была заселена не просто близко родственным, а по сути единым по своей этнической принадлежности населением. Едва ли есть смысл сомневаться в том, что это были половцы/кыпчаки, в XIII в. завоеванные монголами.

Не совсем понятен низкий коэффициент типологического сходства погребального обряда половецких курганов домонгольского периода с курганами кочевников Золотой Орды: с одной стороны, недифференцированные по частоте встречаемости признаки обряда обнаруживают очевидную связь между ними. С другой – в XIII – XIV вв. в погребальном обряде кочевников Восточной Европы заметно снижается частота распространения одних признаков – могилы со ступенькой слева, помещение в могилу конской шкуры или целой туши коня, восточная ориентировка погребенного, укладывание умершего в дощатую раму без дна и крышки, помещение глиняной посуды в могилу, луков с костяными обкладками и сабли (Приложение, табл.14) – но зато возрастает частота встречаемости (или вообще появляются новые): бескурганные могильники, следы кострищ и кости животных (тризна?) в насыпи, резко снижается частота впускных погребений и могил со ступеньками вдоль стенок,

помещение в могилу конской сбруи без коня, северная и южная ориентировки погребенных, помещение в могилу зеркала и ножниц и др. (Приложение, табл.11). Чем это было вызвано – внедрением в кыпчакскую/половецкую этнокультурную среду степей Восточной Европы нового компонента или это результат воздействия каких-то этнополитических факторов – еще предстоит выяснить. Но сделать это без восточно-казахстанских и южносибирских материалов, которых пока известно крайне мало, очень проблематично.

На востоке, в степях Южного Приуралья, с ними соседствовали кочевники, оставившие захоронения под "каменными курганами", пришедшие сюда в составе монголо-татарского нашествия и, следовательно – не входившие в кыпчакско-половецкие орды Восточной Европы.

Конечно, курганы аналогичного типа среди кыпчакско-половецких памятников домонгольского периода известны, но в количестве, а главное в такой географической ситуации, которая не позволяет видеть в них прототип "каменных курганов" XIII – XIV вв. (рис.14). Совершенно очевидно, что последние оставлены кочевниками, не связанными с кыпчакско-половецким этнокультурным ареалом Восточной Европы и пришедшими в степи Южного Приуралья в составе монгольского нашествия. Это подтверждается и данными антропологии: как было установлено Р.М.Юсуповым, погребенные под "каменными курганами" Южного Приуралья ⁵¹ относятся к южносибирской расе с преобладанием монголоидных признаков, которая, в свою очередь, является одной из "молодых" на Южном Урале (Юсупов, 2002. С.44). Их этническая принадлежность – тема специального исследования. Не исключено, что создатели "каменных курганов" могут быть и монголами ⁵².

Следовательно: при том, что роль и место кыпчаков в этнической карте Улуса Джучи (Золотой Орды), очевидно, и не следует гиперболизировать, но

⁵¹ На материалах могильников Хабарного, Озерновского, Урта-Буртя.

⁵² В.П.Костюков, в частности, не отрицал монгольскую принадлежность таких признаков обряда, характерных именно для "каменных курганов", как северная и северо-восточная ориентировка, отсутствие останков коня, включение в состав инвентаря принадлежностей конской сбруи (Костюков, 2006. С.229, сноска 38).

и считать их неким второстепенным этносом, растворившимся в массе других тюркских племен, приведенных монголами в Восточную Европу – значит идти вразрез с имеющейся источниковой базой по средневековым кочевникам степей Восточной Европы.

Приведенные выше результаты сравнительно-типологического анализа погребального обряда кыпчакско-половецких курганов домонгольского периода и курганов XIII – XIV вв. Улуса Джучи (Золотой Орды) позволяют сделать следующие выводы:

- следует присоединиться к точке зрения В.П.Костюкова и в дальнейшем исключить курганы, сооруженные с применением камня из круга кыпчакско-половецких памятников;

- этнокультурные корни кочевников, оставивших эти курганы, следует искать на востоке Евразийских степей⁵³;

- набор и удельный вес морфологических признаков обряда кыпчакско-половецких и "земляных" XIII – XIV вв. курганов указывают на их типологическую преемственность, за которой все-таки следует в первую очередь видеть этнокультурную близость оставившего их населения степей Дешт-и-Кыпчак – Улуса Джучи (Золотой Орды).

Что же касается более ранних периодов, то здесь тоже прослеживается аналогичная схема: в X – первой половине XI вв. этнокультурная доминанта в западной части Великого пояса степей Евразии, от Волги до устья Дуная, определялась печенегами. На востоке их кочевья доходили до предгорий Южного Урала ("Заволжская Печенегия"). Огузы (гузы) в это время доминировали в Заволжье, в Волго-Уральском междуречье. Результаты сравнительно-типологического анализа погребального обряда огузских и печенежских курганов и их локализация показывают, что говорить о

⁵³ Мысль достаточно тривиальная, но в данном случае единственно конструктивная.

сложении в указанное время в степях Восточной Европы огузо-печенежской этнокультурной общности едва ли возможно.

А говорить о сложении в предмонгольское время (вторая половина XI – начало XIII вв.) на рассматриваемой территории огузо-печенежско-половецко-кыпчакской общности невозможно без всякого "едва ли". На это указывают и свидетельства русских летописей об этнополитической ситуации в степях Восточной Европы в это время, и результаты сравнительно-типологического анализа погребального обряда указанных групп памятников.

Но это, конечно, только в том случае, если под этнокультурной общностью подразумевать симбиоз образующих ее этносов. В случае, как это было в рассматриваемую нами эпоху, когда гонимые кыпчаками огузы вторглись в а priori враждебную им среду европейских печенегов, а затем вместе с ними были подмяты и рассеяны кыпчаками, ни времени, ни возможности для подобного симбиоза просто не было. Поэтому время этнополитического господства кыпчаков/половцев в степях Восточной Европы с наибольшей степенью вероятности представляется временем ассимиляции остатков печенегов и огузов кыпчаками.

Глава 5. Этнополитическая история средневековых кочевников степной Евразии в IX - XIV вв.

История средневековых кочевников является традиционной темой русской и мировой историографии. Из текстов средневековых арабских и персидских хроник нам известно о тюркских народах - печенегах, огузах и кыпчаках. Эти этносы активно взаимодействовали с оседлыми народами Восточной Европы и были важным фактором в истории средневековой Руси. Эпоха IX – XIII вв. была интересна массовыми миграциями племен, которые не уступали по своим масштабам событиям периода Великого переселения народов. Особое внимание стоит уделить вопросу появления кыпчаков в Восточной Европе. Данная глава посвящена вопросам этнополитической истории. В ней также рассмотрены вопросы этнонимии кочевнических конфедераций печенегов, огузов и кыпчаков. Важным аспектом этнополитической истории является этногенез этих народов. Он неизменно связан с регионом Средней Азии и сопредельных территорий, откуда печенеги, огузы и кыпчаки пришли в степи Восточной Европы.

Печенеги и огузы. Вся ранняя история печенежской конфедерации связана с северными районами Средней Азии и предшествовала ей история Канцзюя (Кангюя). Этнос печенегов образовался в результате слияния ираноязычных кангаров и тюркоязычных гаоцзюй. В Авесте страна кангаров была известна как Кангха. Интересно, что в восточных источниках указано на родство печенегов с аланами. Иосиф Флавий упоминает, что аланы произошли от печенегов. Конечно, имелись ввиду не тюркоязычные печенеги, а ираноязычные кангюйцы. В «Истории младшего дома Хань» страна Яньцай (Алания) упоминалась как вассал Канцзюя. Ал-Бируни, который жил в Хорезме, писал, что язык аланов смешан или составлен из печенежского и хорезмийского языков (Бубенок, 2009. С.69; Кляшторный, 2003. С.224).

История печенегов делится на азиатский и европейский периоды. Об азиатской истории печенегов известно крайне мало. Мы знаем, что в Средней Азии находилась местность Кангу-Тарбан (Тарбанд). Тарбанд можно отождествить с Отраром на Средней Сырдарье. Это название носил не только город, но и область, которая являлась наиболее западной страной, куда дошли войска кок-тюрок Могиляна и Кюль-Тегина. Кенгересы, то есть кангары, были союзниками кок-тюрок. Они восстали против господства тюргешей. А Кюль-Тегин пришел на помощь кенгересам, разбив тюргешей. Потом он одержал победу над Кушу-тутуком, одним из вождей нушиби (Кляшторный, 2003. С.203-211; Pritsak, 1976. P.5, 7).

В «Шах-намэ» был упомянут город Канг - столица Турана. В древности рекой Канга называлась Сырдарья. В «Бундахишне», «Денкарде», «Меноке Храд», «Бахман Яште», «Дадестане деник» упомянута крепость Канг-дез, построенная Сийавушем далеко на востоке. О Канг-десе, как о храме огня, возведенном Сиавашем, упоминали ал-Масуди и аш-Шахрастани. Ат-Табари и ал-Бируни относили существование Канг-деза к временам мифических Индры и Кай-Кауса. Ас-Са'алиби называли Канг-дез крепостью Афрасиаба. Фирдоуси знал о Канге Афрасиаба и Канге Сиавуша. (Кляшторный, 2003. С.213-220).

Канцзюй было одним из великих государств Средней Азии, ему подчинялись пять малых царств (Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегяет), а племена Янь (лесного Приуралья) платили им дань пушниной. В сферу влияния Канцзюя входил и Яньцай – аланы. В Канцзюй отправляли посольства китайцы, чтобы заручиться союзом против хунну. При этом, правители данного государства не были сателлитами Китая и проводили вполне самостоятельную политику. Но уже в середине V века н.э. Канцзюй пришел в упадок, и превратился из могущественной империи в одно из многих мелких царств, которое подчинилось эфталитам. Оно упомянуто как царство Чжэшэ, бывшее Канцзюй (Кляшторный, 2003. С.220-224; Абдуманапов, 2006. С.7-8;

Боровкова, 2008. С.276-277). В это время в этническую среду индо-иранских кангюйцев начали проникать тюркские элементы. Это и стало "отправной точкой" процесса формирования нового этнического образования – печенегов. Со второй половины V века в Средней Азии появились племена гаоче и яда. Интересно, что этноним гаочэ фактически совпадает с тюркским канлы. Оба этих этнонима обозначали "тележников". В «Танхуйяо» упомянут теле тегин Кан-хэ-ли. Телесские племена, по всей видимости, усилили свое проникновение из Центральной Азии в степи Средней Азии во время существования Каганата тюркютов. П.Голден считает, что инфильтрация тюркского элемента в состав ираноязычного населения региона древнего Канцзюя происходила в VI в. Возможно, начало периода тюркизации ираноязычных кангюйцев приходится на V век. В любом случае, на протяжении VI – VII вв. активно развивался процесс становления печенежской племенной конфедерации (Абдуманапов, 2006. С.10, 12; Golden, 1972. P.58).

Ранние упоминания в восточных источниках об этих кочевниках, - как о кенгересах и печенегах, - датированы VII – IX вв. Первый этноним зафиксирован в тюркских рунических надписях. Этноним кенегерес С.Г.Кляшторный связывает с кангарами (Кляшторный, 2003. С.212-213; Pritsak, 1976. P.6-8). Этот народ всегда имел напряженные отношения со своими соседями. По донесениям уйгурских послов, которые дошли до нас через тибетских посредников, be-ša-naq воевали против народа Ноr (огузов). В этом донесении описаны реалии начала IX в. После 840 г. давление соседей на печенегов только усилилось. К огузам присоединились кимаки и карлуки. Ал-Масуди говорил о печенегах, как о конфедерации четырех племен - печенегов, чепни, башгирд и наукерде. Сообщение арабского хрониста о войнах двух коалиций кочевых племен не относилось к какому-то определенному году, а отображало ситуацию прибытия новых этнических групп в степи Восточной Европы. Кимаки, карлуки и огузы частично

вытеснили венгров и печенегов с мест их прежнего обитания (Golden, 1972. P.58-59, 62-68; Pritsak, 1976. P.9).

Под давлением карлуков, кимаков и огузов печенеги сначала были вынуждены покинуть свои родные земли на Средней Сырдарье и в Восточном Приаралье. Печенеги откочевали в район междуречья Волги и Урала, откуда их в конце IX в. вытеснили огузы. По сведениям Константина Багрянородного, узы (огузы) действовали в союзе с хазарами. Та часть печенегов, которая не желала покидать свои родные земли была вынуждена покориться огузам (Pritsak, 1976. P.8-9; Константин Багрянородный, 1991. Гл.37). Те же, кто хотели сохранить свою самостоятельность, мигрировали на запад и север. Печенеги были вынуждены обходить хазарские владения вдоль северных границ обитания хазар. Продвигаясь на запад печенеги атаковали кочевья венгров (Ателькузу). Этот факт зафиксирован Региноном из Прюма и Константином Багрянородным. Миграции венгров и печенегов имели важное значение, поскольку возобновили приток в Восточную Европу новых кочевых народов из Средней Азии, который до этого несколько веков блокировался хазарами. Толчком развития процесса миграций кочевых тюркских народов на запад, стали войны между токуз-огузами и енисейскими кыргызами; которые продолжались в 820 – 830 гг., и завершились падением Орду-Балыка в 840 г. В результате этих событий в казахстанские степи проникают также кимаки и кыпчаки (Константин Багрянородный, 1991. Гл.37-38; Регинон Прюмский, 1993; Golden, 1972. P.59-61). О существовании северной группы печенегов современникам было известно очень мало. Она была зафиксирована только благодаря посольству Ибн Фадлана и археологическим исследованиям нашего времени. Заволжская Печенегия находилась между Волгой и Уральским хребтом, в районе Илека, Большого и Малого Узеней. Печенеги являлись северными соседями огузов. С ними также граничили родственные им башкиры (Ибн Фадлан, 1939; Гарустович, Иванов, 2001. С.101-105).

А восемь племен печенегов, описанные Константином Багрянородным, кочевали уже в Причерноморье, в степях между Доном и Дунаем. Здесь, на отвоеванных у венгров землях можно было наладить хозяйство и образовать новые политические структуры. Константин Багрянородный насчитывал у печенегов 8 фем и 40 округов. Фемы наверняка соответствовали племенным образованиям, а округа - родам или кланам в составе этих племен. Печенеги стали активными участниками восточноевропейской политики. Константин Багрянородный советовал своему наследнику как лучше использовать силы паниакитов против их соседей (Константин Багрянородный, 1991. Гл.1-7, 37-38).

По возможности ромеи привлекали печенегов в борьбе с хазарами. Автор Кембриджского документа сообщал, что против хазар выступила коалиция народов, возглавленная Македоном, то есть Македонской династией Византийской империи. В конце IX в. печенеги стали активно вмешиваться во внутренние дела Хазарского каганата. Народ PYYNYL вместе с 'SY, TWRQ[Y], 'BM во время царствования бега (царя) Вениамина воевал с хазарами. PYYNYL – это, безусловно, были печенеги. При поддержке алан хазары сумели одержать победу. В правление бега Аарона, по данным автора Кембриджского документа, хазары наняли царя TWRQ[Y] против царя Алании. Конфронтацию алан и хазар, по сведениям хазарско-еврейского источника, инспирировали греки (ромеи). TWRQ[Y] – это торки славянских летописей и узы, упомянутые в сочинении Константина Багрянородного. 'BM - это Черная Булгария, а 'SY – это буртасы (Голб, Прицак, 2003. С.140-141, 159-163).

Сведения Константина Багрянородного, в первую очередь, интересны тем, что, в отличие от более поздних хронистов, он знал названия отдельных племен печенежской конфедерации. Другим хронистам просто было достаточно общего этнического обозначения – 'печенеги'. Три из восьми племен печенегов - Йавдыэртим, Куарцичур, Хабуксингила имели также

самоназвание 'кангар'. По мнению О.Б.Бубенка, они были носителями одного из восточноиранских языков. Именно эти племена могли происходить от кангюйцев. Йавдыэртим граничили с уличами, древлянами и полянами. Их владения находились на территории Южной Киевщины, а резиденция находилась около реки Стugna. Куарцичур занимали земли на левобережье Днепра, между Орелью и Сеймом. Владения племени Хабуксингилы находились в верхнем течении Серета, Прута и Днестра. Это племя граничило с уличами и тиверцами. Пять других печенежских племен были тюркскими по происхождению, но и в их этногенезе принял участие сарматский (индо-иранский) субстрат. О.Прицак переводил название печенежских городов *Salmakátaí* и *Sakakátaí* как "город Сарматов" и "город Скифов". Вблизи от рубежей Дунайской Болгарии кочевало племя Гиазихопон, во владениях которого и находились города Аспрон, Тунгаты, Кракнакаты, Салмакаты, Сакакаты, Гыеукаты. Вторая часть вышеприведенных топонимов (гатый или катый) имела древнеиранское происхождение. С.П.Толстов предполагал, что печенежское *kat* было раннесредневековым заимствованием из хорезмийского языка. Печенежские города должны были находиться на нижнем течении Днестра, Прута и Серета. Племя Гиазихопон отделялось от границ I Болгарского царства рекой Истр-Дунай (Pritsak, 1976. P.13-14; Бубенок, 2009. С.79-80, 83; Прицак, 2008. С.207; Константин Багрянородный, 1991. Гл.37).

На Днепровском Правобережье, вдоль торгового пути "из варяг в греки", располагались кочевья племени Харабои. А на противоположном берегу Днепра, напротив Харабои, находились владения племени Бороталмат. О.Прицак отождествлял его с "хазарскими печенегами", которые упомянуты автором Худуд ал-Алам. Основаниями для такого утверждения были сведения о соседстве этого племени с владениями алан. Сирукалпеи кочевали в бассейне Северского Донца. Это племя находилось на расстоянии пяти дней пути от земли хазар. Еще одно племя - Буйлацопон, размещалось

ближе всего к византийским владениям. Его области соприкасались с Климатами и Херсоном. Летние кочевья данного племени находились в бассейнах рек Самара, Конские Воды и Молочной. Зимой печенеги перемещались к зимовникам на берегах Черного моря (Pritsak, 1976. P.13-14).

Ранняя этническая история огузов во многих аспектах остается неясной. Ибн ал-Асир сообщает, что огузы во времена халифа ал-Махди мигрировали из земли токуз-огузов в Мавераннахр. При этом он ссылается на неизвестного хорасанского историка, которого некоторые ученые отождествляют с Бейхаки. Такая ранняя хронология вызывает много вопросов. Скорее всего, ее следует считать историографическим казусом. Куда вероятнее более поздние датировки, которые относятся уже к IX веку. Ибн ал-Факих и Гардизи пересказывают легенду о дождевом камне. У Наджиба Хамадани дождевой камень был назван токуз-огузским. Если у Ибн ал-Факиха говорится о том, что дед Балкика, вследствие ссоры, ушел от отца и стал грабить окрестные народы; то у Гардизи упомянуто соперничество за обладание дождевым камнем между Халлухом и предводителем огузов. Путем обмана предводитель огузов завладел дождевым камнем. По версии Ибн ал-Факиха, дождевой камень был отнят у деда Балкика царем тюрок, но потом неясным путем попал к огузскому вождю Джабгу (отцу Балкика). По сведениям ат-Табари, токуз-огузы атаковали Усрушану в 820 – 821 гг. Ал-Балазури сообщал, что во время правления в Хорасане наместника Абдаллаха б. Тахира, он отправил против страны Гуззия военную экспедицию, во главе со своим сыном Абдаллахом. Огузы зарекомендовали себя как сильные и мужественные воины. На невольничих рынках за 1 тысячу огузов можно было выручить 600 000 дирхемов. Таким образом, огузы в некоторых случаях прямо сопоставляются с токуз-огузами. Но, тем не менее, огузы составляли отдельное политическое образование кочевников. Они выделились из состава токуз-огузов не позже второй половины VIII в., и

под давлением карлуков ушли из Семиречья. В любом случае, начальный этап существования государства огузов был связан с токуз-огузами (Pritsak, 1952. P.283-284, 286; Агаджанов, 1969. С.122-128; Golden, 1972. P.48-51, 54-56; Кляшторный, Савинов, 2005. С.116).

Сам этноним 'огуз' обозначал род или группу родственных племен, и был скорее всего социальным маркером. По мнению П.Голдена, исходной точкой миграции огузов являлись пространства Халха-Монголии на реке Селенга. Оттуда огузы переселились на границы Мавераннахра и Ферганы. Появление огузов у рубежей мусульманского мира исследователь датирует временем между 775 и 783 гг., то есть концом VIII в.; когда прекратил свое существование Тюркешский каганат, а китайская экспансия в Среднюю Азию окончательно захлебнулась. Кроме карлуков, у огузов в степи практически не было сильных конкурентов (Golden, 1972. P.54). Центральное место в исторических источниках отводится легендарному Огуз-хану, который считался предводителем и мифическим предком всех огузских племен. Ему приписывалось завоевание всего Туркестана, и основание Янгикента. В более поздних мусульманских источниках, деда Балкика отождествляли с Огуз-ханом. Предки огузов жили на Иссык-Куле и бассейне Таласа (Агаджанов, 1969. С.125-127). Границы владений огузов обозначены в труде Абу-л-Гази. На востоке они пролегали около Иссык-Куля и Алмалыка. На западе граница проходила вблизи Улутау. Южные их рубежи приближались к устью р.Сырдарья. Огузам принадлежали Янгикент и Каракум. Рашид ад-Дин же связывал основание Янгикента с Кун-ханом; то есть возникновение города произошло в период после обретения родины и завоеваний (Golden, 1972. P.56).

За земли на Средней Сырдарье и в Восточном Приаралье огузам пришлось побороться с печенегами. Степные предания сохранили память о былых событиях. Абу-л-Гази сообщал о войнах между салырами и печенегами. В начальный период существования огузского объединения

именно племя салыров доминировало среди них. Позже, политическая гегемония перешла к племени байаут. Главными действующими лицами были названы Салыр-Алп-Казан со стороны огузов, и Тоймадук со стороны печенегов. Информация о войнах салыров с печенегами нашла также отображение в огузском эпосе. Вооруженные стычки между печенегами и огузами продолжались на протяжении жизни нескольких поколений. В туркменских рассказах, посвященных войнам с печенегами, указывалось, что война была трудной и затянулась на долгое время. Среди врагов огузов упомянуты ит-бараки, которых возглавлял Кыл-барак. Также в источниках назывались ит-печенеги, как противники огузов (Агаджанов, 1969. С.130-132, 135-139; Golden, 1972. P.56-57).

Раннюю историю огузов Рашид ад-Дин представлял в несколько ином контексте. Им был внесен мотив борьбы между язычниками и мусульманами. Вначале, по его версии, Огуз-хану пришлось воевать с язычниками – отцом и дядьями. В результате, он убил своего отца Кара-хана, а также дядю Кюр-хана и дядю Кюз-хана. Далее Огуз-хан захватил земли от Таласа и Сайрама до Мавераннахра, Бухары, Хорезма. Фактически Огуз-хану приписывались действия и огузов, и сельджуков. В них также нашли отражение отдельные события монгольских завоеваний, – когда Рашид ад-Дин приступает к рассказу о походах Огуз-хана. Но для нас больший интерес представляют его данные о сыновьях легендарного правителя. В антропонимах скрыты названия тюркских племен. По преданиям, у Огуз-хана было шестеро сыновей и двадцать четыре внука. Трое сыновей были старшими, и от них произошли бузуки. Это были Кюн-хан, Ай-хан, Юлдуз-хан. Сыновьями Кюн-хана были Кайи, Байат, Алкаравли, Кара-Ивли. Сыновьями Ай-хана были Йазыр, Догер (Дока), Додурга, Япарлы. Сыновьями Юлдуз-хана были Авшар, Кызык, Бегдили, Каркыш. Так прозвучали названия двенадцати племен бузуков. Трое младших сыновей стали предками племен учуков. Гек-хан, Так-хан и Тенгиз-хан, также имели по четыре сына. Гек-хан был отцом

Байандура, Беджене, Чавулдура, Чепни. Так-хан был отцом Салура, Эймура, Алаюнтлу, Урегюра. Тенгиз-хан был отцом Йигдыра, Бюгдюза, Йива и Кыныка. Эта вымышленная генеалогия отображала разделение огузов на два крыла – бузуков и учуков. По всей видимости, в состав учуков вошли не только собственно огузские племена, но и другие племена; как, например, Биджене (Рашид ад-Дин, 1987).

В сочинении Абу-л-Гази упоминается рассказ, похожий на легенду, приведенную у Рашид ад-Дина. Огуз-хан здесь представлен сыном Кара-хана. Причиной вражды было названо то, что Кара-хан придерживался языческих верований, а Огуз-хан с молодых лет желал стать мусульманином. Абу-л-Гази сообщал, что между Огуз-ханом и Кара-ханом произошла битва. Войска Огуз-хана одержали победу, а Кара-хан был убит, но неизвестно кем. Далее Абу-л-Гази повторял информацию Рашид ад-Дина о намерении хана завоевать весь мир. Он не упоминал о делении огузов на бузуков и учуков (правое и левое крыло), но приводил данные о 24 внуках Огуз-хана, которые и дали название огузским племенам. От Кун-хана произошли Кайы, Байат, Алка-ойли, Кара-ойли. От Ай-хана – Йазыр, Йасыр, Дудурга, Дукер. От Йулдуз-хана – Авшар, Кызык, Бекдели, Каркын. От Кок-хана – Байындыр, Бечене, Чавулдур, Чепни. От Таг-хана – Салор, Имир Ала-йонтлы, Урегир. От Тенгиз-хана – Игдир, Букдуз, Ава, Кынык. Интересным является тот факт, что Абу-л-Гази указывал – четыре иля не были связаны с родом Огуз-хана. Ими являлись племена Канклы, Кыпчак, Карлык, Калач. В этих этнонимах достаточно легко угадываются канглы, кыпчак, карлук и калач (халадж). В описании противостояния Кара-хана и Огуз-хана нашли отображение эпизоды начала сельджукского движения, когда исламизированные огузы – туркмены, отделились от язычников-огузов, и начали с ними враждовать. Сведения «Огуз-наме» Рашид ад-Дина и «Родословной тюрок» Абу-л-Гази можно отнести скорее к разряду литературы, нежели к историческому жанру, однако они позволяют восстановить этнонимиию огузской конфедерации

племен. Ее состав был достаточно сложным с самого начала (Кононов, 1958). Реальные завоевания огузов, конечно же, были намного скромнее чем это описано в эпосе. Огузы заняли только родовые территории печенегов. После того как огузы отвоевали земли на Сырдарье и в Приаралье, в источниках было зафиксировано присутствие в их составе не только кочевых, но и оседлых групп. К оседлому населению относились потомки носителей джетыасарской культуры и жители Кердера. Их керамику археологи классифицируют как огузо-печенежскую. Фактически, это была та часть печенежского объединения, которая не ушла на запад, поскольку была "привязана к земле". Этнический состав государства янгикентских ябгу был пестрым и состоял из алан (и иного ираноязычного населения), а также тюркоязычных кочевников. Огузы, будучи номадами, доминировали над оседлым населением Кердера и Джетыасара (Агаджанов, 1969. С.94-97, 132-135, 146-148; Гарустович, Иванов, 2001. С.97-99; Левина, 1996).

Интересным является упоминание о народе TWRQ[Y] в правление Вениамина, как о враждебном хазарам этносе (Голб, Прицак, 2003. С.140-141). Возможно, союзу между хазарами и огузами несколько предшествовал кратковременный пограничный конфликт. По предположению Е.В.Круглова, до середины X в. огузов и хазар объединял антипеченежский альянс. Хазары не строили фортификаций на восточных границах и на территории самого каганата в Поволжье, где жили огузы. Константин Багрянородный называл хазар и огузов союзниками (Круглов, 2003. С.27-29, 49-58; Константин Багрянородный, 1991. Гл.37). Ситуация изменилась только в середине X в., когда огузы вторгаются во владения хазар. Об этом сообщали многочисленные мусульманские арабографические источники. Эти изменения во внешней политике отмечены и в еврейско-хазарском документе. В качестве союзников хазары и огузы рассматриваются до середины X в. Но когда ситуация изменилась, против хазар выступила

коалиция из 'SY, Bab al Abwab, ZYBWS, LWZNYW, TWRQW (Голб, Прицак, 2003. С.142; Golden, 1972. P.74-79).

Решающими факторами, приведшими к распаду огузского государства, являлись внутренние процессы. После падения Хазарского каганата и победы над печенегами, отпала нужда в сильной власти единого правителя, и кочевая знать начала обособливаться от центра. Сама структура власти в державе янгикентских ябгу, открывала большие возможности для развития сепаратизма (центробежных тенденций). Правителя избирали на собраниях знати, а государство представляло собой конфедерацию племен. Напряженные отношения между некоторыми предводителями, были зафиксированы Ибн Фадланом. При этом упоминалось, что если кто-то из огузов принимал ислам, он автоматически лишался права на власть. Арабский дипломат несомненно зафиксировал ситуацию начала X в. А в XI в. часть огузов, под давлением кыпчаков, ушла на запад. Впрочем, устремления этой группы в западном направлении были заметны еще в X в., когда разрушился барьер пограничной обороны Хазарского каганата. Огузские племена продвигались на запад, подчиняя себе прежние хазарские владения. В 985 г. огузы, известные Нестору как торки, воевали против Волжской Булгарии, в союзе с воеводами великого князя Владимира Святого. Интересно, что этот союз обострил отношения Руси с печенегами. В период правления на Руси князя Владимира печенеги четыре раза нападали на приграничные земли, в то время как в при Святославе и Ярославе это случилось лишь по одному разу. В XI в. огузы заняли хазарские земли на Нижней Волге. С высокой долей вероятности можно утверждать, что огузы воевали и против печенегов. Об этом сохранилась информация в сочинении Джуаншера Джуаншериани. В данной хронике упоминался тот факт, что пачаников потеснили какие-то турки. Описание миграций середины XI в. оставил Маттеос Урхаэци. Он сообщал о том, что племя отц (змеи) напало на племя хартеш (светлых). Хартеш (хардеш) напали на узов (огузов), а узы

атаковали печенегов. Печенеги, в свою очередь, стали беспокоить владения Византии. Подобную информацию сообщал и Тахир ал-Марвази. Куны воевали с шары, которые вошли в земли гуззов; а гуззы потеснили печенегов на берегах Армянского (Черного) моря (Ибн Фадлан, 1939; Джуаншер Джуаншериани, 1986. Ч.I; Агаджанов, 1969. С.141-158, 151-161; Golden, 1972. P.81, 83; Pritsak, 1968. P.162-163; Голден, 2003. С.460-462).

Давление, которое оказывали огузы на печенегов, вынудило последних мигрировать на запад. Некоторая их часть поступила на службу к венгерскому королю. Другая группа перешла под власть византийского императора. После сокрушительного поражения на Стугне в 1036 г., печенеги уже старались не беспокоить Русь своими набегами. В 1048 году Тирах форсировал р. Дунай. Печенеги были поселены на территории фемы Паристрион-Парадунавон (Pritsak, 1976. P.25, 27). В свою очередь, огузов-торков с востока теснили кыпчаки. Неожиданным ударом для огузов стало нападение Ярославичей. В 50-х годах XI в. войска Руси одержали победу над огузами, а в 1055 году зафиксировано первое упоминание о кыпчаках в летописных источниках (Pritsak, 1952. P.290).

Часть огузов, которая не пошла на северо-запад, а двинулась в южном направлении, получила название 'сельджуков' и осуществила грандиозные завоевания в Персии и на Ближнем Востоке. Сельджукская группировка обособилась около 985 г., а в XI в. она создала свою собственную государственную структуру. Всего за несколько десятилетий кочевники прошли от Аральского моря до берегов Босфора и Дарданелл. Благодаря этим завоеваниям возник огромный Сельджукский султанат. Данная группа огузов, смешавшись с карлуками и другими тюркскими племенами, получила название 'туркмен' (Агаджанов, 1969. С.163-240; Golden, 1972. P.81).

Интересно проанализировать как и когда кыпчаки появились в пределах Восточной Европы. Д.А.Расовский писал, что кыпчаки овладели степями огузов вблизи Средней Азии в 1030 году (Расовский, 1936. С.177-

178). П.Голден считает исходной датой миграции кыпчаков 1030 г. (Голден, 2003. С.474). С.Г.Агаджанов утверждает, что переселение на запад тюркских племен кыпчакского объединения было спровоцировано киданьской экспансией, которая вынудила мигрировать кунов и кай (Агаджанов, 1969. С.154-158). Это переселение привело к волне миграций, которые продолжались всю вторую четверть XI в., и обусловили появление кыпчаков на восточных границах Руси в 1055 – 1061 гг. (Голден, 2003. С.473; Minorsky, 1942. P.29-30).

В.Спинеи считает 1055 год временем, когда кыпчаки появились на границах Руси, а 1061 г. - датой первой битвы с русами (Spinei, 2009. P.116). Д.Кристиан, в свою очередь, обозначил хронологические рамки этих событий – середина 50-х и начало 60-х годов XI в. (Christian, 1998. P.356). По мнению Д.А.Расовского, кыпчаки продвинулись к рубежам Руси в 1054 г. (Расовский, 1936. С.179-180). Относительно сведений древнерусских летописей, то только в Лаврентьевской летописи появление кыпчаков датировано 1054 г. (Лаврентьевская..., 1962. С.163). По данным других источников, они вышли на границы Руси в 1055 г. (НПЛ, 1950. С.182-183; Ипатьевская..., 1962. С.151). Первое нападение кыпчаков на Русь датировано 1061 г. Вождь, который победил Всеволода Ярославича, носил имя Искал (Сокол) (Лаврентьевская..., 1962. С.163; НПЛ, 1950. С.17; Ипатьевская..., 1962. С.152). Вероятнее всего, что его звали Сукал (Lăzărescu-Zobian, 1984. P.270-271). По нашему мнению, кыпчаки в начале 50-х годов XI в. должны были занять степи Днепровского Левобережья. На правобережье они могли появиться несколько позже. Первый поход кыпчаков против торков, которые жили вблизи Ростовца и Неятина, датирован 1071 г. (Kurats, 1972. S.78; Лаврентьевская..., 1962. С.174; НПЛ, 1950. С.191; Ипатьевская..., 1962. С.164). В таком случае, междуречье Днепра и Днестра было занято кыпчаками в 60-е годы XI в.

Первое достоверное упоминание о кыпчаках на Нижнем Дунае относится к последней четверти XI в. По сведениям Георгия Скилицы-Кедрина и Михаила Атталиота, Никифор Васибеки около 1078 г. нанял кыпчаков, для того чтобы захватить престол (Прицак, 2008. С.34; Spinei, 2009. P.116; Berend, 2001. P.69; Spinei, 1986. P.93; Yücel, 2002. P.636; Diaconu, 1970. P.110-111; Гърцки извори, 1965. С.192-194, 338-339; Гърцки извори, 1980. С.122). В 1088 г. кыпчаки были союзниками Татуша (правителя одного из подунайских городов) (Прицак, 2008. С.35; Kurat, 1937. S.169-175; Tryjarski, 1975. S.518; Diaconu, 1978. P.37; Curta, 2006. P.301; Yücel, 2002. P.638). В.Стоянов считает, что куманы начали занимать территорию современной Молдовы между 1068 и 1071 гг. (Stoyanow, 2002. P.681). Д.А.Расовский предположил, что куны, вышедшие на границы Венгрии в 1070 – 1071 гг., относились к кыпчакскому объединению (Расовский, 1936. С.181).

Однако пик печенежской активности на Балканах приходился на 70 – 80-е гг. XI в. "Кунов" 1070 – 1071 гг. логично отождествить с печенегами. Их движение в направлении территории Венгрии обусловила экспансия огузов, которые в 1064 – 1065 гг. атаковали Фракию (Spinei, 2009. С.115-116; Гърцки извори, 1965. С.175-179, 331-333; Гърцки звори, 1980. С.120-121). Давление огузов также предопределило переселение значительного количества печенегов. Автор Пожоньской хроники и Симон де Кеза считали, что местности до Бихара и провинцию Нир опустошили бессы (бешенье, печенеги). Авторы Будской и Дубницкой хроник, а также Януш Туроци, сообщали, что на Венгрию напали именно куны. Поход датирован 1070 г., он возглавлялся Озулом. Симон де Кеза называл его сервиентом князя кунов Дьюлы. Хронист сообщал, что Озул недооценил возможность вмешательства венгерских войск. Но венгры неожиданно напали и разбили печенегов в Чергаломской битве (Spinei, 2009. P.118; Joannis de Thwroc, 1766. S.142-144; Шушарин, 1997. С.327; Chronicon Pictum, 1883. S.171-173). Современные венгерские исследователи считали кочевников, которые участвовали в рейде,

огузами или печенегами. Это вполне соответствует логике, поскольку кыпчаки только в 1071 г. начали беспокоить набегами регион Поросья. К тому же, Анна Комнина сообщала, что кыпчаки кочевали далеко от владений печенегов на Балканах (Шушарин 1997. С.326; Комнина, 1965. Кн. 7, §5).

При описании событий, происходивших в Подунавье в 1072 г., упомянуты печенеги, которые пришли в Венгрию через Болгарский Белград (Нандорфехервар, Альба Булгария, современный Белград в Республике Сербия). На помощь их призвали ромеи и болгары. Печенеги форсировали реку Саву и вышли на поле Бузиаш. Но они были побеждены войсками бана Яна, а печенежский вождь Казар с немногими людьми едва спасся бегством (Шушарин, 1997. С.329). Печенеги под давлением огузов отступали во владения венгров и ромеев. Их отряды служили в войске Эндрэ I ⁵⁴ уже в 1052 г. Печенеги входили в состав войска короля Гезы и отражали вторжение немецких союзников экс-короля Шаломона ⁵⁵ в 1074 г. (Шушарин, 1997. С.329-330; Расовский, 2012-б. С.88).

По предположению некоторых ученых, в 1085 г. произошло нападение кочевников на земли Венгрии. В источнике имя их вождя названо *Ducem Cynogum*, то есть князь кунов. Привел кочевников с собой бывший король - Шаломон. Куны атаковали Венгрию в районе Унга и Боршавы. При помощи Кутеска Шаломон хотел вернуть себе утраченный престол. Если Шаломону действительно оказали поддержку кыпчаки, то удивительным выглядит факт того, что сразу после поражения Шаломон отступил в пределы Болгарии; где и был побежден войсками Алексея Комнина. В Болгарии в конце XI в. находились владения печенегов, но никак не кыпчаков (Joannis de Thwroc, 1766. S.161-163; Шушарин, 1997. С.327; *Chronicon Pictum*, 1883. S.194-196).

Только поход кунов 1091 г., который осуществил хан Копульх сын Крула (Кола), можно напрямую связать с кыпчаками. Последние опустошили

⁵⁴ Андраш I (1046–1060) из династии Арпадов (прим. *авт.*).

⁵⁵ Шаламон (1063–1074) и Геза I (1074-1077) – короли из династии Арпадов (прим. *авт.*).

Трансильванию и дошли до местности Бечей (Стари Бечей в Сербии на Тисе). Рядом с Копульхом упомянут Енфем. По сведениям Симона де Кезы, никто из кунов не спасся, кроме сервиента Есембу. В битве на Паганти погиб Копульх. Кыпчаки поклялись отомстить за смерть своего вождя, они требовали отпустить пленных кунов и осмеяли венгерского короля. Но Ласло⁵⁶ одержал победу над кыпчаками князя Акуша, и убил этого вождя в битве около Дуная (Шушарин, 1997. С.327-328; Spinei, 2009. P.121; Joannis de Thwroc, 1766. S.163-164; Chronicon Pictum, 1883. S.196-197).

По сведениям Анны Комниной, среди союзников Татуша были печенеги и кыпчаки (Комнина, 1965. Кн.7, §5). Причиной конфликта было то, что печенеги не отдали часть добычи кыпчакам. Печенеги же отказали кыпчакам из-за того, что те опоздали к месту боевых действий (Комнина, 1965. Кн.7, §5). Первое столкновение между печенегами и кыпчаками произошло в 1087 г. (Комнина, 1965. Кн.7, §5).

Появление кыпчаков в западной оконечности будущего Дешт-и-Кыпчака было достаточно поздним. Алексей Комнин, который был стеснен печенегами, призвал Боняка и Тугоркана (Маниака и Тогортака) оказать ему содействие в борьбе с врагом (Комнина, 1965. Кн.8, §4). Анна Комнина сообщала, что на помощь ромеями пришло 40 000 кыпчаков, что естественно является преувеличением; поскольку сама цифра может считаться шаблоном, обозначающим большое количество варваров. Она такая же приблизительная, как и "мириады погибших печенегов" (Комнина, 1965. Кн.8, §§4-6). Фактически, в 60-70-е годы XI века завершается завоевание кыпчаками восточноевропейских степей. Только придунайские земли были покорены в 1091 г., когда ромеи и кыпчаки победили печенегов в битве под Левунионом (Пріцак, 2008. С.35). События конца XI в. ознаменовали завершение кыпчакской экспансии на запад, и положили начало формирования новых политических образований в восточноевропейских

⁵⁶ Ласло I (1077–1095) из династии Арпадов (прим. авт.).

степях. На этой территории образовались особые этнические общности – "половцы" и "куманы", где огузы и печенеги играли роль субстрата, а кыпчаки – адстрата.

Кимаки и йемеки. Самыми известными и сильными тюркскими племенами в западноевразийских степях (после древних тюрков), следует считать именно кимаков и кыпчаков. Кимаковский каганат возник в областях к северу и северо-востоку от Средней Азии после 840 года. Происхождение кимаков до сих пор относится к разряду дискуссионных проблем истории. Абу-Хайан называл среди племен Дешт-и-Кыпчака йимек (емек) (Кумеков, 1990. С.118). Составитель Лаврентьевской летописи знал это племя как "Половцы Емякове" (Лаврентьевская..., 1962. С.389). Ад-Димашки и Абу-Хайан называли данный этнос *Yimek/Yemek* (Golden, 1997. P.121). Причем, *Yemäk/Yimek/Yemek*, скорее всего, были тюркскими формами этнонима 'кимак'. Возможны варианты – *Eymäk, Öymäk, Jumäk* (Golden, 2002. P.661-664; Golden, 1997. P.121).

Относительно этнической принадлежности кимаков ученые спорят до сих пор. В.Григорьев отождествлял кимаков персидских хроник с "кумо си" китайских источников (Кумеков, 1972. С.32; Ахинжанов, 1989. С.109-110). И.Маркварт считал 'йемек' производным от ики имак (Маркварт, 2002). Б.Е.Кумеков, Д.Г.Савинов, Л.Амби и Ю.С.Худяков связывают кимаков с тюркским племенем яньмо, кочевавшим в Прибалхашье (Кумеков, 1972. С.40; Худяков, 2004). С.Г.Кляшторный считает родиной кимаков Прииртышье (Кляшторный, Султанов, 2004. С.131). Б.Е.Кумеков относит кимаков к тюркским племенам, сформировавшимся на территории современного Казахстана (Кумеков, 1972. С.32-48, 113-129).

С.М.Ахинжанов отождествлял кимаков с племенем кай (кай). Наименование 'урани' он считал тюркским, а монгольской формой его названия – кай (Ахинжанов, 1989. С.124-136). Ю.А.Зуев предполагал, что этноним 'кумак' не тюркского происхождения (Кумеков, 1972. С.32-34). По

мнению П.Голдена, правящими племенами в Кимакском каганате были Tataran (Гардизи, 1973; Голден, 2004. С.121). В легенде о происхождении кимаков, которую зафиксировал Гардизи, есть указание на семь человек "татар". Этот хронист упоминал также о смерти правителя татар, и уособице между его сыновьями. Основателем кимакского государства он считал Шада-тутука (Гардизи, 1973; Кумекон, 1972. С.35-36).

Эти сведения фактически совпадают с данными китайского источника о народе сеяньто (Гардизи, 1973; Зуев, 2004). Предки кыпчаков – сиры/сеяньто в представлении Гардизи были татарами, поскольку происходили из "Татарской Степи" (Центральной Азии) (Гардизи, 1973). Эти сведения не только не облегчают, но еще больше запутывают решение кимакской проблемы. Но можно предполагать наличие некоторого монголоязычного компонента среди кыпчаков, поскольку в каганатах тюркютов, кок-тюрков и токуз-огузов присутствовали монголоязычные татары и кидани. Подданными этих государств были также татабы (кумо си) (Кляшторный, Султанов, 2004. С.130-131). По мнению П.Голдена, йемеки были выходцами из Юго-Западной Маньчжурии, то есть района происхождения ольберликов и байаутов (Golden, 2002. P.665-667). Э.Брэтшнэйдер локализовал территорию Камланджа около р.Толы, в ущельях Хингана (Ахинжанов, 1989. С.108). Мигрировать на запад кумо си могли во время образования империи Ляо в X в. По сведениям легенды о происхождении кимаков, они были родственниками татар (Гардизи, 1973; Кумекон, 1972. С.35-36). Символизировал кимаков тотемический символ – дракон, который был характерен и для кумо си (татабов) (Гардизи, 1973; Кумекон, 1972. С.35-36; Ахинжанов, 1989. С.105, 111).

Сведения письменных источников о кимаках противоречивы. Тамим б. Бахр упоминал, что это племя кочевало налево от токуз-огузов (Ахинжанов, 1989. С.100-101). Ибн ал-Факих размещал владения кимаков в 80 фарсах от

Тараза. Ибн Хурдадбех указывал, что столица кимаков находилась в 81 дне пути от Тараза (Ахинжанов, 1989. С.99, 101; Ибн Хордадбех, 1986. Гл.16).

Кимаков на Иртыше зафиксировали более поздние авторы – Гардизи, ал-Бируни и анонимный персидский географ (Ахинжанов, 1989. С.109, 112; Кумеков, 1972. С.35-36; *Hudud al-Alam*, 1937. Гл.18). О ставке Гуюка в местности Кумак упоминал Рашид ад-Дин. Эта область находилась в верхнем течении Иртыша, вблизи реки Эмиль (Прицак 2008. С.221). Кроме того, персидский хронист называет местом кочевий племени кумаут именно ту местность, где локализовал кимаков Тамим б. Бахр (Ахинжанов, 1989. С.108-109). Также есть данные, что вблизи владений токуз-огузов протекала девятая река Утикан, на которой проживал народ лун (змеи), известный также под названием 'кумук-атыкуз' (Ахинжанов, 1989. С.107; Golden, 2002. P.663).

Китайский посол Ван Яньде упоминал о народе дачун тайцзы ("великой змеи") вблизи от владений киданей и уйгуров. При этом, необходимо иметь в виду, что Ван Яньдэ описывал современные ему события X в., то есть – уже тогда уйгуры осели в Восточном Туркестане; а кидани во время своих походов подходили к Саянам. В таком случае, владения "племени змеи" могли находиться на Верхнем Иртыше (Ахинжанов, 1989. С.118-119).

Если обратить внимание на то, что кай не были упомянуты Махмудом ал-Кашгари в качестве синонима йемеков-кимаков, логично предположить, что кай были лишь племенем, которое прибыло на территорию Кимакского каганата; но они никак не относились к его основателям. Племя кай во время "Великого переселения" мигрировало на запад, потеснив кунов, а йемеки остались в Прииртышье (Minorsky, 1942. P.29-30; Тизенгаузен, 1941. С.14; *Tabakat-i Nasiri*, 1881. P.961, 1096-1097). Кунов, как и кай, могли принять в состав Кимакского каганата. Но Махмуд ал-Кашгари не знал о кунах, зато он упоминал о ябаку (Кляшторный, Султанов, 2004. С.136-138).

Логично предположить, что первыми в Прииртышье мигрировали именно кимаки, которые и стали основателями нового государства. По мнению Д.А.Расовского, кимаки являлись частью западных тюрков (Расовский, 1935. С.250-254). П.Голден считает кимаков монголоязычными (Golden, 1992. P.202). О.Прицак предполагал, что этноним Ики ими – производный от *Yeke Qaumi*, то есть "Великие Кай". По мнению исследователя, кимакам соответствует этноним Имак, а территорией их кочевания были степи между Иртышом и Уралом (Прицак, 2008. С.32).

В своем труде Гардизи сообщал о семи племенах кимацкого народа. Среди них были названы ими, имак, татар, байандур, хифджак, ланиказ, аджлад. В составе сеяньто было шесть тюркских племен (Golden, 2002. P.661; Zuev, 2004; Гардизи, 1973). Б.Е.Кумеков отождествляет 'ими' с племенем 'имур' у Махмуда ал-Кашгари, 'имир' у Абу-л-Гази, и 'эймюр' у Рашид ад-Дина (Кумеков, 1972. С.37-39). Ю.А.Зуев ставит знак равенства между 'ими' и 'имур'. А Б.Е.Кумеков видит здесь ошибку интерпретатора, и сопоставляет их с эймюр и туркменским племенем эмрэли (Кумеков, 1972. С.37-39; Zuev, 2004). Исследователи относят ими к огузским племенам. Байандур – были известны как одно из племен кимаков. Название племени упомянуто в формах *bland*, *byand*, *bayandur*. 'Ланиказ' П.Голден сопоставлял с племенем *nilkan* в составе джелаиров (Golden, 2002. P.661). 'Аджлад' американский ученый упоминал в форме *ijlad* (Golden, 2002. P.661).

Страну кыпчаков Мухаммед Катиб и Хаджи Халифа называли "Дешт-и-Кыпчак" ("Кыпчакская Степь"). О кыпчаках упоминали многие средневековые арабские авторы (Голден, 2003. С.459; Кумеков, 2004. С.70-71). Относительно места кочевий кыпчаков, логично сообщить сведения Махмуда ал-Кашгари о "ближних" и "дальних" кыпчаках (Насилов, 2009. С.290-292). В «Границах мира» упомянуто о провинции "внутренних" кыпчаков (*Hudud al-Alam*, 1937. Гл.18). Если были "внутренние", то должны были быть и "внешние" (*Hudud al-Alam*, 1937. Гл.18). Байхаки упоминал о

хефчатах на границах Хорезма (Голден, 2004. С.123). Логично предположить, что в XI в. "внутренние кыпчаки" заняли земли огузов рядом с Сырдарьей. Тогда, "внешние кыпчаки" кочевали вблизи "Земли Мрака", то есть в Западной Сибири (Гардизи, 1973; Hudud al-Alam, 1937. Гл.18). Кыпчак является тюркским экзоэтнонимом. Так токуз-огузы называли своих соседей – сиров (Кляшторный, 2003. С.312; Рашид ад-Дин, 1952. Т.1 Кн.1. С.84; Кононов 1958, С.43). Зоной расселения кыпчаков Д.Г.Савинов считает юг Западной Сибири в Обско-Иртышском междуречье. Население кимакских провинций "Андар аз-Хифчак" и "Йагсун-йасу" было тюркским (Кляшторный, Савинов, 2007. С.44-46; Hudud al-Alam, 1937. Гл.18. Комментарий).

Анонимный автор «Худуд ал-Алам» локализовал "Йагсун-Йасу" между Атилем и Иртышом (Hudud al-Alam, 1937. Гл.18. Комментарий). С.М.Ахинжанов предполагал, что в состав этой области входил водораздел Иртыша и Верхней Оби, и степи Западной Сибири. На западе ее границей были владения кыпчаков, а на востоке она соприкасалась с территориями енисейских кыргызов. Возможно, что географ, упоминая о реке Атил, на самом деле имел в виду Асус (Ишим) (Ахинжанов, 1989. С.163; Hudud al-Alam, 1937. Гл.18. Комментарий). Провинция "Кыркырман" находилась на границе с кыргызами. В.Ф.Минорский ассоциировал ее с местностью Каркаралы (Hudud al-Alam, 1937. Гл.18. Комментарий). Б.Е.Кумекон считал Кыркырман горами Гиргир у ал-Идриси. Гиргир можно отождествлять не только с Тарбагатаем, но и с Чингис-тау и Караколинскими горами (Ахинжанов, 1989. С.163; Кумекон, 2006-а. С.468). По мнению С.М.Ахинжанова, в состав "Андар аз-Хифчак" входили бассейны рек Сарысу, Кара-Кенгира и Сары-Кенгира. Локализация других провинций нам не известна. Кыпчаков же можно помещать вблизи Урала, рядом с народами Западной Сибири (Hudud al-Alam, 1937. Гл.18. Комментарий; Ахинжанов, 1989. С.160-161).

Переселения открыли для кыпчакских племен значительные перспективы. Это привело к тому, что степи огузов стали называться "Степью Кыпчаков". По мнению Б.Е.Кумекова, во второй половине XI в. кыпчаки закрепились на Мангизтау (Мангышлаке) и Устюрте и доминировали над огузскими племенами кечатов и чаграков (Кумеков, 2006-б. С.472). На карте ал-Идриси территория между Каспийским и Аральским морями названа "страной кыпчаков" (Кумеков, 2006-б. С.472-473). Ал-Мустауфи локализовал кыпчаков между черкесами и Булгаром. Закарийа ал-Казвини размещал их владения восточнее русов (Кумеков, 2006-б. С.473).

Формирование кыпчакских конфедераций было сложным процессом. Они включили в свой состав шары, йемеков, кун и кай. Были и другие племена. Байхаки называл соседями Мавераннахра и Хорезма хефчатов (кыпчаков), кучетов и чуграков⁵⁷ (Голден, 2004. С.123). Кучеты и чуграки присутствовали в войске хорезмшаха Алтунташа (Голден, 2003. С.473). П.Голден считает, что этноним *Şağraq* (*Şağraq*, *Şagrāt*, *Şoğraq*, *Şogrāt*, *Şoqrāt*) упоминается только у Байхаки, а его другими формами могут быть *jgrāt*, *jgrāq*. Название племени можно возводить к тюркскому *Şogrāt* (Golden, 1997. С.111). Вместе с чуграками традиционно упоминаются кучеты. Этот этноним указан в разных формах. Махмуд ал-Кашгари упоминал о них как о *küçet* (*kjt*). У Байхаки они названы *küçät* (*kjât*). Фахр ад-дин Мубаракшах называл это племя *altı küçät* ('*lty kjât*). П.Голден считает, что кучеты вошли в состав конфедерации канглов (Golden, 1997. P.114-115).

При исследовании миграций кыпчаков необходимо обозначить локализацию владений племен кай и кун. Ал-Бируни размещал их в шестом климате. Но на момент переселений кыпчаков, они наверняка жили куда ближе к рубежам Мавераннахра (Кумеков, 1972. С.124). По данным ал-Идриси, самый северный город кимаков назывался Кани. Он должен был

⁵⁷ тюркское племя чограк.

быть центром провинции, которая граничила с енисейскими кыргызами (Кумеков, 1972. С.127-128). На границе с кыргызами Ауфи локализовал кимаков и кай. По его данным, кани (кай) жили севернее кыргызов (Маркварт, 2002; Голден, 2003. С.461). Б.Е.Кумеков предположил, что топоним 'кани' мог обозначать кай (Маркварт, 2002; Кумеков, 1972. С.127-128). Махмуд ал-Кашгари локализовал племя кай на реке Ямар (Кумеков, 1972. С.125). В таком случае, именно племени кай принадлежал город Кани на границе с енисейскими кыргызами (Кумеков, 1972. С.127-128).

Современные российские исследователи считают, что в начале II тысячелетия н.э., в следствие переселения части племен из степей Казахстана, в Среднем Приобье складывается басандайская археологическая культура (Худяков, 2006. С.490). Памятники кыпчаков в Кузнецкой котловине найдены в могильниках Бекови и Шандра, которые находятся в долине реки Бачат. Похожие памятники найдены в могильнике Торопово в долине реки Касьма. Это некрополи из 10-20 курганов, представляющих собой земляные насыпи с элементами прямоугольного планирования. Ориентация погребенных: головами на северо-восток, могилы же были одинарными, с деревянным перекрытием и с захоронением коня. Схожий предметный инвентарь типичен как для кыпчаков, так и для кимаков (Худяков, 2006. С.488). По предположению Ю.С.Худякова, в XI – XIII вв. следствием упадка кыргызского государства стало переселение в Кузнецкую котловину кыпчакского и иного тюркского населения с территории степного Алтая. Автохтонные самодийские группы края к тому времени были уже тюркизированы (Худяков, 2006. С.486-488). Для культур лесостепной полосы Западной Сибири характерно соединение угро-самодийских и тюркских черт. Группы тюркских кочевников инфильтрировались в среду угров и самодийцев и, очевидно, занимали там доминирующее положение. Тюрки, по всей видимости, мигрировали в Западную Сибирь с территории Алтая и из региона Среднего Прииртышья (Худяков, 2006. С.491). На территории

Новосибирского Притомья находят курганы с земляными насыпями, имеющие прямоугольные ровики, похожие на обнаруженные в Кузнецкой котловине. На памятнике Березовый остров найдено захоронение, где рядом с человеком захоронена лошадь. Схожие черты имели могильники Седова Заимка и Осинкинский (Худяков, 2006. С.488-490).

Население басандайской культуры включало сразу несколько этнических компонентов. Условно их назвали "верхнеобским", "сросткинским" и "осинкинским" (Савинов, Новиков, Росляков, 2008. С.36). Сросткинцы были кимаками, расселившимися по всей лесостепи, от Южного Урала до Алтая (Кляшторный, Савинов, 2005. С.276-302). Археологи с кимаками связывают своеобразные "мавзолеи" из камня и дерна (Худяков, 2004). Возможно, часть этих кочевников уже приняла ислам, сохранив при этом множество черт традиционной обрядности. В это время ислам в Сибири имел синкретический характер, и не сумел полностью вытеснить пережитки традиционных ритуалов (Белич, 2009. С.24-25).

Еще одним этническим компонентом в составе басандайской археологической культуры были "осинкинцы". Под их контролем находились участки р.Обь (Худяков, 2006. С.488-490). Именно кай занимали господствующую позицию среди носителей басандайской культуры. Картографический материал ал-Бируни, Махмуда ал-Кашгари и Йакута ⁵⁸ дает основание утверждать, что рядом с Обью некоторое время жили кай (Кумекоев, 1972. С.125; Худяков, 2006. С.488-490; Minorsky, 1942. P.96-97).

Экспансия кай в пределы кочевий соседних племен была настолько мощной, что они вынудили мигрировать на запад союзных кимакам кунов (ябаку). Куны, в свою очередь, вторгнулись в земли соседей - племени шары (Minorsky, 1942. P.29-30). Вопрос этнического происхождения кунов очень

⁵⁸ он же – Якут Ибн Абдаллах ар-Руми ("Византиец") аль-Хамави Абу Абдаллах Шихаб-ад-Дин (между 1178 и 1180–1229).

запутан (Голден, 2003. С.461, прим.25, 463, прим.35, 37, 465). Ал-Марвази сообщал, что куны пришли из земель киданей и боялись китайского (киданьского) хана (Голден, 2003. С.461, прим.21, 25; Minorsky, 1942. P.29-30). И.Маркварт считал кунов монголоязычным племенем, а О.Прицак их относил к кимакам (Прицак, 2008. С.29; Маркварт, 2002).

Ал-Марвази сообщал, что шары возглавлялись басмылами (Голден, 2003. С.461). П.Голден считает, что происхождение шары могло быть связано с "желтыми уйгурами" (Голден, 2003. С.465-466). С.Г.Кляшторный предполагает тождество этнонимов шары и басмыл (Кляшторный, Султанов, 2004. С.138). Преследуемые племенами кай и кун, шары атаковали печенегов и узов. Маттеос Урхаэци знал шары как хартеш (хардеш), а кай - как племя отц (змей) (Голден, 2003. С.460-462).

Относительно соотношения понятий 'половец' и 'куман' в специальной литературе существует несколько гипотез. Большинство ученых используют эти этнонимы как синонимы. Но являются ли этнонимы куманы, половцы, кыпчаки синонимами, и как их можно идентифицировать? О.Прицак утверждал, что 'куманы' – это этноним, характерный для обозначения кыпчаков в латиноязычных и греческих источниках; а 'половцы' – в древнерусских летописях (Прицак, 2008. С.214-215). С.Г.Кляшторный отождествляет 'кунов' ал-Марвази с 'ябаку' Махмуда ал-Кашгари, племенем 'хунь' китайских источников и 'племенем змей' Маттеоса Урхаэци. Летописные половцы – это соответственно 'шары' у ал-Марвази, 'басмылы' у Махмуда ал-Кашгари, 'басими' или 'туцзюе-шэли' китайских хроник (Кляшторный, Султанов, 2004. С.138). Исследователь утверждает, что это близкие народы, но не тождественные между собой. Этнос йемеков, по нашему мнению, со временем стал составной частью кыпчаков (Golden, 1986. P.23; Тизенгаузен, 1941. С.14).

Племена восточной части Дешт-и-Кыпчак. По данным Ад-Димашки, в восточной части Дешт-и-Кыпчака кочевали так называемые хорезмийские

кыпчаки: бергу (баргу), токсапа (токсоба), итапа (ит-оба), иль-арс (ал-арс), бурдж-оглу, минчур-оглу (манкур-оглу), йимак, барат. Часть этнонимов конфедерации восточных кыпчаков была схожа с этническими наименованиями восточноевропейских кыпчаков. Относительно йимаков (йемеков) Ад-Димашки сообщал, что они уже стали хорезмийцами. То есть, они приняли ислам и активно взаимодействовали (ассимилировались) с населением Хорезма. О племенах таг, манкуроглы, иль-арс, баргу, бузанку почти не упоминают другие арабские хронисты. Б.Е.Кумеков предполагает, что бергу (баргу) – это племя эль борилу (олбори) (Маркварт, 2002; Кумеков, 1990. С.120; Кумеков, 1993).

Относительно идентификации этнонима 'ольберлик' с каким-то из кыпчакских вожеств, среди ученых единого мнения нет. О.Прицак считает их правящим племенем в Донецкой конфедерации половецких племен (Прицак, 2008. С.43). П.Голден считает, что ольберлик были монголоязычным племенем, и одним из наиболее влиятельных кланов в Дешт-и-Кыпчаке (Голден, 2003. С.477). Американский исследователь отождествляет с ольберликами племя 'отперлюеве', которое упомянуто в Галицко-волынской летописи (Golden, 1979/1980. P.300, N.27). Мубаракшах и Рашид ад-Дин называли это племя 'ольберлик' (ölberlig, ölberlik, al-barlyk) (Тизенгаузен, 1941. С.35; Golden, 1986. P.13). У ал-Джужджани использовалась форма ölberi. Абу-Хайан упоминал этот этноним в виде ölberli. Похожая форма названия была у Ибн Халдуна и Ан-Нувайри. У Ад-Димашки этот этноним упомянут в форме ölberlü (Golden, 1986. P.13-14). Низам ад-дин Шами сообщал о племени иил-бори (ель-бори) (Кумеков, 1993). В XII веке в состав восточных кыпчаков вошло монголоязычное племя, мигрировавшее из Маньчжурии в пределы Дешт-и-Кыпчака (Маркварт; Golden, 1986. P.23).

Б.Е.Кумеков считает, что в восточной части Дешт-и-Кыпчака доминировало племя эль-бори (эль-борилу, ильбари) (Кумеков, 1990. С.119, 127). Клан ильбари упоминался как покоренный монголами народ. П.Голден

предполагал, что кочевья ольберликов находились между Северским Донцом и Хорезмом, то есть Волго-Уральском регионе (Тизенгаузен, 1941. С.15, 35; Golden, 1997. P.117). Во время монгольского завоевания множество восточных кыпчаков влилось в войско чингисидов, а их знать вошла в состав монгольской элиты. Эти аристократы были связаны с монголами через клан 'байаут' (Golden, 1986. P.23). В иерархии племен байауты наверняка были ниже ольберликов, но как хатунское племя оно считалось привилегированным, подобно кунгратам в Улусе Джучи. В «Юань-ши» упоминается несколько представителей данного клана. Это были Qasi-Bayaut (Ha-shih Pai-yao) и Ay Bayaut (Ai Po-Yao) (Golden, 2000. P.30; Golden, 1997. P.110). Клан байаут был известен китайцам и под другими названиями – Pai-yao-wou, Pai-ya-wou-t'a, Pai-ya-wou-ta, Pai-yao-ta, Pai-yao-tai, Pai-yao-wou-tchen, Pai-yao (Golden, 1986. P.23; Pelliot, Hambis, 1951. P.111-112). Ан-Насави и Ибн Халдун писали, что Теркен-хатун происходила из племени байаут. Это племя ан-Насави причислял к йемекам. Джувейни относил Теркен-хатун к канглам (Golden, 1986. P.23).

До монгольского завоевания ставка правящей династии восточных кыпчаков находилась вблизи Юйлиболи-шань (Кычанов, 1965; Pelliot, Hambis, 1951. С.97-98, 103-107). Среди ее лидеров были названы Цюйчу (Кунан або Кючю), Сомона и Инасы (Кычанов, 1965; Прицак, 2008. С.39; Pelliot, Hambis, 1951. P.97-98, 102-107; Маркварт, 2002). И.Маркварт и С.М.Ахинжанов считали, что горы Юйлиболи-шань находились в регионе Южного Приуралья (Ахинжанов, 1989. С.89, 198-199, 201, 282-283; Маркварт, 2002). О.Прицак утверждал, что Юйлиболи-шань – это горы Барлык вблизи от оз.Алакуль (Прицак, 2008. С.39). П.Пелльо считал, что горы Юйли-боли получили название от племени ильбари (Pelliot, Hambis, 1951. P.103-104, 107-108). Б.Е.Кумекон предполагает, что бергу (баргу) – это племя ильбари (Кумекон, 1990. С.120). Похожую точку зрения высказал и И.Маркварт (Маркварт, 2002). В.Г.Тизенгаузен и Н.А.Аристов для

обозначения данного этнонима использовали формы 'бурлы' и 'эльбулы', а К.д'Оссон – 'олберли' (Pelliot, Hambis, 1951. P.108).

Только у Джузджани можно обнаружить информацию о ханах ильбари. В «Табакат-и Насири» упоминается Улуг-Хан Аджам – делийский султан, происходящий из восточных кыпчаков (Tabakat-i Nasiri, 1881. P.791-796, 961, 1294; Pelliot, Hambis, 1951. P.107). Влияние ильбари было настолько значительным, что Хулагу в письме Людовику X Святому упоминал о победе монголов над ольперитами (Кляшторный, Творогов; Golden, 1986. P.13).

Тесные связи ильбари с Центральной Азией не могут быть оспорены. Но как тогда воспринимать сведения славянских летописцев об отперлюеве (ильбари) в Восточной Европе? Рашид ад-Дин и Джувеини считали, что Бачман из племени ольберлик кочевал в степях вдоль р.Волги (Тизенгаузен, 1941. С.24, 35-36). В 1152 году Юрий Долгорукий пользовался помощью Отперлюеве и Токсобичей в противостоянии с великим князем Изяславом (Ипатьевская..., 1962. С.455; Golden, 1979/1980. P.300). Можно предположить, что йемеки и ильбари также кочевали в степях Поволжья и Приуралья. Монгольский компонент несомненно сыграл заметную роль в кыпчакском этногенезе. Более детально эта проблема была разработана И.Марквартом (Маркварт, 2002), О.Прицаком (Прицак, 2008. С.29, 39), С.М.Ахинжановим (Ахинжанов, 1989. С.110-115) и А.В.Шабашовым (Шабашов, 2008. С.610-629). Джузджани упоминал среди покоренных народов 'ильбари' отдельно от кыпчаков и йемеков, т.е. выделял их из среды тюрок Средней Азии (Тизенгаузен, 1941. С.15).

Относительно 'бузанку' необходимо отметить, что этот этноним не использовался более ранними восточными хронистами (Маркварт, 2002). Племя бузанку у Ад-Димашки упомянуто как B.zanki или B.zangi (Golden, 1997. P.110-111). Одним из наиболее интересных вопросов является идентификация племени барат (Маркварт, 2002). Ад-Димашки указывал его в форме словосочетания "brt". У Ахсикенди это племя названо bwrt (borat,

böret). Данный этноним можно еще читать как barat, beret, burat, böret, бүрүт. П.Голден считал возможным прочтение его как baraq, buraq, boraq. Американский исследователь считает это племя одним из подразделений канглов (Golden, 1997. P.109). По гипотезе Б.Е.Кумекова, brt соотносится с этнонимом 'дурут' (Кумеков, 1990. С.122; Кумеков, 1993).

Одним из самих могущественных племен Дешт-и-Кыпчака было племя канглы. Основные их кочевья находились в Приаралье (Рубрук, 1957. С.118-122). Джiovанни де Плано Карпини и Ц.де Бридиа знали их как кангитов (Карпини, 1957. С.72; Христианский мир, 2002. С.111). Махмуд ал-Кашгари упоминал, что один благородный муж из кыпчаков носил имя Канглы (Абдуманатов, 2006. С.13; Кадырбаев, 2004. С.25). Сайф ад-дин Кангар назван среди египетских мамлюков (Кумеков, 1993). Автор «Сокровенного сказания монголов» сообщал, что завоевателям противостояли канлины (Сокровенное сказание, 2002. С.94, 141, 146). Ссылаясь на Рукн ад-дина Бейбарса, Ан-Нувайри называл канглов 'кангуогли' (кангароглы) (Тизенгаузен, 1884, С.541). Ибн Халдун применял форму 'каннаралы' (Тизенгаузен, 1884, С.541).

Один из вождей канглы был правителем Майафарикина (Gökbel, 2002. P.651). Под названием 'хангакиши' они были известны ал-Идриси (Абдуманатов, 2006. С.11). Рашид ад-Дин называл канглов 'канлы' (Рашид ад-Дин. 1952, Т.1. Кн.1. С.84). В «Цзю Тан шу» кангары упомянуты как 'кан-хэ-ли' (Абдуманатов, 2006. С.10). В Венгрии зафиксирован топоним Kongrlu rétje (луг Конгрлу) вблизи Карцага. По предположению И.Баски, Kongrlu производное от кыпчакского Qongur-ulu, и его можно сопоставить с Qangur-oglu или Qangar-ogli. Это племя допустимо отождествлять с 'канглами' восточных источников (Baski, 2006. P.53). П.Голден считает Qongur-ogli племенем отдельным от канглов (Golden, 1997. P.115-116). С канглами он связывает этноним qmngu. Этот же термин зафиксирован у Ад-Димашки. П.Голден считает, что этноним имеет или форму Qumanlu (Quman) или

Qanqlu (Golden, 1997. P.115). Многие исследователи связывают кангу-оглы с 'канлы', то есть канглами. К.д'Оссон предложил и другие варианты прочтения этнонима. Форму 'канааралы' использовали В.Г.Тизенгаузен и С.М.Ахинжанов (Кумеков, 1993).

Отдельно нужно сказать о восточно-туркестанских канглы. Они, как и карлуки, были подданными Караханидов, но в XII в. восстали против них. Канглы поддержали Елюя Даши, когда тот атаковал Восточный Туркестан и Жетысу (Ахинжанов, 1989. С.234). Следует заметить, что канглы активно контактировали с соседними племенами. В 1205 г. восточно-туркестанские канглы укрыли у себя меркитских беженцев (Сокровенное сказание, 2002. С.94-97). Китайский хронист сообщал, что в войске керейтов воевал Хайланьбо (Кайранбай) (Кадырбаев, 2004. С.23; Golden, 2000. P.28-29). Кайран-бай был дедом кангла Бухуму (Pu-hi-mu), который служил империи Юань (Golden, 2000. P.29; Кадырбаев, 2004. С.23).

Восточные кыпчаки включали в себя племя урани, о котором говорили Фахр ад-дин Мубаракшах и Рашид ад-Дин. П.Голден приводит два варианта названия этого племени – Uran и Ören (Golden, 1997. P.117-118). Среди восточных кыпчаков также упоминалось племя йугур (Yuğur, Uyğur). Его называли Баха ад-Дин ал-Багдади и Ахсикенди (Golden, 1997. P.121).

У Ибн Халдуна названо также племя джерсан. Ан-Нувайри знал его как 'джужнан'. Ибн Дукмак называл этноним 'джортан' (Тизенгаузен, 1884. С.541; Golden, 1997. P.112). Б.Е.Кумеков приводит и иные формы. У Ан-Нувайри использован термин 'джзиан', у Ибн Халдуна – 'джарсан', у Ибн Дукмака – 'джуртан'. В научной литературе еще встречаются формы 'джужнан', 'джерсан', 'джезнан', 'джерсак' (Кумеков, 1993). Фахр ад-дин Мубаракшах и Ад-Димашки знали его как племя Ozur-Şortan. Б.Е.Кумеков утверждает, что этим этнонимом соответствует племя джортан (щортан). Существовали еще формы 'чуртан' и 'шортан' (Тизенгаузен, 1884. С.541; Кумеков, 1993; Golden, 1997. С.112). Б.Е.Кумеков считает данную этническую группу куманской

(Кумеков, 1993; Kumekov, 1993; Маркварт, 2002). Для большинства современных венгерских ученых (А.Палоци-Хорват, И.Зимони) характерно употребление формы 'чертан'. П.Голден считал возможными формами этого этнонима Chortan или Chertan (Zimonyi, 2007; Paloczi-Horvath, 1989. P.57; Golden, 1997. P.112).

Из племени чертан происходил правитель кыпчаков Сейхан (Paloczi-Horvath, 1989. P.52-53, 77-78). Топонимы с этническим наименованием 'чертан' зафиксированы в Татарстане и Башкортостане. Приток реки Большой Узень назывался Čertanla, а татарское поселение с названием Čertanla известно в Саратовской области (Baski, 2006. P.45). Логично допустить, что до монгольского завоевания это племя кочевало вблизи границ Волжской Булгарии. В пользу подобного предположения говорит тот факт, что о нем не знали славянские летописи, но оно зафиксировано арабскими хронистами. По логике вещей, кочевья этого племени могли находиться на территории Саратовской и Самарской областей Российской Федерации.

Саксин. Историю Саксина следует рассмотреть отдельно. По мнению О.Б.Бубенка, огузы в середине X в. появились в Подонье и на Северном Кавказе. Г.С.Федоров предполагает, что после падения Итиля и Семендера огузы пришли на территорию сулакско-терского междуречья. Огузы проникли до северо-восточных предгорьев Кавказа, и потеснили здесь алано-булгарское население (Бубенок, 2008. С.63; Федоров, 1978. С.217-225, 240-244). По предположению Е.В.Круглова, до середины X века огузов и хазар объединял антипеченежский альянс. Хазары не строили на границах с огузами фортификации и позволяли им кочевать на правом берегу Волги (Круглов, 2003. С.27-29, 49-58). Джуаншер Джуаншерияни зафиксировал отступление "пачаников" (печенегов) на запад под давлением "турков". Этот этноним обозначал огузов-торков (Джуаншер Джуаншерияни, 1986. Ч.I). Огузы принудили часть печенегов признать власть хазар, и эта группа кочевников получила название "хазарские печенеги". В Саркеле находился

огузо-печенежский гарнизон (Артамонов, 2001. С.414-419, 423-424; Иванов, Гарустович, 2001. С.113; Hudud al-Alam, 1937. Гл.47. Комментарии).

Во времена Святослава огузы стали врагами хазар и переориентировались на Русь. Ибн Хаукаль сообщал, что русы опустошили Булгар, Хазаран, Итиль, Семендер, но Ибн Мисхавейх указывал, что перед тем как принять ислам, хазары были атакованы тюрками. Ал-Мукаддаси упоминал, что русы напали на Хазарию, когда ее уже "освободили" хорезмийцы. Ибн ал-Асир сообщал о нападении тюрков на хазар (Артамонов, 2001. С.589; Калинина, 1976; Агаджанов, 1969. С.149-150; Новосельцев, 1990. С.222). Летописец Нестор не сообщал о продвижении русов на восток от Саркела. Победа над касогами (черкесами) и ясами (донскими аланами) могла произойти вблизи Самкерца (Тмутаракани) и "Белой Вежи" (Саркела) (ПВЛ, <http://old-russian.chat.ru/02povest.htm>; Білецький, 2008. С.23-30; Калинина, 1976; Hudud al-Alam, 1937. Гл.50. Примечания).

Во время правления князя Владимира, огузы выступали как союзники русов против волжских булгар. Яков Мних писал, что Владимир осуществил поход на хазар и обложил их данью. То есть, походы Святослава не привели к падению Хазарского каганата, а лишь изрядно ослабили его. На Нижней Волге, тем временем, усилилось мусульманское влияние. По сведениям Ибн Мисхавейха и Ибн ал-Асира, тюрков (огузов) принудили отступить мусульмане. Хазары в знак благодарности были вынуждены принять ислам. Эта информация есть также у Ад-Димашки. По его сведениям, мусульманское войско из Хорасана победило тюрков. Ал-Мукаддаси сообщал о помощи хазарам правителя Джурджании (Хорезма) (Артамонов, 2001. С.589, 594-595; Новосельцев, 1990. С.222).

Если бы хазары были окончательно разгромлены Святославом, то какой смысл имел бы поход Владимира? Интересно, что именно при Владимире русы сделали попытку утвердить свое влияние на Волге, но столкнулись с противодействием волжских булгар. Русы взяли под свой контроль Саркел и

Самкерц, но не смогли утвердиться на Волге, даже невзирая на помощь со стороны огузов. Первые столкновения русов с тюрками-огузами произошли только в 50-х гг. XI в. Давление со стороны кыпчаков вынудило огузов более активно нападать на печенегов и хазар. Мюнеджимбаши сообщал, что в 1064 г. к Кахтану прибыли беженцы из страны хазар (Артамонов, 2001. С.594-595; Новосельцев, 1990. С.231-232). А.П.Новосельцев предположил, что хазарская держава существовала и после вторжения русов и торков (Новосельцев, 1990. С.227). Правда, Хазарское государство в эту эпоху уже стало вассалом хорезмийцев (Артамонов, 2001. С.591-592). Владения хазар на Северном Кавказе были ими потеряны; а большинство поселений прекратили свое существование. Под давлением огузов множество аланов и болгар отступило к Кавказским горам (Федоров, 1978. С.217-221, 240-244).

Хазары смогли удержать только дельту Волги и район Нижнего Поволжья. Этот регион позже получил название Саксин. Н.Гареева интерпретирует название города Сар'с или Сар'ш.н, как Саксин (Ибн Русте, 2006-б, С.701, прим.213; Марвази, 2006. С.708, прим.237). В.Ф.Минорский считал, что город имел название Сар'ш.н и соответствовал загадочному Саксину. Он предлагал два варианта этимологии названия. Один из них: Sarichin – Желтый остров; второй – Sari-sin (Желтая могила). В.Ф.Минорский допускал, что тюркское Sarigh (желтый) соответствует арабскому al-Bayda (белый). Сарашен (Сарыгшин), по его мнению, должен быть одной из частей Итиля (Hudud al-Alam, 1937. Гл.50. Комментарии). Б.Н.Заходер считал, что Сарг'ш тождествен Саркелу (Заходер, 1962. С.192). По предположению Ф.Вестберга, Саксин аналогичен Итилю. И.Маркварт трактовал проблему точно также. А.Кестлер предположил, что Итиль, Саксин и Сарай – это один и тот же город (Кестлер, 2001. Примечания ред. Прим.117).

Главным городом хазар был Сар'ш.н. Также в Нижнем Поволжье упоминался город Х.н.б.л (Ханбалык). Тахир ал-Марвази называл Сар'ш.н Сар'сом и упоминал о Х.н.б.л. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль сообщали о Итиле

и Хазаране. В анонимном арабском географическом трактате упомянуты Баланджар и ал-Байда (Хан-Балык) (Ибн Русте, 2006. С.701; Марвази, 2006. С.708; Ал-Истахри – Ибн Хаукаль, 2006. С.747; Китаб акам ал-марджан, 2006. С.762). В конце XI в. Махмуд ал-Кашгари впервые упомянул о городе Саксин. На своей карте он разместил его вблизи владений кыпчаков и волжских болгар (Кумеков, 2006. С.473). Абу Хамид ал-Гарнати лично посетил Саджсин. По его сведениям, от Саджсина до Булгара было сорок дней пути (Гарнати, 1971). Наджиб Хамадани и Ахмад ат-Туси называли этот регион Саксином (Федоров-Давыдов, 1969; Pelliot, 1949. P.165-173).

По сведениям Ибн Исфендийара Саксин поддерживал торговлю с Амолем⁵⁹ на Амударье (Кестлер, 2001. Примечания ред. Прим.117). Ахмад ат-Туси сообщал, что Саксин расположен вблизи реки Итиль. Закарийа ал-Казвини считал, что Саксин находился на расстоянии 40 дней пути от Булгара. Йакут поместил этот город вблизи от Табаристанского (Каспийского) моря. По сведениям Абу-л-Фиды координаты Саксина: 67° долготы и 53° широты. Были также и другие данные. Абу-л-Фида, ссылаясь на «Китаб ал-Атвал», локализовал Саксин значительно восточнее. Его координаты: 162°30' долготы и 40°50' широты (Федоров-Давыдов, 1969. С.254-255).

Координаты Абу-л-Фиды из сочинения Ибн Саида, связывают Саксин с Суваром. По данным Насира ад-дина Туси и Хамдаллаха Казвини, координаты Саксина: 86°30' долготы и 43° широты. Саксин находился значительно южнее Булгара и немного южнее Итиля. Сведения Хамдаллаха Казвини путанные. Он сообщает, что Саксин и Булгар малые города в шестом климате и что они в 32° от Мекки. Г.А.Федоров-Давыдов считал более правдоподобной локализацию ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини

⁵⁹ Амоль в Туркменистане (от него происходит гидроним Амударья – 'река Аму') (прим. авт.).

(Федоров-Давыдов, 1969. С.256). У Вассафа Саксин обозначал территорию, а не этнос. Саксин – это не народ и не племя, а политическая и территориальная общность (Федоров-Давыдов, 1969. С.259-261).

Е.В.Круглов характеризует население прикаспийских степей как торческо-печенежское (Круглов, 2003. С.16-21, 56-58). На Нижней Волге огузы вошли в состав нового территориального объединения – Саксина. Из сведений ал-Гарнати известно, что в Саджсине существовали кварталы волжских болгар. Важно, что Саксин интересовал Ануштегинидов и йемеков, которые делали попытки овладеть им, но саксины сумели сохранить самостоятельность вплоть до эпохи монгольских завоеваний (Гарнати, 1971; Агаджанов, 1969. С.162).

Конец истории Саксина, как самостоятельного политического образования наступил во второй четверти XIII в., когда он был завоеван монголами. Юлиан сообщал, что монголы покорили царство Сасция. Его исследователи сопоставляют с Саксином (Аннинский, 1940. С.85). Автор Лаврентьевской летописи сообщал, что в 1229 г. у волжских болгар искали защиты саксины и половцы (Лаврентьевская..., 1962. С.453). Как отмечал монгольский анонимный летописец, Субэдэй встречал сопротивление со стороны народов Восточной Европы, среди которых был упомянут народ сесут (Сокровенное сказание, 2002. С.146, 148). Рашид ад-Дин сообщал, что Угедей направил войско против саксинов и болгар (Рашид ад-Дин, 1960. С.20-21). Некоторые хронисты приписывали успехи Бату-хана Чингисхану. Вассаф, Хамдаллах Казвини и анонимный автор сообщали, что земли Булгара и Саксина Чингисхан отдал во владение своему старшему сыну Туши (Джучи). При этом Саксин упомянут отдельно от Дешт-и-Кыпчака (Тизенгаузен, 1941. С.80, 91, 204).

По мнению Д.В.Васильева, керамика, которую исследователи привычно интерпретируют как печенежско-огузскую, принадлежала потомкам населения среднеазиатской джетысарской культуры, которые входили в

состав как печенегов, так и огузов. Это население могло переселиться в Волжскую дельту вместе с огузами. Среди населения городищ Самосдельского и Мошаик, кроме огузского присутствовал и болгарский компонент (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003. С.106-107, 111-112, 117-118).

Пребывая в Саксине, ал-Гарнати отметил, что в городе жили хазары, огузы, болгары и сувары (Гарнати, 1971). Саксин поддерживал тесные взаимоотношения с Волжской Булгарией в экономической и духовной сферах. Ал-Гарнати причислял население Саксина к мусульманам, что частично совпадает с описанием Суммеркента у Вильгельма Рубрука; который кроме алан-христиан в этом городе упоминал мусульман (Рубрук, 1957. С.185; Гарнати, 1971). Еще в хазарскую эпоху часть населения столицы Хазарии исповедовала ислам. К примеру, к ним относились гвардейцы аларсийа (Голб, Прицак, 2003. С.167-169). Сарацинами Вильгельма Рубрука были волжские болгары, сувары, хазары и огузы (Рубрук, 1957. С.185; Гарнати, 1971). Ал-Гарнати отмечал, что каждая из этнических групп населения Саксина имела свой квартал и мечеть (Гарнати, 1971).

Абу Хамид ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини сообщали, что в Саксине жило несколько десятков родов огузов (Федоров-Давыдов, 1969. С.254; Гарнати, 1971). Среди его населения также упомянуты хазары, сувары и волжские болгары (Федоров-Давыдов, 1969. С.254; Göckenjan, 1985. S.114-115). Ф.Вестберг считал, что население города составляли исключительно хазары. И.Маркварт же пришел к мнению, что Саксин был полиэтничным городом (Кестлер, 2011. Примечания ред. Прим.117; Маркварт, 2002). Х.Гекеньян сообщал, что в Саксине жили огузы (Göckenjan, Sweeney, 1985. S.115, N.17). Схожую трактовку предложил С.Г.Агаджанов (Агаджанов, 1969. С.161-162). Среди исследователей распространено предположение о том, что Саксин входил в состав Дешт-и-Кыпчака. Г.А.Федоров-Давыдов считал, что под названием "саксины" упоминались нижеволжские кыпчаки

(Федоров-Давыдов, 1969. С.253-261). Эту точку зрения с оговорками приняла и С.А.Плетнева (Плетнева, 1990. С.116-117).

Кроме огузов в Саксине проживало болгарское население. Абу Хамид ал-Гарнати упоминал о сувах в Саджсине. Не совсем понятно, были ли они выходцами из Суvara или являлись частью местного населения. Необходимо отметить, что болгары пришли на Среднюю Волгу с территории Северного Кавказа. Их переселение было обусловлено военным давлением арабов. Не исключено, что часть суваров не переселилась на север. В хазарско-еврейской переписке упоминался народ с-в-р, который был подвластен Иосифу. Это, конечно, не славяне-северяне, поскольку славяне упомянуты в широкой редакции этого документа как С-л-виюн. Ибн Хурдадбех упоминал о стране 'Сувар' к северу от Дербента. М.И.Артамонов отождествлял эту область с землей Хамзин в "стране гуннов" Дагестана. Я.Федоров предполагал, что 'Сувар' – это другое название "страны гуннов" (Гмыря, 2006. С.75, 77; Гарнати, 1971; Zimonyi, 2007; Коковцов, 1932, Ответное письмо Хазарского царя Иосифа. Пространная редакция, окончание, <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504b.htm>).

Родоплеменная структура конфедераций западной части Дешт-и-Кыпчака. Исследование истории кыпчаков будет неполным, если не затронуть вопрос о конфедерациях и племенах восточноевропейских степей. Вблизи Дуная находились ханские владения Боняка. Впервые Боняк был упомянут во время событий 1091 г. Его воины помогли ромеям победить печенегов под Левунионом. Однако после смерти Боняка, возглавляемое им политическое объединение распалось на несколько частей, то есть на отдельные племенные вождества (Прицак, 2008. С.35-40, 243-244). Одним из таких вождеств было "ханство" племени кунун. Логично предположить, что 'кунун' – это племя кун, которое пришло в Европу, преследуемое народом кай (Тизенгаузен, 1884. С.541; Minorsky, 1942. P.29-30). С.Г.Кляшторный считает,

что племя кун относилось к числу группы племен теле (Кляшторный, Султанов, 2004. С.136).

В арабских источниках племена дурут и кунун (кпн) названы отдельно, и их отождествление невозможно (Тизенгаузен, 1884. С.541; Golden, 1997. P.114). Поздние арабские авторы говорили о племени кумангу (Qmngu, Qumanlu), но не знали о дурут (Маркварт, 2002; Кумеков, 1990. С.124-125; Golden, 1997. P.115). У Ибн Халдуна в списке кыпчакских племен упоминалось племя кунун (эта форма названия племени приведена по интерпритации В.Г.Тизенгаузена). У Ан-Нувайри говорится о племени котян. Ибн Дукмак употреблял этот термин в форме 'кутн'. Написание этнонимов в арабской графике отличается, и у нас нет оснований считать 'котан' и 'кунун' одним и тем же племенем (Тизенгаузен, 1884. С.541; Кумеков, 1993). Чтение этнонима кунун как 'кенен' принято у И.Маркварта и К.д'Оссона. Другую форму (кунун) предлагали П.Пелльо и В.Г.Тизенгаузен (Golden, 1997. P.114; Кумеков, 1993). Легендарным предком всех казахов считается Котан. Б.Е.Кумеков считает, что Котян - это не племя киданей, а форма мужского имени у тюрков (Кумеков, 1993). В Крыму есть ойконимы Бек-Кутан и Бек-Котан-Конрат. Кутан-аул зафиксирован в Дагестане. В Сурхандарьинском округе есть ойконим Бей-Котан. Похожий этноним присутствует у башкир, и имеет он название бикатин. В Азербайджане зафиксированы ойконимы Котанлы (Котанлу) и Хараба-Котанлу (Бушаков, 1991. С.137-138). Этноним котян скорее всего соответствует Китанопе, который упомянут в славянских летописях при описании событий 1103 г. Китан-опа был вождем одного из кланов в составе "лукоморских половцев"/кыпчаков (Golden, 1997. P.113).

Среди племен, переселившихся в Венгрию, И.Мандоки-Конгур, кроме Olás, Csértán, Kór, Borcsol, называл еще Honsuk и Köncsög (Mandoky-Kongur, 1972). В Венгрии зафиксирована местность Köncsög (Бушаков, 1991. С.139). Что касается этнонима Köncsög (Kuncheg), то его можно отождествить непосредственно с племенем кунун (Тизенгаузен, 1884. С.541). И.Баски

считает этноним Kuncheg (Küncheg, Künčseg) близким и тождественным с Kőncsög (Baski, 2006. P.53). Племя кунун было тесно связано с Венгрией и, возможно, кочевало у ее границ.

Племя урунгут занимало территории Береганской степи, рядом с бададжами. Упоминание о бададжах (bdâj) и урунгутах (wrwnkqwt) после победы монгольских войск над Улакут (II Болгарским царством), делают возможной локализацию владений этого племени вблизи Дуная и Карпат (Тизенгаузен, 1941. С.38; Golden, 1997. P.109, 116). Племя урунгут П.Голден называет Orungqut (Golden, 1997. P.116). Этническую группу бададж американский исследователь относит к кыпчакам. У Ахсикенти этот же этноним был зафиксирован в форме Bâdâu или Bâdân (Golden, 1997. С.109).

Дурут или дурт арабских источников были известны летописцам как 'тертробичи' (Тизенгаузен, 1884. С.541; Ипатьевская..., 1962. С.641; Golden, 1997. P.112; Golden, 1979/1980. P.307). Этноним дурут можно сопоставить с родом 'тертоул' племени аргын Среднего жуза казахов; родом 'тортул' племен найман и кирей того же Среднего жуза; родами 'тартулы' и 'турт-оул' у узбеков; ойконимом Дортлар и гидронимом Тертерчай в Азербайджане (Бушаков, 1991. С.136-137). Дуруты зафиксированы в Венгрии в форме этнонима Törtel. Одного из убийц Ласло IV Куна звали Turtel (Turtule, Törtél) (Baski, 2006. P.50-51). В XIII в. на территории степей Днепровского Правобережья размещались кочевья племени дурут, которое в конце XII в. еще не было влиятельным. Впервые оно было упомянуто при описании похода Игоря Святославича против половцев/кыпчаков. Тертробичи (дурут) были союзниками Кончака Отроковича в битве на реке Каяле (Плетнева, 1990. С.163; Ипатьевская..., 1962. С.641). Наиболее известным вождем этого клана был только Котян (Плетнева, 1990. С.168-169). На правобережье Днепра дурут должны были появиться позже чем ит-оглы. Перекочевка племени дурут с левобережья Днепра на правый берег реки стала причиной вражды между дурут и токсоба (Тизенгаузен, 1884. С.541-542).

В Северном Причерноморье и Западном Приазовье находились владения "лукоморских половцев". Их ставка размещалась на реке Сутень (Молочная) в Западном Приазовье. В «Поучении Владимира Мономаха» упомянуто о "Итларевой чади" около Голтава (Прицак, 2008. С.34). Этот этноним можно отождествить с племенем ит-оба. Оно употреблялось в арабских источниках в разных формах. Как ит-оба или 'utbâ их знал Ад-Димашки, как 'tb â Мубарак-шах, как йета или utâ – Ан-Нувайри, йети-оба – Ибн Дукмак, сета или stâ – Ибн Халдун, йитоба или иетиоба – Абу-Хайан (Тизенгаузен, 1884. С.541; Кумеков, 1990. С.118-119; Маркварт, 2002; Golden, 1997. P.113). Б.Е.Кумеков предложил несколько иных форм названий этого этнонима: для Ан-Нувайри – 'ити', для Ибн Дукмака – 'ита', Абу-Хайана – 'атба', Ахмада ат-Тини – 'иитаба', Ад-Димашки – 'исба' (Кумеков, 1993). О.Прицак считал, что племя называлось 'ит-оглы' (Прицак, 2008. С.179-181).

В 1093 году Тугоркан победил Святополка в битве на реке Стугне и опустошил местности днепровского правобережья около г.Киева (Прицак, 2008. С.36; Ипатьевская..., 1962. С.209-215; Лаврентьевская..., 1962. С.218-225; НПЛ, 1950. С.18-19). Тугоркан вместе с Боняком, нанесли поражение печенегам в битве под Левунионом в 1091 году (Прицак, 2008. С.35-37, 244). Последнее упоминание о Тугоркане относится 1096 г., когда атака русов привела к гибели Тугоркана, который взял в осаду Переяслав (Прицак, 2008. С.37; Ипатьевская..., 1962. С.220-229). Можно предположить, что Тугоркан принадлежал к ит-оглы и "лукоморцам". Другой известный вождь "лукоморцев" – Кобяк, через несколько десятков лет после смерти Тугоркана, совершал набеги на Русь (Плетнева, 1990. С.158; Ипатьевская..., 1962. С.568, 618-623). В летописях также упоминаются иные вожди "лукоморцев": Тоглы, Акуш и Кобан Урусобич (Прицак, 2008. С.180-181; Ипатьевская..., 1962. С.671-677). Ит-оглы кочевали как на правом, так и на левом берегах Днепра, в нижнем течении этой реки.

В вождестве "лукоморцев" существовало несколько влиятельных кланов, которые претендовали на политическое главенство. Даже во время описания событий 1103 г. можно увидеть, что они не были монолитным политическим образованием. Одни предводители входили в "партию войны", а Урусоба выступал за ведение дипломатических переговоров. Кочевья урусоба являлись частью "лукоморских половцев". Мубаракшах упоминал урус-оба как племя *Urus (wrws)* (Golden, 1997. P.120-121). Ад-Димашки упоминал о кыпчаках ал-арс (есть еще форма *al-Urus*) (Маркварт, 2002). Происхождение этого этнонима связано с ал-арсийа (Golden, 1990. P.40-46; Golden, 1997. P.120-121). Б.Е.Кумеков считает, что ал-арс – это тюркизированные аланы, которые связаны происхождением с регионом Приаралья и Амударьи (Кумеков, 1990. С.122). Мы предполагаем, что урусобичи, упомянутые в славянских источниках, получили название от имени хана Урусобы. Это имя вполне могло происходить от *al-Urus*, *Urus* и *ал-арс*. Урусобичи это не племя, а клан в составе племени (Лаврентьевская..., 1962. С.277-279; НПЛ, 1950. С.19, 203; Ипатьевская..., 1962. С.252-256; Golden, 1990. P.40-46; Golden, 1997. P.120-121). В то же время в 1103 г. русы убили кыпчакских вождей Бельдуза, Кичига, Китанопу, Асупа, Куртку, Ченегрепу, Сурьбаря, Урусобу. Среди лидеров кыпчаков упоминался также Арслан-оба, по мнению П.Голдена, это имя могло обозначать и клан. О.Прицак считал возможным, что Ченегрепа возглавлял племя *Jenger*, а П.Голден допускает, что он представляет отдельный кыпчакский клан. Название данного племени производное от *Ўenegir-ара*, *Ўengir-ара*, *Ўengir-ра* (Прицак, 2008. С.40; Golden, 1997. P.111, 113).

Одним из наиболее известных кыпчакских этнических образований было племя бурдж-оглы (бурдж-оглу, бурдж-огли), о котором сообщали арабские египетские хронисты. Это племя считается одним из ведущих в западной части Дешт-и-Кыпчака. Кочевья данной группы находились вблизи от Днепра, на левом берегу реки. Бурдж-оглы были одним из самых

могущественных племен поднепровских кыпчаков (Тизенгаузен, 1884. С.541; Маркварт, 2002; Кумеков, 1990. С.119; Golden, 1997. P.110). Ибн Халдун упоминал этноним бурдж-оглы в форме 'бурдж-огла' (Тизенгаузен, 1884. С.541). Как 'Borcsol' это племя известно в венгерских источниках (Mandokyu-Kongur, 1972). Этноним бурдж-оглы упоминается как род 'берш' (бирюч, берч) в племени алчин Младшего жуза казахов, и род 'борчи' (боршы) племени аргын Среднего жуза казахов. В Грузии существовал Борчало (ныне – г. Марнеули) (Бушаков, 1991. С.133-134).

В 1162 г. вождем бурдж-оглы был Беглюк, тесть князя Ростислава (Прицак, 2008. С.182; Ипатьевская..., 1962. С.521-522). В 1167 или 1168 гг. Ярослав Всеволодович напал на кочевья Беглюка (Прицак, 2008. С.182). В 1170 г. русы вновь атаковали бурдж-оглы, и разграбили их ставку в "Черном Лесу" (Плетнева, 1990. С.154; Ипатьевская..., 1962. С.538-541). В 1177 г. бурдж-оглы совершили поход в земли "Черных клобуков" и взяли шесть городов берендеев (Ипатьевская..., 1962. С.603-605). В 1183 г. бурдж-оглы, вместе с улаш-оглы, ит-оглы и кулобичами, планировали совершить поход на Русь, но русы опередили кыпчаков и совершили превентивный набег (Ипатьевская..., 1962. С.632; Плетнева, 1990. С.147). В 1185 г. бурдж-оглы в союзе с токсоба, приняли участие в битве при Каяле (Ипатьевская..., 1962. С.644-646; Плетнева, 1990. С.164-165). В 1193 г. бурдж-оглы совершили набег на Переяславщину (Ипатьевская..., 1962. С.675-679; Плетнева, 1990. С.148-150).

Среди племен мигрировавших в Венгрию, стоит особо упомянуть о Olás и Kórg. Венгерские документы сообщали о кумане Деметрии из племени улаш. Этноним улаш логично сопоставить с летописными улашевичами (Mandokyu-Kongur, 1976; Прицак, 2008. С.183-184, 186; Golden, 1997. P.120). Владения Olás в Венгрии находились между реками Кереш и Тиса, в комитатах Neves-Újvár и Külső-Szolnok. Позже эта территория вошла в состав Kolbaz-szék (Mandokyu-Kongur, 1976; Baski, 2006. P.46-47).

Qor/Qol (Kor/Kol) венгерских источников возможно отождествить с карабароглы (калабаалы) (Zimonyi, 2007; Golden, 1997. P.115; Mandokuy-Kongur, 1972). Ибн Халдун упоминал о племени калабаалы (Тизенгаузен, 1884. С.541). Ан-Нувайри употреблял форму 'карабароглы' (Тизенгаузен, 1884. С.541; Кумеков, 1993). Колобичи упоминались в Галицко-Волынской летописи (Ипатьевская..., 1962. С.632, 641). Б.Е.Кумеков считает, что тюркское название этого племени звучало как 'кулаба-оглы' (Кумеков, 1990. С.120; Кумеков, 2006-б. С.481). И.Баски связывает Qor (Kor) с qoqr (ничтожный), а Qol (Kol) с qul (раб) (Baski, 2006. P.46; Golden, 1997. P.115).

Наиболее известной конфедерацией кыпчаков являлось донецкое объединение, которое возглавлялось Асенем (Осенем) и Шаруканом. Одной из самых заметных фигур в истории этого вожества был Шарукан, одержавший победу над русами в битве на реке Альта (Прицак, 2008. С.32; Лаврентьевская..., 1962. С.167-172; НПЛ, 1950. С.17, 186-190; Ипатьевская..., 1962. С.156-161). В летописях 1082 г. назван датой смерти Асеня (Прицак, 2008. С.240; Лаврентьевская..., 1962. С.205; Ипатьевская..., 1962. С.196). Судьба же Шарукана неизвестна с 1068 до 1107 года. Можно предположить, что компаниями 1078 г. на Переяслав (Лаврентьевская..., 1962. С.200; НПЛ, 1950. С.18, 201; Ипатьевская..., 1962. С.190-191) и 1079 г. – на Воинь (Лаврентьевская..., 1962. С.204; НПЛ, 1950. С.18, 201; Ипатьевская..., 1962. С.195-196), руководил не Шарукан, а Асень из кай (Прицак, 2008. С.239-246). Во время походов в степи Владимир Мономах заключил союз с Аепами (правителями племени кай) посредством династических браков (Прицак, 2008. С.241; Лаврентьевская..., 1962. С.282-283; Ипатьевская..., 1962. С.258-259). Последний раз Шарукан назван в летописях под 1107 годом, когда его силы и войска Боняка были разбиты дружиной русов (Прицак, 2008. С.41-42; Лаврентьевская..., 1962. С.281-282; Ипатьевская..., 1962. С.258-259).

Среди племен Дешт-и-Кыпчака часто упоминалось племя токсоба. О нем знали Ибн Дукмак, Абу-Хайан и другие арабские ученые. Абу-Хайан

употреблял термин токус-оба (токуз-оба). П.Голден приводит такие формы названия этого племени: tqsbâ у Ад-Димашки, tqsbâ (Toqsoba) у Ан-Нувайри и Абу-Хайана, tgsbâ (Toğsoba) – у Ибн Халдуна (Кумеков, 1990. С.118-119; Тизенгаузен, 1884. С.540-541; Golden, 1997. Р.119). Б.Е.Кумеков предполагает, что токсоба доминировали только в западной части кыпчакских степей (Кумеков, 1990. С.127). П.Голден относит токсоба к группировке "диких половцев" (Golden, 1979/1980. Р.299-300, 305-307; Golden, 1997. Р.119-120). О токсоба больше всего известно из арабских источников (Кумеков, 1990. С.118-119, 127; Тизенгаузен, 1884. С.540-541; Маркварт, 2002). В 1152 г. токсоба, вместе с другими кыпчаками (отперлюеве), были союзниками Юрия Долгорукого (Ипатьевская..., 1962. С.455; Golden, 1979/1980. Р.299-300). Токсоба доминировали в Донецкой конфедерации кыпчаков (Golden, 1979/1980. Р.305-307). Под их властью находились и иные племена. К сожалению, восстановить этнонимии донецких кыпчаков/половцев очень сложно. К племени токсоба должна относиться династия Шаруканидов (Golden, 1997. Р.119-120; Golden, 1979/1980. Р.299-300, 305-307). Отрок прославился своими победами в Грузии. Чтобы облегчить себе борьбу с Аепичами, Сырчан призвал Отрока назад в степи (Ипатьевская..., 1962. С.716). Можно предположить, что при помощи Отрока Шаруканиды победили Асений (Каепичей). Уже в 1160 г. каепичи упоминались рядом с берендеями в составе Черных клобуков, а это означало, что война с Шаруканидами была ими проиграна (Ипатьевская..., 1962. С.507). Подобные события не могли не повлиять на расстановку сил в Донецком объединении. Если до Отрока власть передавалась от дяди к племяннику, то начиная с Отрока, верховенство переходило уже от отца к сыну. Сырчан был замещен во главе конфедерации Отроком. После Отрока власть досталась Кончаку, а после него – Юрию Кончаковичу (Ипатьевская..., 1962. С.716).

Великим ханом-объединителем, консолидировавшим значительную часть кыпчаков, стал Кончак. Впервые он появился в анналах истории, напав на Переяславскую землю в 1172 г. (Ипатьевская..., 1962. С.548). В 1174 году Кончак вместе с Кобяком совершил поход, ограбив окрестности Серебряного и Баруча. Когда к ним приблизились войска русов, кыпчаки отступили за Ворсклу (Плетнева, 1990. С.157; Ипатьевская..., 1962. С.568-570). Поход 1179 г. был направлен против Переяславского княжества. Кыпчаки увели из этого региона большой полон (Ипатьевская..., 1962. С.612-613; Плетнева, 1990. С.157). В 1180 г. войска Кончака и Игоря Святославича столкнулись с дружиной Рюрика и были разбиты в битве под Чорторыей (Ипатьевская..., 1962. С.618-624; Плетнева, 1990. С.158). В 1183 г. Кончак намеревался напасть на Русь, но не осуществил своих планов, узнав о концентрации войск противника (Плетнева, 1990. С.158-159; Ипатьевская..., 1962. С.628-634). В 1184 г. русы совершили рейд на Хорол и взяли в плен мусульманского военного инструктора (Плетнева, 1990. С.158-159; Ипатьевская..., 1962. С.634-636).

Ольговичи осмелились на поход против кыпчаков в 1185 г. (Плетнева, 1990. С.160-164; Ипатьевская..., 1962. С.636-651; Лаврентьевская..., 1962. С.397-398). Но князь Игорь не учел ряд факторов. Поражения консолидировали, а не разъединяли кыпчаков. В 1183 году погиб Кобяк, старый союзник Кончака (Ипатьевская..., 1962. С.628-634). Поход в степи должен был обеспокоить кыпчаков. Каждый вождь по отдельности был не способен эффективно противостоять княжеским дружинам. В этих условиях Кончак как умелый политик организовал коалицию, в которую кроме токсоба вошли ит-оглы, тарголове, бурдж-оглы, улаш-оглы и дурут (Плетнева, 1990. С.163; Ипатьевская..., 1962. С.641, 644). Объединенное кыпчакское войско одержало победу на Каяле, что еще больше укрепило его авторитет. В 1185 г. Кончак атаковал Римов, а в 1187 г. совершил набег на приграничные владения Руси, после чего Шаруканиды уже не воевали с Киевской Русью

(Плетнева, 1990. С.165-166; Ипатьевская..., 1962. С.648, 653, 716, 740-741). Мирлобие Кончака и его сына имело свое объяснение. Как ханы-объединители они были заняты войнами с другими кыпчакскими вождями, которые не интересовали галицко-волынского летописца. Юрий Кончакович присоединил к своим владениям территории "дербентских кыпчаков". Кыпчакский вождь Гюрге (в летописях Юрий Кончакович, – это Юрьи Кончакович или Гюргю Кончакович) в 20-х гг. XIII в. осуществил попытку захватить Дербент, что стало бы невозможным без подчинения владений "дербентских кыпчаков" (Насави, 1973. С.220; Насави, 1996. Гл.77; Ипатьевская..., 1962. С.716, 740-741).

Среди малоизвестных племен Дешт-и-Кыпчака можно назвать 'тарголове' (Targıl), являвшееся союзниками Кончака в 1185 г. Также известно о племени или клане Tarew, вождем которого был Азгулуй (Ипатьевская..., 1962. С.644; Golden, 1997. P.119). О кучебичах известно только, что их вождь Судимир принял христианство. Кучебичи, по мнению П.Голдена, это küç-oba (Golden, 1997. P.114).

В летописях упоминались также кыпчаки-ельтукове. Впервые о них было сказано под 1146 г. в Галицко-Волынской летописи (Ипатьевская..., 1962. С.339). Из летописных сообщиний нам известен Ельтут (брат Кончака) (Ипатьевская..., 1962. С.623). Ельтукове – было русским названием кыпчакского объединения, кочевавшего вблизи от Рязанского, Черниговского и Новгород-Северского княжеств, а также по соседству с Волжской Булгарией. Владения этого племени находились в верхнем течении Северского Донца, Быстрой Сосны и Дона. Ельтукове могли быть частью Донецкой конфедерации кыпчаков (Иванов, 2006. С.495). В.А.Иванов предполагает, что именно там, в бассейнах Дона, Хопра и Медведицы находились владения ельтукове. Их северные границы обозначены каменными скульптурами по рекам Битюг и Хопер. Похожие памятники найдены на территории Саратовской и Самарской областей (Иванов, 2006. С.495).

Пока что невозможно локализовать владения племени Ponsuk (Golden, 1997. P.112-113). Степи около села Bugac называли illancs-pusza, а само село Illancs-falu. В Татарстане зафиксировано село Yılançik(ovo). В Башкортостане есть село Yılanlı. Местность Žılanšik находится в Казахстане, как и река Zılan. Одно из башкирских племен носит название елан (Yılan). Возможно, Ponsuk пришли в Венгрию во время монгольских завоеваний с территорий между Волгой и Уралом. Большинство топонимов связано именно с этим регионом (Кузеев, 1974. С.362; Baski, 2006. P.45-46).

Анджуогли (анджигали), упомянутые в сочинении Ибн Дукмака, были известны как 'оглы' у Ибн Халдуна и 'анджоглы' у Ан-Нувайри (Тизенгаузен, 1884. С.541; Кумеков, 1990. С.120; Golden, 1997. P.112-113). Н.А.Аристов, Т.А.Жданко и Б.Е.Кумеков отождествили анджоглы с казахским племенем канджигалы. Б.Е.Кумеков относит анджоглы к племенам западной части Дешт-и-Кыпчака (Кумеков, 1993; Кумеков, 2006-б. С.481). Где находились владения этого племени, пока неясно.

Грузинские источники в XII в. упоминали о присутствии на Кавказе двух групп половцев – кыпчаков Отрока Шарукановича и "дербентских кыпчаков". Во время пребывания Отрока на Кавказе количество кыпчаков там должно было возрасти, что привело к конфликту с местными кыпчакскими группами и аланами. Если обратить внимание на то, что за исключением кавказской Алании у Отрока не было препятствий для возвращения в родные степи, то уверенно можно утверждать то, что Донщина и северо-восточное Приазовье входили в состав единого политического организма (Жития царя царей Давида, 1998; Ипатьевская..., 1962. С.716). Грузинские летописцы упоминали о "дербентских кыпчаках" как о противниках грузин (Анчабадзе, 1960. С.118). Грузины Давида IV Строителя и кыпчаки Отрока воевали против "дербентских кыпчаков" и лезгин (Анчабадзе, 1960. С.118). Невозможно отождествить "дербентских кыпчаков" с каким-то определенным племенным объединением. Эти

"дербентские кыпчаки" выступили на стороне грузин в Шамхорской битве (1195 г.), а брат Севинча Савалати (Салават) служил в грузинских войсках (Анчабадзе, 1960. С.122, 124).

В списке племен Ад-Димашки упомянуты также бечана и кара-боклю. Б.Е.Кумекон называет эти этнические группы караборикли и базанак (Маркварт, 2002; Кумекон, 2006. С.479-481). Кара-боклю или караборикли можно отождествить с черными клобуками. Другой формой названия этого племени у Ад-Димашки было Qara Börklü. Ибн Халдун знал это племя как Qara-börkli. А племя печене (bjnh) было отнесено Ад-Димашки к кыпчакам, хотя сами печенеги, как и черные клобуки, кыпчаками не являлись (Маркварт, 2002; Golden, 1997. P.115, 118). В списке кыпчакских племен Ад-Димашки указаны не только собственно кыпчакские племена, но и тюркские кланы, кочевавшие на территории Дешт-и-Кыпчака. Арабский географ писал, что им названы только наиболее известные племена. Он, к сожалению, не стал перечислять все племена, которые кочевали в Дешт-и-Кыпчаке и которых было очень много (Маркварт, 2002).

Заключение

Систематизация и анализ имеющегося археологического материала со всей очевидностью показывают, что археология средневековых кочевников представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений отечественной археологии. И регион Урало-Поволжья занимает в этом направлении отнюдь не последнее место. Богатая источниковая база, накопленная более чем за 200 лет археологических изысканий в регионе, комплексный подход к ее анализу и синтезу, проводимым с использованием современных методик анализа археологического материала, корреляция археологических данных с данными естественных наук, взаимопроверка данных археологии и соответствующих письменных источников – все это позволяет уже сегодня говорить о том, что какие-то проблемы в археологии и истории средневековых кочевников степей Урало-Поволжья можно рассматривать как решенные. К их числу авторы представленной монографии относят:

- Наличие комплекса морфологических признаков, позволяющих проводить этнокультурную дифференциацию археологических памятников X-XIV вв. в степях региона. Аналогии с памятниками других регионов Восточной Европы и степной Азии, подкрепленные сведениями средневековых письменных источников, позволяют уверенно говорить о том, что степи Урало-Поволжья в указанное время последовательно заселялись в X-первой половине XI вв. – огузами и печенегами (среди последних, в качестве союзников и этнических сородичей находились древние башкиры, археологическое выделение которых пока не представляется возможным, хотя какие-то наметки в этом плане обозначились); во второй половине XI-XII вв. – сары-кыпчаками (половцами), заставившими башкир начать освоение более северных лесостепных районов Южного Приуралья; в XIII-XIV вв.

– кыпчаками, переселенными сюда вследствие административной политики правителей Золотой Орды (Улуса Джучи) и племенами, пришедшими в составе монгольского нашествия и генетически связанными с племенами Центральной Азии и Южной Сибири (кимако-монгольский этнополитический массив). Более детальная этнокультурная интерпретация этих племен (т.н. «каменные курганы») пока не представляется возможной.

- Динамика и масштабы расселения перечисленных племен в степях Урало-Поволжья напрямую зависели от природно-географических условий региона, которые сейчас стали доступными для восприятия и понимания, благодаря исследованиям В.А.Демкина и его лаборатории. На это определенно указывают и количество кочевнических памятников соответствующих периодов в регионе, и их внутрорегиональная география, полностью совпадающие с графиком чередования аридных и гумидных периодов в степях Восточной Европы.

Весьма сложной научной проблемой была и остается этнополитическая история средневековых кочевников. Обусловлено это как фрагментарностью сведений письменных источников, так и традиционной концентрацией внимания исследователей на отдельных аспектах истории кочевых тюркских народов. В двух главах нашей монографии мы постарались дать схематическую реконструкцию этнополитической истории тюркских народов в конце I – начале II тысячелетий н.э. в степях Восточной Европы и современного Казахстана, используя для этого как данные письменных источников, так и археологии.

Как нам представляется, печенеги, в течение полутора столетий влиявшие на течение политической жизни значительной части Восточной Европы, своими генетическими корнями были связаны с ираноязычными кангюйцами, центр государства которых находился на Средней Сырдарье. В

следствии переселений племен теле (гаоцзюй) и завоеваний тюркютов, ираноязычное население Кангюя подверглось тюркизации. Печенеги, которые переселились в степи Восточной Европы, уже являлись тюркоязычным народом, но влияние иранского субстрата на их этногенез был весьма значительным. Этнонимия печенежской конфедерации может быть восстановлена только при исследовании истории печенегов в восточноевропейском регионе. Завершением истории печенегов в Причерноморье – является их поражение от ромеев и кыпчаков под Левунионом, а также поход кыпчакского вождя Копульха в Трансильванию.

Эти походы по сути ознаменовали установлении кыпчакской гегемонии над населением западной части Великого пояса степей Евразии, от Дуная и до Иртыша. Походы в Венгрию в 1070 и 1085 гг., которые исследователи часто приписывали кыпчакам, на самом деле осуществили печенеги.

Из всей массы тюркоязычных кочевников, легче всего реконструировать этнонимию и этническую историю огузов. О племенном составе государства янгикентских ябгу сохранились сведения в сочинениях Абу-л-Гази, Рашид ад-Дина, и трудах других средневековых историков. Огузы некоторое время были связаны с токуз-огузской конфедерацией, и являлись наиболее западной ее частью. С завоеванием пространств западноевразийских степей они обособились от метрополии и сформировали собственное государство, которое находилось в тесном взаимодействии с кимаками и карлуками. Образование державы янгикентских ябгу обусловило волну миграций из степей Волго-Уральского региона на запад. Сначала на запад мигрировали венгры, а через несколько десятилетий состоялось и переселение печенегов в Восточную Европу. Следует отметить, что государственное образование огузов имело весьма аморфную структуру, а ябгу был лишь первым среди равных, то есть вожди отдельных племен имели самые широкие властные полномочия. Уже во второй половине X в. среди огузов произошел раскол на две группировки: торков (огузов-язычников) и туркмен или сельджуков

(огузов-мусульман). Кыпчакская экспансия привела к вытеснению печенежской и огузской аристократии и подвластных им кочевников за пределы урало-поволжских степей. Какая-то часть огузов (очевидно – не Большая, если судить по количеству заведомо огузских памятников к западу от Волги) уходит в степи Восточной Европы, где вступает в бесконечные войны со своими извечными врагами – печенегами. Конец этим войнам положила сары-кыпчакская (половецкая) экспансия в эти же районы. Основная же масса огузов уходит на юг, в Переднюю Азию, где они преуспели: образование государства Сельджукидов.

Кыпчаки в середине XI в. были сложным конгломератом кочевых племен разного этнического происхождения. Эта ситуация существенно не изменилась и в XII в., когда в западноевразийские степи мигрировали монголоязычные ольберлики. Этническая номенклатура восточной части Дешт-и-Кыпчака в определенной степени напоминала этническую ситуацию в западной части Дешт-и-Кыпчака ("Половецкого Поля"), хотя по многим позициям и отличалась от нее. Доминирующими племенами восточной части Дешт-и-Кыпчака были ольберлики и канглы. Ольберлики возглавляли восточных кыпчаков, а канглы главенствовали в конфедерации кочевых племен Приаралья. Владения племени чертан находились в Волжско-Уральском регионе. Саксин не был частью Дешт-и-Кыпчака, а являлся самостоятельным регионом с полиэтничным населением. Саксинов невозможно отождествить с каким-то отдельным этносом, а сам термин 'саксин' обозначал скорее политическую идентичность.

В западной части Дешт-и-Кыпчака доминировали племена токсоба, ит-оглы и бурдж-оглы. Токсоба возглавляли Донецкое объединение кыпчаков, а бурдж-оглы и ит-оглы доминировали в Поднепровье. На вторых ролях в регионе находились кыпчаки из племен улаш-оглы и кулабы-оглы. Ельтукове и Урусобичи были не племенами, а только могущественными кланами, соответственно, в составе племен ит-оглы и токсоба. Племя дурут

существенно усилилось в первой половине XIII в. Его кочевья находились в Северо-Западном Причерноморье. Племена урунгут и кунун кочевали по соседству с границами Венгрии и балканской Болгарии.

Трагические события первых десятилетий XIII столетия положили конец очередной фазе степного этногенеза и политической истории средневековых кочевников. В ходе монгольского нашествия многие кыпчакские племенные объединения были разгромлены или поработаны завоевателями; целые родовые подразделения и их осколки вынуждено мигрировали за пределы степи (в Венгрию, Болгарию, Южное Приуралье), значительная часть прежних хозяев степи были проданы в рабство (в Египет, Турцию, и т.д.). Так перевернулась очередная страница истории...

Кыпчакское население не исчезло совсем, но по воле новых владык остатки их родо-племенных структур были перемешаны и переселены на другие территории. Этим, в частности, был обусловлен кыпчакский (по определению Р.Г. Кузеева) этап в этногенезе башкир.

На степных просторах расселяются новые этнические группы с востока – монголоязычные и тюркоязычные. Временно, на смену объективным этническим факторам приходят субъективные – политические. Однако этногенез степных народов на этом не остановился, он лишь перешел в новую стадию. Новации на просторах Великого пояса степей Евразии стали заметны уже в начале XIV в., и результаты их были подмечены уже современниками событий⁶⁰.

В целом, XIV в. стал своеобразной "переломной эпохой" в истории степного региона, буквально во всех сферах жизни общества: и в

⁶⁰ Здесь уместно вспомнить ал-Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с ними [кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар], и все они стали точно кипчаки как будто бы одного с ними рода...» (Тизенгаузен, 1887. С.235).

политической, и в экономической, а также в социальной, идеологической, культурной областях. В это время практически завершается процесс тюркизации монгольских этнических групп, а тюркские социумы подвергаются культурной и этнической унификации и консолидации. Появляются новые этносы, получившие свои наименования по именам политических деятелей: ногайцы, узбеки. Важнейшим событием в истории средневековых кочевников становятся новации в мировоззренческой сфере – замена традиционных языческих верований мусульманской религией. В то время ислам был самой молодой и развитой из мировых монотеистических религий; он оказал определяющее влияние на ход всего исторического процесса кочевников Восточной Европы и Казахстана, на века предопределив принадлежность их потомков к великой Исламской цивилизации.

Имеющиеся в распоряжении современной науки данные по археологии, исторической этнографии и истории кочевых тюркских народов дают основания именно XIV веком датировать начало новой фазы степного этногенеза, приведшей к формированию современных тюркоязычных этносов Евразии: казахов и ногайцев, татар и башкир, узбеков и киргизов, каракалпаков и других народов. Кыпчакское "наследие" в отечественной истории оказалось очень многогранным и представительным – языки всех названных выше тюркских народов относятся к особой "кыпчакской группе тюркских языков".

В контексте сказанного выше, именно кочевники степей Урало-Поволжья, в течение всей своей средневековой истории последовательно осваивавшие европейско-азиатское степное пограничье (узкий, в 1000 км, «степной коридор» между Мугоджарами и Прикаспийской Низменностью объективно являлся единственным доступным путем массовых миграций азиатских кочевников из Центральноазиатского «этнического котла» (образное определение Л.С.Клейна) в поисках лучших мест обитания и, в

конечном счете, существования) всей своей историей и культурой (выявленной археологически) наглядно иллюстрируют процесс адаптации и к меняющимся природно-климатическим, и к ещё более динамичным этнополитическим условиям. Что, в итоге, позволило им не кануть в Лету, а сохраниться в виде современных тюркоязычных народов региона.

Литература

<http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest5.php>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/framepos1.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext2.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/frametext3.htm>,

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/frametext4.htm>,

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/frametext5.htm>

А.С. (Спицын А.А.). Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Труды по русской и славянской археологии. –Кн.1. –СПб., 1896.

Абдуманатов Р.А. Культурно-историческая основа кыргызского племенного образования кангды // Тюркологический сборник: Тюркские народы России и Великой Степи, 2005. –М., 2006.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. –Ашхабад, 1969.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. –Уфа, 1982.

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // ТИИАЭ. –Т.7. Археология. –Алма-Ата, 1959.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X – XIV вв. –Тобольск-Омск, 2000.

АКБ – Археологическая карта Башкирии. –М., 1976.

Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ. –Т.7. Археология. –Алма-Ата, 1959.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. –Алма-Ата, 1972.

АКК – Археологическая карта Казахстана. –Алма-Ата, 1960.

Алабин П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV Археологического съезда. –Т.1. –Казань, 1884.

Алабин П.В. Древности найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. –Самара, 1895.

Ал-Бируни А.-Р. Собрание сведений для познания драгоценностей. –М., 1964.

Ал-Истахри – Ибн Хаукаль. Книга путей и государств // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. –№42. –М., 1954.

Алихова А.Е. Памятники срубной культуры Самарской Луки // МИА. –№80. –М., 1960.

Алпатов М.А. В.Н.Татищев и западноевропейская история // Проблемы истории общественной мысли и историографии. –М., 1976.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). –М., 1985.

Андреев А.И. Труды и материалы Татищева о Сибири // СЭ. –1936.

Андреев А.И. Переписка В.Н.Татищева за 1746 – 1750 гг. // Исторический архив. –VI. –М.-Л., 1951.

Аниховский А. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // ТОУАК. –Вып.14. –Оренбург, 1905.

Анна Комнина. Алексиада / Перев., вступит. статья, комм. Я.Н.Любарского. –М., 1965. // <http://www.alanica.ru/library/Komn/text.htm>

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. –Т.III. –М.-Л., 1940.

Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). –Уфа, 2006.

Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). –Уфа, 2012.

Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI – XIV веков // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. –Нальчик, 1960.

АПР – Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с.Рождественно. –Казань, 1962.

Арзютов Н.К. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья (Из раскопок 1925 года). –Саратов, 1929.

Арсланова Ф.К. Средневековый могильник из Прииртышья // Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР. –Вып.Ш. –Алма-Ата, 1963.

Арсланова Ф.К. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII – XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. –Алма-Ата, 1968.

Арсланова Ф.К. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. –Алма-Ата, 1970.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. –Уфа, 1985.

Артамонов М.И. История хазар. –Л., 1962.

Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. –2-е изд. –СПб., 2001. Археологическая хроника // ИАК. Прибавление к выпуску 32. –СПб., 1909.

Археологический сборник. –Вып.34. –СПб., 1999.

Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. –М., 1986.

Архив ИИМК, ф-1. 1864. №21. Отчет II.

Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. –Изд. 2-е. –Челябинск, 1982.

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронения чучел коня в кочевнических погребениях X – XIV вв. // Советская археология. –1984. –№1.

Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII веков (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. Памяти А.Г.Атавина. –М., 2008.

Атлас СССР. –М.,1962.

Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л. Работы в Западном Казахстане // Археологические открытия 1975 г. –М., 1976.

Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л. Исследования золотоордынского города Лаэти // Археологические исследования 1978 г. –М., 1978.

Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. –Алма-Ата, 1973.

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане. -Алма-Ата, 1976.

Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. -Алма-Ата, 1980.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. –Алматы, 1995.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. –М., 1965.

Ахмеров Р.Б. Новые археологические находки в Башкирии // КСИИМК. –Вып. XXXIX. –М., 1951.

Ахметова С.Ш. Общество изучения Казахстана (1920 – 1932 гг.) // Вестник АН КазССР. –1980. –№3.

- Б.Н. Граков (некролог) // Советская археология. –1971. –№2.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II – IV и XIV вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественная. –1968. –№2.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893 – 1894 гг. –СПб., 1897.
- Бартольд В.В. Сочинения. –Т.V. –М.,1968.
- Батанина И.М. Природные особенности «страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. –Челябинск, 2004.
- Башкирское народное творчество. –Т.2. Предания и легенды. –Уфа, 1987.
- Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. –Ижевск, 2001.
- Белавин А.М. Камский торговый путь. –Пермь, 2000.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. –Уфа, 2009.
- Белич И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г.Тюмень // Тюркологический сборник, 2007 - 2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. –М., 2009.
- Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Составитель Б.В.Лунин. –II. –Ташкент, 1977.
- Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII – XVIII вв.). –Уральск, 2003.
- Бич О.А. Архив А.А.Спицына // Советская археология. –X. –1948.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. –Т.1, 2. –М.-Л., 1950.
- БНТ – Башкирское народное творчество. –Кн.3. –Уфа, 1982.
- Богданов А.П. Антропологическая выставка 1879 г. –Т.III. –Ч.1 / Известия ОЛЕАЭ. –Т.35. –Ч.1. –Вып.1-3. –М., 1880.

Богородцев А.В. История археологического изучения самарского Поволжья // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. –Самара, 1998.

Боровкова Л.А. Народы Средней Азии в III – VI веках (по древним китайским и западным источникам). –М., 2008.

Боталов С.Г. Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). –Челябинск, 2006.

БПЛ – Башкирские предания и легенды. –Уфа, 1985.

Бубенок О.Б. Печеніги у степах Східної Європи: алтайці чи індоєвропейці // Східний Світ. –№2. –Киев, 2009.

Бушаков В.А. Тюркская этноэкономика Крыма. Дисс. канд. филол. наук. Специальность 10.02.06. Тюркские языки. –М., 1991.

БШ – Башкирские шежере. –Уфа, 1960.

Валеев Р.М. Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр – столица домонгольской Булгарии. –Казань, 1991.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. –Куйбышев, 1986.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / НТКГПИ. –Т.230. –Куйбышев, 1979.

Васюткин С.М. История археологического изучения Башкирии в дореволюционное время // Очерки истории дореволюционной России. –Вып. II. –Уфа, 1975.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. –Уфа, 1982.

Васюткин С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII – XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. –Уфа, 1992.

Ведерникова Т.И. Этнографическое изучение народов края в деятельности Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания в 20-е гг. XX в. // Краеведческие записки. СОИМК. –Вып.VIII. –Самара, 1996.

Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. –Фрунзе, 1963.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. –VIII. –М., 1973.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. –М., 2007.

ВОУО – Вестник Оренбургского учебного округа. –Вып.1-6. –Уфа, 1912.

Гардизи... – Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар". Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893 – 1894 гг." // Бартольд В.В. Сочинения. –Т.VIII. Работы по источниковедению. –М., 1973. – http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frameset_1.htm

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. –СПб, 1870.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. канд. ист. наук. –Уфа, 1998.

Гарустович Г.Н. Завоевание Южного Урала монголами в XIII веке // Вестник АН Республики Башкортостан. –2012. –Т.17. –№1.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. –Ижевск, 1992.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. –Уфа, 2001.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). –Уфа, 1998.

Генинг В.Ф. Очерки по истории Советской археологии. –Киев, 1982.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). –Киев, 1990.

Геннин де В. Описание Уральских и Сибирских заводов. –М., 1937.

Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сборник музея антропологии и этнографии. –М.-Л., 1958.

Гладков И.И., Гладкова В.И., Мнушкин Л.Б. О новых археологических находках в Западном Казахстане // Вестник АН КазССР. –№4 (121). –Алма-Ата, 1955.

Гмыря Л. Тюркские народы Северного Кавказа // История татар. –Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.

Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). –Т.1 (1851 – 1920 гг.). –Самара, 2000; –Т.2 (1921 – 2000 гг.). –Самара, 2000.

Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. –Кн.1. –Улан-Удэ, 2004.

Голден П. Формирование кумано–кыпчаков и их мира // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. –Вып.Х. –Симферополь, 2003.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. –М., 2011.

Гольмстен В.В. Дневник раскопок 1926 года / Архив ИИМК.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. –Ч.1. –Самара, 1924.

Гончаров Е.Ю. Монетное обращение города Сарайчика в средние века // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII – XIV вв. –М., 2005.

Гра А.П. Научные общества // ТОУАК. –Вып.12. –Оренбург, 1903.

Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник Центрального музея Казахстана. –№1. –Алма-Ата, 1930.

Граков Б.Н. Отчет о работах // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. –Т.II / Известия ГАИМК. –Вып. 110. –М.-Л., 1935.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. –М.-Л., 1950.

Гроздилов Г.П. Жигулевский массив, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934 – 1936 гг. Краткие отчеты и сведения. –М.-Л., 1941.

Гроссэ Р. Империя степей. <http://kitap.net.ru/archive/5.php>

Гръцки извори за българската история. –Т.VII. / Съставил и редатирани Г.Цанкова-Петкова, В.Тъпкова-Заимова, П.Тивчев, Л.Йончев, Г.Батаклиев, П.Коледаров. –София, 1968.

Гръцки извори за българската история. –Т.VI / Съставили и редактирали В.Тъпкова, М.Войнов, Л.Йончев, В.Тъпкова-Заимова, И.Дуйчев, Й.Иванов, Л.Йончев, Г.Батаклиев, П.Коледаров. –София, 1965.

Гръцки извори за българската история. –Т.VIII / Съставил и редактирали М.Войнов, В.Тъпкова-Заимова, Л.Йончев. –София, 1972.

Гръцки извори за българската история. –Т.X / Съставили и редактирали Л.Йончев, В.Тъпкова-Заимова, Г.Батаклиев, М.Войнов. –София, 1980.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. –Вып.II. –Л., 1927.

- Гудкова А.В. Ток-Кала. –Ташкент, 1964.
- Гуляев В.И. Введение // КСИА. –Вып.224. –М., 2010.
- Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // КСИА. –Вып.224. –М., 2010-а.
- Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н.Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 г. // Евразийские древности. –М., 1999.
- ДАК – Доклады Археологической комиссии. –СПб., 1894.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. –М.-Л., 1948.
- Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимодействия в Поволжье по данным антропологии // Антропологический журнал. –№1. –М., 1932.
- Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье. –Пушино, 2010.
- Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. Электронный ресурс www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. –2004. –№3.
- Демкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. –1998. –№2.
- Дергачева М.И., Васильева Д.И. Реконструкция природных условий в степной зоне Самарского Поволжья в позднем бронзовом веке (по данным изучения гумуса погребенных почв) // Вопросы археологии Поволжья. –Вып.3. –Самара, 2003.

Джиованни де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Перев. с латинского А.И.Малеина. –М., 1957.

Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перев. Г.Цулая. –Тбилиси, 1986

Джубанов А.А. Воспоминания о коллеге, друге и соратнике // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. –Вып.1. –Уральск, 2002.

Добролюбский А.О. К проблеме этнической атрибуции и датировки погребений средневековых кочевников в причерноморских степях // Северное Причерноморье (материалы по археологии). –Киев, 1984.

Добролюбский А.О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. –Киев, 1986.

Домбровский Ю. Хранитель древностей. –М., 1991.

Дорофеев В.В. Отчет 1978 г. // АИА АН УССР. 1978/17.

ДСОС – Древние сокровища Оренбургской степи. –Оренбург, 2004.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). –Абакан, 1948.

Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X – XIII веках // «Отечественная история». –1994. –№6.

Жития царя-царей Давида // Символ. –№40 (1998).
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/10801100/David/frametext1.htm>

Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. –СПб., 1832.

Завитухина М.П. Н.-К.Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник. –Вып.34. –СПб., 1999.

Закиров С.А. Новая находка золотоордынской монеты в Южном Зауралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. –Вып.3. –Уральск, 2004.

Зарецкий И.А. Пос.Благословенка и Ак-Булак, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934 – 1936 гг. Краткие отчеты и сведения. –М.-Л., 1941.

Збруева А.В. Маклашеевские могильники // КСИИМК. –Вып.ХХІІІ. –М.-Л., 1948.

Зобов Ю.С. Константин Владимирович Сальников: вехи жизненного пути (1900 – 1966) // Археологические памятники Оренбуржья. –Вып.ІV. –Оренбург, 2000.

Зобов Ю.С. Историка Оренбургского края. Советский период. –Оренбург, 1993.

Зобов Ю.С., Моргунова Н.Л. Работы К.В. Сальникова по истории и археологии Оренбургского края // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. –Челябинск, 1999.

ЗРАО. –Т.VІІІ. –Вып.1-2. –СПб., 1896.

ИАК – Известия Археологической комиссии. –Вып.53. –СПб., 1914.

ИАК – Известия Археологической комиссии. –Т.V. –СПб., 1865.

Ибн Русте. Книга драгоценных ожерелий // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.

Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран / Перев. и комм. Н.Велихановой. –Баку, 1986.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р.Урал // Памятники кочевников Южного Урала. –М., 1984.

Иванов В.А. Заволжская Печенегия // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. –М., 2000.

Иванов В.А. Культурные связи средневековых кочевников Евразии (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: история и традиции. –Казань, 2002.

Иванов В.А. Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье // История татар с древнейших времен. –Т.1. Народы степной Евразии в древности. –Казань, 2002-а.

Иванов В.А. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольскии период (вторая половина XI – начало XIII в.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональ. науч.-практич. конф. –Челябинск, 2004.

Иванов В.А. Сравнительно-типологическая характеристика погребальных памятников кочевников Урало-Поволжья огузо-печенежского и золотоордынского периодов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональ. (с междунар. участием) науч.-практич. конф. –Челябинск, 2006.

Иванов В.А. Кыпчаки в Восточной Европе // История татар. –Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006-а.

Иванов В.А. Локальные особенности погребального обряда кочевников евразийских степей периода Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредит. Междунар. конгресса. –Т.II. –Казань, 2007.

Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Материалы Междун. науч.-практич. конференции "Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)". –Вып.1. –Казань, 2009.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). –М., 1988.

Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники урало-казахстанских степей. –Уфа, 1993.

Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды I Археологического съезда. –Т.1. –М., 1871.

Игнатъев Р.Г. Хусейн Бека (ногайского имама) гробница // Древности. Труды МАО. –Т.II. –М., 1870-а.

Игнатъев Р.Г. Турахана дворец // Древности. Труды МАО. –Т.II. –М., 1870-б.

Игнатъев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // ИАК. –Вып.5. –СПб., 1903.

Известия Оренбургского отдела РГО. –Вып.5. –Оренбург, 1894.

Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. –Пг., 1921.

Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К.Кирилов и В.Н.Татищев. –М., 1949.

Ипатьевская летопись / Воспроизведение текста издания 1908 г. // Полное собрание русских летописей. –Т.2. –М., 1962.

Исмагулов О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). –Алма-Ата, 1970.

Исмагулов О.И. Этноантропологические связи населения Казахстана с кочевыми и оседлыми племенами средневекового периода Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. –Алма-Ата, 1987.

Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. –М.-Уфа, 2007.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. –М., 2000.

Кабанов С.К. Погребение воина в долине р.Кашка-Дарья // Советская археология. –1963. –№3.

Кадырбаев А.Ш. О миграциях и расселении кыпчакских племён в степях Евразии до эпохи Чингис-хана // Altaica. –VIII. –М., 2003.

Кадырбаев А.Ш. Персидские и китайские источники о переселении кыпчакских племен в Дашт-и Кипчак (в XI – начале XIII в.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII – XVIII вв. Материалы международного круглого стола. –Алматы, 2004.

Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. –Алма-Ата, 1970.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. –М., 1978.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. –М., 1992.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. –М., 1988.

Каменский А.Б. Г.-Ф.Миллер и наследие В.Н.Татищева // Вопросы истории. –1987. –№12.

Каменский А.Б. Академик Г.-Ф.Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. –1989. –№1.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. –М., 1967.

Кастанье И.А. Отчет об экспедиции в Актюбинском уезде летом 1904 года // ТОУАК. –Вып.14. –Оренбург, 1905.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // ТОУАК. –Вып.19. –Оренбург, 1907.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках кургана в Актюбинском уезде [Тургайской области] летом 1909 г. // ТОУАК. –Вып.23. –Оренбург, 1908.

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК. –Вып.22. –Оренбург, 1910.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей // ТОУАК. –Вып.26. –Оренбург, 1911.

Кипарисова Н.П. Отчет за 1953 год / Архив УНЦ РАН.

Китаб акам ал-Марджан // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.

Китаб акам ал-Марджан // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.

КЛИ – Курганы левобережного Илека. –Вып.1. –М., 1993.

КЛИ – Курганы левобережного Илека. –Вып.2. –М., 1994.

КЛИ – Курганы левобережного Илека. –Вып.3. –М., 1995.

КЛИ – Курганы левобережного Илека. –Вып.4. –М., 1996.

Кляшторный С.Г. Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. –Т.1. –Казань, 2002.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. –СПб., 2003.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. –СПб., 2005.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Раннесредневековые миграции тюркских племен в западный ареал Великой Степи (кимако-кипчакский феномен) // Средневековая археология евразийских степей. –Т.2. –Казань, 2007.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. –Алма-Ата, 1992.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. –2-е изд. –СПб., 2004.

Книсарин Б.А. К вопросу о вооружении средневековых кочевников Западного Казахстана VIII – XI вв. // Вестник АГУ им.К.Жубанова. –Актобе, 2001.

Книсарин Б.А. Некоторые вопросы вооружения и военного дела средневековых кочевников Западного Казахстана VIII – XI вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. –Вып.1. –Уральск, 2002.

Кокибаева Г.Н. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. –Алма-Ата, 1980.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. –Л., 1932.
<http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504b.htm>.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. –Казань, 2002.

Кольцов П.М., Ашкаев М.С. Кочевники Северо-Западного Прикаспия в печенежско-торчское время // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. –2008. –№1.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Средньому Подніпров'ї – Археологія і давня історія України. Вып.7. Киев, 2011.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. –М., 1999.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. –М., 2006.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV вв.: текст, перевод, комментарий. –М., 2009.

Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. –М.-Л., 1958.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Перев. под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. –М., 1991.
http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/index.phtml?id=6412

Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности // КСИА. –Вып.224. –М., 2010.

Косвен М.О. Г.-Ф.Миллер (к 250-летию со дня рождения) // Советская этнография. –1956. –№1.

Косвен М.О. Этнографические результаты Великой северной экспедиции 1733 – 1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. –III. Труды Института этнографии. –Т.64. –М.-Л., 1961.

Костюков В.П. Памятники кочевников XIII – XIV вв. (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. дисс. канд. ист. наук. –Уфа, 1997.

Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуригенеза). –Челябинск, 2006.

Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. –М., 2006-а.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII – XIV вв. –Казань, 2010.

Кочуев А.К. Сведения о древностях в Оренбургской и Казанской губерниях // ВИОИДР. –Кн.3. –М., 1849.

Кочуев А.К. Древности Оренбургской губернии // ВИОИДР. –Кн.16. –М., 1853.

КПАБ – Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971 – 1980 гг. –Уфа, 1982.

Крайнова Т.В. Самарское Археологическое Общество (1916 – 1919) // Краеведческие записки. СОИМК. –Вып. VII. –Самара, 1995.

Крайнова Т.В. Алабин – участник Восточной войны и летописец обороны Севастополя // Краеведческие записки СОИМК. –Вып. VIII. –Самара, 1996.

Крайнова Т.В. П.В.Алабин – основатель Самарского Публичного музея (к 110-летию Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В.Алабина // П.В.Алабин, Вятка, музей (алабинские чтения). –Киров, 1998.

Крамаровский М.Г. «Золото Чингисидов: джучидская сокровищница» // Сокровища Золотой Орды. –СПб., 2000.

Кривошеков А. Исторические судьбы Оренбургского края // ВОУО. –Вып.3. –Уфа, 1912.

Кривцова-Гракова О.А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. // ТСА РАНИОН. –Т.IV. –М., 1929.

Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // Советская археология. –1983. –№3.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос.Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. –Уфа, 1984.

Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X – XIV вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. –М., 1985.

Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. –Саратов, 1986.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. –Т.2. –Донецк, 2001.

Круглов Е.В. Погребение 12 из кургана №32 Бахтияровского могильника // Древности юга России. Памяти А.Г.Атавина. –М., 2008.

Крюкова Т.А. Коллекции П.С.Палласа по народам Поволжья // Сборник музея антропологии и этнографии. –Т.XII. –М.-Л., 1949.

Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. // Археология и этнография Башкирии. –Т.III. –Уфа, 1968.

- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. –М., 1974.
- Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. –Уфа, 1978.
- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. –М., 1992.
- Кузнецова Л.В. Археолог и художник Михаил Маткин // Краеведческие записки СОИМК. –Вып. VII. –Самара, 1995.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. –М., 1985.
- Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам. –Алма-Ата, 1972.
- Кумекон Б.Е. Об этническом составе кыпчаков в XI – начале XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. –Вып.2. –М., 1990.
- Кумекон Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации западного Дешт-и-Кыпчака XII – начала XIII века // Известия АН Республики Казахстан. –№1. –Алматы, 1993.
- Кумекон Б.Е. Персидские и арабские формы написания термина кыпчак и вопросы хронологии // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и-Кыпчака в XIII – XVIII вв. Материалы междунар. круглого стола. –Алматы, 2004.
- Кумекон Б.Е. Кимаки и кыпчаки. Кимакский каганат // История татар. –Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.
- Кумекон Б.Е. Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав // История татар. –Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006-а.
- Курочкин Г.Н. Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историкографические очерки. –СПб., 1995.

- КУС - Краеведческие учреждения СССР. –Изд.2-е. –Л., 1927.
- Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. –Уральск, 1993.
- Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия АН КазССР. –№108. Серия археологическая. –Вып. 3. –Алма-Ата, 1951.
- Кычанов Е.И. Сведения в "Юань-ши" о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия АН Киргизской ССР. –Т.V. –Вып.1. –Фрунзе, 1965. <http://www.kyrgyz.ru/?page=76>
- Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку / Под. ред. акад. Е.Ф.Карского. Воспроизведение текста изд. 1926 – 1928 гг. // Полное собрание русских летописей. –Т.1. –М., 1962.
- Лазарева И.Н. Самарской публичный музей: шаги истории // Краеведческие записки. СОИМК. –Вып.VIII. –Самара, 1996.
- Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. –СПб, 2000.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII – XIV вв. –М., 1976.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. –М., 1981.
- Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. –Нижний Новгород, 1991.
- Максимов Е.К. Позднекочевнические погребения Урало–Волжского региона // Древности Восточной Европы / МИА. –Вып.169. –М., 1969.
- Максимова Г.А. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. –№6 (243). Июнь 1965. –Алма-Ата, 1965.
- Малиев Н. Антропологический очерк башкир // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. –Т.V. –Вып.5. –Казань, 1876.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII – XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. –М., 1974.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. –М.-Л., 1951.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. –М.-Л., 1959.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. –№108. –Вып.3. Серия археологическая. –Алма-Ата, 1951.

Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. –Вып.1. –Алма-Ата, 1948.

Маркварт И. О происхождении народа куманов / Перев. А.Немировой.
<http://www.steppe.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>

Мартинес-Наваррете М.И., Висент-Гарсия Х.М., Лопес-Гарсия П., Лопес-Саец Х.А., де Завала-Моренкос И., Диас-дель-Рио П. Металлургическое производство на Каргалах и реконструкция окружающей среды // Российская археология. –2005. –№4.

Марыксин Д.В. Золотоордынские погребения с южной ориентировкой (по материалам Западного Казахстана) // XVIII Уральское Археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. –Уфа, 2010.

Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. –Алма-Ата, 1966.

Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. –Ташкент, 1953.

Массон М.Е. Серебряные монеты XIV века из погребений могильника в бассейне реки Нуры // ТИИАЭ. –Т.VII. Археология. –Алма-Ата, 1959.

Массон М.Е. К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Вестник АН КазССР. –№1 (238). Январь 1965. –Алма-Ата, 1965.

Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. –Самара, 1998.

Матвиевский А.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. –М., 1991.

Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. –1958. –№4.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. –Т.1. –М.-Л., 1939.

Матюшко И.В. Классификация погребального обряда кочевников IX – XIV вв. н.э. степей Приуралья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. –Казань, 2008.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII – XIV вв. // САИ. –Вып. E1–36. –М., 1966.

Мелков А. Заметки о курганах // Труды Общества изучения Киргизского края. –Вып.2. –Оренбург, 1992.

Миллер Г.-Ф. Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения. –1764. –№12 (на немец. языке); То же на русс. языке: Радлов В.В. Сибирские древности. –Т.1. –Вып.3 // МАР. –№15. –СПб., 1894.

Мильков Ф.Н. Ландшафтные провинции и районы Чкаловской области // Очерки физической географии Чкаловской области. –Чкалов, 1951.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX – XI веках. –М., 2002.

Московский О.В. Петр Алабин: грани таланта. –Самара, 2004.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г.Орска // МИА. –№115. –М.-Л., 1962.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. –Алма-Ата, 1974.

Назаров П. Отчет о раскопках кургана «Кок-Ийюк» в Николаевском уезде Тургайской области // Труды императорского Московского археологического общества. –Т.15. –Вып.1. –М., 1894.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. –Армавир, 2005.

Насилов Д.М. Кыпчаки у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник, 2007 - 2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. –М., 2009.

Нефедов Ф.Д. О раскопках в Касимовском уезде // Антропологическая выставка 1879 г. –Т.II / ИОЛЕАЭ. Приложение к Т.31. –М., 1878.

Нефедов Ф.Д. О курганах Приуралья // Антропологическая выставка 1879 г. –Т.III. –Ч.1 / ИОЛЕАЭ. –Т.35. –Ч.1. –Вып.2. –М., 1878-а.

Нефедов Ф.Д. Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г. в Тургайской области Ф.Д.Нефедовым и К.А.Фишером // Антропологическая выставка 1879 г. // Известия ОЛЕАЭ. –Т.49. –Вып.3. –М., 1886.

Нефедов Ф.Д. Об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. –Т.III. –М., 1899-а.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. –Т.3. –М., 1899-б.

Нефедов Ф.Д. Журнал курганных раскопок в 1887–88 гг. в Южном Приуралье // МАВГР. –Т.III. –М., 1899-в.

Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание. –М.-Л., 1948.

Новлянская М.Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // Известия ВГО. –1962. –№3.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. –М., 1990.

ОАК – 1889 г. –СПб., 1892.

ОАК – 1894 г. –СПб., 1896.

ОАК – 1895 г. –СПб., 1897.

ОАК – 1899 г. –СПб., 1902.

ОАК – 1903/1 г. –СПб., 1906.

ОАК – 1904 г. –СПб., 1907.

ОАК – 1908 г. –СПб., 1911.

ОАК – 1909 г. –СПб., 1912.

ОАК – 1913 – 1915 г. –СПб., 1918.

ОАК – Отчет Археологической комиссии за 1882 – 1888 гг. –СПб., 1890.

ОАК – Отчет Археологической комиссии за 1893 г. –СПб., 1895.

Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки РАО. –Т. VIII. –Вып.1-2. Новая серия. –СПб., 1896.

Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVIII – начала XX века. -Уфа, 1994.

Оконникова Т.И. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. –Ижевск, 1999.

Оллсен Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217 – 1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. –Т.6. Золотоордынское время. –Донецк, 2008.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. –Ч.1. –СПб., 1773; –Ч.2. –СПб., 1783.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. –Ч.1. –Кн.2. –СПб., 1770.

Паничкина М.З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934 - 1935 гг. // Советская археология. –Ш. –М., 1937.

Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. –Вып.IV. Нумизматический сборник. –Т.3. –Нижний Новгород, 2002.

Пачкалов А.В. К топографии находок джучидских монет на территории Казахстана // Кадырбаевские чтения. Материалы междунар. науч. конф. –Актобе, 2007.

Пекарский П.П. Старинное известие о золоте и серебре, добываемом в Уфимском уезде // Известия РАО. –Т.5. –Вып.4. –СПб., 1864.

Пекарский П.П. Известия об уфимских дворянах Пекарских // Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. –СПб., 1867.

Петри Э.Ю. Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // Отчет Археологической комиссии за 1889 г. Раздел VII. –СПб., 1892.

Петрухин В. Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времен. –Т.1. –Казань, 2002.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. –Т.1. –Донецк, 2000.

Пирогова Е.Н. Деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. –Свердловск, 1988.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. –№62. –М.-Л., 1958.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. –М., 1967.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. –Вып.ЕІ-19. –М., 1973.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. –Вып.Е4-2. –М., 1974.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. –М., 1982.

Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. –М., 1985.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. –М., 1989.

Плетнева С.А. Половцы. –М., 1990.

Плетнева С.А. Печенег и гузы на Нижнем Дону. –М., 1990-а.

Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. –1991. –№3.

Плетнева С.А. Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья. –Воронеж, 2003.

Повесть временных лет. Прозаический перевод на современный русский язык Д.С.Лихачёва. <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php>

Подгаецкий Г.В. Могильники эпохи бронзы близ г.Орска // МИА. –№1. –М.-Л., 1940.

Поливанов В.Н. Муранский могильник. –М., 1896.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. –Казань, 1996.

Попов А.В. Дневник раскопок. II – на Бердинской горе // ТОУАК. –Вып.4. –Оренбург, 1898.

Попов А.В. Несколько слов к археологии Тургайской и Уральской областей // ТОУАК. –Вып.16. –Оренбург, 1906.

Попов А.В. О броне, хранящейся в музее Архивной Комиссии // ТОУАК. –Вып.23. –Оренбург, 1908.

Попов А.В., Кастанье И.А. Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в Киргизской степи // ТОУАК. –Вып.16. –Оренбург, 1906.

- Попов С.А. Тайны Пятимаров. –Челябинск, 1971.
- Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. –Самара, 1919.
- Природа Западного Казахстана. Электронный ресурс. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=48001>
- Прицак О., Голб Н. Хазарско-еврейские документы X века / Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я.Петрухина. –Изд.2-е. –М.-Иерусалим, 2003.
- Прицак О. Коли і ким було написано "Слово о полку Ігореві". –Киев, 2008.
- Пряхин А.Д. История советской археологии. –Воронеж, 1986.
- ПСУПР – Полное собрание ученых путешествий по России. –Т.1. –СПб., 1818-1825.
- Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. –Уфа, 2001.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.) / Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. –М., 1971.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перев. и комм. А.П.Ковалевского. –М.-Л., 1939. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/fadlan.htm>
- Радлов В.В. Сибирские древности. –Т.1. –Вып.3 // МАР. –№15. –СПб., 1894.
- Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. –Вып.V. –М., 1963.
- Расовский Д.А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // Расовский Д.А. Половцы. Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. –М., 2012.
- Расовский Д.А. Половцы. I. Происхождение половцев // Seminarium Kondakovianum. Анналы института им.Н.П.Кондакова. –Вып.7. –Прага, 1935.

Расовский Д.А. Половцы. II. Разселение половцев // *Seminarium Kondakovianum*. *Анналы института им.Н.П.Кондакова*. –Вып.8. –Прага, 1936.

Рахимкулов М.Г. Патриарх башкирского краеведения // *Встречи с Башкирией. От Пушкина до Чехова*. –Уфа, 1982.

Рахимкулов М.Г. Башкирские станицы Ф.Д.Нефедова // *Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии*. –Уфа, 1988.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. –Т.1. –Кн.1 / Перев. с перс. Л.А.Хетагурова. –М.-Л., 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. –Т.1. –Кн.2 / Перев. с перс. О.И.Смирнова. –М.-Л, 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. –Т.2 / Перев. с перс. Ю.П.Верховского. –М.-Л, 1960.

Регинон Прюмский. Хроника / Перев. А.В.Назаренко // *Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков*. –М., 1993.
http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text1.phtml?id=9682

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI – XIV вв. –Казань, 2001.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // *САИ*. –Вып.ДЗ–9. –М., 1962.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. –М., 1982.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси // *КСИИМК*. –Вып.43. –М., 1952.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // *ИКИИЮОВО*. –Т.1. –Саратов, 1926.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // *Археологические работы Академии на новостройках, в 1932 – 1933 гг.* –Т.II / *Известия ГАИМК*. –Вып.110. –М.-Л., 1935.

Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. –СПб., 1772.

СА – Советская археология. –1958. –№4.

СА – Советская археология. –1971. –№2.

Савинов Д.Г. К исторической оценке генеалогической легенды о происхождении кимаков // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990 – 1991. –СПб., 1992.
<http://kronk.narod.ru/library/savinov-dg-1992.htm>

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). –Новосибирск, 2008.
<http://kronk.narod.ru/library/savinov-novikov-roslakov-2008.htm>

Садыкова М.Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир IX – XIV вв. // АЭБ. –Т.IV. –Уфа, 1971.

Садыкова М.Х. Отчет за 1962 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп.73. Ед.хр.11.

Сальников К.В. Сарматские курганы близ г.Орска // МИА. –№1. –М.-Л., 1940.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. –Свердловск, 1952.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. –Вып.XLV. –М., 1952-а.

Сальников К.В. Отчет 1948 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сальников К.В. Отчет 1949 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сальников К.В. Отчет 1950 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сальников К.В. Отчет 1951 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сальников К.В. Отчет 1952 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сальников К.В. Отчет 1953 г. / Архив УНЦ РАН. Ф.6. Оп.1.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. –М., 1991.

СГВ – «Саратовские губернские ведомости». –1886. –№74.

Сейдимбеков А. Поющие купола. –Алма-Ата, 1985.

Семенова В.И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья. Дисс. докт. культурологии. –Томск, 2006. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.uu.ru.net/diss/cont/165369.html>

Сенигова Т.Н. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. –Т.1. –Алма-Ата, 1956.

СЗО – Сокровища Золотой Орды. –СПб., 2000.

Сидоров В.В. Исследователи края башкирского. Век XVIII. –Уфа, 1997.

Синицын И.В. Археологические памятники по р.Малый Узень // КСИИМК. –Вып. 32. –М., 1950.

Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. –Вып.37. –М., 1951.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. –Вып.45. –М., 1952.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // ТИИАЭ. –Т.1. –Алма-Ата, 1956.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951 – 1953 гг.) // Памятники Нижнего Поволжья. –Т.1 / МИА. –№60. –М., 1959.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. –№78. –М., 1960.

Смирнов А.П. Введение // МИА. –№80. –М., 1960.

Смирнов А.П., Тихомирова В.А. Археологические памятники левобережья Волги (Ульяновск – Майна) // Историко-археологический сборник. –М., 1948.

Смирнов К.Ф. Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области // Тезисы докл. на I Оренбургской историко-

археологической конференции, по вопросу: «Состояние и задачи историко-археологического изучения Оренбургской области». –Оренбург, 1961.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. –Т.I / МИА. –№60. –М., 1959.

Смирнов К.Ф. Отчет 1966 г. / Архив ИА РАН.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. –М., 1975.

Смирнов М.С. Отчет научной экспедиции Башнаркомпроса по итогам раскопок и разведок в 1920 году // УАВ. –Вып.4. –Уфа, 2003.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. –М., 1997.

Смолин В.Ф. Археологический очерк Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. –Вып.II. –Казань, 1925.

Соколов Д.Н. Из поездок по степи (наблюдения и заметки) // ТОУАК. –Вып.19. –Оренбург, 1907.

Сокровенное сказание монголов / Перевод С.А.Козина. –М., 2002.

Сорокин В.С. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель) // КСИИМК. –Вып.71. –М., 1958.

Сорокин В.С. Отчет 1955 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №1174.

Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. –Т.VIII. –Вып.1-2. –СПб., 1896.

Спицын А.А. Из коллекций Императорского Эрмитажа // ЗОРСА ИРАО. –Т.VIII. –Вып.1. –СПб., 1906.

Спицын А.А. Венгерские вещи X в. в России // ИАК. –Вып.53. –СПб., 1914.

Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // ИАК. –Вып.60. –Пг., 1916.

- СТ - Словарь топонимов Башкирской АССР. –Уфа, 1980.
- Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. –М.-Л., 1954.
- СТБ – Словарь топонимов Башкирии. –Уфа, 1980.
- Степанов Н.Н. В.Н.Татищев и русская этнография // СЭ. –1951. –№1.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. –М., 1981.
- Степи Челябинской области. Общегеографический очерк // <http://www.redbook.ru/stepi07.htm>
- Столянский П.Н. Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии // ТОУАК. –Вып.20. –Оренбург, 1909.
- Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). –М., 1982.
- Суюншалиев Х.Ж. Воспоминания о друге // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. –Вып.1. –Уральск, 2002.
- Сысоев А.Д. Очерки физической географии Челябинской области. –Челябинск, 1959.
- Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. –М., 1950.
- Тахир Марвази. Природа животных // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. –Казань, 2006.
- ТВОРАО – Труды восточного отделения Русского археологического общества. –1. –СПб., 1886/87.
- Тезикова Т.В. Самарская Лука. Краткая физико-географическая характеристика восточной части // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. –Вып.Ш. –Куйбышев, 1975.
- Тереножкин А.И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // Вестник древней истории. –1938. –№1.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. –Т.1: Извлечения из сочинений арабских. –СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. –Т.II: Извлечения из персидских сочинений. Обработ. А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. –М.-Л., 1941.

Тимофеев Е.М. Урало–Прикаспийская степь, как объект археологического изучения // Урало–Прикаспийская степь. –№4. –Уральск, 1930.

Толмачев В.Я. Раскопки и разведки 1910 года // ИАК. –Вып.53. –Пг., 1914.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. –М.-Л., 1948.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства // Древности времен переселения народов. –Вып.II. –СПб., 1889.

ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. –Вып.6. –Оренбург, 1900.

ТОУАК. –Вып.9. –Оренбург, 1901.

ТОУАК. –Вып.11. –Оренбург, 1902.

ТОУАК. –Вып.12. –Оренбург, 1903.

ТОУАК. –Вып.14. –Оренбург, 1905.

ТОУАК. –Вып.16. –Оренбург, 1906.

ТОУАК. –Вып.18. –Оренбург, 1907.

ТОУАК. –Вып.19. –Оренбург, 1907.

ТОУАК. –Вып.23. –Оренбург, 1908.

ТОУАК. –Вып.29. –Оренбург, 1913.

ТОУАК. –Вып.33. –Оренбург, 1916.

ТОУАК. –Вып.34. –Оренбург, 1916.

Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. –М.-Л., 1949.

- Труды VII Археологического съезда. –М., 1891.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волго-Камской Булгарии и ее территория. –Казань, 1975.
- Федин Н.Ф., Владимиров Н.М. Археологические находки междуречья Волги и Урала // Вестник АН КазССР. –№2 (107). –Алма-Ата, 1954.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. –М., 1978.
- Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. –Т. I. –М., 1960.
- Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. –Т.IV. –М., 1963.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. –М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. –М., 1973.
- Федорова-Давыдова Э.А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы / МИА. –Вып.169. –М., 1969.
- Ферсман А.Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. –Л., 1929.
- Филоненко В.И. Руф Гаврилович Игнатъев // ВОУО. –№5. –Уфа, 1912.
- Флёрв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. –М.-Иерусалим, 2011.
- Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. –Вып.36. –М., 1951.
- Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. –М., 1961.
- Формозов А.А. О.А.Кривцова-Гракова (некролог) // СА. –1970. –№4.
- Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. –1975. –№4.

- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. –М., 1986.
- Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии // Российская археология. –1994. –№4.
- Формозов А.А. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830 – 1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. –СПб., 1995.
- Фрадкин Н.Г. Академик И.И.Лепехин и его путешествия по России в 1768 – 1773 гг. –М., 1950.
- Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX – XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев. –Казань, 1992.
- Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // КСИА. –Вып.104. –М., 1965.
- Харузин А.Н. Степные очерки. –М., 1888.
- Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды. –М., 1989.
- Харузин А.Н. Курганы Букеевской Орды // ИОЛЕАЭ. –Т.LXIV / Труды антропологического отдела. –Т.XI. –Вып.2. –М., 1890.
- Хасанов Э.Р. Оренбургская ученая архивная Комиссия: возникновение и работа научного общества на Южном Урале (конец XIX – начало XX века). –Уфа-Стерлитамак, 1998.
- Хасанов Э.Р. Участие историко-краеведческих обществ в деле археологического изучения Южного Урала в XIX – начале XX века // (в печати).
- Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста, арабского писателя начала X века // ЖМНП. –Ч.140. –СПб, 1868.
- Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана. –Уфа, 1994.
- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. –М., 1984.

Хохлова О.С. Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. –Вып.4. –М., 1996.

Хохлова О.С., Хохлов А.А. Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. –Вып.VII. –Оренбург, 2005.

Храковский В. Шараф аз-Заман Тахир Марвази // Труды сектора востоковедения АН Каз.ССР. –Т.I. –Алма-Ата, 1959.

Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. / Критический текст, перевод с латыни Истории Тартар брата Ц.де Бридиа С.В.Аксенова и А.Г.Юрченко. –СПб., 2002.

Худяков Ю.С. Кыпчакские племена Западной Сибири в XI – первой половине XIII в. // История татар с древнейших времен. –Т.II. –Казань, 2006.

Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. –2004. –№12. Электронный ресурс. Режим доступа <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html>

Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. –Вып.13. –Воронеж, 1999.

Чернова В.А. Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания и его роль в формировании художественных коллекций Самарского художественного музея // Краеведческие записки. СОИМК. –Вып.VIII. –Самара, 1996.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. –М., 2009.

Чибилёв А.А. Природа Оренбургской области. –Ч.1. Физико-географический и историко-географический очерк. –Оренбург, 1995. <http://kraeved.opck.org>

Шабашов А.В. О монгольском элементе в составе средневековых кыпчаков // Цирендоржиевські читання – IV. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії. –Киев, 2008.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Кочевнические захоронения X – XII вв. на р.Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья. –Днепропетровск, 1985.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. –Т.І / МИА. –№60. –М., 1959.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. –Л., 1975.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Перев. с араб. З.М.Буниятова. -Баку, 1973.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Издание критич. текста, перев. с араб. З.М.Буниятова. –М., 1996.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/frametext1.htm>,

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/frametext2.htm>,

Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района. –Астрахань, 1990.

Шнайдштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. –Л., 1985.

Шукшинцев И.С. Сведения о курганах Оренбургской губернии // ТОУАК. –Вып.6. –Оренбург, 1900-а.

Шукшинцев И.С. Предания о курганах Оренбургской губернии // ТОУАК. –Вып.6. –Оренбург, 1900-б.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. –М., 1997.

Юдин П.Л. Курганы и подземные пещеры в Самарской губернии // Исторический вестник. Год пятнадцатый. –Т.57. –СПб., 1894.

Юзеева О.Н. К.В.Сальников. Годы сотрудничества с областным краеведческим музеем // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. –Челябинск, 1999.

Юхт А.И. Связи В.Н.Татищева с Академией наук // Проблемы истории общественной мысли и историографии. –М., 1976-а.

Юхт А.И. Деятельность В.Н.Татищева на Урале в 1720 – 1722 гг. // Исторические записки. –Т.97. –М., 1976-б.

Яблонский Л.Т. От редактора // Курганы левобережного Илека. –Вып.1. –М., 1993.

Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы

Волгоградского государственного университета. Волгоград, 1999.

Якимов А.С. Палеопочвы и природные условия степей нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII – XIV вв. н.э.). Автореф. дисс. канд. геогр. наук. –М., 2004.

Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII – XIV веках. Автореф. дисс. канд. ист. наук. –Ижевск, 1995.

Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). –Челябинск, 2006.

Balint Cs. A contribution to research on ethnicity: a view from and on the East // Archaeology of Identity/Archäologie der Identität. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters 17. Denkschriften der philosophisch-historischen Klasse 406. 2010,

Bartha A. Hungarian society in 9 th and 10 th centuries. –Budapest, 1975.

Baski I. On the ethnic names of the Cumans of Hungary // Kinship in the Altaic World / Proceedings of the 48th PIAC. Edited by Elena V. Boikova and Rostislav B. Rybakov. –Wiesbaden, 2006.

Christian D. A history of Russia, Central Asia and Mongolia: Vol. 1: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire - Oxford and Malden, Mass, 1998.

Chronicon Dubnicense: Cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi picto et Budensi accurate collatum // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores; 3. Quinque-Ecclesiis, 1884.

Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores; 2. –Lipsiae, 1883.

Curta F. South-Eastern Europe in the Middle Ages, 500-1250. –Cambridge, 2006.

Diaconu P. Les coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. –București, 1978.

Diaconu P. Les Petchenegues au Bas-Danube. –Bucharest, 1970.

Dienesl. Les hongrois conquérants. –Budapest, 1972.

Fodor I. In search of a New Homeland. –Budapest, 1982.

Göckenjan H., Sweeny J. R. Der Mongolensturm. –Band.3. –Graz, 1985.

Gökbel A. Kipchaks and Kumans // The Turks. –Vol.1. –Ankara, 2002.

Golden P. The migrations of the oguz // Frchivum Ottomanicum. –IV. 1972.

Golden P.B. "I will give the people unto thee". The Chinggisid Conquests and their aftermath in the Turkic World // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. –Vol.10. Part 1. –Cambridge UK, 2000.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the MiddleEast. –Wiesbaden, 1992.

Golden P.B. Cumanica III: Urusoba // Aspects of Altaic Civilization. - Vol.III (Uralic and Altaic Series. –Vol.145). –Bloomington, 1990.

Golden P.B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes // Archiwum Eurasiae Medii Aevi. -Vol.IX (1995-1997). –Wiesbaden, 1997.

Golden P.B. Notes on the Qıpçaq Tribes: Kimeks and Yemek // The Turks. –Ankara, 2002. –Vol.I.

Golden P.B. The migrations of the Oğuz // Archivum Ottomanicarum. –Vol.4. –Wiesbaden, 1972.

Golden P.B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. –Vol.III – IV. (1979/1980). –Cambridge Mass., 1980.

Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A H. - 982 A. D. / Tr. and expl. by V.Minorsky. With the preface by V.V.Barthold. –London: Luzac & co., 1937. <http://odnapllyazyk.narod.ru/hududalal.htm> — Joannis de Thwrocz. Joannis archidiaconi de Kikullew. Ab Origine gentius. Inserta simul chronica // Scriptorum Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. –Pars Prima – Vindibonae, MDCCLXVI (1766).

Journal von der Ao 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geier Chan der Kirsis-Kaysack Tartarischen Horda... // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen. Zweiter Teil, 1730 – 1741. –Riga, 1784.

Kurat A.N. Peçenek tarihi. –Istanbul, 1937.

Kurat A.N. IV - XVIII. Yüzyıllarda Karadenizin Türk Kavimleri ve Devletleri. –Ankara, 1972.

Mándoky Kongur István. A hantos-széki kunok // Székesfehérvár évszázadai - Székesfehérvár, 1972. -2. Középkor.

<http://www.terebess.hu/keletkultinfo/kunhantos.html>

Mándoky Kongur István. A kunok ılas törzse és törökségi kapcsolatai // Jászkunság –XXII. –Szolnok, 1976. - 1-2. <http://www.terebess.hu/keletkultinfo/kunulas.html>

- Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. –London, 1942.
- Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe people in medieval Hungary. –Budapest, 1989.
- Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. –Budapest, 1989.
- Pelliot P. Notes sur l’histoire de la Horde d’Or. –Paris, 1949.
- Pritsak O. The decline of the Empire of the Oghuz Yabghu // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. –New York, 1952.
- Pritsak O. The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation // Peter de Ridder Press (Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1975. –Vol.1.). –Lisse, 1976.
- Pritsak O. Two Migratory Movements in the Eurasian Steppe in the 9th-11th centuries // Proceedings of 26th International Congress of Orientalists. –New Delhi, 1964. –Vol.2. –New Delhi 1968.
- Spinei V. Moldavia in the 11th-14th Centuries. –Bucharest, 1986.
- Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. –Cluj-Napoca, 2003.
- Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. –Leiden-Boston, 2009.
- Stoyanow V. Kumans in Bulgarian history // The Turks. –Vol.I. –Ankara, 2002.
- Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-’Umar-i-’Usman Jawzani. –Vol.1. –London, 1881.
- Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-’Umar-i-’Usman Jawzani. –Vol.2. –London, 1881.

Tallgren A.M. Ausgrabungen in Maklaseevka // Evrasia Septentrionalis Antiqua. –I. 1924.

Tryjarski E. Piecingowie // Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. –Wroclaw, 1975.

Uydu Yücel M. Pechenegs on the Balkans // The Turks. –Vol.I. –Ankara, 2002.

Zimonyi Istvan. History of the Turkic speaking peoples in Europe before Ottomans. [http:// www. Lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/ip2007/ Zimonyi I.P. pdf](http://www.Lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/ip2007/Zimonyi I.P. pdf)

Список сокращений

- АГУ - Актюбинский государственный университет
АИА АН УССР - Архив Института археологии Академии наук
Украинской Советской Социалистической Республики
АН КазССР - Академия наук Казахской Советской Социалистической
Республики
АЭБ - Археология и этнография Башкирии
ВГО - Всесоюзное географическое общество
ВИОИДР - Вестник Исторического общества и древностей российских
ВОУО - Вестник Оренбургского учебного округа
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры
ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА ИРАО - Записки Отделения русской и славянской археологии
Императорского русского Археологического общества
ЗРАО - Записки Русского Археологического общества
ИАК - Известия Археологической комиссии
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИИМК - Институт истории материальной культуры (г.Ленинград, Санкт-
Петербург)
ИКИИЮОВО -
ИЭ - Институт этнографии
КазССР - Казахская Советская Социалистическая Республика
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной
культуры (г.Ленинград, Санкт-Петербург)
Л. - Ленинград (г.Санкт-Петербург)
МАНГР - Материалы по археологии восточных губерний России
МАО - Московское археологическое общество

МАР - Материалы по археологии России
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
НТКГПИ - Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института (г.Самара)
ОАК - Отчет Археологической комиссии
ОЛЕАЭ - Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
Пг. - Петроград
РАО - Русское географическое общество
РГО - Русское географическое общество
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СОИМК - Самарский областной исторический музей краеведения
СЭ - Советская этнография
ТИИАЭ - Труды Института истории, археологии, этнографии (г.Алма-Ата)
ТОУАК - Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТСА РАНИОН - Труды Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
УАВ - Уфимский археологический вестник
УНЦ РАН - Уфимский научный центр Российской академии наук

Приложение.

Таблица 1

Представительные признаки погребального обряда средневековых кочевников
Урало-Поволжья (в %%)

№ п/п	Содержание признака	Кочевники X-XI вв. (огузы и печенеги)	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	Кочевники Золотой Орды с земляными курганами	Кочевники Золотой Орды с каменными курганами
I. Надмогильное сооружение					
1	Земляные курганы	86,0	100	90,0	-
2	Каменные курганы	-	-	-	8,3
3	Земля вперемешку с камнем	-	-	-	15,6
4	Каменная выкладка над могилой	-	-	-	62,0
5	Каменное кольцо	-	-	-	11,4
6	Каменный «панцирь»	-	-	-	14,6
7	Каменная прямоугольная оградка	-	-	-	5,2
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	2,9	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	-	-	1,6	-
10	Могильник бескурганый	-	-	5,2	-
11	Кострище в насыпи	-	-	3,7	-
12	Отдельные угольки в насыпи	2,9	-	2,5	-
13	Кости животных в насыпи	6,9	-	13,9	5,2
14	Керамика в насыпи	-	-	2,9	-
15	Деревянная конструкция в насыпи	-	-	2,0	-
16	Ровик у основания насыпи	4,7	-	8,7	-
II. Планиграфия кургана					
17	Основное погребение	80,4	77,5	89,2	100
18	Впускное погребение	56,8	22,5	7,6	-
19	Два и более погребений в насыпи	19,5	-	10,8	5,2
III. Конструкция могильной ямы					
20	Могила простая	56,8	47,5	63,8	72,9
21	Стенки сужаются ко дну	-	-	1,4	-
22	Ступенька слева	6,5	-	7,9	7,3
23	Ступенька справа	-	-	1,6	-

24	Ступеньки вдоль длинных стенок	-	-	8,9	-
25	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	0,8	-
26	Подбой без уступа у входа		22,5	4,8	-
27	Подбой с уступом у входа	4,1	-	4,5	6,2
28	Перекрытие на засыпи могилы	18,3	-	18,7	26,0
29	Перекрытие на ступеньках	-	-	6,8	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	-	-	3,9	-
31	Перекрыт подбой	-	-	3,5	-
32	Кирпичный склеп или заклад	-	-	2,5	-
33	Конструкция могилы неизвестна	23,6	30,0	7,9	6,2
IV. Характер конского захоронения					
34	Конская шкура слева от человека	18,3	22,5	6,2	-
35	Конская шкура справа от человека	7,1	12,5	1,2	-
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	27,8	-	3,3	-
37	Конская шкура у ног человека	5,3	-	-	-
38	Остов коня слева от человека	-	-	2,3	8,3
39	Остов коня на ступеньке	-	-	2,3	6,2
40	Остов коня в отдельной яме	-	-	1,8	-
41	Местоположение коня не установлено	7,1	-	-	-
42	Наличие сбруи без коня	7,1	9,5	17,4	22,9
V. Ориентировка погребенного и детали ритуала					
43	Ориентировка погребенного: запад	45,0	45,2	51,1	33,3
44	восток	2,9	16,6	5,6	-
45	север	-	-	4,3	13,5
46	юг	-	-	4,3	5,2
47	северо-запад	7,1	-	6,6	9,3
48	северо-восток	2,9	11,9	8,7	15,6
49	юго-запад	24,8	14,3	13,5	11,4
50	юго-восток	2,9	-	1,0	-

51	Не определена	7,7	12,0	4,9	11,7
52	Остатки гроба (колоды)	5,0	9,7	36,3	11,3
53	Деревянная рама	-	-	1,8	4,1
54	Остатки подстилки	17,7	-	9,3	7,2
55	Кости овцы в могиле	7,7	9,5	11,8	9,3
56	Кости КРС	-	-	1,0	
57	Кости лошади	-	-	2,0	
58	Кости животного не определены	5,9	-	3,5	5,2
59	Керамика в могиле	10,6	-	1,0	-
VI. Состав погребального инвентаря					
60	Удила	37,8	25,5	18,9	24,9
61	Стремена	42,4	40,0	24,4	24,9
62	Бляха-решма	9,4		-	-
63	Уздечные накладки	16,8	8,5	-	-
64	Костяна подпружная пряжка	4,1		-	-
65	Железные наконечники стрел	34,9	35,8	21,8	31,2
66	Костяные наконечники стрел	3,5	-	-	6,2
67	Костяные обкладки лука	20,1	13,2	1,2	-
68	Берестяной колчан	17,1	15,0	14,9	21,8
69	Костяные накл. на колчан	-	-	4,5	-
70	Сабля	13,6	-	2,5	-
71	Копье	-		1,2	-
72	Доспехи	2,9	-	0,8	-
73	Поясной набор	12,4	-	10,7	-
74	Серьги-подвески	12,4	14,7	8,5	-
75	Серьги «знак «?»»	-	-	12,7	15,6
76	Подвески-бубенчики (пуговицы)	16,5	13,7	3,7	-
77	Бусы	9,2	-	17,0	11,4
78	Копоушки, птицевидные подвески	17,7	-	-	-
79	Перстень	5,3		1,8	-
80	Браслет	4,7		1,4	-
81	Зеркало	6,5	-	23,5	16,6
82	Головной убор-«бокка»	-	-	11,6	8,3
83	Амулет-коранница	-	-	3,1	-
84	Нож	29,6	29,0	42,0	35,4
85	Ножницы	7,7	-	17,6	10,4
86	Гребень	-	-	3,9	5,2
87	Кресало и кремь	7,7	13,0	19,7	16,6
88	Шило	-	-	2,7	-
89	Кожаная сумка	-	-	4,5	-

90	Медный сосуд	-	-	-	6,2
91	Монеты	-	-	14,3	3,2
92	Без вещей	2,9	-	7,2	14,6
Всего погребений:		165**	41***	481****	97*

Таблица 2

Сравнительная таблица признаков погребального обряда кочевников X - XIV вв. степей Восточной Европы (в %%)

№ п/п	Содержание признака	Огузы	Печенеги	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	Кочевники Золотой Орды с земляными курганами	Кочевники Золотой Орды с каменными курганами
I. Надмогильное сооружение						
1	Земляные курганы	92,0	94,4	92,50	90,0	36,8
2	Каменные курганы	-	-	-	-	8,4
3	Земля вперемешку с камнем	-	-	3,0	-	21,9
4	Каменная выкладка над могилой	-	-	3,30	-	39,3
5	Каменное кольцо	-	-	-	-	16,8
6	Каменный «панцирь»	-	-	-	-	15,5
7	Каменная прямоугольная оградка	-	-	-	-	4,5
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	-	2,9	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	-	-	-	1,6	-
10	Могильник бескурганый	-	-	-	5,2	-
11	Кострище в насыпи	-	-	-	3,7	-
12	Отдельные угольки в насыпи	-	-	-	2,5	-
13	Кости животных в насыпи	6,9	-	3,90	13,9	6,4
14	Керамика в насыпи	-	-	-	2,9	-
15	Деревянная конструкция в насыпи	-	-	-	2,0	-

*Нижний порог значимости 4%

** Нижний порог значимости 3%

*** Нижний порог значимости 8%

**** Нижний порог значимости 0,8%

16	Ровик у основания насыпи	6,9	-	4,10	8,7	-
II. Планиграфия кургана						
17	Основное погребение	80,0	91,4	42,7	89,2	100
18	Впускное погребение	19,8	64,3	57,30	7,6	-
19	Два и более погребений в насыпи	62,3	8,5	9,0	10,8	5,2
III. Конструкция могильной ямы						
20	Могила простая	54,4	36,7	50,70	63,8	57,4
21	Стенки сужаются ко дну	-	-	-	1,4	-
22	Ступенька слева	-	15,0	6,20	7,9	6,4
23	Ступенька справа	-	-	2,0	1,6	-
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	-	-	2,40	8,9	-
25	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	-	0,8	-
26	Подбой без уступа у входа	-	-	3,00	4,8	-
27	Подбой с уступом у входа	-	10,0	7,10	4,5	10,3
28	Перекрытие на засыпи могилы	23,7	9,5	12,80	18,7	16,7
29	Перекрытие на ступеньках	-	-	-	6,8	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	-	-	-	3,9	-
31	Перекрыт подбой	-	-	2,40	3,5	5,1
32	Кирпичный склеп или заклад	-	-	-	2,5	-
33	Конструкция могилы неизвестна	30,7	32,1	28,90	7,9	9,0
IV. Характер конского захоронения						
34	Конская шкура слева от человека	-	83,9	17,00	6,2	-
35	Конская шкура справа от человека	-	16,1	8,30	1,2	-
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	75,2	-	6,0	3,3	-
37	Остов коня слева от человека	-	-	9,50	2,3	7,7
38	Остов коня справа от человека	-	-	2,70		-
39	Остов коня на ступеньке	-	-	2,40	2,3	5,1
40	Остов коня в отдельной яме	-	-	-	1,8	-

41	Наличие сбруи без коня	-	-	9,20	17,4	17,4
V. Ориентировка погребенного и детали ритуала						
42	Ориентировка погребенного: запад	46,5	56,2	33,40	51,1	27,7
43	восток	-	-	22,00	5,6	5,1
44	север	-	-	3,30	4,3	6,4
45	юг	-	-	-	4,3	-
46	северо-запад	11,9	14,5	7,10	6,6	8,4
47	северо-восток	-	-	7,70	8,7	14,2
48	юго-запад	27,7	18,6	5,30	13,5	7,0
49	юго-восток	-	-	4,70	1,0	-
50	Остатки гроба (колоды)	14,8	14,5	31,6	36,3	16,1
51	Деревянная рама	-	-	8,30	1,8	3,8
52	Остатки подстилки	10,9	11,0	5,7	9,3	3,2
53	Кости овцы в могиле	6,0	14,0	5,60	11,8	7,7
54	Кости КРС	-	-	-	1,0	-
55	Кости лошади	-	-	-	2,0	-
56	Кости животного не определены	-	-	3,90	3,5	4,5
57	Керамика в могиле	14,8	12,0	15,1	1,0	-
VI. Состав погребального инвентаря						
58	Удила	37,2	53,7	25,0	18,9	22,0
59	Стремена	62,3	44,1	41,4	24,4	26,0
60	Бляха-решма	10,9	4,0	-	-	-
61	Уздечные накладки	16,8	8,5	6,8	-	-
62	Костяна подпружная пряжка	-	4,5	-	-	-
63	Железные наконечники стрел	30,7	29,1	33,70	21,8	34,2
64	Костяные наконечники стрел	-	-	-	-	3,2
65	Костяные обкладки лука	9,9	19,0	11,90	1,2	-
66	Берестяной колчан	19,8	8,5	13,40	14,9	20,1
67	Костяные накл. на колчан	-	-	4,70	4,5	5,8-
68	Колчанная петля	-	-	4,70		
69	Сабля	9,9	14,5	31,60	2,5	5,1
70	Копье	-	4,5	2,70	1,2	-
71	Доспехи	-	-	8,60	0,8	3,9
72	Поясной набор	24,7	18,5	15,20	10,7	-
73	Детали пояса: пряжки, накладки	35,6	22,5	15,5	12,7	18,2
74	Серьги-подвески	9,9	18,6	15,20	8,5	5,2

75	Подвески из лазурита			2,0		
76	Серьги «знак «?»»	-	-	-	12,7	13,6
77	Подвески-бубенчики (пуговицы)	26,7	12,6	16,40	3,7	6,5
78	Бусы	12,0	5,5	11,60	17,0	14,8
79	Копоушки, птицевидные подвески	37,6	-	-	-	-
80	Перстень	7,9	-	2,00	1,8	-
81	Браслет	6,9	-	2,70	1,4	-
82	Зеркало	7,9	-	5,00	23,5	12,2
83	Головной убор- «бокка»	-	-	4,40	11,6	5,8
84	Амулет-коранница	-	-	-	3,1	-
85	Гривна	-	-	5,90	-	-
86	Нож	38,6	40,0	29,20	42,0	40,6
87	Ножницы	8,9	6,5	2,0	17,6	9,6
88	Гребень	-	-	-	3,9	3,8
89	Кресало и кремь	9,9	17,0	13,40	19,7	23,2
90	Навершие нагайки	-	-	2,0	-	-
91	Шило	-	-	-	2,7	-
92	Кожаная сумка	-	-	-	4,5	5,1
93	Медный сосуд	-	-	10,10	-	8,4
94	Монеты	-	-	-	14,3	3,2
95	Без вещей	6,0	4,5	5,00	7,2	12,2
Всего погребений:		66*	93**	335****	481*****	157***

Таблица 3

Значения коэффициента формально-типологического сходства (С₃) средневековых кочевников Урало-Поволжья

	Огузы	Печенеги	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды с камен. курганами
Огузы	-				
Печенеги	0,68	-			
Кыпчаки-половцы	0,36	0,56	-		

* При степени вероятности = 0,95 нижний порог значимости 6%.

** Нижний порог значимости 4%

*** Нижний порог значимости 3%

**** Нижний порог значимости 2%

***** Нижний порог значимости 0,8%

домонгольск. периода					
Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	0,52	0,51	0,67	-	
Кочевники Золотой Орды с камен. курганами	0,59	0,61	0,69	0,38	-

Таблица 4

Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда средневековых кочевников Урало-Поволжья

№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака				
			Огузы	Печенеги	Кыпчаки-половцы домонгольского периода	Кочевник и Золотой Орды с земл. курганам и	Кочевник и Золотой Орды с камен. курганам и
I. Надмогильное сооружение							
1	Земляные курганы	81,1	1,13	1,16	1,14	1,1	0,45
2	Каменные курганы	1,6	-	-	-	-	5,2
3	Земля вперемешку с камнем	3,1	-	-	-	-	5,1
4	Каменная выкладка над могилой	12,4	-	-	-	-	5,0
5	Каменное кольцо	2,3	-	-	-	-	5,0
6	Каменный «панцирь»	2,9	-	-	-	-	5,3
7	Каменная прямоугольная оградка	1,04	-	-	-	-	5,2
8	Оградка из сырцового кирпича	0,58	-	-	-	5,0	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	0,32	-	-	-	5,0	-

10	Могильник бескурганный	1,04	-	-	-	5,2	-
11	Кострище в насыпи	0,74	-	-	-	5,0	-
12	Отдельные угольки в насыпи	0,5	-	-	-	5,0	-
13	Кости животных в насыпи	6,22	1,1	-	-	2,2	0,83
14	Керамика в насыпи	0,58	-	-	-	2,9	-
15	Деревянная конструкция в насыпи	0,4	-	-	-	2,0	
16	Ровик у основания насыпи	3,9	1,7	-	1,05	2,2	-
II. Планиграфия кургана							
17	Основное погребение	80,6	1,0	1,13	0,53	1,1	1,24
18	Впускное погребение	29,8	0,66	2,15	1,92	0,25	-
19	Два и более погребений в насыпи	19,16	3,25	0,44	0,47	0,67	0,27
III. Конструкция могильной ямы							
20	Могила простая	52,6	1,03	0,69	0,96	1,21	1,09
21	Стенки сужаются ко дну	0,28	-	-	-	5,0	-
22	Ступенька слева	7,1	-	2,11	0,87	1,11	0,9
23	Ступенька справа	0,72	-	-	2,77	2,22	-
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	0,72	-	-	2,77	2,22	-
25	Ступеньки вдоль всех стенок	2,26	-	-	1,06	3,93	-
26	Подбой без уступа у входа	0,7	-	-	4,3	6,85	-
27	Подбой с уступом у	6,4	-	1,56	1,1	0,7	1,6

	входа						
28	Перекрытие на засыпи могилы	16,3	1,45	0,58	0,78	1,14	1,02
29	Перекрытие на ступеньках	1,36	-	-	-	5,0	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	0,78	-	-	-	5,0	-
31	Перекрыт подбой	0,7	-	-	3,42	5,0	7,3
32	Кирпичный склеп или заклад	0,5	-	-	-	5,0	-
33	Конструк-ия могилы неизвестна	21,7	1,41	1,48	1,33	0,36	0,41
IV. Характер конского захоронения							
34	Конская шкура слева от человека	21,4	-	3,92	0,79	0,29	-
35	Конская шкура справа от человека	5,1	-	3,15	1,62	0,23	-
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	16,9	4,45	-	0,35	0,19	-
37	Остов коня слева от человека	3,9	-	-	2,43	0,59	1,97
38	Остов коня справа от человека	0,54			5,0	-	-
39	Остов коня на ступеньке	1,9	-	-	1,26	1,21	2,68
40	Остов коня в отдельной яме	0,36	-	-	-	5,0	-
41	Наличие сбруи без коня	8,8	-	-	1,04	1,97	1,97
V. Ориентировка погребенного и детали ритуала							
42	Ориентиров	43,0	1,08	1,3	0,77	1,19	0,64

	ка погребенног о: запад						
43	восток	6,5	-	-	3,38	0,86	0,78
44	север	2,8	-	-	1,17	1,53	2,28
45	юг	0,86	-	-	-	5,0	-
47	северо-запад	9,7	1,22	1,49	0,73	0,68	0,86
48	северо- восток	6,1	-	-	1,26	1,42	2,32
49	юго-запад	14,4	1,92	1,29	0,37	0,93	0,48
50	юго-восток	1,1	-	-	4,27	0,90	-
51	Остатки гроба (колоды)	22,6	0,65	0,64	1,40	1,60	0,71
52	Деревянная рама	2,8	-	-	2,96	0,64	1,35
53	Остатки подстилки	8,0	1,36	1,37	0,71	1,16	0,4
54	Кости овцы в могиле	9,0	0,66	1,55	0,62	1,31	0,85
55	Кости КРС	0,20	-	-	-	5,0	-
56	Кости лошади	0,40	-	-	-	5,0	-
57	Кости животного не определены	2,4	-	-	1,62	1,46	1,87
58	Керамика в могиле	8,6	1,72	1,39	1,75	0,11	-
VI. Состав погребального инвентаря							
59	Удила	31,3	1,18	1,71	0,80	0,60	0,70
60	Стремена	39,64	1,57	1,11	1,04	0,61	0,65
61	Бляха- решма	2,98	3,65	1,34	-	-	-
62	Уздечные накладки	6,42	2,61	1,32	1,06	-	-
63	Костяна подпружная пряжка	0,90	-	5,0	-	-	-
64	Железные наконечник и стрел	29,90	1,02	0,97	1,12	0,73	1,14
65	Костяные наконечник и стрел	0,64	-	-	-	-	5,0
66	Костяные обкладки	8,40	1,17	2,26	1,41	0,14	-

	лука						
67	Берестяной колчан	15,52	1,27	0,54	0,86	0,96	1,29
68	Костяные накл. на колчан	3,0	-	-	1,56	1,50	1,93
69	Сабля	12,72	0,77	1,13	2,48	0,19	0,40
70	Копье	1,68	-	2,67	1,60	0,71	-
71	Доспехи	2,66	-	-	3,23	0,30	1,46
72	Поясной набор	13,82	1,78	1,33	1,1	0,77	-
73	Детали пояса: пряжки, накладки	20,9	1,70	1,07	0,74	0,60	0,87
74	Серьги-подвески	11,48	0,86	1,62	1,32	0,74	0,45
75	Подвески из лазурита	0,40	-	-	5,0	-	-
76	Серьги «знак «?»»	5,26	-	-	-	2,41	2,58
73 7	Подвески-бубенчики (пуговицы)	13,18	2,02	0,95	1,19	0,28	0,49
78	Бусы	12,18	0,98	0,45	0,95	1,39	1,21
79	Копоушки, птицевидные подвески	7,52	5,0	-	-	-	-
80	Перстень	2,34	3,37	-	0,85	0,77	-
81	Браслет	2,2	3,13	-	1,22	0,63	-
82	Зеркало	9,72	0,81	-	0,51	2,41	1,25
83	Головной убор-«бокка»	4,36	-	-	1,00	2,66	1,33
84	Амулет-коранница	0,62	-	-	-	5,00	-
85	Гривна	1,18	-	-	5,00	-	-
86	Нож	38,0	1,01	1,05	0,77	1,1	1,07
87	Ножницы	8,9	1,0	0,73	0,22	1,97	1,08
88	Гребень	1,54	-	-	-	2,53	2,46
89	Кресало и кремь	16,6	0,59	1,02	0,80	1,18	1,39
90	Навершие нагайки	0,4	-	-	5,0	-	-
91	Шило	0,54	-	-	-	5,0	-
92	Кожаная сумка	1,92	-	-	-	2,34	2,65
93	Медный сосуд	3,7	-	-	2,73	-	2,27

94	Монеты	3,5	-	-	-	4,08	0,91
95	Без вещей	6,98	0,86	0,64	0,71	1,03	1,75

Таблица 5

Значения коэффициента формально-типологического сходства (С₃) средневековых кочевников Урало-Поволжья по признакам обряда, имеющим повышенную или близкую к нормальной встречаемость

	Огузы	Печенеги	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды с камен. курганами
Огузы	-				
Печенеги	0,44	-			
Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	0,20	0,26	-		
Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	0,52	0,51	0,67	-	
Кочевники Золотой Орды с камен. курганами	0,59	0,61	0,69	0,27	-

Таблица 6

Группировка признаков погребального обряда кочевников по категориям

№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака				
			Огузы	Печенеги	Кыпчаки-половцы домонгольского периода	Кочевник и Золотой Орды с земл. курганам и	Кочевник и Золотой Орды с камен. курганам и
ПРИЗНАКИ УСЛОВНО-ЛОКАЛЬНЫЕ							
1	Земляные курганы	81,1	1,13	1,16	1,14	1,1	0,45
2	Кости животных в насыпи	6,22	1,1	-	-	2,2	0,83
3	Ровик у основания	3,9	1,7	-	1,05	2,2	-

	насыпи						
4	Основное погребение	80,6	1,0	1,13	0,53	1,1	1,24
5	Впускное погребение	29,8	0,66	2,15	1,92	0,25	-
6	Могила простая	52,6	1,03	0,69	0,96	1,21	1,09
7	Ступенька слева	7,1	-	2,11	0,87	1,11	0,9
8	Ступенька справа	0,72	-	-	2,77	2,22	-
9	Ступеньки вдоль длинных стенок	0,72	-	-	2,77	2,22	-
10	Ступеньки вдоль всех стенок	2,26	-	-	1,06	3,93	-
11	Подбой без уступа у входа	0,7	-	-	4,3	6,85	-
12	Подбой с уступом у входа	6,4	-	1,56	1,1	0,7	1,6
13	Перекрытие на засыпи могилы	16,3	1,45	0,58	0,78	1,14	1,02
14	Перекрыт подбой	0,7	-	-	3,42	5,0	7,3
15	Конструкция могилы неизвестна	21,7	1,41	1,48	1,33	0,36	0,41
16	Конская шкура справа от человека	5,1	-	3,15	1,62	0,23	-
17	Остов коня слева от человека	3,9	-	-	2,43	0,59	1,97
18	Остов коня на ступеньке	1,9	-	-	1,26	1,21	2,68
19	Наличие сбруи без коня	8,8	-	-	1,04	1,97	1,97
20	Ориентировка погребен-го: запад	43,0	1,08	1,3	0,77	1,19	0,64
21	север	2,8	-	-	1,17	1,53	2,28

22	северо-запад	9,7	1,22	1,49	0,73	0,68	0,86
23	северо-восток	6,1	-	-	1,26	1,42	2,32
24	юго-запад	14,4	1,92	1,29	0,37	0,93	0,48
25	Остатки гроба (колоды)	22,6	0,65	0,64	1,40	1,60	0,71
26	Деревянная рама	2,8	-	-	2,96	0,64	1,35
27	Остатки подстилки	8,0	1,36	1,37	0,71	1,16	0,4
28	Кости овцы в могиле	9,0	0,66	1,55	0,62	1,31	0,85
29	Кости животного не определены	2,4	-	-	1,62	1,46	1,87
30	Керамика в могиле	8,6	1,72	1,39	1,75	0,11	-
Состав погребального инвентаря							
59	Удила	31,3	1,18	1,71	0,80	0,60	0,70
60	Стремена	39,64	1,57	1,11	1,04	0,61	0,65
62	Уздечные накладки	6,42	2,61	1,32	1,06	-	-
64	Железные наконечник и стрел	29,90	1,02	0,97	1,12	0,73	1,14
66	Костяные обкладки лука	8,40	1,17	2,26	1,41	0,14	-
67	Берестяной колчан	15,52	1,27	0,54	0,86	0,96	1,29
68	Костяные накл. на колчан	3,0	-	-	1,56	1,50	1,93
69	Сабля	12,72	0,77	1,13	2,48	0,19	0,40
70	Копье	1,68	-	2,67	1,60	0,71	-
72	Поясной набор	13,82	1,78	1,33	1,1	0,77	-
73	Детали пояса: пряжки, накладки	20,9	1,70	1,07	0,74	0,60	0,87
74	Серьги-подвески	11,48	0,86	1,62	1,32	0,74	0,45
76	Серьги «знак «?»»	5,26	-	-	-	2,41	2,58
73 7	Подвески-бубенчики	13,18	2,02	0,95	1,19	0,28	0,49

	(пуговицы)						
78	Бусы	12,18	0,98	0,45	0,95	1,39	1,21
81	Браслет	2,2	3,13	-	1,22	0,63	-
82	Зеркало	9,72	0,81	-	0,51	2,41	1,25
83	Головной убор-«бокка»	4,36	-	-	1,00	2,66	1,33
86	Нож	38,0	1,01	1,05	0,77	1,1	1,07
87	Ножницы	8,9	1,0	0,73	0,22	1,97	1,08
88	Гребень	1,54	-	-	-	2,53	2,46
89	Кресало и кремь	16,6	0,59	1,02	0,80	1,18	1,39
92	Кожаная сумка	1,92	-	-	-	2,34	2,65
93	Медный сосуд	3,7	-	-	2,73	-	2,27
95	Без вещей	6,98	0,86	0,64	0,71	1,03	1,75
ПРИЗНАКИ УСЛОВНО-ЧАСТНЫЕ							
2	Каменные курганы	1,6	-	-	-	-	5,2
3	Земля вперемешку с камнем	3,1	-	-	-	-	5,1
4	Каменная выкладка над могилой	12,4	-	-	-	-	5,0
5	Каменное кольцо	2,3	-	-	-	-	5,0
6	Каменный «панцирь»	2,9	-	-	-	-	5,3
7	Каменная прямоугольная оградка	1,04	-	-	-	-	5,2
8	Оградка из сырцового кирпича	0,58	-	-	-	5,0	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	0,32	-	-	-	5,0	-
10	Могильник бескурганн ый	1,04	-	-	-	5,2	-
11	Кострище в насыпи	0,74	-	-	-	5,0	-
12	Отдельные угольки в насыпи	0,5	-	-	-	5,0	-
14	Керамика в насыпи	0,58	-	-	-	2,9	-

15	Деревянная конструкция в насыпи	0,4	-	-	-	2,0	
19	Два и более погребений в насыпи	19,16	3,25	0,44	0,47	0,67	0,27
21	Стенки сужаются ко дну	0,28	-	-	-	5,0	-
29	Перекрытие на ступеньках	1,36	-	-	-	5,0	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	0,78	-	-	-	5,0	-
32	Кирпичный склеп или заклад	0,5	-	-	-	5,0	-
34	Конская шкура слева от человека	21,4	-	3,92	0,79	0,29	-
36	Конская шкура над человеком (в насыпи или на перекрытии)	16,9	4,45	-	0,35	0,19	-
	Остов коня справа от человека	0,54			5,0	-	-
39	Остов коня в отдельной яме	0,36	-	-	-	5,0	-
42	восток	6,5	-	-	3,38	0,86	0,78
44	юг	0,86	-	-	-	5,0	-
48	юго-восток	1,1	-	-	4,27	0,90	-
53	Кости КРС	0,20	-	-	-	5,0	-
54	Кости лошади	0,40	-	-	-	5,0	-
61	Бляха-решма	2,98	3,65	1,34	-	-	-
63	Костяна подпружная пряжка	0,90	-	5,0	-	-	-
65	Костяные наконечник и стрел	0,64	-	-	-	-	5,0
71	Доспехи	2,66	-	-	3,23	0,30	1,46

75	Подвески из лазурита	0,40	-	-	5,0	-	-
79	Копоушки, птицевидные подвески	7,52	5,0	-	-	-	-
80	Перстень	2,34	3,37	-	0,85	0,77	-
84	Амулет-коранница	0,62	-	-	-	5,00	-
85	Гривна	1,18	-	-	5,00	-	-
90	Навершие нагайки	0,4	-	-	5,0	-	-
91	Шило	0,54	-	-	-	5,0	-
94	Монеты	3,5	-	-	-	4,08	0,91

Таблица 7

Представительные признаки погребального обряда кочевников степей Восточной Европы домонгольского периода (X - первая половина XIII вв.)

№ п/п	Содержание признака	Огузы	Печенеги заволжские	Печенеги европейские	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода
1	Земляные курганы	92,0	94,4	96,8	92,50
2	Каменные курганы	-	-	-	-
3	Земля вперемешку с камнем	-	-	-	3,0
4	Каменная выкладка над могилой	-	-	-	3,30
5	Каменное кольцо	-	-	-	-
6	Каменный «панцирь»	-	-	-	-
7	Каменная прямоугольная оградка	-	-	-	-
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	-	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	-	-	-	-
10	Могильник бескурганый	-	-	-	-
11	Кострище в насыпи	-	-	-	-
12	Отдельные угольки в насыпи	-	-	-	-
13	Кости животных в насыпи	6,9	-	-	3,90
14	Керамика в насыпи	-	-	-	-
15	Деревянная конструкция в насыпи	-	-	-	-

16	Ровик у основания насыпи	6,9	-	-	4,10
17	Основное погребение	80,0	91,4	32,5	42,7
18	Впускное погребение	19,8	64,3	67,5	57,30
19	Два и более погребений в насыпи	62,3	8,5	8,7	9,0
20	Могила простая	54,4	36,7	38,1	50,70
21	Стенки сужаются ко дну	-	-	-	-
22	Ступенька слева	-	15,0	13,1	6,20
23	Ступенька справа	-	-	-	2,0
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	-	-	-	2,40
25	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	-	-
26	Подбой без уступа у входа	-	-	-	3,00
27	Подбой с уступом у входа	-	10,0	8,75	7,10
28	Перекрытие на засыпи могилы	23,7	9,5	8,12	12,80
29	Перекрытие на ступеньках	-	-	-	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	-	-	-	-
31	Перекрыт подбой	-	-	-	2,40
32	Кирпичный склеп или заклад	-	-	-	-
33	Конструкция могилы неизвестна	30,7	32,1	35,6	28,90
34	Конская шкура слева от человека	-	83,9	79,3	17,00
35	Конская шкура справа от человека	-	16,1	8,75	8,30
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	75,2	-	-	6,0
37	Остов коня слева от человека	-	-	-	9,50
38	Остов коня справа от человека	-	-	-	2,70
39	Остов коня на ступеньке	-	-	-	2,40
40	Остов коня в отдельной яме	-	-	-	-
41	Наличие сбури без коня	-	-	-	9,20

42	Ориентировка погребенного: запад	46,5	56,2	59,3	33,40
43	восток	-	-	-	22,00
44	север	-	-	-	3,30
45	юг	-	-	-	-
46	северо-запад	11,9	14,5	14,3	7,10
47	северо-восток	-	-	-	7,70
48	юго-запад	27,7	18,6	14,3	5,30
49	юго-восток	-	-	-	4,70
50	Остатки гроба (колоды)	14,8	14,5	16,8	31,6
51	Деревянная рама	-	-	-	8,30
52	Остатки подстилки	10,9	11,0	10,0	5,7
53	Кости овцы в могиле	6,0	14,0	14,3	5,60
54	Кости КРС	-	-	-	-
55	Кости лошади	-	-	-	-
56	Кости животного не определены	-	-	-	3,90
57	Керамика в могиле	14,8	12,0	11,8	15,1
58	Удила	37,2	53,7		25,0
59	Стремена	62,3	44,1	37,4	41,4
60	Бляха-решма	10,9	4,0	-	-
61	Уздечные накладки	16,8	8,5	7,5	6,8
62	Костяна подпружная пряжка	-	4,5	-	-
63	Железные наконечники стрел	30,7	29,1	28,1	33,70
64	Костяные наконечники стрел	-	-	-	-
65	Костяные обкладки лука	9,9	19,0	16,8	11,90
66	Берестяной колчан	19,8	8,5	8,1	13,40
67	Костяные накл. на колчан	-	-	3,1	4,70
68	Колчанная петля	-	-	-	4,70
69	Сабля	9,9	14,5	12,5	31,60
70	Копье	-	4,5	6,25	2,70
71	Доспехи	-	-	-	8,60
72	Поясной набор	24,7	18,5	-	15,20
73	Детали пояса: пряжки, накладки	35,6	22,5	17,4	15,5

74	Серьги-подвески	9,9	18,6	18,1	15,20
75	Подвески из лазурита			-	2,0
76	Серьги «знак «?»»	-	-	-	-
77	Подвески-бубенчики (пуговицы)	26,7	12,6	13,75	16,40
78	Бусы	12,0	5,5	5,6	11,60
79	Копоушки, птицевидные подвески	37,6	-	-	-
80	Перстень	7,9	-	-	2,00
81	Браслет	6,9	-	4,3	2,70
82	Зеркало	7,9	-	-	5,00
83	Головной убор- «бокка»	-	-	-	4,40
84	Амулет-коранница	-	-	-	-
85	Гривна	-	-	-	5,90
86	Нож	38,6	40,0	44,3	29,20
87	Ножницы	8,9	6,5	7,5	2,0
88	Гребень	-	-	-	-
89	Кресало и кремь	9,9	17,0	20,0	13,40
90	Навершие нагайки	-	-	-	2,0
91	Шило	-	-	-	-
92	Кожаная сумка	-	-	-	-
93	Медный сосуд	-	-	-	10,10
94	Монеты	-	-	-	-
95	Без вещей	6,0	4,5	4,3	5,00
Всего погребений:		66*	93**	160***	335****

* При степени вероятности = 0,95 нижний порог значимости 6%.

** Нижний порог значимости 4%

*** Нижний порог значимости 3%

**** Нижний порог значимости 2%

Таблица 8

Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда кочевников степей Восточной Европы домонгольского периода (X - первая половина XIII вв.)

№ п/п	Содержание признака	Норма распределения	Огузы	Печенеги заволжские	Печенеги европейские	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода
1	Земляные курганы	93,9	0,98	1,0	1,03	0,98
2	Каменные курганы	-	-	-	-	-
3	Земля вперемешку с камнем	0,75	-	-	-	4,0
4	Каменная выкладка над могилой	0,82	-	-	-	4,0
5	Каменное кольцо		-	-	-	-
6	Каменный «панцирь»		-	-	-	-
7	Каменная прямоугольная оградка		-	-	-	-
8	Оградка из сырцового кирпича		-	-	-	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»		-	-	-	-
10	Могильник бескурганный		-	-	-	-
11	Кострище в насыпи		-	-	-	-
12	Отдельные угольки в насыпи		-	-	-	-
13	Кости животных в насыпи	2,7	2,55	-	-	1,44
14	Керамика в насыпи		-	-	-	-
15	Деревянная конструкция в насыпи		-	-	-	-
16	Ровик у основания насыпи	2,75	2,5	-	-	1,5

17	Основное погребение	61,6	1,3	1,5	0,52	0,69
18	Впускное погребение	52,2	0,38	1,2	1,3	1,09
19	Два и более погребения в насыпи	22,1	2,8	0,38	0,39	0,4
20	Могила простая	44,9	1,2	0,81	0,85	1,13
21	Стенки сужаются ко дну		-	-	-	-
22	Ступенька слева	8,57	-	1,75	1,52	0,72
23	Ступенька справа	0,8	-	-	-	4,0
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	0,6	-	-	-	4,0
25	Ступеньки вдоль всех стенок		-	-	-	-
26	Подбой без уступа у входа	0,75	-	-	-	4,0
27	Подбой с уступом у входа	6,4	-	1,5	1,36	1,1
28	Перекрытие на насыпи могилы	13,5	1,75	0,7	0,6	0,95
29	Перекрытие на ступеньках		-	-	-	-
30	Перекрытие на одной ступеньке		-	-	-	-
31	Перекрыт подбой	0,6	-	-	-	4,0
32	Кирпичный склеп или заклад		-	-	-	-
33	Конструкция могилы неизвестна	31,8	0,96	1,0	1,1	0,9
34	Конская шкура слева от человека	45,05	-	1,86	1,76	0,37
35	Конская шкура справа от человека	8,28	-	1,94	1,05	1,0
36	Конская шкура над человеком (в насыпи или	20,3	3,7	-	-	0,29

	на перекрытии)					
37	Остов коня слева от человека	2,37	-	-	-	4,0
38	Остов коня справа от человека	0,67	-	-	-	4,0
39	Остов коня на ступеньке	0,6	-	-	-	4,0
40	Остов коня в отдельной яме		-	-	-	-
41	Наличие сбруи без коня	2,3	-	-	-	4,0
42	Ориентировка погребенного: запад	48,8	0,95	1,15	1,21	0,68
43	восток	5,5	-	-	-	4,0
44	север	0,82	-	-	-	4,0
45	юг		-	-	-	-
46	северо-запад	11,9	1,0	1,2	1,2	0,59
47	северо-восток	1,9	-	-	-	4,0
48	юго-запад	16,4	1,7	1,13	0,87	0,32
49	юго-восток	1,17	-	-	-	4,0
50	Остатки гроба (колоды)	19,4	0,76	0,74	0,86	1,62
51	Деревянная рама	2,07	-	-	-	4,0
52	Остатки подстилки	9,4	1,15	1,17	1,06	0,60
53	Кости овцы в могиле	9,9	0,60	1,41	1,44	0,56
54	Кости КРС		-	-	-	-
55	Кости лошади		-	-	-	-
56	Кости животного не определены	0,97	-	-	-	4,0
57	Керамика в могиле	13,4	1,1	0,89	0,88	1,12
58	Удила	37,9	0,98	1,41	0,95	0,66
59	Стремена	46,3	1,34	0,95	0,80	0,89
60	Бляха-решма	3,73	2,9	1,07	-	-
61	Уздечные накладки	9,9	1,69	0,86	0,75	0,68
62	Костяна подпружная пряжка	1,12	-	4,0	-	-

63	Железные наконечники стрел	30,4	1,0	0,96	0,92	1,1
64	Костяные наконечники стрел		-	-	-	-
65	Костяные обкладки лука	14,4	0,68	1,3	1,16	0,82
66	Берестяной колчан	12,4	1,6	0,68	0,65	1,08
67	Костяные накл. на колчан	1,9	-	-	1,6	2,4
68	Колчанная петля	1,17	-	-	-	4,0
69	Сабля	17,1	0,58	0,84	0,73	1,8
70	Копье	3,36	-	1,3	1,8	0,8
71	Доспехи	2,15	-	-	-	4,0
72	Поясной набор	14,6	1,7	1,2	-	1,04
73	Детали пояса: пряжки, накладки	22,7	1,5	0,99	0,76	0,68
74	Серьги- подвески	15,4	0,64	1,2	1,17	0,98
75	Подвески из лазурита	0,5			-	4,0
76	Серьги «знак «?»»		-	-	-	-
77	Подвески- бубенчики (пуговицы)	17,3	1,5	0,72	0,79	0,94
78	Бусы	10,0	1,2	0,55	0,56	1,16
79	Копоушки, птицевидные подвески	9,4	4,0	-	-	-
80	Перстень	2,4	3,3	-	-	0,83
81	Браслет	3,4	2,0	-	1,2	0,79
82	Зеркало	3,2	2,4	-	-	1,5
83	Головной убор- «бокка»	1,1	-	-	-	4,0
84	Амулет- коранница		-	-	-	-
85	Гривна	1,47	-	-	-	4,0
86	Нож	38,0	1,01	1,05	1,16	0,76
87	Ножницы	6,2	1,4	1,04	1,2	0,32
88	Гребень		-	-	-	-

89	Кресало и кремень	15,0	0,66	1,13	1,33	0,89
90	Навершие нагайки	0,5	-	-	-	4,0
91	Шило		-	-	-	-
92	Кожаная сумка		-	-	-	-
93	Медный сосуд	2,5	-	-	-	4,0
94	Монеты		-	-	-	-
95	Без вещей	4,9	1,2	0,92	0,87	1,0
Всего погребений:			66*	93**	160***	335****

Таблица 9

**Значения коэффициентов типологического сходства погребального обряда
кочевников степей Восточной Европы домонгольского периода**

	Огузы	Печенеги заволжские	Печенеги европейские	Кыпчаки- половцы домонгольск. периода
Огузы	-			
Печенеги заволжские	0,39	-		
Печенеги европейские	0,27	0,69	-	
Кыпчаки- половцы домонгольск. периода	0,18	0,15	0,20	-

* При степени вероятности = 0,95 нижний порог значимости 6%.

** Нижний порог значимости 4%

*** Нижний порог значимости 3%

**** Нижний порог значимости 2%

Таблица 10

Представительные признаки погребального обряда кочевников XII - XIV вв. (в %%)

№ п/п	Содержание признака	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Урало-Повол. с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды Приуралья с камен. курганами
1	Земляные курганы	92,50	86,7	90,0	36,8
2	Каменные курганы	-	1,53	-	8,4
3	Земля вперемешку с камнем	3,0	4,6	-	21,9
4	Каменная выкладка над могилой	3,30	4,08	-	39,3
5	Каменное кольцо	-	4,08	-	16,8
6	Каменный «панцирь»	-	3,3	-	15,5
7	Каменная прямоугольная оградка	-	-	-	4,5
8	Оградка из сырцового кирпича	-	-	2,9	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	-	-	1,6	-
10	Могильник бескурганый	-	4,08	5,2	-
11	Кострище в насыпи	-	2,3	3,7	-
12	Отдельные угольки в насыпи	-	2,04	2,5	-
13	Кости животных в насыпи	3,90	8,67	13,9	6,4
14	Керамика в насыпи	-	1,2	2,9	-
15	Деревянная конструкция в насыпи	-	3,06	2,0	-
16	Ровик у основания насыпи	4,10	7,9	8,7	-
17	Основное погребение	42,7	77,3	89,2	100
18	Впускное погребение	57,30	22,7	7,6	-
19	Два и более погребений в насыпи	9,0	9,4	10,8	5,2
20	Могила простая	50,70	64,3	63,8	57,4
21	Стенки сужаются ко дну	-	-	1,4	-
22	Ступенька слева	6,20	2,3	7,9	6,4
23	Ступенька справа	2,0	1	1,6	-
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	2,40	5,8	8,9	-

25	Ступеньки вдоль всех стенок	-	3,8	0,8	-
26	Подбой без уступа у входа	3,00	2,3	4,8	-
27	Подбой с уступом у входа	7,10	6,9	4,5	10,3
28	Перекрытие на засыпи могилы	12,80	18,6	18,7	16,7
29	Перекрытие на ступеньках	-	3,8	6,8	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	-	-	3,9	-
31	Перекрыт подбой	2,40	3,3	3,5	5,1
32	Кирпичный склеп или заклад	-	-	2,5	-
33	Конструкция могилы неизвестна	28,90	13,2	7,9	9,0
34	Конская шкура слева от человека	17,00	4,08	6,2	-
35	Конская шкура справа от человека	8,30	1	1,2	-
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	6,0	2,3	3,3	-
37	Остов коня слева от человека	9,50	4,08	2,3	7,7
38	Остов коня справа от человека	2,70	-	-	-
39	Остов коня на ступеньке	2,40	2,3	2,3	5,1
40	Остов коня в отдельной яме	-	3,3	1,8	-
41	Наличие сбруи без коня	9,20	27,8	17,4	17,4
42	Ориентировка погребенного: запад	33,40	32,9	51,1	27,7
43	восток	22,00	7,6	5,6	5,1
44	север	3,30	11,2	4,3	6,4
45	юг	-	1,8	4,3	-
46	северо-запад	7,10	7,9	6,6	8,4
47	северо-восток	7,70	16	8,7	14,2
48	юго-запад	5,30	7,1	13,5	7,0
49	юго-восток	4,70	2	1,0	-
50	Остатки гроба (колоды)	31,6	28,8	36,3	16,1
51	Деревянная рама	8,30	2,3	1,8	3,8
52	Остатки подстилки	5,7	7,6	9,3	3,2
53	Кости овцы в могиле	5,60	16,6	11,8	7,7
54	Кости КРС	-	1	1,0	-

55	Кости лошади	-	-	2,0	-
56	Кости животного не определены	3,90	3	3,5	4,5
57	Керамика в могиле	15,1	1,8	1,0	-
58	Удила	25,0	11,7	18,9	22,0
59	Стремена	41,4	13,6	24,4	26,0
60	Бляха-решма	-	-	-	-
61	Уздечные накладки	6,8	6	-	-
62	Костяна подпружная пряжка	-	-	-	-
63	Железные наконечники стрел	33,70	14,7	21,8	34,2
64	Костяные наконечники стрел	-	1,5	-	3,2
65	Костяные обкладки лука	11,90	2,5	1,2	-
66	Берестяной колчан	13,40	21,4	14,9	20,1
67	Костяные накл. на колчан	4,70	6,9	4,5	5,8-
68	Колчанная петля	4,70	-	-	-
69	Сабля	31,60	5,3	2,5	5,1
70	Копье	2,70	4,3	1,2	-
71	Доспехи	8,60	3,0	0,8	3,9
72	Поясной набор	15,20	2,3	10,7	-
73	Детали пояса: пряжки, накладки	15,5	16,3	12,7	18,2
74	Серьги-подвески	15,20	10,4	8,5	5,2
75	Подвески из лазурита	2,0	-	-	-
76	Серьги «знак «?»»	-	14,8	12,7	13,6
77	Подвески-бубенчики (пуговицы)	16,40	6,9	3,7	6,5
78	Бусы	11,60	16,6	17,0	14,8
79	Копоушки, птицевидные подвески	-	-	-	-
80	Перстень	2,00	3,5	1,8	-
81	Браслет	2,70	1,2	1,4	-
82	Зеркало	5,00	18,6	23,5	12,2
83	Головной убор-«бокка»	4,40	9,4	11,6	5,8
84	Амулет-коранница	-	1,2	3,1	-
85	Гривна	5,90	-	-	-
86	Нож	29,20	39,8	42,0	40,6
87	Ножницы	2,0	12,5	17,6	9,6
88	Гребень	-	4,6	3,9	3,8
89	Кресало и кремь	13,40	21,7	19,7	23,2
90	Навершие нагайки	2,0	-	-	-
91	Шило	-	2,3	2,7	-
92	Кожаная сумка	-	4,6	4,5	5,1
93	Медный сосуд	10,10	14,8	-	8,4

94	Монеты	-	6,9	14,3	3,2
95	Без вещей	5,00	7,4	7,2	12,2
Всего погребений:		335****	392**	481*****	157***

Таблица 11

Таблица значений коэффициента формально-типологического сходства половцев/кыпчаков и кочевников Золотой Орды

	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды с камен. курганами
Кыпчаки-половцы домонгольск. периода	-			
Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	0,69	-		
Кочевники Золотой Орды с земл. курганами	0,62	0,84	-	
Кочевники Золотой Орды с камен. курганами	0,58	0,59	0,47	-

*** Нижний порог значимости 3%

**** Нижний порог значимости 2%

** Нижний порог значимости 1%

***** Нижний порог значимости 0,8%

Таблица 12

Представительные⁶⁴ признаки обряда погребений XIII - XIV вв. под
«каменными курганами» (в %%)

№ п/п	Содержание признака		Частота встречаемости
1.	Конструкция надмогильных сооружений	Насыпь земляная	36,8
2.		Насыпь каменная	8,4
3.		Насыпь из земли и камня	21,9
4.		Каменная наброска над могилой	39,3
5.		Каменное кольцо вокруг могилы	16,8
6.		Каменный «панцирь»	15,5
7.		Каменная оградка	4,5
8.		Кости животных в насыпи	6,4
9.	Конструкция могилы	Простая яма	57,4
10.		Ступенька слева	6,4
11.		Подбой с уступом при входе	10,3
12.		Дерев. перекрытие на насыпи могилы	16,7
13.		Перекрыт подбой	5,1
14.		Конструкция не прослежена	9,0
15.	Захоронение коня.	Остов коня слева от человека	7,7
16.		Остов коня на ступеньке	5,1
17.		Ориентировка коня соответствует человеку	9,6
18.		Ориентировка коня не определена	4,5
19.		Помещена сбруя без коня	17,4
20.	Ориентировка погребенного	запад	27,7
21.		восток	5,1
22.		север	6,4
23.		юго-запад	7,0
24.		северо-запад	8,4
25.		северо-восток	14,2
26.		не установлена	18,0
27.	Поза погребенного	На спине с вытянутыми руками	69,6
28.		Правая рука согнута, кисть на тазе	5,8
29.		Левая рука согнута, кисть на тазе	5,8
30.		Поза не установлена	18,7
31.	Детали ритуала	Погребенный в дощатом гробу	16,1
32.		Погребенный в раме из досок	3,8
33.		Погребенный на подстилке из луба	3,2
34.		Кости овцы (пища) в могиле	7,7
35.		Кости животного (пища) не определены	4,5
36.		Кости животного у головы человека	6,4
37.		Кости животного у ступней человека	4,5
Всего погребений:			157

⁶⁴ Представительные – значит, исходя из объема исследуемой выборки, составляющие не менее 3%.

Таблица 13

География распространения «всаднических погребений» золотоордынского времени в Южном Приуралье (количество погребений)

№	Могильник	Туша коня	Шкура коня	Сбруя без коня
1	Алабайтал			1
2	Андреевский			1
3	Алебастрово II			2
4	Башкирское стойло		1	
5	Белый Ключ	1		
6	Большевик II	1		1
7	Большевик III	1		
8	Джангала			1
9	Джангала (Нов.Казанка)			1
10	Джангала, Сарайдин			1
11	Жаксы-Каргала			1
12	Жарсуат I		1	
13	Ивановские IV		1	
14	Каменно-Озерный			1
15	Кара-Оба		1	
16	Комсомольский VI			1
17	Лебедевка IV			2
18	Лебедевка II			1
19	Лебедевка VI		1	
20	Лебедевка VIII		1	
21	Лиман			1
22	Линевский одиночный			1
23	Линевский			1
24	Мечей-Киров	1		
25	Мокринский I		2	
26	Новоорский I		1	
27	Новочеркасский VII			1
28	Новый Кумак	4		1
29	У Обелиска Славы	1		
30	Озеро Раим		1	1
31	Пчельник	1		6
32	Россыпинский			1
33	Тамар-Уткуль			1
34	Тлявгуловский	1		1
35	Урал	2		
36	Хабарный I	1		
37	Худай_Берген III			1
38	Худай-Берген IV			2
39	Челкар IV			2
40	Челкар V			1
41	2-я верста от Илецкой защиты			3

Таблица 14

**Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда
половцев/кыпчаков домонгольского периода и кочевников Золотой Орды**

№ п/п	Содержание признака	Норма распределения	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Урало-Повол. с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды Приуралья с камен. курганами
1	Земляные курганы	76,5	1,2	1,13	1,17	0,48
2	Каменные курганы	2,48	-	0,61	-	3,38
3	Земля вперемешку с камнем	7,37	0,4	0,62	-	3,0
4	Каменная выкладка над могилой	11,6	0,28	0,35	-	3,4
5	Каменное кольцо	5,22	-	0,78	-	3,2
6	Каменный «панцирь»	4,7	-	0,7	-	3,3
7	Каменная прямоугольная оградка	1,1	-	-	-	4,0
8	Оградка из сырцового кирпича	0,72	-	-	4,0	-
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	0,4	-	-	4,0	-
10	Могильник бескурганый	2,3	-	1,7	2,2	-
11	Кострище в насыпи	1,5	-	1,5	2,4	-
12	Отдельные угольки в насыпи	1,1	-	1,85	2,2	-
13	Кости животных в насыпи	8,2	0,47	1,05	1,69	0,78
14	Керамика в	1,0	-	1,2	2,9	-

	насыпи					
15	Деревянная конструкция в насыпи	1,26	-	2,4	1,58	-
16	Ровик у основания насыпи	5,17	0,79	1,5	1,68	-
17	Основное погребение	77,3	0,55	1,0	1,15	1,29
18	Впускное погребение	21,9	2,6	1,03	0,34	-
19	Два и более погребений в насыпи	8,6	1,04	1,09	1,25	0,6
20	Могила простая	59,0	0,86	1,08	1,08	0,97
21	Стенки сужаются ко дну		-	-	1,4	-
22	Ступенька слева	5,7	1,08	0,4	1,4	1,1
23	Ступенька справа	1,15	1,7	0,87	1,4	-
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	4,2	0,57	1,4	2,1	-
25	Ступеньки вдоль всех стенок	1,15	-	3,3	0,69	-
26	Подбой без уступа у входа	2,5	1,2	0,9	1,9	-
27	Подбой с уступом у входа	7,2	0,98	0,96	0,62	1,4
28	Перекрытие на насыпи могилы	16,7	0,76	1,11	1,12	1,0
29	Перекрытие на ступеньках	2,65	-	1,4	2,5	-
30	Перекрытие на одной ступеньке	0,97	-	-	4,0	-
31	Перекрыт подбой	3,57	0,67	0,92	0,98	1,4
32	Кирпичный склеп или заклад	0,62	-	-	4,0	-
33	Конструкция могилы неизвестна	12,2	2,3	1,08	0,64	0,73
34	Конская шкура слева от человека	6,8	2,5	0,6	0,91	-

35	Конская шкура справа от человека	2,6	3,2	0,38	0,46	-
36	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	2,9	2,06	0,79	1,13	-
37	Остов коня слева от человека	5,9	1,6	0,69	0,39	1,3
38	Остов коня справа от человека	0,67	4,0	-	-	-
39	Остов коня на ступеньке	3,02	0,79	0,76	0,76	1,7
40	Остов коня в отдельной яме	1,2	-	2,75	1,5	-
41	Наличие сбруи без коня	17,9	0,51	1,55	0,97	0,97
42	Ориентировка погребенного: запад	36,2	0,92	0,90	1,4	0,76
43	восток	10,0	2,2	0,76	0,56	0,51
44	север	6,3	0,52	1,77	0,68	1,0
45	юг	1,5	-	1,2	2,8	-
46	северо-запад	7,5	0,94	1,05	0,88	1,1
47	северо-восток	11,6	0,66	1,4	0,75	1,2
48	юго-запад	8,2	0,64	0,86	1,6	0,85
49	юго-восток	1,9	2,4	1,0	0,5	-
50	Остатки гроба (колоды)	28,2	1,12	1,0	1,3	0,57
51	Деревянная рама	4,05	2,05	0,56	0,44	0,94
52	Остатки подстилки	6,45	0,88	1,17	1,44	0,49
53	Кости овцы в могиле	10,4	0,53	1,6	1,13	0,74
54	Кости КРС	0,5	-	2,0	2,0	-
55	Кости лошади	0,5	-	-	4,0	-
56	Кости животного не определены	3,7	1,05	0,81	0,94	1,21
57	Керамика в могиле	4,47	3,3	0,4	0,22	-
58	Удила	19,4	1,3	0,6	0,97	1,13
59	Стремена	26,3	1,5	0,51	0,93	0,99
60	Бляха-решма		-	-	-	-
61	Уздечные накладки	3,2	2,1	1,8	-	-

62	Костяна подпружная пряжка		-	-	-	-
63	Железные наконечники стрел	26,1	1,3	0,56	0,83	1,3
64	Костяные наконечники стрел	1,17	-	1,3	-	2,7
65	Костяные обкладки лука	3,9	3,05	0,64	0,30	-
66	Берестяной колчан	17,4	0,77	1,23	0,85	1,15
67	Костяные накл. на колчан	5,4	0,87	1,27	0,83	1,07
68	Колчанная петля	1,17	4,0	-	-	-
69	Сабля	11,1	2,8	0,47	0,22	0,46
70	Копье	2,05	1,3	2,09	0,58	-
71	Доспехи	4,07	2,1	0,73	0,19	0,96
72	Поясной набор	7,05	2,15	0,32	1,5	-
73	Детали пояса: пряжки, накладки	15,6	0,99	1,04	0,81	1,16
74	Серьги-подвески	9,8	1,55	1,06	0,86	0,53
75	Подвески из лазурита	0,5	4,0	-	-	-
76	Серьги «знак «?»»	10,2	-	1,45	1,2	1,33
77	Подвески-бубенчики (пуговицы)	8,3	1,97	0,83	0,44	0,78
78	Бусы	15,0	0,77	1,1	1,13	0,98
79	Копцоушки, птицевидные подвески		-	-	-	-
80	Перстень	1,8	1,1	1,9	1,0	-
81	Браслет	1,3	2,07	0,92	1,07	-
82	Зеркало	14,8	0,33	1,25	1,6	0,82
83	Головной убор-«бокка»	7,8	0,56	1,2	1,5	0,74
84	Амулет-коранница	1,07	-	1,1	2,9	-
85	Гривна	1,47	4,0	-	-	-
86	Нож	37,9	0,77	1,05	1,1	1,07
87	Ножницы	10,4	0,19	1,2	1,7	0,92
88	Гребень	3,07	-	1,5	1,2	1,2
89	Кресало и	19,5	0,68	1,1	1,0	1,2

	кремень					
90	Навершие нагайки	0,5	4,0	-	-	-
91	Шило	1,25	-	1,84	2,16	-
92	Кожаная сумка	3,55	-	1,3	1,26	1,4
93	Медный сосуд	8,3	1,2	1,8	-	1,0
94	Монеты	6,1	-	1,13	2,3	0,52
95	Без вещей	7,9	0,63	0,93	0,91	1,5
Всего погребений:			335****	392**	481*****	157***

Таблица 15

Значения коэффициента формально-типологического сходства (С₃) половцев/кыпчаков домонгольского периода и кочевников Золотой Орды по признакам обряда, имеющим повышенную или близкую к нормальной встречаемость

	Кыпчаки-половцы домонгольск. периода Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды Урало-Повол. с земл. курганами	Кочевники Золотой Орды Приуралья с камен. курганами
Кыпчаки-половцы домонгольск. периода Южнорусских степей	-			
Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	0,22	-		
Кочевники Золотой Орды Урало-Повол. с	0,20	0,63	-	

*** Нижний порог значимости 3%

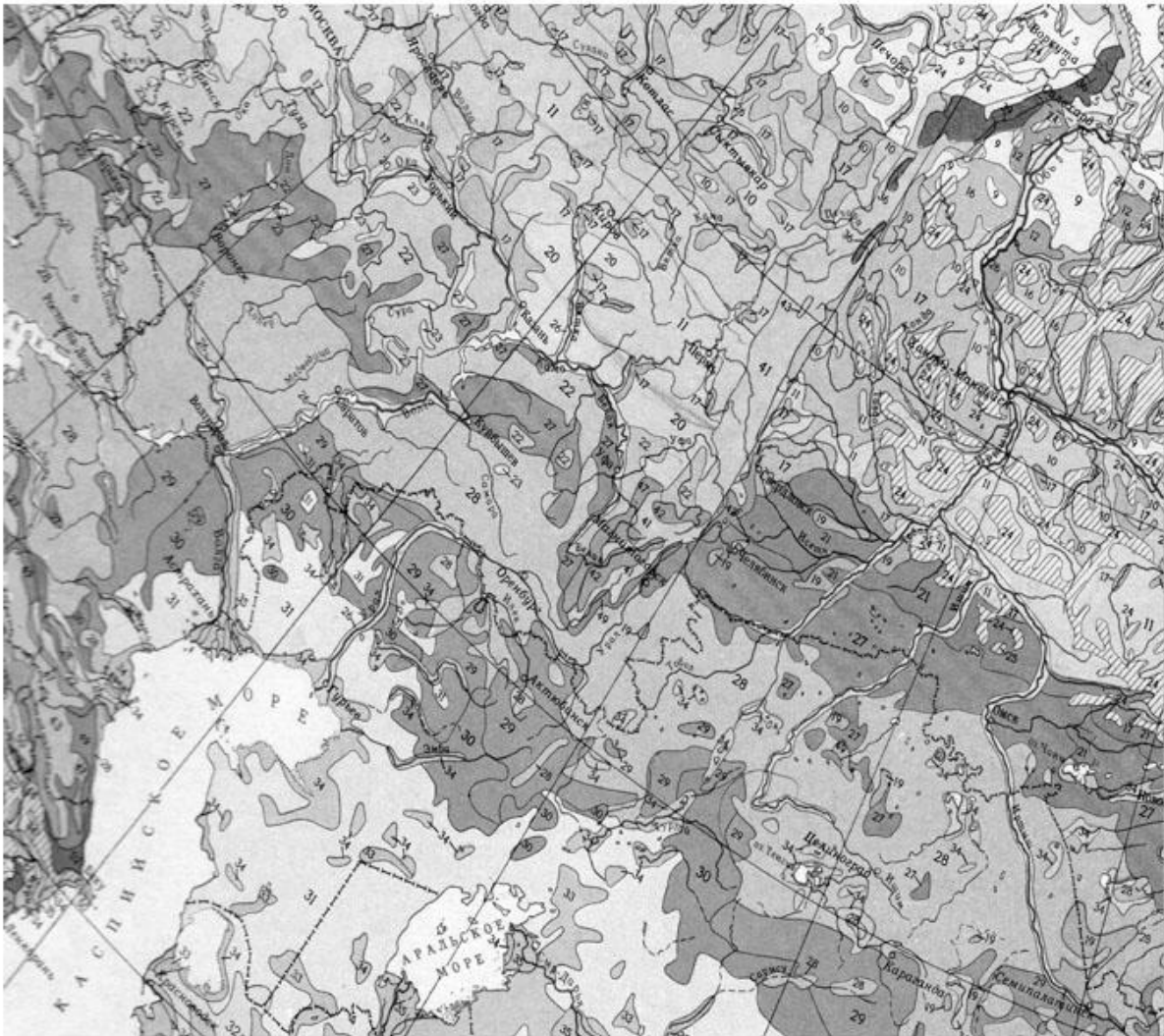
**** Нижний порог значимости 2%

** Нижний порог значимости 1%

***** Нижний порог значимости 0,8%

земл. курганами				
Кочевники Золотой Орды Приуралья с камен. курганами	0,15	0,27	0,25	-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

**Рисунок 1. Карта ландшафтных зон Урало-Поволжья
(Атлас СССР. М., 1962, с.88-89)**

10 - темнохвойные леса; 11 - темнохвойные южнотаежные леса; 20 - широколиственные хвойнотаежные; 22 - широколиственные леса; 27 - лесостепь; 28 - типичная степь; 29, 30 - полупустыня; 31 - полынные и солянковыи пустыни

Рисунок 1. Карта ландшафтного районирования Урало-Поволжья по данным середины XX века.

Рисунок 2. Степь Южного Зауралья (пятая ботанико-географическая зона). Юг Челябинской области.

Рисунок 3. Степи Зауральской степной провинции. Восточное Оренбуржье.

Рисунок 4. Западное Оренбуржье. Предуральская степная провинция.

Рисунок 5. Степи Нижнего Поволжья. Астраханская область.

Рисунок 6. Степь Нижнего Поволжья. Волгоградская область.

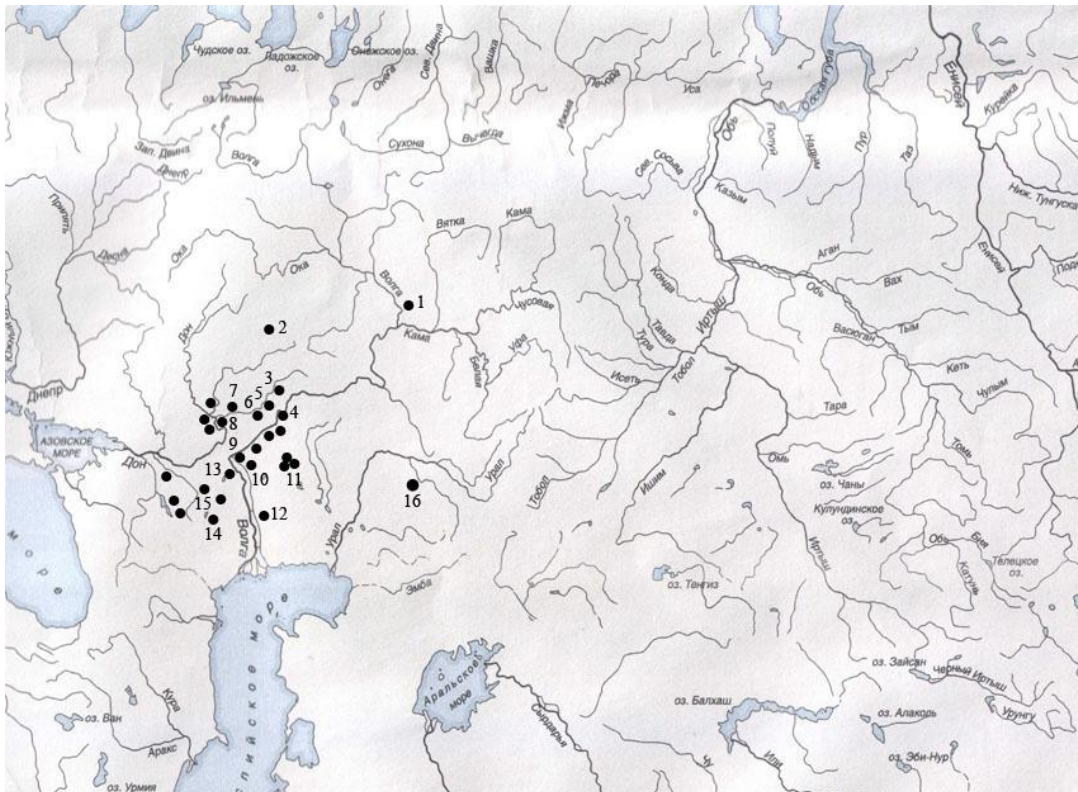

Рисунок 7. Карта памятников, на которых проводился почвоведческий анализ.

1- Казанский Кремль; 2- Лядинский могильник; 3- Линёво; 4- Белокаменка; 5- Барановка, Петрунино; 6- Ольховка; 7- Авилово; 8- Тары II; 9- Бахтияровка; 10- Маляевка V; 11- Красная деревня, Венгеловка, Эльтон; 12- Мавзолей у станции Аксарайская; 13- Абганерово II,III; 14- Цаган-Нур, Озерки; 15- Купцын-Талга; 16- Покровский.

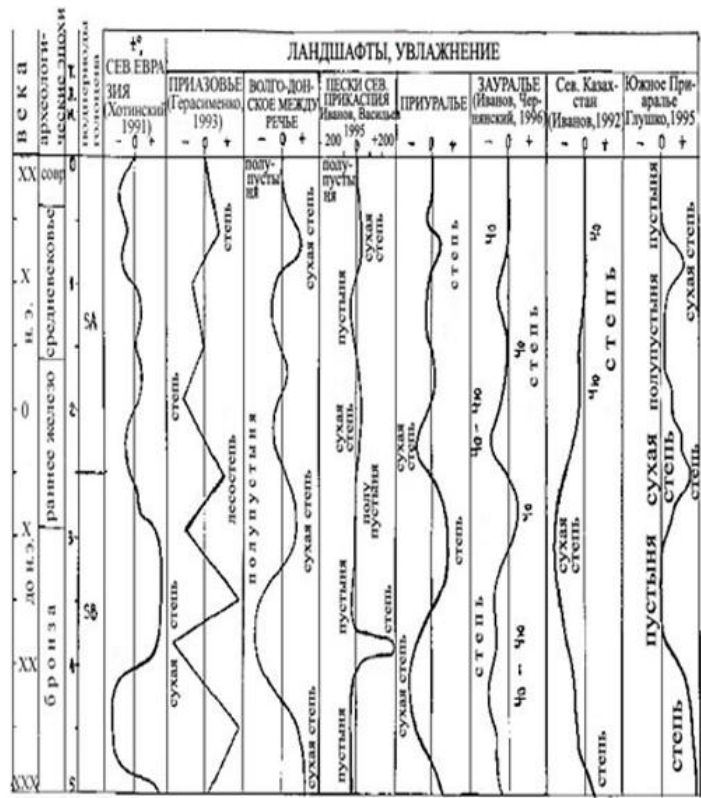

Рисунок 8. Таблица увлажнения степей Евразии в древности и средневековье (по В.А и Т.С. Демкиным).

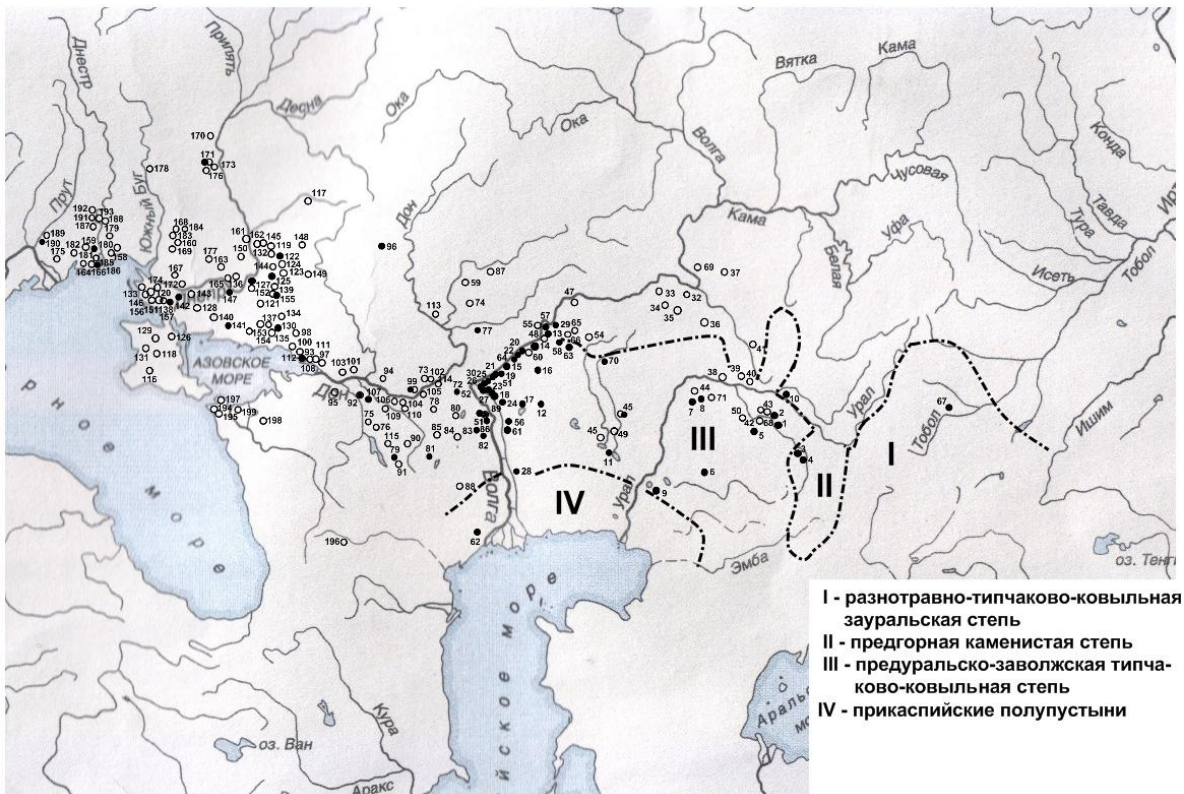

Рисунок 9. Карта курганов огузо-печенежского времени с обозначением ботанико-географических зон.

1- Увак; 2- Тамар-Уткуль; 3- Жаман-Каргала; 4- Жаман-Каргала I; 5- Болгарка I; 6- Саралжин III; 7- Челкар; 8- Челкар II,IV,V; 9- Бес-Оба; 10- Алебастровая гора; 11- Кара-Оба (Джангала); 12- Ченин; 13- Сухая Саратовка; 14- Бережновский; 15- Быковский I; 16- Кано; 17- Эльтон; 18- Ленинск; 19- Калиновский; 20- Верхний Балыклей II; 21- Рахинка; 22- Новоникольское; 23- Средняя Ахтуба; 24- Бахтияровский II; 25- Верхне-Погромное; 26- Киляковка; 27- Царев; 28- Лапас; 29- Мирный; 30- Заяры; 31- Илекиар I; 32- Кировский II; 33- Красный Октябрь I; 34- Осинковский I; 35- Александровский; 36- Волчанское; 37- Васильевский; 38- Рубежинский; 39- Яман; 40- Красный Яр; 41- Сорочинское; 42- Ак-Булак; 43- Пчельник; 44- Челкар III; 45- Кара-Су I; 46- Жана-Унем; 47- у г.Саратова; 48- Ровное; 49- Кос-Оба; 50- Покровский; 51- Барановский; 52- Волжский; 53- Заплавное; 54- Кураевский сад; 55- Иловатка; 56- Колобовка; 57- Луговское; 58- Молчанка I; 59- Никольевский; 60- Новая Молчановка; 61- Досанг; 62- Зензели; 63- Блюменфельд; 64- Политотдельское; 65- Черная Падина; 66- Фриденберг; 67- Ханская могила; 68- Буранный; 69- «Золотая Нива»; 70- хутор Степана Разина; 71- Лебедевка; 72- Заканальный; 73- Алешкин; 74- Букановский; 75- Восточный Маныч I; 76- Восточный Маныч III; 77- Глазуновский; 78- Гува I; 79- Джангар; 80- Иджил; 81- Калмбазар; 82- Капитанский хутор; 83- Кривая Лука; 84- Купцын-Толга; 85- Лола; 86- Старица; 87- Свинуха (Лесное); 88- Цаган-Усн; 89- Черноярский; 90- Чограй; 91- Элистинский; 92- Арпачин; 93- Беглиця; 94- Богоявленское; 95- Высочино IV; 96- Гаевка; 97- Лакедемоновка; 98- Русский колодец; 99- Саркел; 100- Кривой Лиман; 101- Дубенцовский; 102- Елисаветинский; 103- Кагальник; 104- Кулешовка; 105- Ново-Александровский; 106- Романовский; 107- Слободской; 108- Тузлуки; 109- Центральный; 110- Четыре брата; 111- Покровское; 112- Голодаевка; 113- Высокая гора; 114- Первомайский VII; 115- Яшкуль; 116- Аккермень; 117- Александровский II; 118- Атманай; 119- Афанасьевский; 120- Бабенковский; 121- Большемихайловка IV; 122- Бузовка; 123- Вербки; 124- Верхняя Маевка; 125- Вильнянка; 126- Джанкой; 127- Днепрорудный; 128- Долинский; 129- Казанский; 130- Каран; 131- Карасу; 132- Котовка; 133- Красное; 134- Мал.Янисол; 135- Ласки; 136- Марьевский I; 137- Новогригорьевский; 138- Ново-Каменка; 139- Новониколаевский I; 140- Ново-Филипповка; 141- Ясиноватое; 142- Первоконстантиновка; 143- Первомаевский; 144- Переездная; 145- Пролетарское; 146- Рядовые могилы; 147- Рясные могилы; 148- Славянск; 149- Чермалык; 150- Шандровка; 151- Шевченко; 152- Широкое; 153- Ровнополь; 154- Рыбинское; 155- Большемихайловка; 156- Новочерноморье; 157- Скадовский; 158- Аккерманские сады; 159- Антоновский; 160- Беляевский; 161- Благовещенский; 162- Большемихайловка II; 163- Большемихайловка IV; 164- Борисовский; 165- Верхнетарасовский; 166- Веселый Кут; 167- Дудчаны; 168- Дымовка; 169- Желтый Яр; 170- Забара; 171- Зеленки; 172- Змиевский; 173- Кагарлык; 174- Каланчакский; 175- Каменский; 176- Краснополка-Кагарлык; 177- Криворожский; 178- Мигеи; 179- Мирное; 180- Нерубайское; 181- Плавни; 182- Сарата; 183- Соколовка; 184- Старогороженое; 185- Траповка; 186- Тузла; 187- Холмское; 188- Гребенники; 189- Гура-Быкулуй; 190- Корпач I; 191- Кырнацены; 192- Олонеиты; 193- Парканы; 194- Бесленевский; 195- Бугазский; 196- Новоселицкий; 197- Приазовский I; 198- Поповический; 199- Артюшенко.

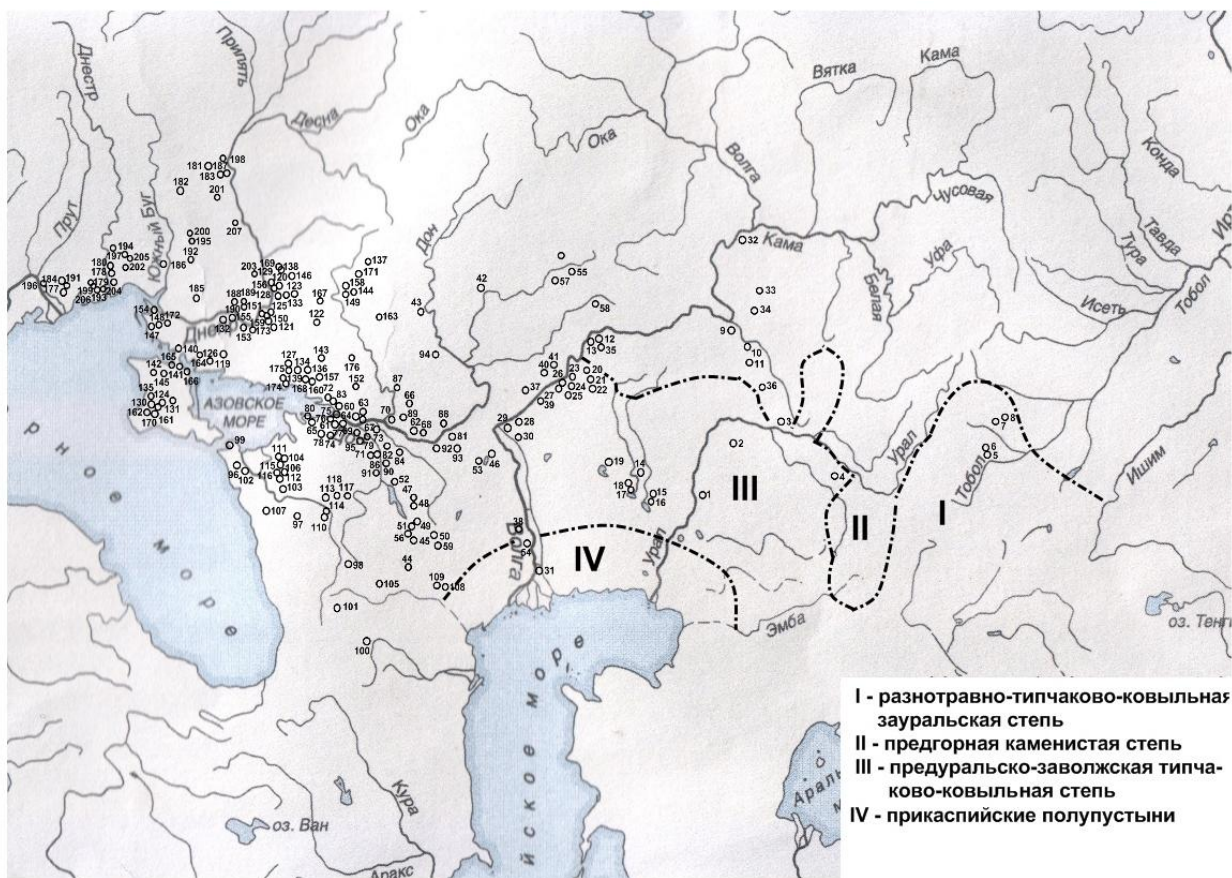

Рисунок 10. Карта кыпчакских/половецких курганов с обозначением ботанико-географических зон.

1- Базар-Тобе; 2- Лебедевка VII; 3- Белый Ключ; 4- Буранчи I; 5- Змеиный Дол; 6- Каинсай; 7- Третий Плес; 8- Солнце; 9- Белозерское; 10- Покровский; 11- Ново-Троевка; 12- Покровск (Энгельс); 13- Квасниковка; 14- Курпе-Бай; 15- Джангала; 16- Джангала I; 17- Джангала. Новая Казанка; 18- Джангала. Кара-Оба; 19- Озеро Раим; 20- Мирный (Фриденберг); 21- Визенмиллер I; 22- Харьковка I; 23- Ровное; 24- Бережновка. Южная Гр.; 25- Бережновка I; 26- Политотдельское; 27- Бережновка; 28- Калиновский; 29- Красный Октябрь; 30- Бахтияровка II; 31- Сероглазово; 32- Бабий бугор; 33- Надеждинское; 34- Белозерское; 35- Скатовка; 36- Покровский; 37- Барановка; 38- Косика; 39- Быково I; 40- Солянка I; 41- Иловатка; 42- Шемякинский; 43- Ольховатка; 44- Восточный Маньч; 45- Чограйский; 46- Купцын-Толга; 47- Архаринский; 48- Лола V; 49- Элистинский; 50- Волга-Чограй; 51- Гашунский; 52- Долина Восточного Маньча; 53- Лиман Цаган-Нур; 54- Никольское V; 55- Таттулино; 56- Три Брата; 57- Лесное (Свинуха); 58- Ершовка; 59- Цаган-Усн; 60- Бубнов Ерик V; 61- Азов I; 62- Богоявленский; 63- Верхне-Яченков; 64- Грушевский; 65- Елизаветинский; 66- Журавский; 67- Камышеваха; 68- Кастырский VI; 69- Крепинский; 70- Матюхин бугор; 71- Маяк II; 72- Морской Чулек; 73- Надежновка I; 74- Нижняя Козинка; 75- Новоалександровка; 76- Сонино; 77- Аглос; 78- Ново-Батайск; 79- Верхний Янченков; 80- Пелипенковская; 81- Первомайский VII; 82- Романово II; 83- Русский Колодец; 84- Сальские; 85- Третьяки; 86- у хут.Веселый; 87- Усть-Белокалитвинск; 88- Холодный I; 89- Редкодуб I; 90- Шахаево II; 91- Южный; 92- Ясырев I; 93- Харинка; 94- Вerveковка; 95- Тузлуки; 96- Абинская; 97- Ахметовская; 98- Бешпагур; 99- Бугадский; 100- Буденетово II; 101- Кужорская; 102- Курчанская станица; 103- Ладожская; 104- Лебеди I; 105- Новоселицкое; 106- Овальный; 107- Псебайская; 108- Туркменский отряд; 109- Чограй-8; 110- Радуга; 111- Малаи; 112- Новотитаровская; 113- Дмитриевская; 114- Темижбекская; 115- Северный; 116- Бураковская; 117- Южное; 118- Кривенький; 119- Аккермень; 120- Афанасьевка; 121- Большемихайловка I,II; 122- Великая могила; 123- Вербки II,IV; 124- Вилино; 125- Вильно-Грушевка; 126- Владимировский; 127- Волновахи; 128- Георгиевское; 129- Дмухайловка; 130- Земля Плешковой; 131- Казанка; 132- Кауры; 133- Каменка; 134- Каменский; 135- Кара-Кият; 136- Каран; 137- Ковалевка; 138- Колпаковка XXVII; 139- Колхоз «Прогресс»; 140- Краснопереконский;

141- Куреевка; 142- Луговское; 143- Макеевка; 144- Малая Камышеваха; 145- Мартыновка; 146- Марьевка III; 147- Морская Кошара; 148- Николаевка; 149- Николаевский; 150- Новоалександровка; 151- Новогригорьевка; 152- Ново-Ивановка; 153- Носаки; 154- Облои; 155- Первомаевка; 156- Пески; 157- Полковое; 158- пос.Студенок; 159- Рясные могилы; 160- Самойловка; 161- Симферополь; 162- Совхоз «Красный»; 163- Сосновка; 164- Терновка; 165- Филатовка; 166- Целинное; 167- Черевков; 168- Чермалык; 169- Чернечина; 170- Чокурча; 171- Щуркино Поле; 172- Юбилейное; 173- Ясиноватая; 174- Огородное; 175- Новоандреевка; 176- Новониколаевка; 177- Баштановка; 178- Беляевка; 179- Великодолинское; 180- Дзинилор; 181- Зеленки; 182- Земля Москопуло; 183- Кагарлыцкая слобода; 184- Каменка; 185- Кирова; 186- Ковалевка II; 187- Краснополка; 188- Круглая могила; 189- Николаевский; 190- Новогригорьевка; 191- Новокаменка; 192- Новорозановка; 193- Павловка; 194- Парканы; 195- Пеллаевка; 196- Плавни; 197- Плоское; 198- Россава; 199- Сарата; 200- Старогороженое; 201- Степанцы; 202- Сукля; 203- Сухая Калина; 204- Траповка; 205- Флоринское; 206- Фриденсфельд; 207- Яблонька.

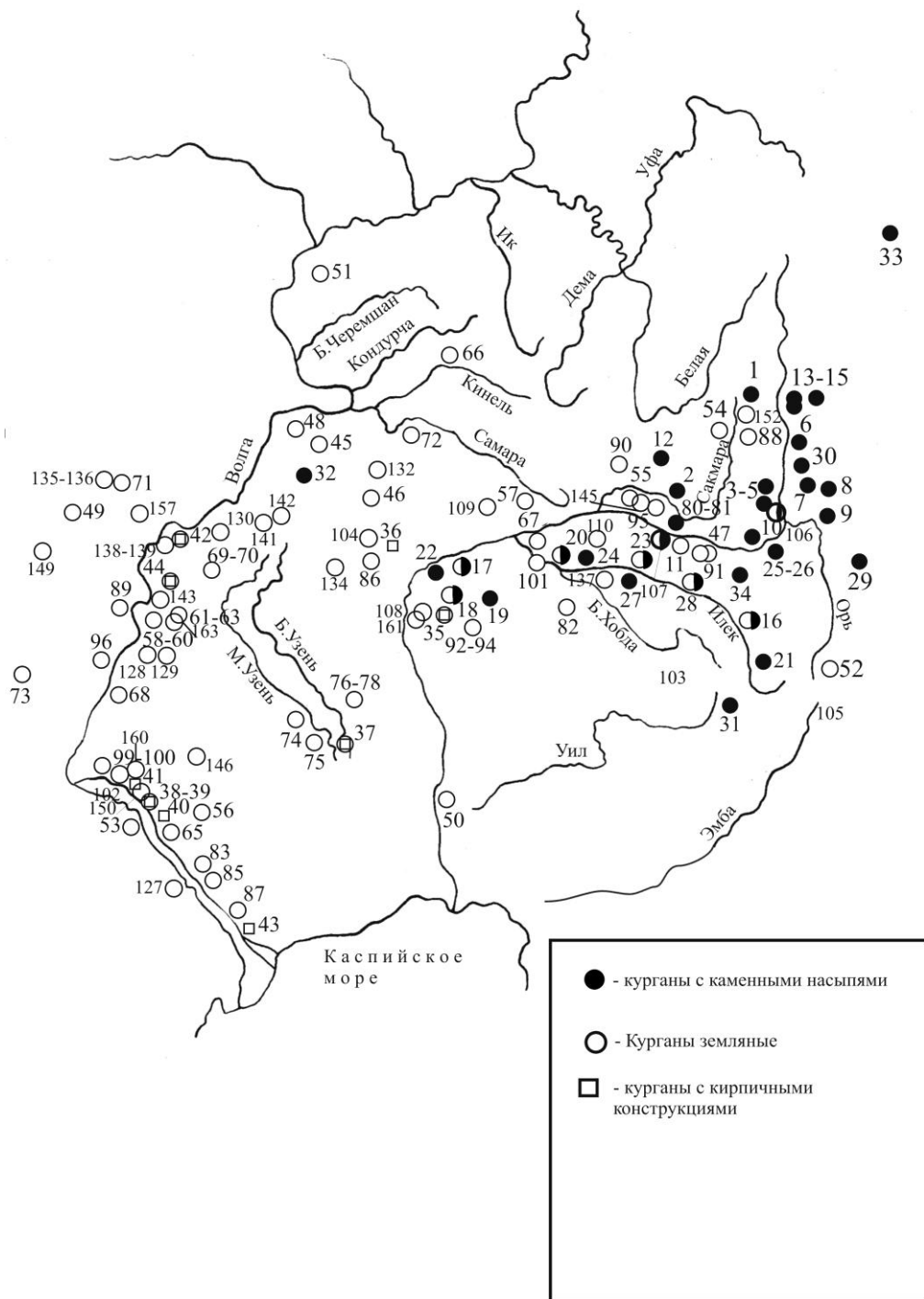

Рисунок 11. Карта курганов золотоордынского времени (XIII – XIV вв.) в Урало-Поволжье.

1- Ишкуловский II; 2- Тлявгуловский; 3- Новый Кумак; 4- Новый Кумак II; 5- Новый Кумак III; 6- Покровский IV; 7- Большевик II; 8- Большевик III; 9- Комсомольский VI; 10- Хабаровый I; 11- Новочеркасский VII; 12- Андреевский; 13- Агаповский I; 14- Агаповские горы 10; 15- Агаповские горы 19; 16- Жаксы-Каргала; 17- Жарсуат; 18- Жаман-Каргала I; 19- Лебедевка IV; 20- Линеvский одиночный; 21- Шпаки II; 22- Алебастрово II; 23- Мертвецовский; 24- Пчельник; 25- Худай-Берген III; 26- Худай-Берген IV; 27- Тамар-Уткуль; 28- 2-я верста от Илецкой заццтты; 29- Озерновский III; 30- Березовский V; 31- Новая База II; 32- Пугачев; 33- Федоровка; 34- Салтак I; 35- Лебедевка VIII; 36- Озеро Раим; 37- Мокринский I; 38- Бахтияровка II; 39- Бахтияровка III; 40- Колобовка; 41- Маляевка; 42- Зауморье; 43- Маячный бугор; 44- Ровное; 45- Абашевский; 46- Августовка; 47- Алабайтал; 48- Александровский; 49- Аткарский; 50- Базар-Тюбе I; 51- Балымерский; 52- Байджигит; 53- Барановский; 54- Башкир-Беркутово; 55- Башкирское стойло;

56- Белокаменка; 57- Белый Ключ; 58- Бережновский; 59- Бережновский I; 60- Бережновский II; 61- Блюменфельд; 62- Блюменфельд, Группа А; 63- Блюменфельд, Гр. Б; 64- Боаро; 65- Болхуны; 66- Бугуруслановский I; 67- Буранчи I; 68- Верхне-Погромное; 69- Визенмиллер II; 70- Визенмиллер III; 71- Выгон г.Петровска; 72- Гвардейцы; 73- Гусевка; 74- Джангала, Сарайдин; 75- Джангала; 76- Джангала (Нов.Казанка); 77- Джангала, Кара-Оба; 78- Джангала, Сарайдин II; 79- Кардаилловский; 80- Жанаталапские; 81- Жанаталапский II; 82- Жарсуат I; 83- Заплавное; 84- Курнаевка; 85- Заяры; 86- Зеленый; 87- Золотушинская. Северная гр.; 88- Ивановские IV; 89- Иловля; 90- Имангулово II; 91- Казенная мельница; 92- Лебедевка II; 93- Лебедевка IV; 94- Лебедевка VI; 95- Каменно-Озерный; 96- Камышин; 97- Каратугайская волость; 98- Кировский III; 99- Колобовка; 100- Колобовка IV; 101- Линеvский; 102- Ленинское; 103- Мамбеталы; 104- Мамбетбай; 105- Новая База; 106- Новый Кумак; 107- Урал; 108- Челкар IV,V; 109- Мустаево V; 110- Лиман.

Графический формат рисунка затрудняет дальнейшее нанесение значков. Поэтому ниже дается продолжение списка известных в Урало-Поволжье курганов XIII - XIV вв:

111- Козицкое; 112- Кара-Оба; 113- Кеппенталь; 114- Крутец; 115- Линеvский одиночный; 116- Лопатинский; 117- Лысые горы; 118- Мало-Халиловский; 119- Маляевка; 120- Мариенталь; 121- Марьевка; 122- Мечей-Киров; 123- Мечетное городище; 124- Мирный (Фриденберг); 125- Мирный (Фриденберг) II; 126- Молчановка I,III; 127- Никольское I; 128- Новая Меловатка; 129- Новая Молчановка; 130- Ново-Липовка; 131- Новоорский I; 132- Новопавловский; 133- Новый Кумак II; 134- Ногай-Чижен; 135- Петровск; 136- Петровск III; 137- Покровка I; 138- Покровск; 139- Покровск. Южная гр.; 140- Покровский; 141- Потемкино; 142- Пугачев; 143- Ровное; 144- Родионовка; 145- Россытинские; 146- Сайхин; 147- Сарбулат II; 148- Скатовка; 149- Слобода Рудня; 150- Солодовка II; 151- Суслы; 152- Тавлыкаевский II; 153- Тамар-Уткуль; 154- Терновка; 155- Тонкошуровка; 156- у Обелиска Славы (г.Орск); 157- Усть-Курдюм; 158- Харьковка; 159- Харьковка. Группа Б; 160- Царевский; 161- Челкар V; 162- Шипово (Каменный); 163- Штрасбург; 164- Шульц; 165- Ютаевский.

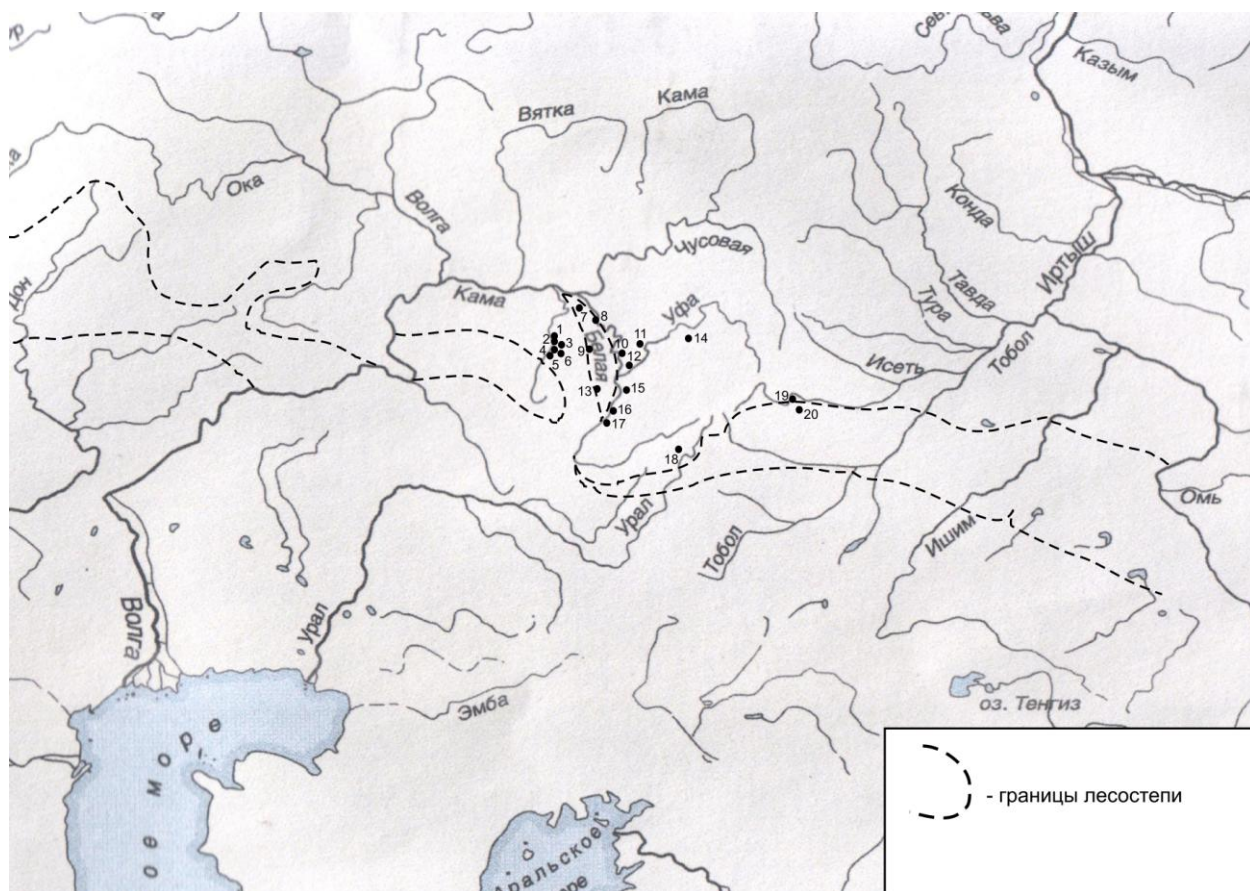

Рисунок 12. Карта памятников постпетрогромского/чияликского типа (X – XIV вв.) на Южном Урале.

1– Староваряжский I мог.; 2– Старо-Варяжский II; 3– Ново-Сасыкульский; 4– Куштиярский; 5– Ново-Сарлинский; 6– Тукмак-Каранский; 7– Азметьевский; 8– Кушулевский; 9– Сынтыштамакский; 10– Карабызское гор.; 11– Мрясимовский; 12– Уфимское (Чортово) гор.; 13– Нижне-Хозятковский мог., Горновское пос. и мог.; 14– Каранаевский; 15– погребения на Охлебининском гор.; 16– Бурлинский; 17– погребения на горе Шах-Тау; 18– Муракаевский; 19– Смолино; 20– на оз.Синеглазово.

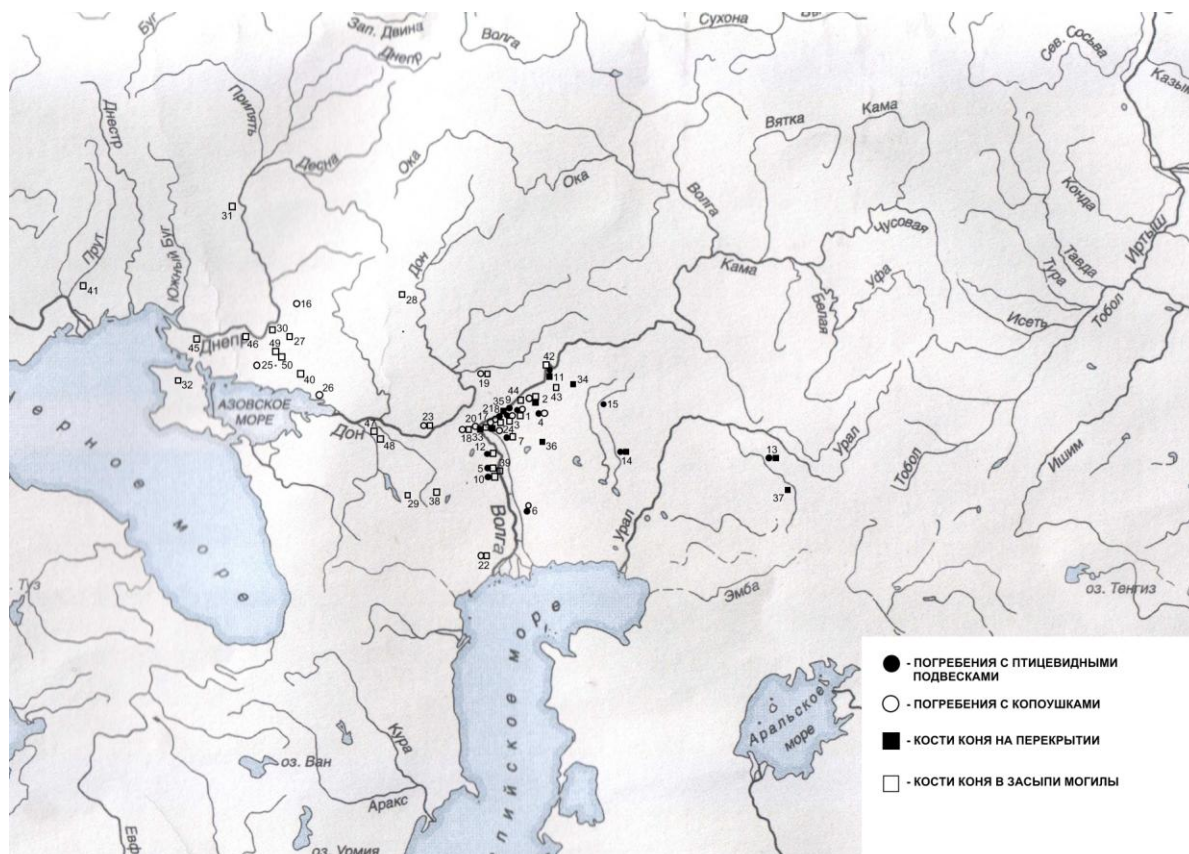

Рисунок 13. Карта курганов с выраженными огузскими признаками в степях Восточной Европы.

1- Калиновский; 2- Верхний Бальклей II; 3- Рахинка; 4- Кано; 5- Барановский; 6- Лапас; 7- Бахтияровский II; 8- Средняя Ахтуба; 9- Верхне-Погромное; 10- Капитанский хутор; 11- Лесное (Свинуха); 12- Старица; 13- Увак; 14- Кара-Су; 15- хутор Степана Разина; 16- Бузовка; 17- Киляковка; 18- Волжский; 19- Глазуновский; 20- Заяры; 21- Бережновка; 22- Зензели; 23- Саркел; 24- Ленинск; 25- Ясиноватое; 26- Голодаевка; 27- Вильнянка; 28- Гаевка; 29- Джангар; 30- Днепрорудный; 31- Зеленки; 32- Казанский; 33- Царев; 34- Кураевский сад; 35- Быковский I; 36- Ченин; 37- Жаман-Каргала; 38- Калмбазар; 39- Чернойарский; 40- Каран; 41- Корпач; 42- Иловатка; 43- Сухая Саратовка; 44- Политотдельское; 45- Первоконстантиновка; 46- Рясные могилы; 47- Арпачин; 48- Слободской; 49- Большемихайловка.

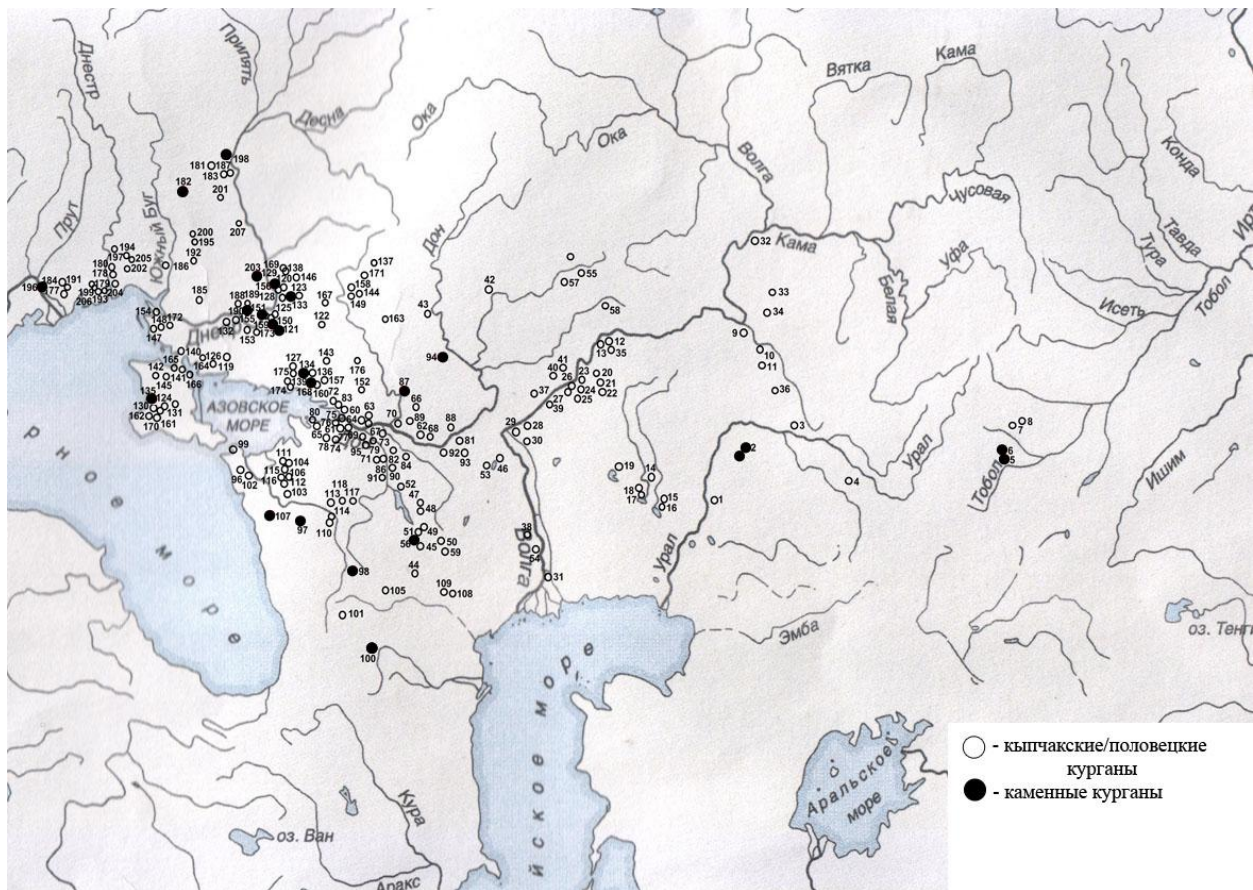

Рисунок 14. Карта распространения половецких/кыпчакских погребений под каменными курганами.

2- Лебедевка VII; 5- Змеиный Дол; 6- Каинсай; 56- Три Брата; 87- Усть-Белокалитвинск; 94- Вerveковка; 97- Ахметовская; 98- Бешпагир; 100- Буденетово II; 107- Псебайская; 121- Большемихайловка I,II; 124- Вилино; 134- Каменский; 133- Каменка; 150- Новоалександровка; 151- Новогригорьевка; 168- Чермалык; 182- Земля Москопуло; 190- Новогригорьевка; 196- Плавни; 198- Россава; 203- Сухая Калина.

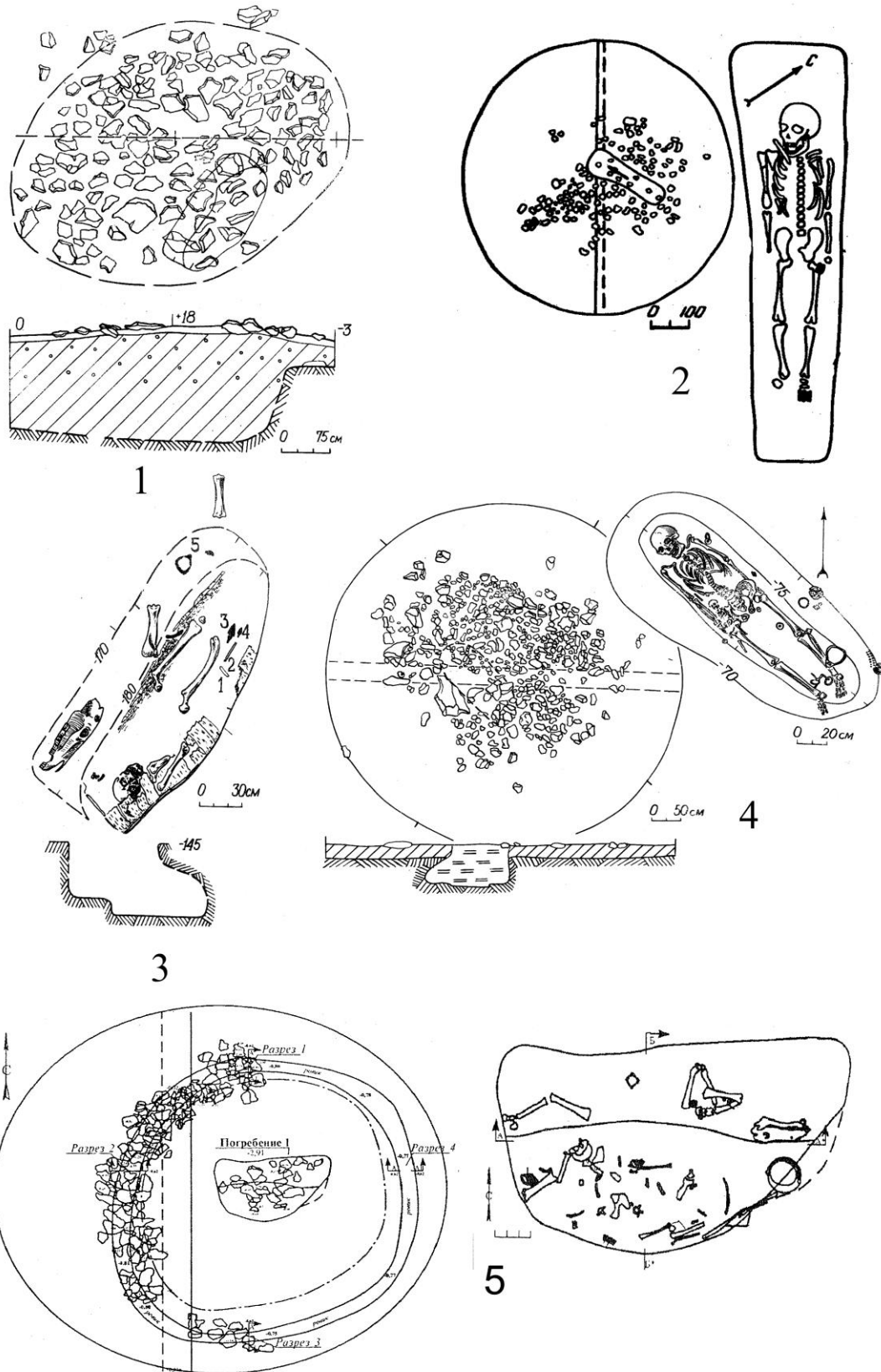

Рисунок 15. Типы половецких погребений под каменными курганами.
 1,3— Змеиный Дол, к.2; 2— Лебедевка VII, к.6; 4— Каинсай, к.5; 5— Большое Озеро, к.11.

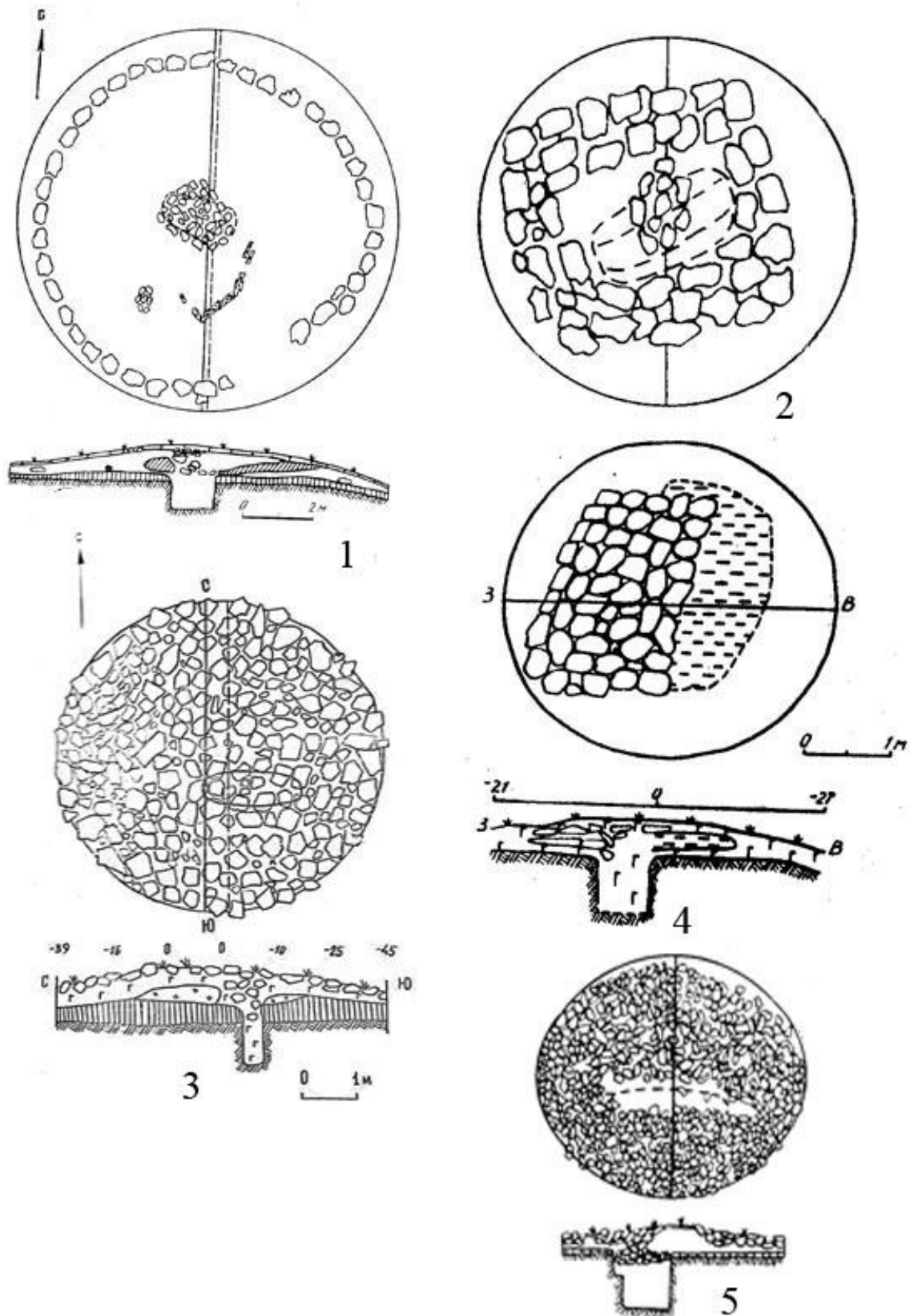

Рисунок 16. Типы комбинированных каменных курганов.

1– у пос.Урал, к.5; 2– Урта-Буртя, к.2; 3– у пос.Большевик, к.2; 4– Новочеркасский, к.2; 5– Новый Кумак, к.3.

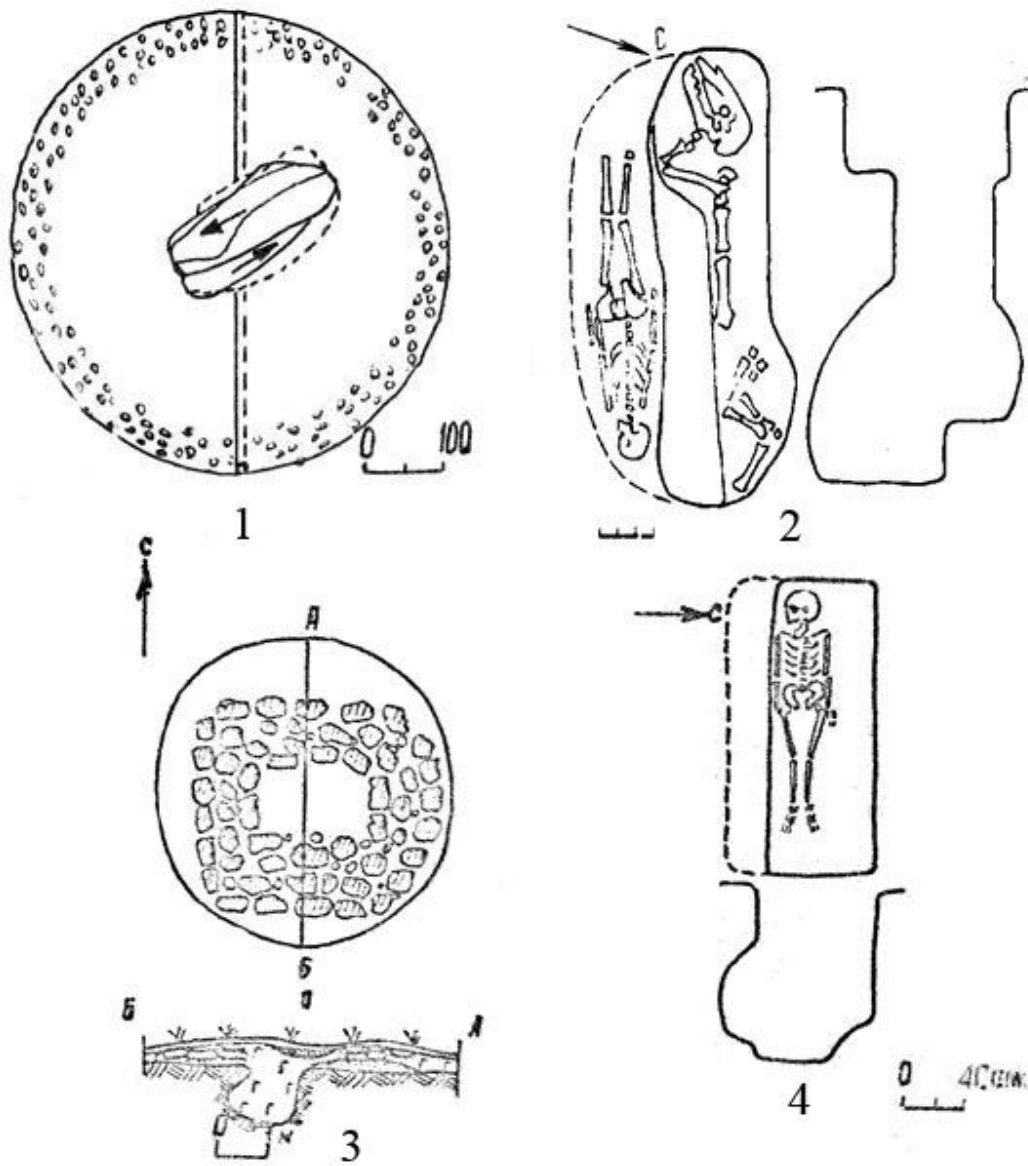

Рисунок 17. Золотоордынские погребения с устойчивой корреляцией признаков.
 1,2- Лебедевка VIII, к.6; 3,4- Ишкюловский II, к.2.

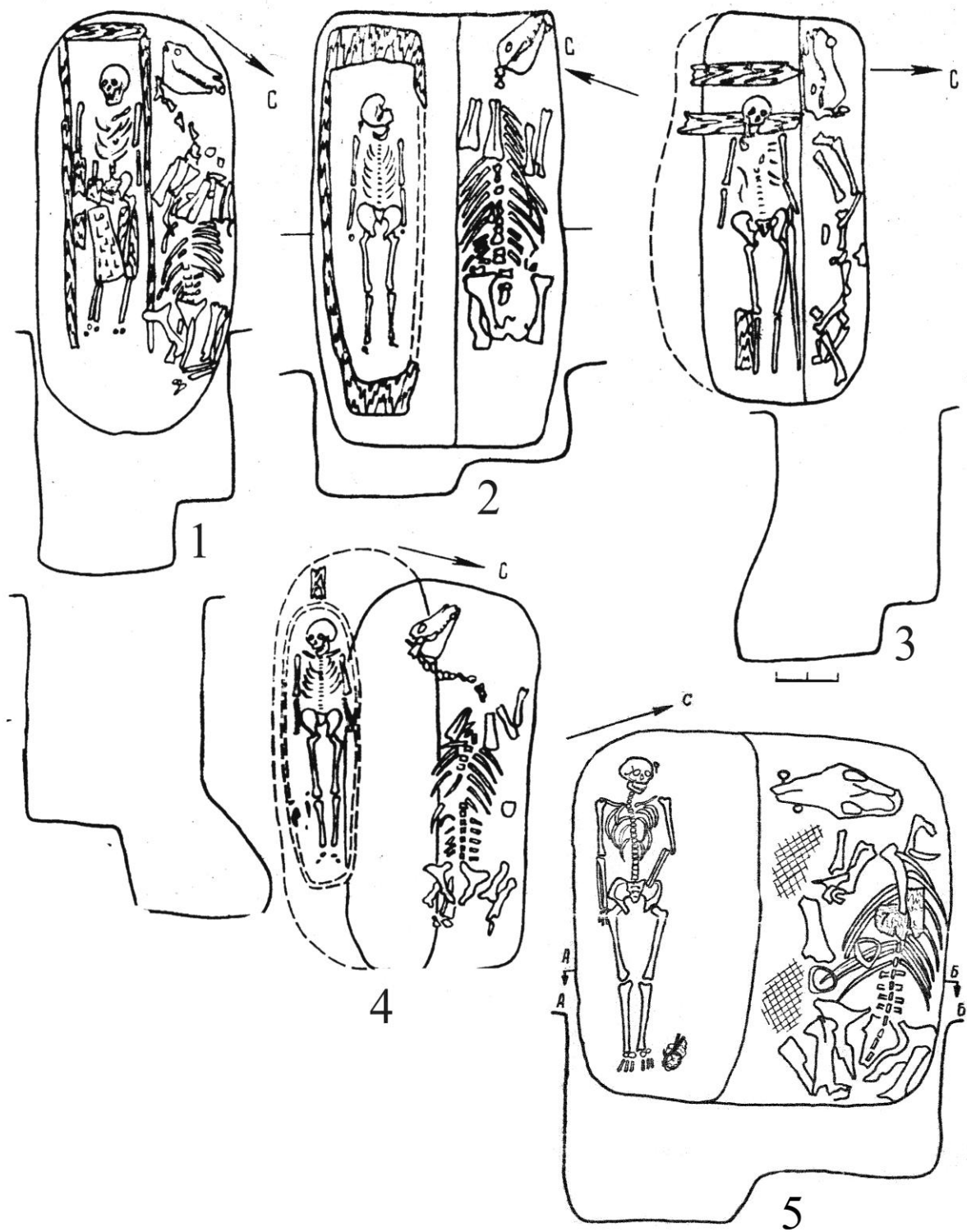

Рисунок 18. Золотоордынские погребения с конями.
 1—Новый Кумак, к. 8; 2—к. 14; 3—к. 2; 4—к. 28; 5—у пос. Большевик-II, к. 1.

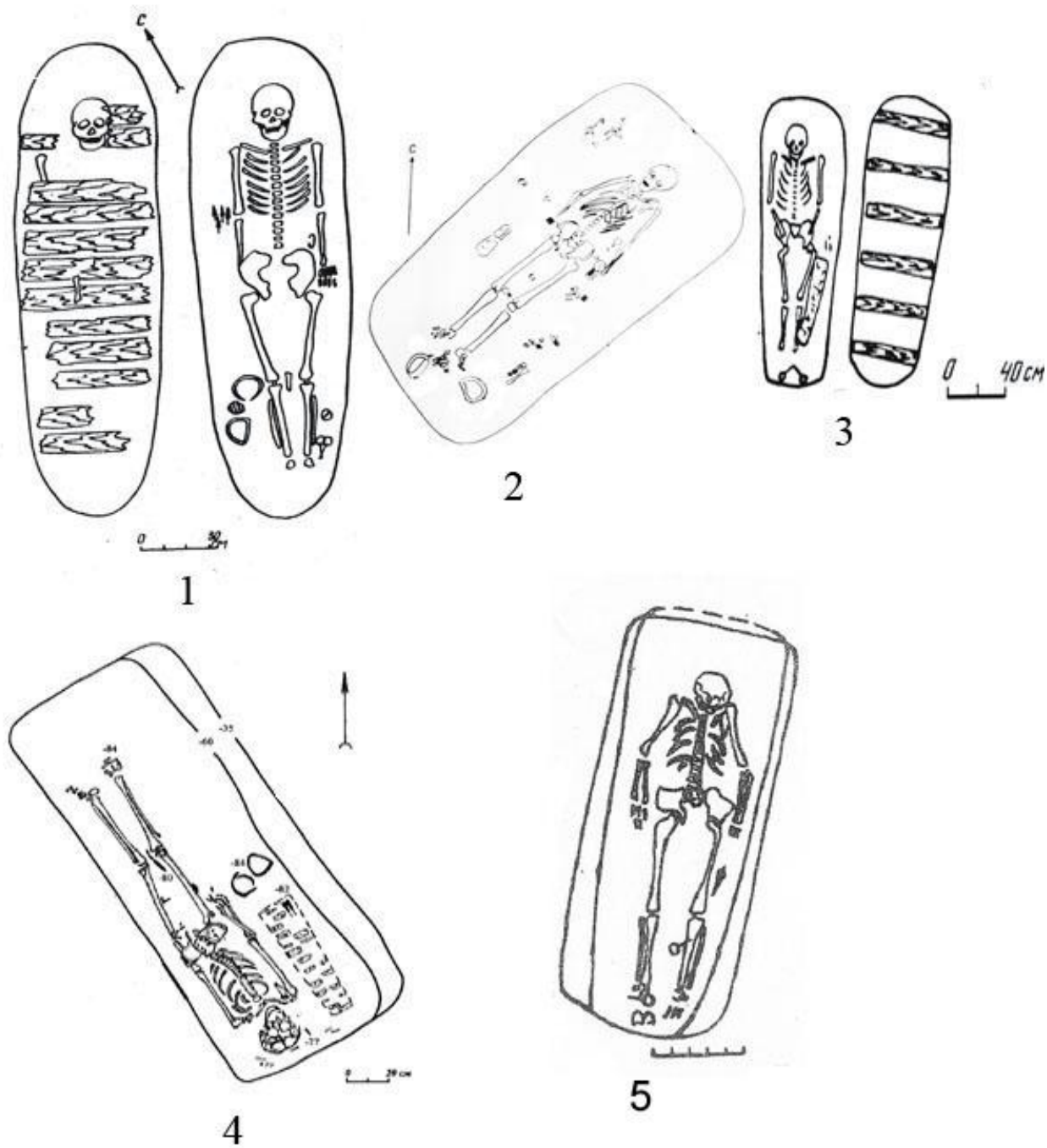

Рисунок 19. Золотоордынские погребения с конской сбруей.

1– Новочеркасский VII, к.1; 2– Канал Волга-Чограй, к.7; 3– Новый Кумак II, к.2; 4– Сарбулат-2, к.3; 5– Абганерово II, к.10.

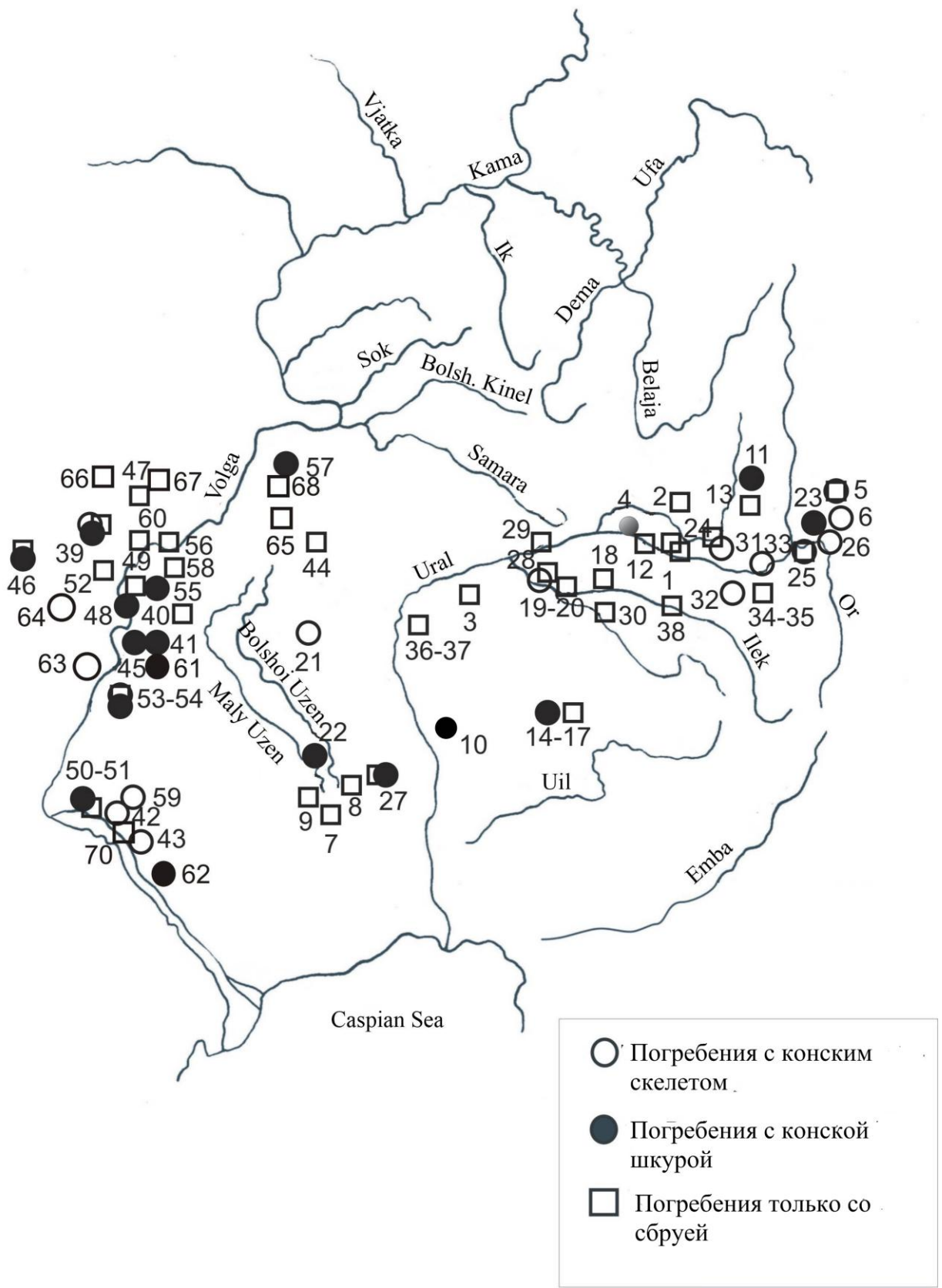

Рисунок 20. Карта могильников XIII – XIV вв. Урало-Поволжья со «всадническими погребениями».

1- Алабайтал; 2- Андреевский; 3- Алебастрово II; 4- Башкирское стойло; 5- Белый Ключ; 6- Большевик II; 7- Большевик III; 8- Джангала; 9- Джангала (Нов.Казанка); 10- Джангала, Сарайдин; 11- Жаксы-Каргала; 12- Жарсуат I; 13- Ивановские IV; 14- Каменно-Озерный; 15- Кара-Оба; 16- Комсомольский VI; 17- Лебедевка IV; 18- Лебедевка II; 19- Лебедевка VI; 20- Лебедевка VIII; 21- Лиман; 22- Линеvский одиночный; 23- Линеvский; 24- Мечей-Киров; 25- Мокринский I; 26- Новоорский I; 27- Новочеркасский VII; 28- Новый Кумак; 29- у Обелиска Славы; 30- Озеро Раим; 31- Пчельник; 32- Россытинский; 33- Тамар-Уткуль; 34- Тлявгуловский; 35- Урал; 36- Хабарный I; 37- Худай_Берген III; 38- Худай-Берген IV; 39- Челкар IV; 40- Челкар V; 41- 2-я верста от Илецкой защиты; 42- Даниловка; 43- Слобода Рудня; 44- Маляевка; 45- Колобовка; 46- Аткарск; 47- Мордово; 48- Терновка; 49- Бахтияровка II; 50- Бахтияровка III; 51- Бережновка; 52- Покровск; 53- Визенмиллер II; 54- Визенмиллер III; 55- Казичкое; 56- Зауморье; 57- Свинуха (Лесное); 58- Дмитриевка; 59- Новопавловка; 60- Кировский III; 61- Абганерово; 62- Фриденберг; 63- Золотушинская слобода; 64- Абганерово II; 65- Бережновка I; 66- Верхне-Погромное; 67- Заяры; 68- Курнаевка; 69- Солодовка II.

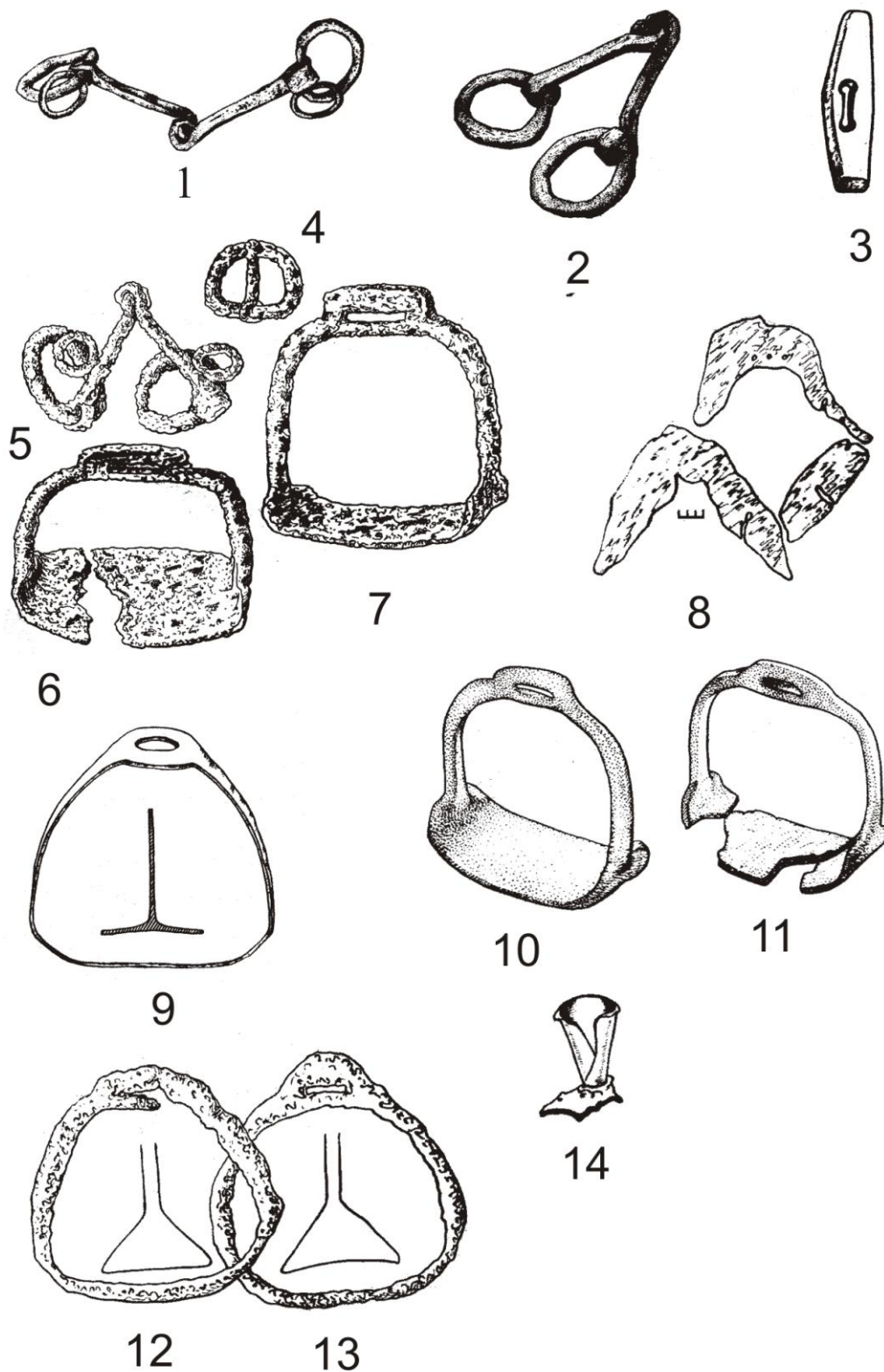

Рисунок 21. Принадлежности конской сбруи из «всаднических погребений XIII – XIV вв. Южного Приуралья».

Рисунок 22. Ареал огузских курганов Нижнего Заволжья относительно границ Хазарии.

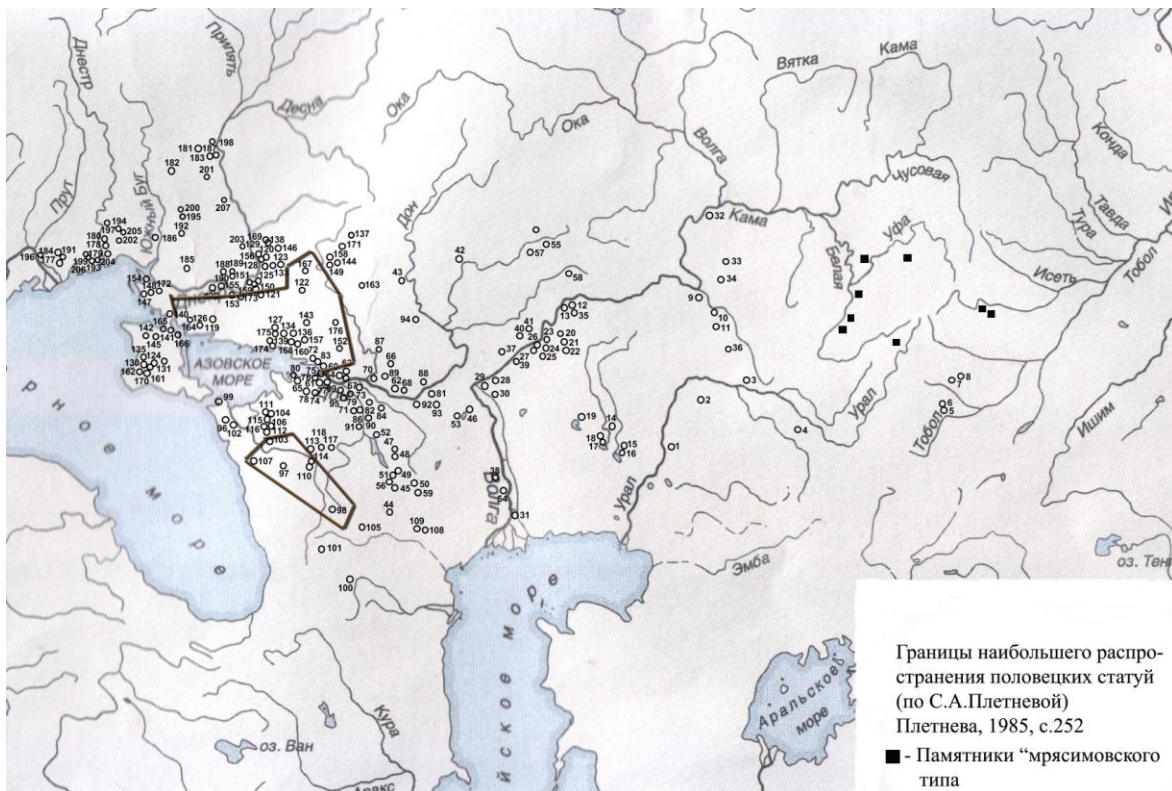

Рисунок 23. Карта половецких курганов и ареалов наибольшей концентрации половецких каменных изваяний в степях Восточной Европы.

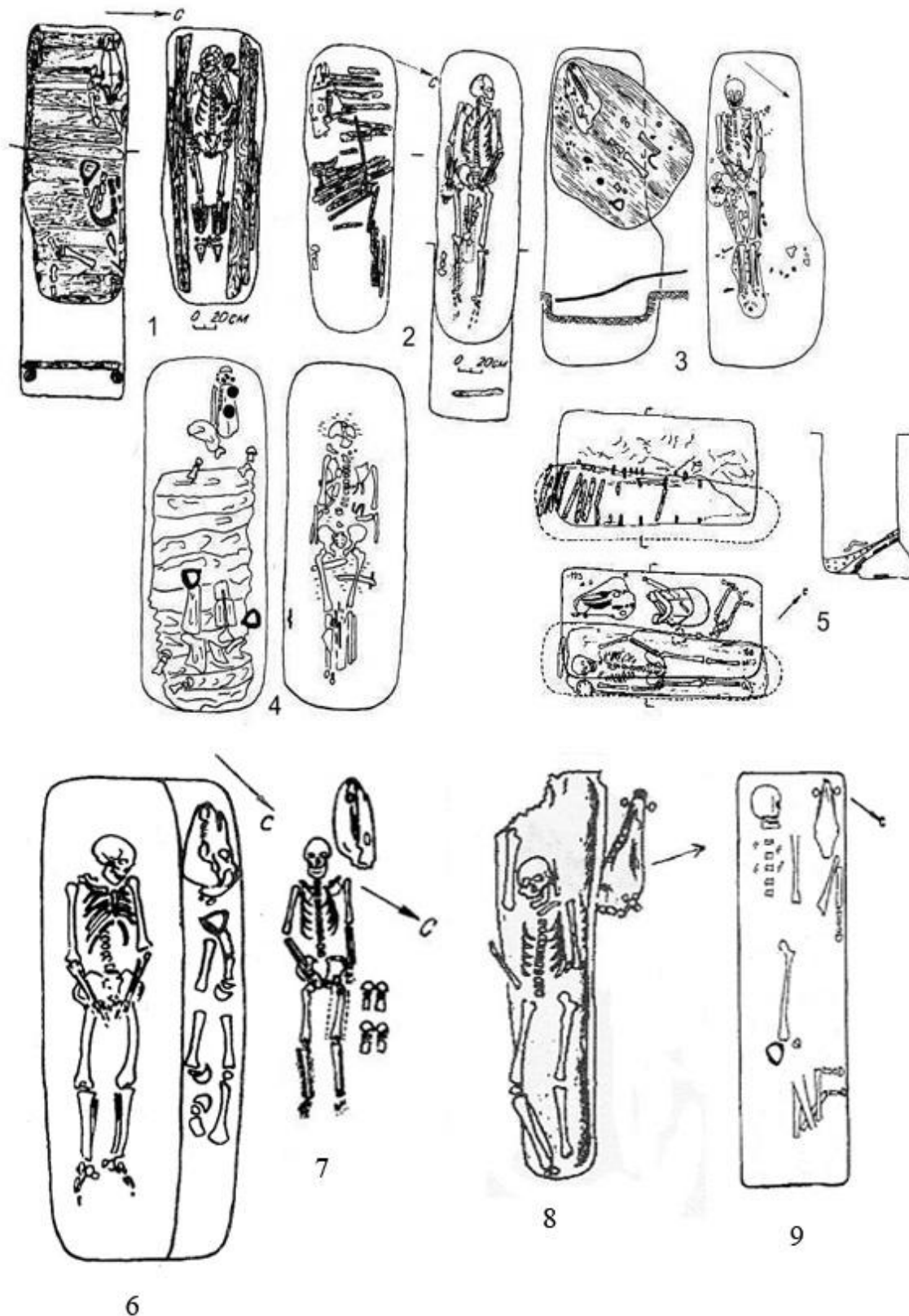

Рисунок 24. Типы погребений огузов (1-5) и печенегов (6-9).

1— Увак; 2— Быково I, к.16/9; 3— Ченин, к.8/4; 4— Верхний Бальклей II, к.5/1; 5— Болгарка, к.1/3; 6— Козицкое, к.1/1; 7— Ровное; 8— Алебастровая гора; 9— Свинуха, к.11.

В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович, Я.В.Пилипчук

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 20.11.2014.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 23,5. Уч.-изд. л. – 23,3.

Тираж 100 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а